

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

*

АНТОНИО
ГРАМШИ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ТРЕХ
ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1957

АНТОНИО
ГРАМШИ

ТОМ
ВТОРОЙ

ПИСЬМА
ИЗ ТЮРЬМЫ

Перевод с итальянского

Т. С. ЗЛОЧЕВСКОЙ и Е. А. ШУХТ

Под редакцией К. Ф. МИЗИАНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1957

ANTONIO GRAMSCI

LETTERE DAL CARCERE

ROMA

1953

Редакция литературы по историческим наукам

Заведующий редакцией

кандидат исторических наук И. П. СЕМИН

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Не все письма, написанные Антонио Грамши за время десятилетнего пребывания в тюрьме, вошли в книгу, которую мы предлагаем вниманию читателя. Некоторые из них, утерянные в годы войны и фашизма, так и не удалось до сих пор обнаружить; другие, носящие сугубо личный, семейный характер, не было сочтено нужным опубликовывать. По тем же соображениям были сделаны некоторые купюры и в публикуемых письмах. Таким образом, был произведен известный отбор, но отбор весьма широкий и более чем достаточный для того, чтобы дать ясное представление о тяжких невзгодах и переживаниях, выпавших на долю Грамши, о его закалке человека и революционера, о его умственных и духовных интересах, о его огромной, глубокой человечности.

Антонио Грамши, секретарь коммунистической партии и депутат парламента, был арестован вечером 8 ноября 1926 года в Риме, в доме № 25 по улице Марганьи, в квартире супругов Пассарж, у которых он снимал меблированную комнату. После шестнадцатидневного заключения в тюрьме Реджина Чёли он был отправлен на остров Устику, где по приговору должен был отбыть пять лет ссылки. 7 декабря Грамши прибыл к месту назначения, но против него было возбуждено дело перед Особым трибуналом — он обвинялся в заговоре с целью свержения государственной власти, в подстрекательстве к гражданской войне, в разжигании классовой ненависти, в потворстве преступлению и в подрывной пропагандистской деятельности, — и 20 января 1927 года ему пришлось покинуть этот остров: Грамши отправили в миланскую тюрьму Сан Витторе.

После окончания следствия, в мае 1928 года, Грамши был вновь перевезен в римскую тюрьму, где ему надле-

жало предстать перед судом: судебный процесс по его делу происходил с 28 мая по 4 июня 1928 года. Особый трибунал, заседавший под председательством генерала Сапорити, учтя требование, содержащееся в обвинительной речи прокурора Изгро, приговорил Антонио Грамши к 20 годам 4 месяцам и 5 дням тюремного заключения. В июле 1928 года Грамши был переведен в тюрьму в Тури ди Бари, где ему предстояло отбывать срок наказания.

Вскоре состояние его здоровья резко ухудшилось, и хотя он, при своей хрупкой конституции, оказывал стойкое сопротивление всем недугам, состояние его стало внушать серьезные опасения. В августе 1931 года у него несколько раз было кровохарканье, а 7 марта 1933 года, после семи лет невыносимых страданий, его организм впервые сильно сдал: начались обмороки, галлюцинации, бред, появилось предчувствие близкого конца. Но и тогда сила духа не изменила ему. Его свояченица так описывает свидание с ним, состоявшееся в том же марте месяце 1933 года, спустя несколько дней после страшного приступа:

«...В какой-то момент, когда Антонио старался доказать мне, что на протяжении всех этих последних лет он делал все возможное, чтобы сохранить свои силы, но что пока он в тюрьме, восстановить здоровье невозможно... охранник, присутствовавший при свидании, обратился ко мне и сказал, что я должна уговорить Нино сделать то, что ему надлежит сделать: «Раз он говорит, что сделал все возможное, чтобы сохранить свои силы, то теперь ему следовало бы сделать самое главное».

Вы можете себе представить, как я опешила, когда охранник, заметив по выражению моего лица, что я не понимаю, что он хочет сказать, продолжал:— Вы должны сказать вашему шурину, синьорина, то, о чем мы говорили в администрации.

Тогда Нино без всякого раздражения, спокойно, с таким спокойствием, которое меня поистине удивило, сказал, обращаясь к охраннику:— А, понимаю; это отнюдь не ново, это довольно старо; речь идет о том, чтобы написать прошение о помиловании, не так ли? А это ведь своего рода самоубийство, и если уж выбирать между той или иной формой самоубийства, то сделать это, конечно, не трудно, но все это очень старо.

Когда же я сказала ему, что многие в стране, помимо служащих тюремной администрации, советовали мне прибегнуть к этому средству, ибо хотели видеть его на свободе, и что это свидетельствует отнюдь не о дурных побуждениях всех этих простых людей, а о сочувствии к нему, он отметил, что это действительно свидетельствует не о дурных побуждениях, а о слепоте и невежестве...

По правде говоря, я иной раз не могу понять, как это получается, что Нино с такой опаской думает, что он переживает тяжелый духовный кризис, в то время как он всем своим поведением доказывает, насколько жив в нем дух борьбы, дух сопротивления, насколько критически, здраво умеет он оценивать людей и события и как еще сильно в нем стремление являть собой пример стойкости во имя блага всех...»

Грамши удалось немного поправиться, и он возобновил свою работу над историей итальянской интеллигенции, проявляя при этом поистине удивительную ясность и силу мысли. Однако улучшение это было кратковременным; недуг продолжал разрушать организм, который стоически сопротивлялся, сжигая последние остатки энергии. Участь, уготовленная Грамши, вызвала волну возмущения во всем мире. Представители интеллигенции и выдающиеся деятели различных стран и различных политических воззрений — от Ромен Роллана до архиепископа Кентерберийского — подняли свой голос протеста, и Муссолини вынужден был в конце концов пойти на то, чтобы заключенный Грамши был перевезен сначала в клинику доктора Козумано в Форми, а затем в клинику «Квисисана» в Риме. Но было уже слишком поздно. 27 апреля 1937 года, три дня спустя после истечения срока наказания (в результате ряда амнистий срок этот был сокращен до десяти лет с небольшим), Грамши не стало.

На протяжении всех этих лет и вплоть до самой смерти мысль Грамши не переставала работать, и это нашло свое отражение во всех письмах, написанных им из тюрьмы. И все же нам кажется, что письма эти интересны и волнуют прежде всего своей человечностью, теми чувствами, которые в них выражены или которые ощущаешь сквозь строки. За исключением четырех писем, адресованных Джузеппе Берти, который вместе со многими другими коммунистами был сослан на Устику, все остальные адресованы близким Грамши: жене, сыновьям, матери,

сестрам, свояченице. Они переносят нас в мир чувств и привязанностей, на первый взгляд самых простых и обычных, но от этого отнюдь не менее насыщенных и многогранных, дают возможность заглянуть в самую глубину большого мужественного сердца. Однако мы не собираемся сейчас разбирать содержание писем; пусть лучше читатель сделает это сам. Для того же, чтобы стали яснее те многочисленные упоминания о различных фактах, которые читателю неизвестны, ему небесполезно будет узнать кое-что о тех людях, которым эти письма адресованы, и о положении родных и близких Грамши в период его заключения.

Мать Антонио Грамши и его сестры Терезина и Грациэтта жили в Сардинии, в Гилярце, куда семья Грамши задолго до того переехала из Алеса, где родился Антонио. Брат его Карло работал служащим в Милане, второй брат, Дженнаро, эмигрировал во Францию.

Жена Грамши Юлия (Юля, Юлька) Шухт с двумя сыновьями, Делио и Джулиано (Юлик), жили в Москве. Русская по происхождению, Юлия Шухт до революции 1917 года жила в эмиграции, где прошли ее детские и отроческие годы. Грамши познакомился с ней в начале 1923 года в одном из домов отдыха под Москвой. Их первенец Делио родился в Москве в августе 1924 года, несколько месяцев спустя после возвращения Грамши в Италию. Лишь в конце 1925 года Юлия смогла приехать к мужу в Рим и провести там с ним несколько месяцев. Весной 1926 года, когда она уже собиралась вернуться в Москву, она ждала второго ребенка — Джулиано, — который родился в августе того же года и которого отец его так и не увидел. Арест Грамши очень тяжело подействовал на Юлию, которая и без того была крайне слабого здоровья; вслед за сильным нервным потрясением наступил длительный период тяжелого нервного заболевания, продолжающегося и поныне. Юлия и сестра ее Татьяна пытались скрыть от Грамши, насколько серьезно это заболевание, чтобы оградить его, по крайней мере, от новых тревог, но это удалось им лишь отчасти; Грамши вскоре же почувствовал, что от него что-то скрывают, и это послужило причиной резких споров, раздражения и недовольства. Юлия так и не смогла совершить поездку в Италию, к которой она готовилась и осуществления которой Грамши так горячо желал.

На долю одной из сестер Юлии — Татьяны (Тани), — которая не последовала за семьей в Россию после революции и осталась жить в Риме, выпала задача оказывать всяческую помощь Грамши в годы его заключения. Она познакомилась с ним в Риме летом 1924 года и сразу же прониклась к нему чувством большой дружеской привязанности и безграничной преданности. Это случалось почти со всеми, кто входил в близкое соприкосновение с Грамши и имел таким образом возможность оценить его замечательные душевные качества. С ноября 1926 года по 27 апреля 1937 года Татьяна Шухт жила лишь одной мыслью: облегчить страдания Грамши, облегчить ему тяжкое бремя тюремного существования и попытаться вырвать его у смерти, которую фашисты ему уготовили. Слабая здоровьем, хрупкая, она мужественно переносила все тяготы, стараясь с честью выполнить эту задачу. Татьяна приняла последний вздох Грамши, позаботилась о его погребении и спасла его ценнейшее литературное наследие — «Тюремные тетради».

Вскоре после кончины Грамши Татьяна Шухт вернулась в Советский Союз; она умерла в 1943 году.

I

Римская тюрьма, 20 ноября 1926 года

Моя дорогая Юлька,
помнишь ли ты одно из твоих последних писем? (Я имею в виду последнее из тех, что дошли до меня.) Ты писала мне, что оба мы еще достаточно молоды и потому вправе надеяться, что нам все же доведется вместе вырастить наших детей. Надо, чтобы ты всегда об этом помнила и, думая обо мне, думала и об этом, мысленно ассоциируя меня с детьми.

Я уверен, что ты будешь такой же сильной и мужественной, какой ты всегда была. Теперь тебе потребуется еще больше мужества, чем прежде, чтобы дети могли получить должное воспитание и стали достойными тебя во всех отношениях. Я много, много думал в эти дни. Я пытался представить себе, как будет протекать в дальнейшем ваша жизнь, так как я, вероятно, долго не буду иметь вестей о вас. Мысленно я обращаюсь к прошлому, черпая в нем силу и безграничную веру в будущее. Эта сила во мне есть и будет. Я так люблю тебя и так хочу увидеть наших малышей.

Дорогая моя, я не хочу ни в коей мере расстраивать тебя. Я немного устал, так как очень мало сплю, и потому не в состоянии написать тебе все то, что хотелось бы, и так, как хотелось бы. Хочется, чтоб ты глубоко, глубоко почувствовала всю мою любовь и всю мою веру. Поцелуй всех своих. Обнимаю тебя и детей.

Антонио.

II

Устика, 9 декабря 1926 года

Дорогая Татьяна,
я прибыл на Устику 7-го, а 8-го получил твое письмо от 3-го. В следующих письмах я опишу тебе все увиденное

и пережитое за время моего путешествия: нужно только привести постепенно в порядок впечатления и воспоминания и прийти в себя от усталости и бессонницы. Если отбросить те особые условия, в которых совершалось это путешествие (как ты сама понимаешь, даже для физически крепкого человека не так уж легко трястись долгие часы в поезде и плыть на пароходе с кандалами на руках, будучи прикованным запястьями к одной цепи со своими спутниками), само путешествие было чрезвычайно интересным и изобиловало самыми различными эпизодами, от шекспировских до фарсовых. Не знаю, удастся ли мне, например, воссоздать одну ночную сценку в Неаполе, когда на пересыльном пункте мы оказались в огромной камере, где было множество воистину зоологических фантазмагорических экземпляров; пожалуй, сравниться с ней может только сцена с могильщиками из «Гамлета». Самой тяжелой частью пути был переезд из Палермо на Устику: мы четыре раза пытались добраться туда и трижды возвращались обратно в Палермо, так как пароходик не мог справиться со штормом.

И все же, представь себе, я поправился за этот месяц. Меня самого удивляет, что я чувствую себя так хорошо и что мне так часто хочется есть; думаю, что недельки через две после того, как я отдохну и хорошенько высплюсь, от мигрени не останется и следа и начнется совсем новая полоса жизни.

Устика произвела на меня во всех отношениях хорошее впечатление. Остров площадью 8 кв. км насчитывает около 1300 жителей, из них 600 уголовных ссыльных, иначе говоря, преступников-рецидивистов. Жители очень вежливы и ведут себя по отношению к нам очень корректно.

Мы совершенно изолированы от уголовников: вряд ли я смог бы описать тебе их жизнь в нескольких словах. Помнишь повесть Киплинга «Необычная кавалькада» — она была напечатана во французском сборнике «Человек, пожелавший стать королем»? Я сразу же вспомнил о ней, настолько живо было ощущение, что я воочию вижу то, о чем некогда читал.

Пока нас пятнадцать товарищей. Жизнь наша течет весьма спокойно: мы заняты исследованием острова, по которому можно совершать довольно длительные прогулки — по девяти-десяти километров; какие здесь радую-

щие глаз пейзажи, какие морские виды, какие великолепные восходы и заходы солнца! Каждые два дня приходит пароходик, доставляющий свежие новости, газеты и новых друзей... В действительности Устика гораздо привлекательнее, чем на открытках, которые я тебе пошлю: это живописный, очень красочный городок арабского типа.

Ты не можешь представить себе, до чего я рад, что могу бродить по всему острову из конца в конец и дышать воздухом моря после того, как меня в течение целого месяца перебрасывали из одной тюрьмы в другую, в особенности же после шестнадцатидневного пребывания в полной изоляции в Реджина Чёли¹. Я, наверное, стану чемпионом Устики по бросанию камней на расстояние, ибо в состязании я побил уже всех своих друзей.

Я пишу тебе немного бессвязно, что приходит на ум, так как усталость все еще дает себя чувствовать.

Дорогая Татьяна, ты даже представить себе не можешь, как я был взволнован, когда в Реджина Чёли на первой полученной мною бутылке с кофе увидел твой почерк и прочел имя Мариэтты²; я буквально превратился в ребенка. А ведь все это время, поскольку мне точно известно, что письма мои, согласно тюремным предписаниям, прочитываются, я никак не мог отделаться от некой внутренней скованности, и не о всем, что я чувствую, я решаюсь писать. Когда же я пытаюсь, сообразуясь с обстановкой, приглушить эти чувства, мне кажется, что я превращаюсь в настоящего пономаря. Поэтому ограничусь лишь некоторыми подробностями о моем пребывании в Реджина Чёли и отвечу заодно на те вопросы, что ты мне задала. Шерстяную фуфайку я получил; она мне очень и очень пригодилась, так же как носки и прочие вещи. Без них я бы просто замерз, так как выехал в легком пальто, а в то утро, на рассвете, когда мы пытались переправиться из Палермо на Устику, был собачий холод. Получил также тарелочки, которые с сожалением оставил в Риме (мне ведь пришлось весь мой багаж уложить в наволочку, оказавшую мне неоценимые услуги), так как они, несомненно, побились бы в дороге. Ни «Чирио»³, ни шоколада, ни

---

¹ Реджина Чёли — тюрьма в Риме.— *Прим. ред.*

² Мариэтта и Нильда, о которой упоминается далее в этом же письме, — приятельницы Татьяны Шухт, бывавшие в доме Грамши.

³ «Чирио» — фирма, выпускающая консервы, мармелад, джем и пр.— *Прим. ред.*

бисквита я не получил: все это получать не разрешается. Я видел эти предметы в списке, но с пометкой, что передаче они не подлежат. Не получил я по той же причине и стаканчика для кофе; взамен его я смастерил себе целый сервиз из полдюжины яичных скорлупок, которые гордо возвышаются на пьедестале из хлебного мякиша. Ты, я вижу, расстроилась, узнав, что обеды мой были почти всегда холодными: ничего в этом страшного нет. За исключением первых дней, я ведь, как правило, съедал почти вдвое больше того, что ел обычно в трапезной, и ни разу не почувствовал ни малейшего недомогания, в то время как все мои друзья, как я узнал, болели и неоднократно прибегали к слабительному. Я начинаю убеждаться в том, что я куда крепче, чем думал, ибо в отличие от всех остальных я отделался просто усталостью. Уверю тебя, что, если не считать нескольких часов мрачного настроения однажды вечером, когда в нашей камере выключили свет, я все время был в весьма веселом расположении духа; чувство юмора, всегда побуждавшее меня улавливать комическую и карикатурную сторону вещей, не покидало меня и помогало мне сохранять хорошее настроение, несмотря ни на что. Я все время, или почти все время, читал иллюстрированные журналы и спортивные газеты и начал вновь обзаводиться библиотекой. Я выработал здесь следующую программу: 1) не болеть и улучшить состояние здоровья; 2) методично и систематически изучать немецкий и русский языки; 3) изучать экономику и историю. Мы будем также заниматься гимнастикой и т. д.

Дорогая Татьяна, если я до сих пор ничего не писал тебе, это отнюдь не значит, что я хоть на минуту забыл тебя, не думал о тебе; ты очень точно выразилась, ведь каждая вещь, которую я получал и на которой явственно различал следы твоих дорогих рук, означала для меня больше, чем привет: это было дружеской лаской. Я хотел бы иметь адрес Мариэтты; быть может, написать также и Нильде, как ты считаешь? Помнит ли она меня и будет ли ей приятен мой привет? Писать и получать письма стало для меня сейчас одним из самых волнующих моментов жизни.

...Дорогая Татьяна, я пишу тебе несколько путанно. Думаю, что сегодня, 10-го, пароходик, повидимому, не придет, так как всю ночь свирепствовал ветер, не дававший мне спать, хотя лежал я на мягкой постели и мягких

подушках, от чего я уже успел отвыкнуть. Ветер врывается во все щели — балкона, окон, дверей — со свистом и завываниями, которые не лишены, конечно, своеобразия, но все же действуют мне на нервы.

Напиши Юлии и скажи ей, что я действительно хорошо себя чувствую во всех отношениях и что пребывание здесь (я не думаю, впрочем, чтоб оно было столь продолжительным, как указано в решении) поможет мне окончательно избавиться от всех моих старых недугов: быть может, какой-то период полного покоя — это именно то, что мне было необходимо.

Нежно обнимаю тебя, дорогая, а вместе с тобой обнимаю и всех близких.

Антонио.

III

Устика, 19 декабря 1926 года

Дорогая Таня,

18-го написал тебе открытку, в которой сообщал, что 14-го получил твое заказное письмо. До этого я послал тебе длинное письмо на адрес синьоры Пассарж¹, которое ты должна была получить числа 11-го или 12-го. Подведу итог главным событиям всего этого времени.

Я был арестован 8-го вечером, в 10 часов 30 минут, и тотчас же помещен в тюрьму; 25-го рано утром выехал из Рима. Пребывание в Реджина Чёли было самым тяжким периодом моего заключения: шестнадцать дней полной изоляции в одиночной камере, строжайшая дисциплина. Мне удалось получить платную камеру лишь в последние дни. Первые три дня я провел в камере, довольно светлой днем и освещавшейся ночью; но койка была очень грязная, а простыни отнюдь не первой свежести и кишели всякими насекомыми. Я ничего не мог получить для чтения, даже «Гадзетта делло спорт» («Спортивную газету»), так как она не была предварительно заказана. Ел довольно хороший тюремный суп. Затем меня перевели в другую камеру, более темную днем и не освещавшуюся ночью, но зато она была продезинфицирована бензиновым

---

¹ Хозяйка квартиры, где жил Грамши.

пламенем, и на койке лежало выстиранное белье. Я начал кое-что покупать у продавца тюремного ларька — свечи, молоко на утро, бульон с кусочком вареного мяса, сыр, вино, яблоки, папиросы, газеты и иллюстрированные журналы. Из общей камеры меня перевели в платную без предупреждения, вследствие чего я пробыл день без еды, ибо тюремное питание полагается только тем, кто находится в общих камерах. В платных же заключенные должны «довольствоваться» (тюремный термин) за свой счет. Отличие платной камеры заключалось лишь в том, что, кроме волосяного тюфяка, мне дали еще войлочный матрац и такую же подушку, поставили умывальник с тазом и кружкой и стул. Я должен был бы также получить столик, вешалку и шкафчик, но у администрации не хватало «казарменного инвентаря» (еще одно тюремное выражение). В камере горел электрический свет, но не было выключателя, и я всю ночь ворочался с боку на бок, чтобы как-то уберечь глаза от света. Жизнь протекала следующим образом: в 7 утра — подъем и уборка камеры, около 9 — молоко, которое было заменено кофе с молоком, когда я начал получать питание из столовой. Кофе доставляли обычно еще тепловатым, молоко же всегда было холодным, но я все же приготавливал себе нечто вроде густого молочного супа. Между 9 и полуднем — часовая прогулка: либо с 9 до 10, либо с 10 до 11, либо с 11 до 12. Выводили нас поодиночке, разговаривать или здороваться с кем бы то ни было запрещалось; мы выходили во двор, разделенный на секторы, с очень высокими стенами, отделявшими один сектор от другого, и с решеткой, окружавшей остальную часть двора. За нами наблюдали двое караульных: один стоял на башенке, которая возвышалась над секторами, а другой расхаживал вдоль решетки. Двор был зажат в тиски высоченными стенами, с одной стороны торчала низкая труба небольшой фабрички; порой приходилось дышать сплошным дымом, а однажды пришлось около получаса простоять под проливным дождем. В полдень приносили обед. Суп часто бывал еще тепловатым, остальное — всегда холодным. В 3 часа — обход камер и проверка решеток. То же самое — в 10 часов вечера и в 3 часа утра. Мне удавалось немного поспать в промежуток между двумя последними обходами, но после обхода в 3 часа утра я уже никак не мог заснуть, меж тем я обязан был лежать на койке с 7.30 вечера до рассвета. Развлече-

янем были голоса и обрывки разговоров, доносившиеся иной раз из соседней или близко расположенных камер. Я ни разу не подвергался никаким наказаниям. Маффи¹ же просидел три дня в карцере на хлебе и воде. Я действительно не испытывал никаких недомоганий, и хотя я никогда не съедал весь обед, все же я ел всегда с большим аппетитом, чем в столовой. У меня была только деревянная ложка — ни вилки, ни стакана. Глиняная кружка и глиняный стаканчик для воды и для вина. Большая глиняная миска для супа и глиняный таз для умыванья; все это до того, как мне разрешили перейти в платную камеру.

19 ноября мне сообщили — без каких-либо дополнительных разъяснений, — что я подлежу высылке на пять лет в итальянские колонии. В следующие дни до меня дошли слухи, что меня отправят в Сомали. Лишь 24-го вечером я косвенным путем узнал, что буду отбывать ссылку на одном из итальянских островов. Точное место назначения было объявлено мне официально только в Палермо. Направить меня могли на Устику или на Фавиньяну, на Пантеллерию или на Лампедузу. Трехити исключались, ибо в таком случае пришлось бы ехать из Казерты в Фоджу. Из Рима я выехал 25-го утром, с первым поездом, в Неаполь, куда прибыл около часу дня. Ехал я вместе с Молинетти, Феррари, Вольпи и Пичелли, которые также были арестованы 8-го. Однако в Казерте Феррари «отцепили» от нас для отправки на Трехити. Я говорю «отцепили», так как даже в вагоне мы были все прикреплены к одной общей длинной цепи. Всю дорогу от Рима я был не один, что весьма благотворно повлияло на мое душевное состояние: можно было болтать и смеяться, несмотря на то, что мы были прикованы к цепи и в наручниках, сжимавших запястья, и несмотря на то, что мы должны были есть и курить с такими изящными «украшениями» на руках; все же мы умудрялись зажигать спички, есть и пить. Запястья немного распухли, но зато мы ясно ощущали, насколько совершенна человеческая машина и как она умеет приспособливаться к самым проти-

---

¹ Маффи, Фабрицио (1868—1954) — один из ветеранов социалистического движения в Италии. Член КПИ с 1924 г. В 1926 г. был арестован и приговорен к нескольким годам ссылки и тюремного заключения. После крушения фашизма — сенатор, член ЦК Итальянской коммунистической партии. — *Прим. ред.*

воестественным условиям. В пределах уставных правил конвоировавшие нас карабинеры относились к нам очень корректно и учтиво. Мы провели две ночи в Неаполе, все время вместе, в тюрьме Кармине, и вечером 27-го отправились дальше на пароходе. Море было совершенно спокойно. В Палермо нас поместили в очень опрятную камеру с чистым воздухом и прекрасным видом на Монте-Пеллегрино; там мы встретились с другими друзьями, направляемыми на острова: с депутатом максималистом Конка из Вероны и с адвокатом Анджелони, республиканцем из Перуджи. Вскоре прибыло еще несколько человек; среди них был Маффи, которого направляли на Пантеллерию.

Я должен был уехать из Палермо 2-го, но выехать удалось лишь 7-го. Попытки добраться до Устику три раза оканчивались неудачей из-за шторма. Это был самый тяжелый этап нашей поездки. Представь себе: подъем в 4 часа утра, всякие формальности при выдаче нам денег и различных сданных на хранение вещей, наручники и цепь, затем — тюремная карета, доставившая нас в порт, спуск в лодку, чтобы попасть на пароходик, карабканье по трапу, чтобы взобраться на борт, и по лесенке — на палубу, затем спуск еще по одной лесенке, чтобы попасть в третий класс,— все это со скованными руками и будучи связанным цепью еще с тремя товарищами. В 7 пароходик отплывает, полтора часа он пляшет и носится по волнам, как дельфин, после чего мы возвращаемся назад, так как капитан заявляет, что продолжать рейс невозможно. Затем вновь проделывается то же самое, но в обратном порядке — лесенки и т. д. Возвращаемся в камеру. Тем временем уже наступил полдень. Заказывать обед поздно. До 5 сидим голодные, утром также ничего не ели. Все это повторялось четырежды с передышкой в один день.

На Устику до нас прибыло четверо наших друзей: Конка, бывший депутат Перуджи — Сбаральни и двое товарищей из Аквилы. Несколько ночей мы спали в большой общей камере. Сейчас мы уже устроились в доме, предоставленном в наше распоряжение. В одной комнате, в нижнем этаже, спят двое, там же внизу находятся кухня, уборная и чуланчик, который мы приспособили под «туалетную комнату». Этажом выше в двух комнатах мы спим четверо: трое в довольно большой комнате и один в маленькой проходной. Над большой комнатой расположена широкая терраса, с которой открывается вид на

пляж. Платим 100 лир в месяц за помещение и 2 лиры в день за койку, постельное белье и другие принадлежности домашнего обихода (по две лиры каждый). В первые дни мы много расходовали на еду — не менее 20 лир в день, теперь мы платим 10 лир в день за пансион — обед и ужин. Организовываем общий стол, что, возможно, позволит нам уложиться в 10 лир в день, которые нам ассигнует правительство. Нас уже тридцать политических ссыльных. Возможно, что прибудет еще кое-кто.

Обязанности наши многообразны и сложны. Наиболее простые из них — не выходить из дому до рассвета и возвращаться домой не позже восьми вечера. Нам не разрешается выходить за определенную черту, то есть за пределы заселенной территории острова. Впрочем, мы добились пропусков, которые позволяют нам ходить по всему острову при условии возвращения на территорию, расположенную по эту сторону черты, к пяти часам дня. Население острова насчитывает около 1600 жителей (в это число входит 600 уголовных ссыльных) и состоит из сицилийцев, людей очень приветливых и гостеприимных. С населением мы можем поддерживать связь. Для уголовников установлен очень жесткий режим. Вследствие крохотных размеров острова они, как правило, не могут найти никакой работы и вынуждены жить на те 4 лиры в день, которые ассигнует правительство. Можешь себе представить, к чему это приводит: «*la mazzetta*» (так тут называют это правительственное пособие) расходуется в основном на вино; еда сводится к небольшой порции макарон с зеленью и небольшому количеству хлеба. Недоедание очень скоро приводит к пагубному злоупотреблению алкоголем. В 5 часов вечера уголовников запирают в большие, специально для них отведенные помещения. Там, запертые снаружи, они и проводят всю ночь (с 5 часов вечера до 7 часов утра): играют в карты, иногда проигрывают «*mazzetta*» за несколько дней и оказываются втянутыми в какой-то адский круговорот, из которого нет выхода. Просто досадно, что нам запрещено общаться с этими людьми, вынужденными вести столь необычный образ жизни. Думаю, что можно было бы сделать единственные в своем роде наблюдения психологического и фольклорного порядка. Все то первобытное, что сохранилось в современном человеке, неудержимо прорывается наружу, если распыленные частицы этого перво-

бытного соединяются сообразно принципам, соответствующим тому, что все еще является существенным в жизни наиболее отсталых слоев народа. Все эти ссыльные делятся на четыре основные группы: северяне, уроженцы центральных областей, южане (включая Сицилию) и сардинцы. Последние живут совершенно обособленно от остальных. Среди северян существует известная солидарность, но отсутствует, по всей видимости, какое бы то ни было организационное начало: они гордятся тем, что являются ворами, карманниками и мошенниками, но никогда не проливают крови. Среди выходцев из центральных областей уроженцы Рима являются наиболее организованными: они не выдают выходцам из других областей даже шпионов, тая в себе возникшие подозрения. Южане, как говорят, великолепно организованы, но среди них существуют подразделения: «Неаполитанское государство», «Апулийское государство», «Сицилийское государство». Сицилийцы гордятся тем, что они не крадут, а проливают кровь. Все эти сведения я получил от одного ссыльного, который отбывал дополнительное наказание в палермской тюрьме за проступок, совершенный в период заключения, и который очень гордился тем обстоятельством, что он во исполнение заранее задуманного плана нанес своему хозяину, который плохо с ним обращался, рану глубиной в десять сантиметров (он, по его словам, измерил ее). Так было задумано: 10 сантиметров; 10 сантиметров и оказалось — ни на миллиметр больше. Это и была та самая «мастерская работа», которой он так гордился. Поверь, что я не преувеличиваю, сравнивая все это с повестью Киплинга, хотя ассоциация и была вызвана впечатлениями первого дня пребывания здесь.

...Сердечно тебя обнимаю, дорогая Татьяна.

Антонио.

IV

Устика, 8 января 1927 года

Дорогая моя Юлька,

получил твои письма от 20 и 27 декабря и открытку от 28-го с собственноручной подписью Делио. Много раз порывался написать тебе, но мне это так и не удалось. Из

твоих писем вижу, что Таня объяснила тебе причину этого обстоятельства, причину несколько наивную, правда, но все еще пока решающую. Я задался целью вести для тебя своего рода дневник, делать зарисовки этого своеобразного и довольно интересного периода моей жизни, и сделаю это обязательно. Хочу рассказать обо всех мелочах, чтобы дать тебе возможность представить эту жизнь как в целом, так и в наиболее существенных ее частностях. Хорошо, если бы ты делала то же самое. Мне так хотелось бы знать, как развиваются отношения между Делио и Джулиано, как понимает и осуществляет Делио роль и обязанности старшего брата, обладающего большим опытом.

Дорогая Юля, спроси у Б.¹, из каких источников ему стало известно, что здоровье мое якобы в плохом состоянии. В действительности я, право, даже не предполагал, что обладаю таким запасом физических сил и энергии. Я ничем не болел с момента ареста. Меж тем у всех остальных бывали — у кого в одной, у кого в другой форме — нервные припадки (иногда чрезвычайно тяжелые), всегда одного и того же характера. Так, например, Молинелли, находившийся в палермской тюрьме, в течение одной только ночи три раза терял сознание во время сна и бился в мучительных судорогах, которые продолжались до двадцати минут. Позвать же кого-нибудь на помощь было невозможно. А здесь, на Устике, одного товарища из Абруцц, который спит в одной комнате со мной, в течение многих ночей одолевали страшные кошмары: он просыпался, вскакивал и начинал истошно кричать. У меня же не было никаких недомоганий, если не считать бессонницы (что, кстати говоря, для меня не ново), которая не могла иметь прежних последствий, учитывая вынужденное бездействие, на которое я был обречен. Путешествие было весьма тяжким и мучительным: из-за шторма три раза срывался переезд на Устику. Я стал теперь очень гордиться своей физической выносливостью, я и не подозревал ее в себе. Говорю тебе об этом потому, что выносливость тоже представляет ценность, и не малую, в моем нынешнем положении.

Я буду писать тебе длинные-длинные письма и подробно описывать все события моей жизни. Ты тоже пиши

---

¹ Б — Винченцо Бианко, туринский рабочий, друг Грамши и его семьи. Бианко эмигрировал из Италии и в те годы жил в Москве.

мне (или попроси, чтоб это делала Женя или мама) о детях и о вас всех. Ты, должно быть, очень занята и очень утомлена. Чувствую, как вы все близки мне. Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

V

Устика, 15 января 1927 года

Дорогая Таня,

последнее письмо, которое ты мне прислала, датировано 4 января. Одиннадцать дней без вестей от тебя. В условиях, в которых я нахожусь, меня это очень тревожит. Думаю, что можно было бы согласовать наши обоюдные требования, если бы ты взяла на себя обязательство посылать мне раз в три дня хотя бы открытку. Я уже начал следовать этой системе. Когда у меня не хватает материала для письма — обычно это так и бывает, — я посылаю открытку и, таким образом, не пропускаю ни одной почты.

Жизнь здесь протекает монотонно, однообразно, без резких перемен; будь у меня лучшее настроение, следовало бы, пожалуй, описать тебе какую-нибудь сценку из нашей сельской жизни. Я мог бы, например, описать тебе «арест» одной свиньи, которую застигли незаконно пасущейся на улице поселка и которую по всем правилам отвели в тюрьму. Случай этот очень позабавил меня, но я уверен, что ни ты, ни Юлия не захотите поверить мне. Поверит мне, быть может, только Делио, когда будет немного постарше и когда ему расскажут эту смешную историю наряду с другими подобного рода (например, историю с зелеными очками и др.), одинаково правдивыми и которые следует воспринимать без недоверчивой улыбки. Меня очень позабавило и то, каким способом «арестовали» свинью: ее взяли за задние ноги и стали толкать вперед, как тачку, а она в это время визжала, как ошалелая. У меня не было возможности выяснить, каким образом можно установить, что совершается злоупотребление пастбищем и проезжей дорогой; думаю, что санитарные инспекторы знают наперечет весь мелкий скот села.

А вот и другая особенность, о которой я тебе еще не писал: на всем острове я не видел никакого иного средства передвижения, кроме осла, а ослы здесь в самом деле замечательные, крупные и совсем ручные, что свидетель-

ствуем и о мягком нраве местных жителей. На моей родине ослы полудикие и подпускают к себе только своих хозяев. А вот еще из области «животного мира»: я услышал вчера чудесную историю про лошадей, ее рассказал один сосланный сюда араб. Этот араб говорил на несколько своеобразном и весьма путаном итальянском языке, но рассказ его был в общем очень красочен и выразителен. (По очень отдаленной ассоциации это напомнило мне, что в Италии, как я узнал, встречается знаменитая гречиха; мои друзья из Венецианской области говорят, что у них гречиха — довольно распространенная культура и что из нее обычно варят поленту¹.)

Вот я и истощил запас тем, о которых можно писать. Надеюсь, что мне удалось заставить тебя немного улыбнуться; мне кажется, что твое продолжительное молчание объясняется тоской и усталостью и что было просто необходимо заставить тебя улыбнуться. Дорогая Таня, ты должна обязательно писать мне: ведь я получаю письма только от тебя. Когда ты так подолгу не пишешь, я острее ощущаю свое одиночество и мне кажется, что все мои связи с внешним миром порваны.

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

VI

Устика, 15 января 1927 года

Моя дорогая Юлька,
хочу описать тебе в основных чертах мои будни, чтобы ты могла следить за тем, как протекает моя жизнь, и время от времени улавливать какую-нибудь новую подробность. Ты уже знаешь, так как тебе, вероятно, писала об этом Таня, что я живу вместе с четырьмя друзьями. Итак, нас пятеро, и занимаем мы три маленькие комнатенки (весь дом). В нашем распоряжении прекрасная терраса, с которой мы любуемся днем безбрежным морем, а ночью — чудесным небом. Прозрачный воздух — без примеси городской копоти — позволяет наслаждаться всем этим великолепием с предельной полнотой. Синева моря и неба поистине изумительна, столько в ней глубины и так много-

¹ Полента — итальянское кушанье, нечто вроде каши.— *Прим. ред.*

образны ее оттенки; я видел единственные в своем роде радуги.

Утром первым обычно встаю я. Сам приготавливаю кофе. С этого начинается наша жизнь: идем в школу — либо в качестве преподавателей, либо в качестве учеников. В день прибытия почты отправляемся на берег моря и с нетерпением ждем пароходика; если из-за плохой погоды почта не прибывает, день испорчен, так как тень грусти ложится на все лица. В полдень — обед, который мы готовим сообща. Как раз сегодня моя очередь выполнять функции официанта и помощника повара; я еще не знаю, должен ли я буду, прежде чем подавать на стол, чистить картофель, перебирать чечевицу или мыть салат. Мой дебют ожидается с большим любопытством. Несколько товарищей хотели заменить меня на дежурстве, но я был непоколебим в решимости выполнить свои обязанности. В восемь вечера мы обязаны быть дома. Иногда является охрана, чтобы удостовериться, все ли на месте. В отличие от уголовных ссыльных нас не запирают снаружи. Другое отличие заключается в том, что мы можем отсутствовать до 8 часов, уголовники же только до 5. В случае необходимости мы можем получать вечерние пропуска; по вечерам мы играем дома в карты. Я уже собрал маленькую библиотечку и могу читать и работать.

Дорогая Юлька, пиши побольше о себе и о детях. Как только это будет возможно, пришли мне фотографию Джулиано. Каковы успехи Дельки? Отросли ли его волосы? Не вызвала ли болезнь у него каких-нибудь осложнений? Пиши подробнее о Джулиано. Выздоровела ли Женья?

Крепко, крепко обнимаю тебя.

Антонио.

VII

Миланская тюрьма, 19 февраля 1927 года

Дорогая Таня,

месяц и десять дней я не имею от тебя вестей и не знаю, чем это объяснить. Как я тебе писал неделю назад, к моменту моего отъезда с Устики, дней десять не было пароходика. А пароходик, который отвез меня в Палермо, мог ведь доставить на Устику хотя бы пару твоих писем — их должны были переслать мне затем в Милан. Меж тем среди писем, полученных мною здесь, по возвращении с

острова, я не нашел ни строчки от тебя. Дорогая, если это зависит от тебя, а не от каких-то помех административного порядка (что возможно и вероятно), ты не должна оставлять меня так долго в тревожном ожидании; в том состоянии изолированности, в котором я нахожусь, любая перемена, любое нарушение налаженного порядка порождают навязчивые и тягостные мысли.

Последние твои письма, которые я получил на Устике, меня несколько обеспокоили. Что это за тревога о моем здоровье, которая доводит тебя до состояния физического недомогания? Уверю тебя, что я все время чувствовал себя неплохо и что во мне, несмотря на кажущуюся хрупкость, такие запасы физической энергии, которые нелегко исчерпать. Ты думаешь, что тот размеренный, спартанский образ жизни, который я всегда вел, не сыграл тут своей роли? Я теперь вижу, как много значит то, что у меня не было в прошлом серьезных заболеваний и что моему организму не было нанесено какой-либо тяжелой травмы. Порой я страшно устаю — это правда, но отдых и питание быстро восстанавливают мои силы. Даже не знаю, что еще тебе написать, чтобы ты обрела спокойствие; прибегнуть, что-ли, к угрозам? Знай, я мог бы не писать тебе больше и дать тебе тоже почувствовать, что значит не получать абсолютно никаких вестей.

Я вижу тебя сосредоточенной и угрюмой — без улыбки, даже мимолетной. Хотелось бы как-то развеселить тебя. Что если рассказать тебе несколько смешных историй? Например, в качестве интермедии в описании моего путешествия по этому большому и грозному миру хочу рассказать тебе нечто очень забавное, связанное лично со мной и с моей «славой». Так как меня знает лишь весьма узкий круг людей, то имя мое коверкается самым невероятным образом: Грамаши, Грануши, Грамиши, Граниши, Грамаши, вплоть до Грамаскон и других самых причудливых вариантов. В Палермо, когда мы ждали проверки багажа в отведенном нам помещении, я встретил группу рабочих из Турина, которых отправляли в ссылку. Вместе с ними находился один тип, потрясающий экземпляр анархиста-ультраиндивидуалиста, известный под кличкой «Единственный», который отказывался сообщить кому бы то ни было, в особенности же полиции и вообще властям, сведения о себе. «Я Единственный — и баста!» — таков был его ответ. В толпе ожидающих Един-

ственный» узнал среди уголовников (членов «Мафии»¹) знакомого парня, сицилийца («Единственный», вероятно, из Неаполя или из близлежащих мест), арестованного по причинам не то политического, не то уголовного характера. Стали представляться друг другу. Представили и меня. Тут «Единственный» внимательно взгляделся в меня и затем спросил: «Грамши, Антонио?» — «Да, Антонио», — ответил я. «Не может быть, — возразил он, — Антонио Грамши должен быть великаном, а не такого маленького роста». Больше он ничего не сказал, отошел в угол, уселся на некое приспособление, которое я не решаюсь назвать, и погрузился, как Марий на развалинах Карфагена, в размышления по поводу своих утраченных иллюзий. В дальнейшем, пока мы все еще находились в том же помещении, он упорно избегал возобновления разговора со мной и, когда мы расставались, ушел не попрощавшись.

Другой эпизод, схожий с этим, но, по-моему, еще более занятный и более сложный по своему характеру, произошел позднее. Мы должны были двинуться в путь; конвоировавшие нас карабинеры уже надели на нас кандалы и цепи. Меня заковали новым и пренеприятнейшим образом: косточка запястья оставалась вне обруча и больно ударялась о железо. Вошел начальник конвоя, бригадир огромного роста; при переключке он задержался на моем имени и спросил, не родственник ли я «знаменитого депутата Грамши». Я ответил, что я и есть Грамши. Он посмотрел на меня с явным сочувствием, бормоча что-то неясное. На всех остановках потом я слышал, как он, разговаривая с собиравшимися вокруг тюремного вагона людьми, говорил обо мне, называя меня неизменно «знаменитым депутатом». (Должен прибавить, что при его содействии мне надели кандалы более сносным образом.) Итак, если учесть, куда ныне дует ветер, я мог еще ожидать, помимо всего прочего, что какой-нибудь экзальтированный тип набросится на меня с кулаками...

Но вот случилось так, что бригадир, который до этого ехал во втором тюремном вагоне, перешел в тот, где находился я, и завязал со мной разговор. Это был необычайно интересный и своеобразный тип, который был полон «метафизических потребностей», как сказал бы Шопен-

---

¹ Мафия — тайная бандитская организация, существующая в Сицилии и фактически находящаяся на службе реакционных буржуазно-помещичьих кругов. — *Прим. ред.*

гауэр, и который умудрялся удовлетворять их самым необычным и хаотическим образом. Он заявил мне, что всегда полагал, что у меня внешность «циклопическая», так что в этом отношении он очень разочарован. Читал он тогда книгу М. Мариани «Равновесие эгоизмов» (M. Magriani «Equilibrio degli egoismi») и только что окончил книгу некоего Поля Жилия, в которой опровергался марксизм. Я, конечно, не стал говорить ему, что Жиль — французский анархист, не имеющий ни малейшего научного или какого-нибудь иного веса. Мне нравилось слушать, с каким пылким воодушевлением он говорил о самых путаных и разнородных вещах и понятиях; так может говорить лишь самоучка, умный, но не привыкший к дисциплине и методу. В один прекрасный момент он начал называть меня «маэстро». Можешь представить себе, как это все меня позабавило! Так я на собственном опыте узнал, что представляет собой моя «слава». Что ты на это скажешь?

Я израсходовал почти всю бумагу. Хотел подробно описать тебе распорядок моей жизни тут. Придется сделать это вкратце. Встаю утром в половине седьмого, за полчаса до подъема; завариваю горячий кофе (здесь, в Милане, разрешено пользоваться очень удобным сухим спиртом «мета»). Затем убираю камеру и совершаю туалет. В 7.30 получаю пол-литра молока, еще горячего, которое тотчас выпиваю. В 8 выхожу на воздух, то есть на прогулку, которая длится два часа. Беру с собой книгу, хожу, читаю, выкуриваю несколько сигарет. В полдень получаю обед с воли и оттуда же вечером — ужин. Всего не могу одолеть, хотя и ем больше, чем в Риме. В 7 вечера ложусь и читаю приблизительно до 11. Получаю в течение дня пять ежедневных газет: «Коррьере», «Стампа», «Пополо д'Италия», «Джорнале д'Италия», «Секоло». Записался в библиотеку, взял двойной абонемент и имею право на восемь книг в неделю. Покупаю еще несколько журналов и миланскую финансово-экономическую газету «Иль соле». Таким образом, я все время читаю. Прочел уже «Путешествие Нансена» и другие книги, о которых расскажу тебе в другой раз. Никаких недомоганий у меня не было, за исключением простуды в первые дни. Пиши мне, дорогая, и шли мне вести о Юлии, Делио, Джулиано, о Жене и обо всех остальных; и о себе, о себе пиши.

Обнимаю тебя,

Антонио,

VIII

Миланская тюрьма, 26 февраля 1927 года

Дорогая Таня,

вот уже скоро полтора месяца, как я не имею вестей от тебя, от Юлии, от детей. Я уверен, что ты мне писала. Не знаю, чем объяснить то обстоятельство, что твои письма не доходят до меня. Быть может, причина в том, что некоторые письма были адресованы (не знаю почему) в Военную тюрьму, а на конвертах, я сам видел, была отметка карандашом «не значится»? Возможно, что какое-нибудь письмо и было по этой причине затеряно. Но мне кажется невероятным, чтобы *все* твои письма затерялись; поэтому думаю, что тут приняты какие-то таинственные меры, в результате которых часть корреспонденции не вручается мне. Я не уверен также и в том, что мои письма доходят до тебя. Если доходят, то, предполагая, что в твоих письмах мог быть хоть отдаленный намек на эти, принятые в отношении меня меры, прошу тебя, на всякий случай, избегать каких бы то ни было намеков, даже самых туманных и косвенных, и ограничиваться только семейными новостями.

Дорогая Таня, если это письмо дойдет до тебя, сейчас же напиши мне и сообщи, как обстоят дела у тебя, у Юлии, как дети. Не принимай в расчет предыдущие письма, которые ты мне, несомненно, писала. Вновь напиши о всех новостях. Только это тревожит и огорчает меня,— притом так, что я даже не в силах тебе это передать.

Дружески обнимаю тебя, дорогая Таня.

Антонио.

IX

Миланская тюрьма, 19 марта 1927 года

Дорогая Таня,

получил на этой неделе две твои открытки; одну от 9 и другую от 11 марта. Зато не получил того письма, о котором ты упоминаешь. Я рассчитывал получить твои письма, пересланные с Устики, но пока получил только пакет с книгами; писарь, вручивший их мне, сказал, что в пакете находились также письма и открытки, которые должны

еще пройти цензуру; через несколько дней надеюсь получить их.

Спасибо за вести о Юлии и о детях; я не решаюсь написать ей самой, пока не получу от нее какого-нибудь письмаца, пусть даже очень давнишнего. Представляю себе, каково ее душевное состояние, не говоря уже о физическом, в силу множества причин; болезнь эта была, наверное, очень мучительной. Бедный Делио: вскоре после scarlatины заболеть гриппом! Напиши ты бабушке Люле¹ и попроси ее написать мне длинное письмо по-итальянски или по-французски, как может (впрочем, ты могла бы прислать мне перевод); главное — пусть расскажет мне подробнее о жизни детей. Я убедился в том, что бабушки умеют куда лучше и точнее, чем мамы, рассказывать о малышах; они более объективны, и затем они ведь обладают опытом большой прожитой жизни. Мне думается, что любовь бабушек более разумная, чем любовь мам (пусть только Юлия не обижается и не считает меня хуже, чем я есть на самом деле!).

Не знаю, что посоветовать тебе для Джулиано; с Делио я ведь уже однажды попал впросак. Я, пожалуй, сам смастерил бы ему что-нибудь подходящее, если бы был около него. В общем выбери что хочешь, на свой вкус, и пошли ему что-нибудь и от меня. Я смастерил в эти дни мячик из жеваной бумаги, который сейчас досыхает; думаю, что смогу послать его тебе для Делио; вот только я еще не придумал, как бы покрыть его лаком, а без лака он может быстро размякнуть от влаги.

Жизнь моя течет все так же однообразно. И заниматься гораздо труднее, чем казалось бы. Я получил кое-какие книги и читаю, правда, много (больше одной книги в день, помимо газет), но я не это имею в виду; я имею в виду другое. Я одержим (и это состояние, думается мне, свойственно всем заключенным) вот какой мыслью: следовало бы сделать что-нибудь «für ewig»², согласно сложной гётевской концепции, которая, помню, доставила изрядные мучения нашему Пасколи³. Словом, я хотел бы, следуя заранее намеченному плану, заняться глубокой и по-

---

¹ Ласкательное имя, которым Делио и Джулиано называли бабушку по материнской линии.

² für ewig — для вечности (нем.).

³ Пасколи, Джованни (1855—1912) — итальянский поэт.—
Прим. ред.

следовательной разработкой какой-нибудь темы, которая увлекла бы меня и на которой сконцентрировались бы все мои духовные силы. Я подумываю о четырех темах (а это, кстати, свидетельствует о том, что мне пока не удается на чем-то сосредоточиться), а именно:

1. Исследование о формировании общественной мысли в Италии в прошлом веке; иными словами — исследование об итальянской интеллигенции, о ее происхождении, ее группировках в соответствии с существовавшими культурными течениями, о ее различных воззрениях и т. д. и т. д. Тема эта в высшей степени увлекательна, но я, разумеется, смог бы наметить лишь основные ее линии, учитывая отсутствие какой бы то ни было возможности располагать той огромной массой материала, который потребовался бы. Ты помнишь мою наспех написанную и весьма поверхностную работу о южной Италии и о значении Кроче? Так вот: мне хотелось бы широко развить тот тезис, который я в ней наметил, развить с позиции «беспристрастности» — *für ewig*.

2. Исследование о сравнительном языкознании, — не более и не менее! Ну какой труд может быть более «беспристрастным» и более *für ewig*, чем этот? Речь может идти, разумеется, лишь о разработке методологического и чисто теоретического аспекта данной проблемы, который еще не был до сих пор сколько-нибудь полно и систематически исследован с той новой точки зрения, которую выдвинули неолингвисты против неограмматиков (я приведу тебя в ужас своим письмом, дорогая Таня!). Одно из самых тяжких «угрызений совести» в моей духовной жизни связано с тем, что я причинил глубокое огорчение моему доброму профессору Бартоли из Туринского университета; этот профессор был убежден в том, что я являюсь именно тем архангелом, которому судьбой предначертано посрамить раз и навсегда «неограмматиков», ибо сам он, поскольку он принадлежал к одному с ними поколению и был связан множеством академических нитей со всем этим скопищем омерзительных людишек, не хотел в своих научных утверждениях преступать известные границы, определяемые соображениями целесообразности и почтением к старым надгробным памятникам эрудиции.

3. Исследование о театре Пиранделло и об эволюции художественного вкуса в итальянском театре, выразите-

лем которого был Пиранделло и становлению которого он столь содействовал. Знаешь ли ты, что я, еще задолго до Адриано Тильгера, открыл театр Пиранделло и способствовал его популяризации? С 1915 по 1920 год я столько написал о Пиранделло, что хватило бы на целую книгу страниц в двести; в моих тогдашних высказываниях о нем было много новых, никем дотоле не высказанных мыслей; ведь в то время к Пиранделло относились либо с вежливой терпимостью, либо открыто осмеивали его.

4. Очерк о... романах-приложениях и о народно-литературном вкусе. Эта мысль пришла мне в голову в тот момент, когда я читал сообщение о смерти Серафино Ренци (ведущего комика одной драматической труппы, ставившей на открытой сцене пьески, представлявшие собой сценическую разновидность романов-приложений); я вспомнил, какое удовольствие я испытывал всякий раз, когда его слушал, ибо обычно происходило двойное представление: волнение публики, разгоравшиеся страсти, активное вмешательство по ходу действия простых зрителей — все это было, конечно, отнюдь не менее интересным зрелищем.

Что ты обо всем этом думаешь? Если вникнуть, то по существу эти четыре вопроса тесно связаны между собой: в основе каждого из них в равной степени лежит творческий дух народа в его различных фазах и стадиях развития. Напиши мне свое мнение; я очень полагаюсь на твой здравый смысл и на обоснованность твоих суждений. Я не наскучил тебе? Знаешь, письма заменяют мне беседы: когда я пишу тебе, мне в самом деле кажется, что я с тобой разговариваю. Только все это сводится к монологу, ибо твои письма либо не доходят до меня, либо не соответствуют начатой беседе. Поэтому пиши мне, пиши побольше. Пиши письма, а не только открытки; я буду писать тебе каждую субботу (я имею право на два письма в неделю) — это будет моей отдушиной.

Не стану возвращаться к описанию всех перипетий и впечатлений, связанных с моим путешествием, так как не знаю, интересно ли это тебе. Для меня лично они имеют, конечно, свое особое значение, поскольку они связаны с определенным душевным состоянием и даже с определенными страданиями; а для того чтобы это стало интересно другим, нужно было бы, вероятно, рассказ об увиденном и пережитом облечь в литературную форму.

А я вынужден писать наспех, ограничиваясь теми короткими минутами, когда в мое распоряжение предоставляются перо и чернила...

Целую тебя, дорогая, люби меня и пиши мне.

Антонио.

Х

Милан, 26 марта 1927 года

Дорогая Таня,

я не получил от тебя на этой неделе ни открыток, ни писем, но мне передали твое давнишнее письмо от 17 января (с Юлиным письмом от 10-го), пересланное сюда с Устики. Таким образом, в известном смысле и до известной степени я остался доволен: я вновь увидел юлин почерк (но как же мало она пишет и как она умеет хорошо оправдываться, ссылаясь на шумящих вокруг нее детей!) и добросовестно выучил наизусть твое письмо, в котором обнаружил прежде всего несколько ошибок (я изучаю и эти мелочи, знаешь, и у меня создалось впечатление, что это письмо не было продумано на итальянском, а было наспех и небрежно переведено; это означает, что ты была нездорова, чувствовала себя усталой и мысль обо мне возникла лишь в связи с целой вереницей других мыслей; быть может, ты как раз тогда получила известие о том, что Юлия и дети больны гриппом). Среди ошибок — непростительная путаница между святым Антонио Падуанским, день которого падает на июнь, и тем, которого обычно называют святым Антонием со свиньей, он и есть мой святой, ибо я родился 22 января, и я очень дорожу им в силу целого ряда причин магического характера...

Твое письмо вновь напомнило мне жизнь на Устике, которую ты представляла себе, конечно, совсем иной, чем она была в действительности. Когда-нибудь я, возможно, вернусь к описанию моей жизни в те дни, и у тебя создастся цельная картина. Сегодня же мне не хочется и я чувствую себя немного утомленным. С Устиki я выписал себе немецкую грамматику и «Фауста». Система хорошая, но требует помощи преподавателя, во всяком случае для того, кто только начинает изучение языка. Для меня же она превосходна, поскольку мне надо только восстановить в памяти основы и главным образом делать упражнения.

Я выписал также «Барышню-крестьянку» Пушкина в издании Полледро: текст, литературный перевод, подстрочник и примечания. Учю текст наизусть; проза Пушкина, по моему, очень хороша, поэтому я не боюсь засорить свою память стилистическими погрешностями. Метод заучивания прозы наизусть я считаю превосходным во всех отношениях.

Получил пересланное с Устики письмо моей сестры Терезины с фотографией ее сына Франко, родившегося несколько месяцев спустя после Делио. По моему, они абсолютно непохожи друг на друга, зато Делио очень похож на Эдмею¹. У Франко волосы не вьются, и он, по видимому, темный шатен; и вообще Делио, несомненно, красивее. Черты лица Франко уже сейчас слишком резко очерчены, что дает основание предполагать, что в дальнейшем они приобретут еще большую резкость и жесткость, тогда как выражение лица [у Делио] носит отпечаток серьезности и некоторой, совсем не детской, печали, что заставляет сильно призадуматься. Послала ли ты его фотографию моей матери, как обещала? Это было бы очень хорошо. Она, бедняжка, очень много пережила в связи с моим арестом, и, по всей вероятности, переживания ее усугубляются еще тем обстоятельством, что в наших краях людям не легко понять, как это можно попасть в тюрьму, не будучи ни вором, ни мошенником, ни убийцей. С самых первых дней войны она живет в состоянии постоянного ужаса (трое моих братьев были на фронте) и все время твердит одно: «Мои сыновей убьют на бойне», что по-сардински звучит куда более выразительно и зловеще, чем по-итальянски: *faghete a pezza*; «*pezza*» по-сардински — это мясо, которое идет на продажу, в то время как применительно к человеку употребляется слово «*сагге*». Я просто не знаю, как утешить ее и как внушить ей, что чувствую я себя довольно хорошо и что мне не грозят все те опасности, которые ей мерещатся: это очень трудно сделать, так как она всегда подозревает, будто от нее скрывают правду, а также потому, что она очень плохо разбирается в нашей сегодняшней жизни. Подумай только — она никогда никуда не выезжала, никогда не была даже в Кальяри, и я подозреваю, что все то, что мы ей рассказывали и описывали, она принимала просто за сказки.

¹ Двоюродная сестра Франко.

Дорогая Таня, с трудом нацарапал эти строки: мне опять дали перо, которое не пишет, а царапает бумагу, так что пальцам моим приходится заниматься настоящей акробатикой. Жду твоих писем. Обнимаю тебя.

Антонио.

XI

Миланская тюрьма, 4 апреля 1927 года

Дорогая, дорогая Таня,

на прошлой неделе получил две твои открытки (от 19 и от 22 марта) и письмо от 26-го. Мне очень неприятно, что я огорчил тебя; думаю все же, что ты просто не так поняла мое душевное состояние по той простой причине, что я неясно выразился; мне же очень досадно, что между нами могли возникнуть какие-либо недоразумения. Уверяю тебя, что у меня никогда не появлялось и тени подозрения, что ты можешь забыть меня или что ты меня меньше любишь. Если бы я хоть в малейшей степени так думал, я перестал бы писать тебе. Таков мой характер: из-за него я порвал в прошлом со многими старыми друзьями. Я мог бы только устно объяснить тебе причину того нервного состояния, в котором я находился после того, как в течение двух месяцев не имел от вас никаких вестей. Я даже не пытаюсь сделать это письменно, чтобы не породить новые столь же горестные недоразумения. Но все это уже прошло, и я не хочу даже вспоминать об этом. Несколько дней тому назад я переменял камеру и сектор (тюрьма разделена на секторы), это видно также из отметки на письме; раньше я был в первом секторе, в 13-й камере, теперь я во втором секторе, в 22-й камере. Мое тюремное положение — скажем так, — пожалуй, улучшилось. Ну, а жизнь моя протекает в основном попрежнему. Опишу ее тебе подробнее, чтобы ты могла ясно представить себе, что я каждый день делаю. Камера величиной в студенческую комнатку; на глаз — метра три на четыре с половиной и метра три с половиной в высоту. Окно выходит во двор, куда нас выводят на прогулку. Это, разумеется, не обычное окно, а так называемая «волчья пасть» с внутренней решеткой. Отсюда виден лишь краешек неба, смотреть же во двор или в сторону невозможно. Расположена эта камера хуже, чем предыдущая, которая вы-

ходила на юго-юго-запад (солнце было видно около 10 часов утра, а в 2 часа дня оно освещало середину камеры, образуя полоску сантиметров в 60, не меньше). В моей теперешней камере, которая выходит, повидимому, на юго-запад-запад, солнце можно увидеть с 2 часов и допоздна, но в камеру оно проникает полосочкой в 25 сантиметров. В жаркий период года это, пожалуй, даже к лучшему. Кроме того, камера эта находится над тюремной механической мастерской, и слышен грохот машины. Но к этому я привыкну. Камера устроена одновременно и очень просто и очень сложно. Койка с двумя матрацами (один войлочный) привинчена к стене. Белье меняется приблизительно каждые две недели. В моем распоряжении небольшой столик и нечто вроде тумбочки, зеркало, таз и эмалированный кувшин. Хозяйство мое состоит из множества алюминиевых предметов, приобретенных в «Ринашенте»¹, организовавшем в тюрьме свое отделение. Есть у меня и несколько собственных книг. Каждую неделю получаю из тюремной библиотеки восемь книг (двойной абонемент). Для того чтобы ты составила себе некоторое представление об этой литературе, приведу тебе список книг, которые я читаю в течение этой недели (список этот, правда, составляет исключение ввиду относительно хорошего качества попавшихся мне книг): 1) Пьетро Коллетта, «История Неаполитанского королевства» — Pietro Colletta, «Storia del Reame di Napoli» (пресходная); 2) В. Альфиери, «Автобиография» — Alfieri, «Autobiografia»; 3) Мольер, «Избранные комедии» в переводе синьора Моретти (перевод убогий до смешного); 4) Кардуччи — два тома из полного собрания сочинений (весьма посредственные — наихудшие произведения Кардуччи); 5) Артур Леви, «Наполеон в личной жизни» — Arthur Lévy, «Napoleone intimo» (любопытная, — апология Наполеона как «нравственного человека»); 6) Джина Ломброзо, «В Южной Америке» — Gina Lombroso, «Nell'America meridionale» (весьма и весьма посредственная); 7) Гарнак, «Сущность христианства» — Harnack, «L'essenza del cristianesimo», Вирджилио Брокки, «Судьба в кулаке» — Virgilio Brocchi, «Il destino nel pugno», — роман (собаки взбесятся); Сальватор Готта, «Моя жена» — Salvator Gotta, «La donna mia» (слава

---

¹ «Ринашенте» — название универсального магазина. — *Прим. ред.*

богу, что его, ибо уж очень она скучна). Утром встаю в половине седьмого, в 7 — общий подъем: кофе, туалет, уборка камеры. Выпиваю пол-литра молока и съедаю булку. Около 8 — прогулка, которая длится два часа. Хожу, учу немецкую грамматику, читаю «Барышню-крестьянку» Пушкина и выучиваю наизусть строчек двадцать текста. Покупаю промышленно-торговую газету «Иль соли» и прочитываю кое-какие экономические заметки (я прочел все годовые отчеты акционерных обществ). По вторникам покупаю «Иль коррьере дей пикколи», которая забавляет меня, по средам — «Ля Доманика дель коррьере», по пятницам — так называемый юмористический «Гуэрин Мескино». После прогулки — кофе. Получаю три газеты: «Коррьере», «Пополо д'Италия», «Секоло» («Секоло» выходит теперь после полудня, больше не буду покупать эту газету — она ровно ничего не стоит). Обед приносят в разное время — от 12 до 3. Разогреваю суп, съедаю кусочек мяса (если это телятина, так как я не могу еще есть говядину), немного хлеба, кусочек сыра (фрукты мне не нравятся) и выпиваю стакан вина. Потом читаю, хожу, размышляю о многом. В 4—4.30 получаю еще две газеты: «Ля Stampa» и «Джорнале д'Италия». В 7 ужинаю (ужин приносят в 6): суп, два сырых яйца, стакан вина (сыр есть не рискую). В 7.30 — отход ко сну: ложусь и читаю часов до 11—12. Последние два дня в 9 часов принимаю чашку ромашки. (Продолжение в следующем письме, так как я хочу написать тебе еще кое о чем.) Обнимаю тебя.

Антонио.

XII

Миланская тюрьма, 11 апреля 1927 года

Дорогая Таня,

получил твои открытки от 31 марта и 3 апреля. Спасибо за присланные вести. Жду твоего приезда в Милан, но, откровенно говоря, не позволяю себе очень на него рассчитывать. Думаю, что, пожалуй, не стоит продолжать начатое в прошлом письме описание моей нынешней жизни. Лучше буду писать каждый раз о том, что взбрело в голову, без заранее намеченного плана. Писать письма стало для меня подлинной физической пыткой, ибо мне

дают ужасные перья, которые царапают бумагу: приходится концентрировать все внимание на выведении букв. Я думал, что получу разрешение на постоянное пользование ручкой, и намеревался засесть за работу над темами, о которых я тебе писал. Разрешения я, однако, не получил, а мне претит настаивать. Поэтому я пишу лишь в течение тех двух с половиной — трех часов, которые отводятся на корреспонденцию (два письма в неделю), и не могу, разумеется, делать записи, то есть фактически я лишен возможности как следует и с пользой заниматься. Пока почитываю. Все же время идет очень быстро, гораздо быстрее, чем я думал. Со дня моего ареста (8 ноября) прошло уже пять месяцев, и два месяца — со дня моего прибытия в Милан. Кажется невероятным, что прошло столько времени. Надо учесть, правда, что за эти пять месяцев я повидал и испытал всякое, и впечатлений было множество — самых что ни на есть удивительных и из ряда вон выходящих. С 8 по 25 ноября — в Риме, в полной и строжайшей изоляции; с 25 по 29 ноября — в Неаполе, в компании четырех моих товарищей депутатов (вернее, трех, а не четырех, так как один был отделен от нас в Казерте и направлен на Тремити). Посадка на пароход, идущий в Палермо, и прибытие в Палермо 30-го. Восемь дней в Палермо: три тщетных попытки (из-за штормовой погоды) добраться из Палермо до Устику. Первое знакомство с арестованными сицилийцами, которых обвиняют в принадлежности к «Мафии»; новый мир, который я знал только теоретически; сравниваю и проверяю свои суждения в этой области и прихожу к заключению, что они оказались довольно верными. 7 декабря прибытие на Устику, знакомство с миром уголовников; фантастические, невероятные вещи. Знакомлюсь с колонией бедуинов из Киренаики — политических ссыльных: очень интересная картина восточной жизни. Пребывание на Устике. 20 января отъезд. Четыре дня в Палермо. Переезд в Неаполь вместе с уголовными преступниками; Неаполь — знакомлюсь с целой галереей чрезвычайно интересных для меня типов; из всего Юга я ведь знал фактически одну лишь Сардинию. В Неаполе, среди прочего, присутствую при обряде посвящения в «Каморру»¹, знакомлюсь с одним каторжанином (неким Артуром), который производит на

---

¹ «Каморра» — тайная бандитская организация в Южной Италии. Подобно «Мафии», является орудием реакции. — *Прим. ред.*

меня неизгладимое впечатление. Спустя четыре дня — отъезд из Неаполя. Остановка в Кайанелло, в казарме карабинеров; знакомлюсь с товарищами по цепи, с которыми мне надлежит ехать до Болоньи. Два дня в Изернии в обществе этих типов. Два дня в Сульмоне. Ночь в Кастелламаре [Адриатико], в казарме карабинеров. Два дня — вместе с шестьюдесятью заключенными. Они организуют в мою честь представление: уроженцы Рима великолепно читают стихи Паскарелла¹, разыгрывают сценки из жизни преступного мира Рима. Апулийцы, калабрийцы и сицилийцы состязались в фехтовании на ножах по всем правилам четырех государств преступного мира Южной Италии («Сицилийское государство», «Калабрийское государство», «Апулийское государство», «Неаполитанское государство»): сицилийцы выступали против апулийцев, апулийцы против калабрийцев. Между сицилийцами и калабрийцами состязания не устраиваются, так как ненависть между этими двумя «государствами» настолько сильна, что даже состязания чреваты серьезными и кровавыми последствиями.

Первенство остается за апулийцами — это непревзойденные мастера поножовщины; они владеют всем арсеналом приемов и секретов своего убийственного ремесла и технику этого ремесла они совершенствуют, изучая технические приемы противника и стремясь превзойти их. Один шестидесятипятилетний апулиец, старик весьма почитаемый, но без особых «званий», одержал победу над всеми чемпионами других «государств», затем, в качестве *clou*² программы, схватился с другим апулийцем, молодым парнем великолепного сложения и поразительной ловкости, который обладал высокими «званиями» и которому все подчинялись, и в течение получаса они продемонстрировали нам все существующие способы фехтования на ножах. Это было поистине потрясающим и незабываемым зрелищем для всех: и для участников и для зрителей. Передо мной открывался совершенно неведомый мир, — самый сложный мир преступного подполья с царящими в нем нравами, чувствами, взглядами, кодексом чести, железной и страшной иерархической системой. Оружие было про-

---

¹ Паскарелла, Чезаре (1858—1940) — итальянский поэт и прозаик, один из представителей литературы на местных диалектах.— *Прим. ред.*

² *Clou* — гвоздь (франц.).

стое — ложки; они терли их об оштукатуренную стену, для того чтобы можно было отмечать «удары» на одежде противника. Затем — два дня в Болонье, новые эпизоды. Затем Милан. Да, эти пять месяцев были довольно бурными и насыщенными таким количеством впечатлений, что их можно будет «переваривать» еще год или два.

Из этого ты можешь заключить, как я провожу время, когда не читаю: я вспоминаю все то, что видел, и тщательно, скрупулезно все анализирую. Занятие это страшно увлекает меня. Таким образом, и все то, что происходит вокруг меня, и то, что мне удастся подметить, приобретает особый интерес.

Я стараюсь, конечно, внимательно следить за собой, чтобы не впасть в мономанию, столь свойственную психике заключенного. Очень помогает мне в этом та склонность к иронии и то чувство юмора, которые никогда не покидают меня. Ну, а ты что делаешь и о чем думаешь? Кто вместо меня покупает тебе теперь приключенческие романы? Я уверен, что ты снова перечитала чудесные приключения Коркорана и его любезной Лизетты¹. Посещаешь ли ты в этом году лекции в поликлинике? Профессор Каронни — это тот самый, который открыл бациллу кори? Я следил за печальными превращениями его судьбы; вот только я не понял из газет, уволен ли также профессор Чиринчоне? Все это, несомненно, в известной мере связано с проблемой сицилийской «Мафии». Просто уму непостижимо, насколько сицилийцы — от самых низших до самых высших слоев общества — связаны между собой круговой порукой и как даже ученые, значение которых неоспоримо, бывают на грани нарушения уголовного кодекса из-за этого чувства «солидарности». Я убедился в том, что сицилийцы в самом деле ни на кого не похожи; между калабрийцем и пьемонтцем куда больше сходства, чем между калабрийцем и сицилийцем. Что касается обвинений, которые южане выдвигают обычно против сицилийцев, то они ужасны: их обвиняют даже в людоедстве. Никогда не думал, что в народе могут существовать подобные настроения. Для того чтобы обнаружить истоки такого рода настроений, надо было бы, пожалуй, прочитать множество книг по истории последних веков, в особенности по пе-

---

¹ Assolant, *Le avventure del capitano Corcoran*. Приключенческий роман для детей. Лизетта — тигрица, неразлучная спутница капитана Коркорана.

риоду пребывания на престоле Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата в Неаполе, когда Сицилия и Юг были разъединены.

...А вот и другая интересная тема для изучения: тюремные порядки и психология тюремной охраны, вырабатываемая у нее под воздействием этих порядков, с одной стороны, и в результате контакта с заключенными — с другой. До сих пор я считал, что тысячелетний человеческий опыт в области организации масс был воплощен в двух шедеврах (я это говорю вполне серьезно): в уставе, которым руководствуется капрал, и в католическом катехизисе. Теперь я убедился в том, что к этому следует присокупить — хотя и применительно к более узкой и специфической области — тюремный устав, представляющий собой подлинный кладезь познаний для изучения человеческой психологии.

Жду писем от Юлии; полагаю, что после того, как я их прочту, я буду в состоянии написать ей непосредственно. Не думай, что это ребячество.

Важная новость: вот уже несколько дней, как я много ем. Только с овощами никак не могу справиться: прилагал героические усилия, а теперь бросил, так как они вызывают у меня ужасную тошноту.

И все же мне не удастся забыть, что ты, быть может, приедешь и что нам, быть может (увы, только быть может), удастся повидаться хотя бы в течение нескольких минут. Обнимаю тебя.

Антонио.

XIII

Миланская тюрьма, 25 апреля 1927 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 12-го и решил хладнокровно, цинично позлить тебя. Знаешь ли ты, что ты очень самонадеянна? Постараюсь доказать тебе это со всей объективностью и заранее наслаждаюсь, представляя себе твой гнев (не очень все же сердись — это огорчило бы меня).

То, что в твоём письме, посланном мне на Устику, все построено на неверных суждениях, не подлежит сомнению; однако тебя в этом винить нельзя. Трудно вообразить себе жизнь на Устике, нравы и обычаи Устики, так как

они весьма своеобразны и выходят за рамки привычных нам норм человеческого общежития. Можешь ли ты представить себе что-нибудь подобное? Слушай. Я приехал на Устику 7 декабря, после того, как туда восемь дней не приходил парходик, и после четырех неудачных попыток добраться до острова. Я был пятым политическим ссыльным, прибывшим на Устику. Меня тотчас предупредили, что я должен запастись сигаретами, так как запасы их были на исходе; я отправился в табачную лавку и попросил десять пачек сигарет «Мачедония» (шестнадцать лир), положив на прилавок бумажку в пятьдесят лир. Продащица (молодая женщина, с виду совершенно нормальная) была поражена моей просьбой и попросила повторить, потом взяла десять пачек, открыла их и начала считать сигареты одну за другой, сбилась со счета, вновь начала, затем взяла листок бумаги и стала писать карандашом длинные столбцы цифр, остановилась, взяла пятьдесят лир и осмотрела их с обеих сторон; наконец она спросила, кто я такой. Узнав, что я политический ссыльный, она дала мне сигареты и вернула пятьдесят лир, сказав, что я смогу заплатить после того, как разменяю деньги. То же самое повторилось в других местах, и вот объяснение: экономика Устику основана на сольди¹, все расчеты ведутся в сольди, здесь никогда не тратят больше чем пятьдесят чентезими. Примеры, характеризующие экономику Устику, можно найти и в жизни (уголовного) ссыльного; последний получает четыре лиры в день, из них две он уже задолжал ростовщику или виноторговцу, а остальные две лиры он тратит на питание, покупая триста граммов хлеба и посыпая его в качестве приправы молотым перцем, купленным на один сольдо. Сигареты продаются поштучно: одна пачка сигарет «Мачедония» стоит шестнадцать чентезими, то есть три сольди и один чентезимо; ссыльный, который покупает одну пачку в день, оставляет продавщице лишний сольдо, и она в течение последующих пяти дней получает за сигареты на один чентезимо меньше. Чтобы подсчитать таким образом стоимость ста штук «Мачедоний», нужно сто раз проделать этот расчет с шестнадцатью чентезими (три сольди плюс один чентезимо), и никто не станет отрицать, что это довольно сложно и требует немало времени. Это ока-

---

¹ Одна итальянская лира = 100 чентезими или 20 сольди.—
Прим. ред.

залось сложным даже для хозяйки табачной лавочки — одного из самых крупных коммерсантов острова. Итак, на всем острове господствует и определяет психологию его жителей грошовая экономика, требующая знания только сложения и вычитания, причем только однозначных чисел, — так сказать, экономика без таблицы умножения.

Слушай дальше (я рассказываю тебе только о случаях, происшедших лично со мной, о тех фактах, к которым, я думаю, не сможет придаться цензура): меня позвали в контору, к чиновнику, занимающемуся просмотром поступающей почты, передали адресованное мне письмо и предложили дать объяснения по поводу его содержания. Письмо это было от одного моего друга из Милана, он предлагал прислать мне радиоприемник и запрашивал необходимые технические данные, чтобы можно было из Устики ловить хотя бы Рим. По правде говоря, я не понял, что им не ясно из письма, и рассказал, в чем дело. Думая, что я хочу разговаривать с Римом по радио, они сказали, что не разрешат прислать мне приемник! Позднее подеста сам вызвал меня к себе и сообщил, что муниципалитет собирается купить радиоприемник и что поэтому мне не следует настаивать. Подеста добавил, что он не возражает и против выдачи мне разрешения на пользование приемником, так как он был в Палермо и удостоверился, что при помощи приемника нельзя установить радиосвязь.

...Дорогая Таня, не надо на меня сердиться, я очень, очень люблю тебя и был бы, право, в отчаянии, если бы причинил тебе серьезное огорчение.

Обнимаю тебя.

Антонио.

XIV

Миланская тюрьма, 2 мая 1927 года

Дорогая Юлия,
думаю, что для моей корреспонденции будет безопаснее, если я не сдержу данного тебе обещания описать хотя бы положительную сторону моей одиссеи. Меня это очень огорчает, поверь мне, так как я никак не могу отделаться от гнетущего сознания, что я вынужден вести какую-то условную переписку и, что еще хуже, условно-тюремную переписку. А мне так хотелось бы рассказать тебе разные

забавные истории! Рассказала ли тебе Таня историю с арестом свиньи? Едва ли, так как Таня не поверила этому; она решила, вероятно, что это чистейший вымысел и придумано мною лишь для того, чтобы развеселить ее и вызвать у нее улыбку. Да и ты, наверное, не очень-то поверишь всем этим сказкам (о зеленых очках и т. д.), которые, однако, хороши именно тем, что они правдивы (действительно правдивы); ты ведь также не поверила и в историю с самолетами, которые ловят птиц с помощью клейкого вещества, и в историю Лории, связанную с этим, хотя журнал с соответствующей статьей Лории является вещественным тому доказательством¹. Как же сделать, чтоб тебе было ясно, какой образ жизни я веду, о чем думаю? Многие из того, что я испытываю, ты можешь представить себе сама: например, я много думаю о тебе и о всех вас. Бытовую сторону моей жизни также легко себе представить. Много читаю: в течение последних трех месяцев я прочел восемьдесят две книги из тюремной библиотеки — самые что ни на есть несуразные и вздорные книги (а выбор тут чрезвычайно ограниченный)! Есть у меня и кое-какие свои книги, более однородные по подбору, которые я читаю более внимательно и по определенной системе. Кроме того, ежедневно прочитываю пять газет и несколько журналов. Затем изучаю немецкий и русский... Но, откровенно говоря, я замечаю, что, в отличие от того, как я полагал ранее, в тюрьме трудно заниматься, трудно в силу целого ряда причин практического и психологического порядка.

На прошлой неделе я получил твое письмо от 15 марта. С большим волнением жду твоих писем и чувствую себя счастливым, когда получаю их. Хотелось бы, чтобы ты выбрала время и подробно описала мне свою жизнь и жизнь Делио. Но представляю себе, как ты, должно быть, занята всегда. А мне столько хотелось бы знать.

Знаешь, когда я получил твое письмо, в котором ты говоришь о знаменитом Атланте, я только за несколько дней до того вернул в библиотеку «*Гуэрин Мескино*» —

---

¹ Грамши намекает на статью Акилле Лории «Социальное влияние авиации (Действительность и фантазия)», напечатанную в «*Рассенья контемпоранеа*» от 1 января 1910 года. В этой статье Лория излагает теорию освобождения рабочего от гнета заработной платы и фабричного труда при помощи самолетов, которые, будучи соответственным образом смазаны клейким веществом, смогут ловить множество птиц, что позволит каждому питаться дичью.

популярнейший итальянский рыцарский роман, которым особенно зачитываются крестьяне Юга. Хотелось бы привести тебе отдельные, весьма забавные географические перлы, содержащиеся в этом романе (так, например, Сицилия включена в полярные страны), дабы ты могла удостовериться, что существуют на свете люди, которые знают географию еще хуже, чем ты. Я уже не говорю об истории, ибо тут пришлось бы снова вспомнить о вышеупомянутом профессоре Лория, который как-то в разговоре все пытался доказать, будто во времена Юлия Цезаря, как он считает, существовала Венеция и будто в Венеции говорили, как сейчас, «на певучем наречии Лагуны» (по его досужему вымыслу).

Дорогая, стремясь написать тебе как можно больше, я пишу о вещах, которые, надеюсь, не вызовут задержки письма; вот почему я докучаю тебе всеми этими глупостями. Обнимаю тебя крепко, крепко.

Антонио.

XV

Миланская тюрьма, 23 мая 1927 года

Дорогая Таня,

на прошлой неделе вместе с письмом от Юлии получил и от тебя открытку и письмо. Хочу успокоить тебя в отношении моего здоровья: чувствую себя вполне прилично, честное слово. Всю последнюю неделю я ем столь усердно, что сам этому удивляюсь.

Мне удалось устроиться так, что я получаю питание, которое почти что удовлетворяет меня, и, по-моему, я даже пополнил. Кроме того, я стал уделять немного времени — как по утрам, так и после полудня — гимнастике: такая комнатная гимнастика вряд ли очень эффективна, но мне она, по-моему, все же весьма полезна. Происходит это так: я стараюсь делать упражнения, которые заставляли бы работать все суставы, все мускулы, — делаю их систематически и стараюсь каждую неделю увеличить количество движений. О том, что это полезно, свидетельствует, как мне кажется, тот факт, что первые дни я чувствовал себя совсем разбитым и одно упражнение мог делать всего несколько раз, тогда как теперь мне удалось уже утроить количество движений, и я не чувствую после этого

никакого недомогания. Думаю, что это нововведение оказывает на меня полезное действие и психологически, отвлекая от нелепейших книг, созданных лишь для того, чтобы убить время. Ты не должна опасаться и того, что я слишком много занимаюсь. Настоящие углубленные занятия, по-моему, исключены для меня по многим причинам, не только психологического, но и практического порядка. Очень трудно посвятить себя целиком одной теме, одному предмету и углубиться в него так, как это делаешь обычно, когда занимаешься серьезно, стремясь разобрать и уяснить себе все возможные аспекты интересующего тебя вопроса и органически увязать их. Кое-что в этом направлении начинает у меня как будто получаться с изучением языков: я стараюсь заниматься по определенной системе, — то есть не пренебрегая ни одним элементом грамматики, чего я никогда до сих пор не делал, ибо довольствовался обычно теми познаниями, которых хватает для того, чтобы говорить, а главным образом — читать. Потому-то я до сих пор и не просил тебя прислать мне какие-либо словари: немецкий словарь Колера, который ты прислала мне на Устику, мои тамошние друзья потеряли. Когда я освою всю грамматику, я попрошу тебя прислать мне другой словарь, составленный по системе Лангеншейда. Я попрошу тебя также прислать мне тогда *Gespräche*¹ Гёте с Эккерманом; я хочу не только перечесть эту книгу, но и проделать стилистический анализ текста. Сейчас читаю сказки братьев Grimm — они весьма просты по языку. Решил сделать изучение языков моим основным занятием; хочу возобновить после немецкого и русского систематическое изучение английского, испанского и португальского, которые я немного изучал в прошлые годы; а затем возьмусь за румынский язык, который я изучал в университете лишь в его неолатинской части, а теперь думаю, что смогу освоить полностью, то есть и славянскую часть его лексики (составляющую, кстати, более 50 процентов словарного состава румынского языка). Как видишь, все это свидетельствует о том, что и душевно я совершенно спокоен. В самом деле, я не испытываю больше той повышенной нервной возбудимости и тех приступов глухой ярости, какие я испытывал в первое время. Я «акклиматизировался», и время бежит до-

---

¹ *Gespräche* — беседы (нем.); Эккерман — секретарь Гёте. — Прим. ред.

вольно быстро: счет его я веду по неделям, а не по дням, и понедельник является для меня исходной точкой, так как в этот день я пишу и бреюсь,— по этим операциям мы и ориентируемся во времени.

...Мне хотелось описать тебе все это, ибо мне кажется, что так я лучше всего смогу дать тебе и Юлии какое-то, пусть хоть приблизительное, представление о том, как я живу, о чем обычно думаю. Не считайте только, что я совсем одинок и изолирован. Ведь каждый день что-то происходит: утром — прогулка; когда мне выпадает хорошее место во дворике, я наблюдаю за лицами тех, кто приходит и уходит, совершая прогулку в соседних двориках. Затем доставляют газеты, разрешенные всем заключенным. По возвращении в камеру я получаю те политические газеты, чтение которых мне дозволено. Потом я заказываю и оплачиваю еду на завтра, потом приносят заказ, сделанный накануне; вслед за этим завтрак и т. д. и т. п. В общем все время видишь новые лица, и каждое из них скрывает человеческую личность, которую нужно разгадать. Кроме того, я мог бы, отказавшись от чтения политических газет, проводить четыре-пять часов в день в обществе других заключенных. Я думал было так и делать, но затем решил оставаться один, отдав предпочтение газетам. Случайное общество могло бы развлечь меня в течение нескольких дней, быть может, даже в течение нескольких недель, но затем, по всей вероятности, оно не смогло бы заменить мне чтение газет. Как вы считаете? Может быть, общение с людьми является само по себе той душевной разрядкой, которую надо больше ценить? Таня, ты, как врач, должна дать мне по этому поводу практический совет, ибо я не в состоянии судить об этом с тех объективных позиций, которые, пожалуй, необходимы в данном случае.

Итак, таков общий распорядок моей жизни и таков круг моих мыслей. О мыслях, обращенных ко всем вам и к детям, не хочу и говорить: то, что я думаю, вы, должно быть, ясно себе представляете и хорошо чувствуете.

Дорогая Таня, в открытке ты опять говоришь о своем приезде в Милан и о возможности свидания со мной. Неужели на сей раз это осуществится? Подумай только — вот уже шесть месяцев, как я не видел никого из близких. На этот раз я в самом деле жду тебя. Обнимаю.

Антонио.

Миланская тюрьма, 4 июля 1927 года

Дорогой Берти,

получил твое письмо от 20 июня. Спасибо, что написал мне. Не знаю, получил ли Вентура мои письма, — а их было много, — так как мне уже довольно давно ничего не пересылают с Устики. Я переживаю сейчас период душевной усталости, что связано с событиями семейного характера. Я очень издерган и раздражителен. Мне не удастся сосредоточиться ни на одном вопросе, даже если вопрос этот столь интересен, как тот, что ты затрагиваешь в своем письме. К тому же я потерял всякий контакт с вашей средой и не могу представить себе, какого рода изменения произошли среди основной массы ссыльных. Мне кажется, что одна из наиболее важных задач, стоящих сейчас перед преподавательским составом¹, заключается в том, чтобы изучать, развивать и систематизировать педагогический и методический опыт. Только в результате такого рода непрерывных усилий и может быть создан тот тип школы и тот тип преподавателя, какого требует данная среда. Какую прекрасную и какую полезную книгу можно было бы создать на основе этого опыта! Поскольку моя точка зрения такова, мне трудно дать тебе какие-либо советы и еще затруднительнее снабдить тебя, как ты говоришь, целой россыпью «гениальных» идей. Я думаю, что «гениальность» надо выбросить на свалку и вместо нее следует применять метод самого тщательного изучения и использования опыта и самой беспристрастной и объективной самокритики.

Дорогой Берти, не думай, что я хочу обескуражить тебя или увеличить то смятение, которое, как ты пишешь, ты сейчас испытываешь. Я думаю, что в общих чертах школа должна состоять из трех ступеней (основных, так как каждая ступень могла бы подразделяться на курсы), третья ступень должна быть рассчитана на преподавателей или же на людей, стоящих на одном уровне с ними, и существовать скорее в виде кружка, чем в виде школы в обычном смысле этого слова. Каждый член кружка

---

¹ Политические ссыльные на Устике организовали общеобразовательные и политические курсы. Преподаватели подбирались из числа самих же заключенных.

должен вносить свой вклад в качестве лектора или докладчика на определенные научные, исторические или философские темы и в особенности на темы, освещающие вопросы дидактики и педагогики. Относительно курса по философии я думаю — опять-таки только в общих чертах, — что изложение исторического материала должно быть сжатым и что следует делать упор на определенную философскую систему — на систему Гегеля, — глубоко анализируя и подвергая ее всесторонней критике. Я бы ввел также курс логики (включая даже *barbara*, *baralip-ton*¹) и курс диалектики. Но мы еще поговорим обо всем этом, если ты мне снова напишешь. Дорогой Берти, передай привет от меня всем друзьям.

Дружески твой

Антонио.

XVII

Миланская тюрьма, 8 августа 1927 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 28 июля и письмо Юлии. Я не имел от вас писем с 11-го числа и очень тяжело это переживал, настолько тяжело, что даже кое-что сделал, — что покажется тебе глупостью. А что именно — не скажу; вернее, скажу тогда, когда придешь на свидание. Меня огорчает, что ты чувствуешь себя морально подавленной, огорчает вдвойне, ибо я уверен, что содействовал этому состоянию.

Дорогая Таня, меня всегда тревожит мысль, что ты чувствуешь себя хуже, чем пишешь мне, и что ты по моей вине можешь оказаться вдруг в затруднительном положении. От этой тревоги невозможно избавиться. Она глубоко засела. Ты ведь знаешь, что в прошлом я жил, как медведь в берлоге, именно из-за этого: не хотел, чтобы кто-нибудь оказался втянутым в мои злоключения. Я пытался сделать так, чтоб меня забыла и моя семья; для этого я писал домой как можно реже. Ну, хватит! Что бы такое сделать, чтобы ты, по крайней мере, улыбнулась? Сейчас расскажу тебе историю моих воробушков.

---

¹ *Barbara*, *baralipton* — два модуса первой фигуры силлогизма в логике. — *Прим. ред.*

Итак, да будет тебе известно, что у меня есть воробушек; было их два, но один умер, отравившись, как мне кажется, каким-то насекомым — не то тараканом, не то сороконожкой. Первый воробушек был гораздо симпатичнее теперешнего. Он был очень живой и обладал весьма гордым нравом. Этот же невероятно робок, пассивен, и у него раболепная душонка. Первый сразу же стал хозяином камеры. Мне кажется, что у него был явно гётевский дух (как говорится в одной биографии, которую я недавно прочел) *Über allen Gipfeln*¹.

Он завоевывал все существующие в камере вершины и затем на несколько мгновений замирал на одной из них, наслаждаясь высшим покоем. Постоянным и страстным желанием его было взобраться на пробку от бутылки с томариндовой настойкой; во время одной из таких попыток он свалился в миску с остатками кофе и чуть было не утонул. Особенно нравилось мне в этом воробушке то, что он не позволял себя трогать. Он свирепо защищался распушенными крылышками и очень энергично поклевывал руку. Он стал ручным, но не допускал слишком большой фамильярности. Интересно, что сближение его со мной нарастало не постепенно, а произошло внезапно. Обычно он разгуливал по камере, держась всегда противоположной от меня стороны. Чтобы привлечь его, я предлагал ему муху в спичечной коробке. Он брал ее лишь тогда, когда я далеко отходил. Однажды вместо одной мухи в коробке их оказалось пять или шесть. Прежде чем съесть их, он пустился на несколько секунд в неистовый пляс вокруг коробки. Танец повторялся всякий раз, когда он обнаруживал несколько мух.

Однажды утром, вернувшись с прогулки, я увидел воробушка совсем близко около себя; с тех пор он больше не улетал от меня, находился всегда рядышком, внимательно смотрел на меня и время от времени клевал мои ботинки, требуя, чтобы я дал ему что-нибудь. Однако как только я пытался взять его на руки, он оказывал сопротивление и был готов упорхнуть. Умирал он медленной смертью: у него был удар, совершенно неожиданно. Случилось это как-то вечером, когда он сидел, примостившись

---

¹ *Über allen Gipfeln* — «Над всеми вершинами...» — первая строка одного из лирических стихотворений Гёте. Русский стихотворный перевод М. Ю. Лермонтова — «Горные вершины спят во тьме ночной...», В. Я. Брюсова — «На всех вершинах — покой...» — *Прим. ред.*

под столиком; он закричал, совсем как ребенок. Умер же он только на следующий день. У него был паралич правой стороны, он с трудом тащился, чтобы есть и пить. Потом внезапно умер. Теперешний же воробушек — ручной до отвращения: он хочет, чтоб его кормили, хотя прекрасно может есть сам; влезает на ботинок и забирается в складку брюк. Если бы у него были целы крылья, он взлетел бы на колени. Ему, видимо, хочется это сделать, так как он тянется, трепещет и затем взбирается на ботинок. Думаю, что он тоже умрет, так как он любит клевать обгорелые спичечные головки. Кроме того, известно, что постоянная кормежка хлебным мякишем вызывает у этих птичек смертельное заболевание. Пока он в общем здоров, но в нем нет живости, он не прыгает по камере, всегда сидит около меня, и ему уже несколько раз доставалось, так как я нечаянно задевал его ногой. Ну, вот я и рассказал тебе о моих воробушках...

Антонио.

XVIII

Миланская тюрьма, 8 августа 1927 года

Дорогой Берти;

получил твое письмо от 15 июля. Уверяю тебя, что состояние моего здоровья отнюдь не хуже, чем в прежние годы; мне даже кажется, что оно чуть-чуть улучшилось. Учти, что я ведь не работаю, ибо нельзя же назвать работой обыкновенное чтение. Читаю я много, но бессистемно. Получаю кое-какие книги извне и раз в неделю беру книги в тюремной библиотеке, какие попадутся. Я обладаю довольно счастливым свойством находить какие-нибудь интересные стороны даже в самой низкопробной литературной продукции, например в романах-приложениях.

Если бы я имел возможность это сделать, я собрал бы сотни, тысячи карточек с заметками по отдельным вопросам, связанным с широко распространенными в народе представлениями (например, о том, как в 1914 году родился миф о русском «паровом катке»). В этих романах находишь сотни такого рода примеров, свидетельствующих о том, что существовала целая система верований и страхов, укоренившихся в широких народных массах, и что в 1914 году правительства... (зачеркнуто цензурой).

Точно так же можно найти сотни примеров, свидетельствующих о ненависти французского народа к Англии, ненависти, связанной с крестьянскими традициями времен столетней войны, с казнью Жанны д'Арк и затем с наполеоновскими войнами и изгнанием Наполеона. Разве не интересно, что во времена Реставрации французские крестьяне видели в Наполеоне потомка Орлеанской девы? Как видишь, я кое-что «выкапываю» и из навозной кучи! Впрочем, иногда мне попадаетесь и интересная книга. Сейчас, например, я читаю «Церковь и буржуазия» («L'église et la bourgeoisie»). Это первый том (300 стр., 8°) труда Гроэтузена (Groethusen), озаглавленного «Происхождение буржуазной идеологии во Франции» («Origines de l'esprit bourgeois en France»). У автора, который мне неизвестен, но который, должно быть, является последователем социологической школы Полана¹, хватило терпения на то, чтобы скрупулезно проанализировать сборники проповедей и молитвенники, вышедшие до 1789 года, дабы выявить взгляды, верования и позиции нового, правящего класса, находившегося в стадии формирования. Зато очень разочаровала меня столь шумно разрекламированная книга Анри Массиса «Защита Запада» (Henri Massis, «Défense de l'Occident»). Думаю, что, если бы эта тема пришла в голову, скажем, Филиппо Криспольти или Эджильберто Мартире², они написали бы куда более интересную книгу.

Что меня смешит, так это то обстоятельство, что сей почтенный Массис, испытывающий священный страх и опасения, как бы азиатская идеология Тагора и Ганди не уничтожила французский католический рационализм, не замечает, что Париж превратился в полуколонию сенегальского интеллектуализма и что во Франции все растет и растет число метисов. Можно было бы, смеха ради, утверждать, что если Германия является последним рубежом азиатской идеологии, то Франция — это начало неизведанной Африки, а джаз-банд — первый росток новой евро-африканской цивилизации!

¹ Полан, Фредерик (1856—1931) — французский буржуазный философ.— *Прим. ред.*

² Криспольти, Филиппо (1857—1943) — представитель умеренного крыла католического движения. Один из видных деятелей Католического действия, весьма преданный Ватикану.

Мартире, Эджильберто — представитель правого крыла партии «Пополари».— *Прим. ред.*

Благодарю тебя за попытки раздобыть недостающие в моем экземпляре страницы книги Росселли¹. Ты читал эту книгу? Я не знаком с Росселли, но мне хотелось бы сказать ему, что я не понимаю, как можно книгу по истории писать в столь язвительном, злобном тоне. Это в общем. А вот в частности: постановка вопроса в его книге, по моему, заострена до гротеска (конечно, рецензент «Журнале д'Италия» ухватился за это обстоятельство и грубо обыграл его). Затем в книге Росселли нет и намек на тот факт, что созыва знаменитого Лондонского совещания, состоявшегося в 1864 году и посвященного вопросу о независимости Польши, требовали в течение нескольких лет до этого неаполитанские общества и что создано оно было именно в результате соответствующего письма одного неаполитанского общества, где прямо был поставлен этот вопрос. А факт этот, по моему, имеет кардинальное значение. Росселли обнаруживает странную (для него) деформацию мысли. Так, в период Рисорджименто умеренные либералы, пославшие после февральских событий 1853 года в Милане и всего через несколько дней после казни Тито Спери² приветственный адрес Францу-Иосифу, в известный момент, а именно после 1860 года и в особенности после парижских событий 1871 года, «завладели» Мадзини и использовали его как свой оплот, в частности в борьбе с Гарибальди (см., например, «Историю» Туллио Мартелло — «Storia» Tulio Martello). Такая тенденция в освещении событий существует и по сей день, ее представляет Луцио. Но почему это делает и Росселли? Я думал, что молодое поколение историков избавилось от такого рода необъективной критики и желчных выпадов и что апологию «деяний богов» они заменили критическим изучением истории. Впрочем, книга Росселли в самом деле «заполняет известный пробел».

Обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Nello Rosselli, Mazzini e Bakunin. Росселли, Нелло (1901—1937) — леворадикальный историк, представитель мелкобуржуазной оппозиции фашизму. Позднее — один из лидеров движения «Справедливость и свобода», участвовал в борьбе испанских республиканцев против фашизма. В 1937 году был убит французскими кагулярами по сговору с итальянскими фашистами.—Прим. ред.

² Тито Спери — ломбардский патриот. Один из организаторов антиавстрийского восстания в Брешии в 1849 году. Был казнен в марте 1853 года.—Прим. ред.

Миланская тюрьма, 10 октября 1927 года

Дорогая Таня,

я много думал после нашего свидания в четверг и решил в письме сказать тебе то, что у меня не хватило мужества сказать тебе при встрече. Я думаю, что ты не должна больше оставаться ради меня в Милане. Это связано со слишком большими жертвами с твоей стороны. Ты не сможешь восстановить свое здоровье в этом сыром климате. Видеть тебя, конечно, большая отрада для меня; но разве я потом не думаю постоянно о твоём болезненном виде и не чувствую угрызений совести от того, что из-за меня ты жертвуешь собой? Мне кажется, ты угадал, что именно побуждает тебя остаться: ты думаешь, что сможешь выехать тем же поездом, в котором будут перевозить меня, и сможешь каким-либо образом облегчить мое путешествие. Я угадал? Ну так вот: никакой практической возможности для осуществления этого намерения нет. При перевозке будут, несомненно, соблюдаться очень строгие правила, и охрана ни в коем случае не допустит, чтобы «христиане» общались с заключенными (открываю скобку для того, чтобы пояснить тебе, что ссыльные и заключенные делят всех на две категории: на «христиан» и на ссыльных или заключенных).

Такая попытка с твоей стороны ни к чему не привела бы, а, быть может, даже принесла бы вред, ибо это могло бы вызвать всякие подозрения и навлечь еще более суровые репрессии. В итоге ты совершила бы поездку в весьма тяжелых условиях и приехала бы в Рим больной, с перспективой проболеть еще месяца четыре. Дорогая Таня! Я думаю, что и в доброте надо быть практичным и считаться с реальной действительностью. Дело не в том, что ты растрачиваешь свою доброту, а в том, что ты растрачиваешь свою энергию и свои силы, и я не могу больше с этим мириться. Я очень много думал об этом и все хотел сказать тебе, но когда я тебя увидел, то подумал, что, пожалуй, еще огорчу тебя, и у меня не хватило решимости.

Нежно обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

Миланская тюрьма, 17 октября 1927 года

Дорогая Таня,

позавчера получил твое письмо от 27 сентября. Рад, что Милан нравится тебе и что ты имеешь возможность развлечься. Была ли ты в музеях и в картинных галереях? Ведь с точки зрения градостроительства, архитектуры Милан ненадолго приковывает к себе внимание. Основное различие между Римом и Миланом именно в том, по моему, и состоит, что огромная притягательная сила Рима во внешнем облике города — в его «панораме», тогда как притягательная сила Милана в его «chez soi»¹, в своеобразном быте миланцев, которые куда в большей степени привержены традициям, чем это принято считать. Вот почему Милан так мало говорит среднему иностранцу, тогда как он очень притягивал к себе таких людей, как Стендаль, которые могли проникнуть в его дома, в его гостиные и таким образом изнутри близко познакомиться с его жизнью. Наиболее устойчивое социальное ядро Милана составляет аристократия, которая сумела сохранить, в отличие от других городов Италии, редкостную однородность и целостность, тогда как другие группы, включая и рабочих, представляют собой нечто вроде цыганских таборов, — нет стабильности, нет костяка; это пестрый конгломерат людей — выходцев из различных областей Италии. Именно в этом сила и слабость Милана, крупнейшего промышленного и торгового национального центра, где фактически господствует *élite*² в лице старинных аристократических семейств, которые, следуя давно установившимся традициям, удерживают в своих руках местную власть (да будет тебе известно, что в Милане существует даже свой особый католический культ — амброзианский культ, который чрезвычайно ревностно чтят исконные миланцы, и это также связано со всем вышеизложенным). Извини меня за отклонение. Ты ведь знаешь, как я люблю поболтать и как увлекаюсь каждым заинтересовавшим меня вопросом...

Пиши мне о своих миланских впечатлениях. Сердечно обнимаю тебя и жду.

Антонио.

---

¹ «*Chez soi*» — домашний мир (точно: «у себя дома») (франц.).

² *Elite* — избранное общество (франц.).

XXI

Миланская тюрьма, 14 ноября 1927 года

Дорогая Таня,

получил, наконец, кое-какие книги; «Квинтино Селла в Сардинии» («Quintino Sella in Sardegna») и каталог «Мондадори» уже у меня в камере. Книги Финка и Морраса тоже получены, но еще не переданы мне. Как странно: книгу о Квинтино Селла я попросил у моей матери; если не ошибаюсь, это одна из первых книг, которые я прочел, ибо она находилась в нашей домашней библиотеке. И все же она ничего не воскресила в памяти.

...Когда исполнилось 400-летие со дня смерти Маккиавелли, я прочел все статьи, опубликованные в пяти газетах, которые я тогда получал. Позже я получил специальный номер «Марцокко», посвященный Маккиавелли. Меня поразило то, что никто из выступавших в печати по случаю этой годовщины и не подумал связать произведения Маккиавелли с развитием европейских государств в тот исторический период. Увлечшись одним лишь моральным аспектом так называемого «маккиавеллизма» (что и увело их в сторону), они просмотрели то, что Маккиавелли был создателем теории национального государства, основанного на принципе абсолютной монархии; иными словами — что он в Италии теоретически обобщил те преобразования, которые в Англии весьма решительно осуществлялись на практике Елизаветой, в Испании — Фердинандом Католиком, во Франции — Людовиком XI, в России — Иваном Грозным. Меж тем Маккиавелли не знал, да и не мог знать о всех национальных преобразованиях в этих странах, а они являлись, в сущности говоря, основной исторической проблемой той эпохи, проблемой, которую Маккиавелли — и в этом его гениальность — сумел почувствовать и изложить в виде стройной системы.

Дорогая Таня, после этого отступления, вряд ли для тебя очень интересного, обнимаю тебя.

Антонио.

XXII

Миланская тюрьма, 14 ноября 1927 года

Дорогая Юлия,

всякий раз, когда мне разрешается писать, я пользуюсь этой возможностью, чтобы послать тебе хотя бы привет.

Прошел год со дня моего ареста и почти год, как я написал тебе первое письмо из тюрьмы. Я очень изменился за это время. Мне кажется, что я стал крепче и сумел приспособиться к тюремной жизни. Мне даже немного смешно теперь, когда я вспоминаю свое душевное состояние в тот момент, когда я писал тебе то первое письмо (я даже не стану описывать тебе это состояние, так как ты пришла бы в ужас). Думаю, что Делио за этот год имел возможность накопить впечатления, которые он пронесет через всю свою жизнь; это меня очень радует.

Нежно целую тебя.

Антонио.

XXIII

Миланская тюрьма, 21 ноября 1927 года

Дорогая Юлия,

во дворе, куда нас обычно выводят на прогулку, была устроена выставка фотографий детей заключенных. Делио вызвал всеобщее восхищение. Вот уже несколько дней, как я не в одиночной камере, а в одной камере с другим политзаключенным, у которого очень милая трехлетняя дочурка. Зовут ее Мария-Луиза. По сардинскому обычаю, мы решили, что Делио женится на Марии-Луизе, как только оба достигнут брачного возраста. Что ты на это скажешь? Мы ждем, конечно, согласия обеих мам, чтобы наш договор принял более обязательный характер, хотя это и является серьезным отклонением от правил и обычаев моего родного края. Я представляю себе, что ты, читая это, улыбаешься, и чувствую себя от этого счастливым; мне лишь с большим трудом удастся мысленно увидеть тебя улыбающейся.

Нежно целую тебя, дорогая.

Антонио.

XXIV

Миланская тюрьма, 26 декабря 1927 года

Дорогая Таня,

вот и рождество прошло; представляю, сколько хлопот оно тебе доставило. О необычности его я, откровенно говоря, думал лишь с этой единственно интересовавшей меня точки зрения. В нашей же тюремной жизни приме-

чательным было лишь то, что в эти дни все испытывали какой-то подъем, какой-то необычайный прилив жизненных сил. Настроение это нарастало на протяжении целой недели. Каждый ожидал чего-то из ряда вон выходящего, и ожидание это предопределило целый ряд мелких, весьма характерных событий, которые в своей совокупности и создавали это ощущение подъема. Для многих необычайное заключалось в порции макарон и в четвертушке вина, которое администрация выдает три раза в год вместо обычного супа. Ну, не важное ли это событие! Не думай, пожалуйста, что я шучу или смеюсь. Быть может, я и посмеялся бы над этим до того, как узнал, что такое тюремная жизнь. Но я видел слишком много волнующих сцен, когда заключенные с какой-то религиозной сосредоточенностью поедали свою миску супа, собирая хлебным мякишем остатки жира по ее краям! А однажды в казарме карабинеров, куда нас поместили во время переезда, один из заключенных заплакал, когда вместо положенного супа нам дали лишь двойную порцию хлеба. Он находился в тюрьме уже два года, и горячий суп был для него его кровью, его жизнью. Понятно, почему в «Pater Noster»¹ упоминается хлеб наш насущный.

Я все думал о твоей доброте и о твоей самоотверженности, дорогая Таня. А день этот прошел почти так же, как и все остальные. Пожалуй, мы только меньше болтали и больше читали. Я прочел книгу Брюнетьера о Бальзаке; таким чтивом можно наказывать непослушных детей. Но я не хочу докучать тебе рассуждениями на эту тему. Вместо этого я лучше расскажу тебе одно почти рождественское происшествие, приключившееся со мной в детстве: это развлечет тебя и даст представление о характерных особенностях жизни моего родного края. Мне было четырнадцать лет, и я учился в третьем классе гимназии в Санту Луссурджу, расположенном в восемнадцати километрах от моего селения; там, кажется, и поныне существует довольно неприглядное здание коммунальной гимназии. 23 декабря после обеда мы с одним мальчиком решили пойти из гимназии домой пешком, не дожидаясь дилижанса, отправлявшегося только на следующее утро,— мы выгадывали таким образом лишние сутки, которые могли провести в семье. Итак, мы шли, шли, пока не прошли половины пути; места эти были глу-

¹ «Pater Noster» — молитва «Отче наш» (лат.).— *Прим. ред.*

хие и безлюдные: слева, метрах в ста от дороги, тянулся длинный ряд тополей, за ними — роща мастиковых деревьев. Вдруг раздался ружейный выстрел; пуля просвистела метрах в десяти над нашими головами. Мы решили, что это случайный выстрел, и спокойно продолжали шагать дальше. Но вот раздался второй выстрел и третий, пули пролетали ниже, и мы поняли, что стреляют в нас; тогда мы бросились в канаву и пролежали там некоторое время. Когда же мы попытались подняться, снова раздался выстрел. Так продолжалось около двух часов; мы удалялись ползком, но всякий раз как мы пытались выйти на дорогу, над нами снова свистели пули. Это была, несомненно, компания шутников, которая решила позабавиться тем, что пугала нас. Очень милая шутка, не правда ли? Домой мы добрались поздно ночью, изрядно усталые, в грязи, но никому не рассказали о случившемся, чтобы не встревожить родных. Сами же мы не очень были напуганы, и в следующие каникулы во время карнавала мы проделали тот же путь пешком, но уже без инцидентов подобного рода. Ну вот, я и заполнил почти все четыре странички!

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

Все это чистейшая правда, а отнюдь не сказка про разбойников!

XXV

Миланская тюрьма, 26 декабря 1927 года

Дорогой Берти,

с некоторым запозданием получил твое письмо от 25 ноября. Я знал, что группа ссыльных была переведена в палермскую тюрьму, но не знал, в чем точно они обвинялись. Я думал, что речь идет о процессе дисциплинарного порядка¹, который должен был слушаться в присутствии мирового судьи и который был перенесен в Палермо лишь потому, что вместимость островной тюрьмы была весьма ограниченной. Ну что же, дорогой Берти,— терпение...

---

¹ На самом же деле им было предъявлено обвинение в антифашистской деятельности, которую они вели в ссылке.

С адвокатами я знаком приблизительно столько же, сколько и ты. Полагаю, что ты еще успеешь подумать об этом в том случае, если следствие примет очень уж серьезный оборот и тебя отправят в Рим. Лично я не думал еще над сей важной проблемой, меня, признаться, она немного смешит. Я, вообще говоря, преспокойно мог бы обойтись и без адвоката, но забавно представить себе его выступление, вернее, его защитительную речь; кроме того, я ведь придерживаюсь принципа не упускать никаких легальных возможностей. Я очень позабавился бы, если б мог выбрать себе какого-нибудь сонливого адвокатишку, масона-демократа, чтобы поставить его в неловкое положение и вогнать в краску. Но, к сожалению, придется поступиться своими развлечениями. (Представь себе, например, положение одного из адвокатов такого рода, которые в 1924—1925 годах утверждали устно и в печати, что мы заодно с правительством или нечто подобное!)

Будь бодр, дорогой Берти! И прежде всего береги свое здоровье, чтобы быть в состоянии стойко вынести любое испытание.

Братски обнимаю тебя.

Антонио.

XXVI

Миланская тюрьма, 2 января 1928 года

Дорогая Таня,

вот и новый год наступил. По существующему обычаю в эти дни полагается строить планы на будущее; но сколько я ни размышлял, какого-либо ясного плана мне все еще не удалось составить. Надо сказать, что для меня это всегда было весьма трудным делом — с первых лет моей сознательной жизни. Помню, в начальной школе каждый год в это время задавали сочинение на неизменную тему: «Кем вы хотите стать?» Вопрос не легкий; впервые я решил его, когда мне было восемь лет, остановив свой выбор на профессии ломового извозчика. Я считал, что профессия эта совмещает в себе приятное с полезным: извозчик щелкает кнутом и правит лошадьми, и в то же время выполняет работу, которая облагораживает человека и дает ему хлеб насущный. Я остался верен этим устремлениям и на следующий год, но уже по причинам, я бы

сказал, внешнего характера. Если бы я был тогда до конца искренним, я признался бы, что моим самым заветным желанием было стать... привратником в суде. Почему, спрашивается? А потому, что в тот год в наше селение приехал и начал работать привратником в суде один старенький господин, которому принадлежала симпатичнейшая черная собачонка; она была всегда расфранченной: красный бантик на хвосте, попонка на спине, лакированный ошейник, конская сбруйка на голове. Я никак не мог отделить образ собачки от образа ее хозяина и от его профессии. И все же я отказался, хоть и с большим сожалением, от этой столь соблазнительной перспективы. Я обладал тогда таким убийственно-логическим мышлением и такой нравственной чистотой и стойкостью, что мог затмить и вогнуть в краску самых великих героев долга! Я, видишь ли, считал, что недостоин стать привратником в суде и, следовательно, недостоин обладать такими чудесными собачками: я ведь не знал наизусть восемьдесят четыре статьи Статута королевства! Да, да, это именно так. Я закончил в то время второй класс начальной школы (когда я впервые и открыл гражданские доблести ломового извозчика...) и хотел в ноябре сдать экзамен за следующий класс, чтобы перейти сразу в четвертый, минуя третий. Я был уверен, что в состоянии это сделать, но когда я предстал перед директором школы, чтобы подать ему письменное заявление, я был огорошен вопросом, поставленным в упор: «А знаешь ли ты восемьдесят четыре статьи Статута?» Ну, а я и не подумал даже об этих статьях: я довольствовался изучением основ «прав и обязанностей гражданина», содержащихся в учебнике. Это было тяжким укором мне, и он особенно потряс меня еще и потому, что незадолго до этого, 20 сентября¹, я впервые в жизни участвовал в торжественном шествии, нес венецианский фонарик и кричал вместе с остальными: «Да здравствует Капрерский лев!»² «Да здравствует усопший из Стальено!»³ (не помню, кричали ли мы «усопший» или «пророк» из Стальено; быть может, и то и другое — для разнообра-

---

¹ 20 сентября — день празднования годовщины воссоединения Италии — *Прим. ред.*

² Под Капрерским львом подразумевается Гарибальди. — *Прим. ред.*

³ Имеется в виду Мадзини. Стальено — местечко около Генуи, где он похоронен. — *Прим. ред.*

зия!); ведь я был уверен, что успешно сдам экзамены и завоюю юридические права¹ на участие в выборах и стану, таким образом, активным и образцовым гражданином. А я, оказывается, не знал восьмидесяти четырех статей Статута! Ну какой же я гражданин после этого? И как я смел быть столь честолюбивым и стремиться стать привратником в суде и обладать собакой с бантиком и попонкой? Ведь привратник в суде — один из винтиков государства (я даже думал, что это большущий винт); он — блюститель и страж законности, охраняющий ее в случае надобности даже от посягательств тиранов! А я не знал восьмидесяти четырех статей! Тем самым я заведомо сузил свои жизненные горизонты... Тут я вновь отдал предпочтение гражданским доблестям ломового извозчика, который все-таки мог иметь собаку — пусть без бантика и попонки. Видишь, как заранее составленные и чересчур схематичные и негибкие планы разбиваются о суровую действительность, когда обладаешь столь развитым чувством долга!

Тебе не кажется, дорогая Таня, что я наговорил много лишнего? Посмейся и прости меня. Обнимаю тебя.

Антонио.

XXVII

Миланская тюрьма, 30 января 1928 года

Дорогой Берти,

получил твое письмо от 13-го неделю тому назад, но не ответил сразу, так как уже использовал тогда право на полагающиеся мне два письма. У меня ничего нового. Все те же тусклые, тяжкие будни, все то же однообразие. Даже к чтению я становлюсь все более и более равнодушным. Я, разумеется, все еще много читаю, но без интереса, механически. Несмотря на то, что я в камере не один, я прочитываю по книге в день, а иногда и больше. Книги, как ты себе представляешь, самые случайные. Я перечитал даже Фенимора Купера «Последний из могикан». Их распределяет по своему усмотрению платная тюремная библиотека. За последние недели я прочел несколько книг, присланных мне родными, но ни одна из них не представ-

¹ По существовавшему в то время избирательному закону правом голоса обладал лишь тот, кто мог, в частности, нотариально засвидетельствовать наличие образования в объеме трех классов.— *Прим. ред.*

ляет особого интереса. Перечисляю их просто для того, чтобы немного отвлечь тебя.

1. «Ватикан и Аксьон франсез» («Le Vatican et l'Action Française»). Речь идет о так называемой «желтой книге» «Аксьон франсез»; это сборник речей, статей и циркуляров, с которыми я уже был в значительной мере знаком, так как они были опубликованы в «Аксьон франсез» в 1926 году. Политическая суть конфликта сокрыта за семью завесами. Наружу проступает лишь «каноническая» дискуссия о так называемой «мистической материи» и о «подлинной (сообразно канонам) свободе»... верующих. Ты знаешь, конечно, о чем идет речь: во Франции существует массовая католическая организация типа нашего «Католического действия», которую возглавляет генерал де Кастьельно. До политического кризиса 1926 года во Франции националисты фактически представляли собой единственную политическую партию, органически соединившуюся с этой организацией и использовавшую все имевшиеся у нее возможности (4—5 миллионов подписчиков в год, например). В результате католические силы оказались под угрозой испытать на себе последствия авантюры Морраса и Додэ; последние уже имели в 1926 году готовое временное правительство, которое должно было в случае кризиса стать у власти. Ватикан же, который предвидел тогда новый поток антиклерикальных законов типа Комбы, решил демонстративно порвать с «Аксьон франсез» и работать над созданием массовой демократической католической партии, которая выполняла бы, следуя политике Бриана — Пуанкаре, роль парламентского центра. В газете «Аксьон франсез» печатались, по понятным причинам, лишь статьи, написанные в сдержанно-почтительном и умеренном тоне; резкие выступления и личные выпады предоставлялось печатать еженедельнику «Шаривари», который не был официальным партийным органом; у нас подобного органа нет. Однако эти полемические материалы в книгу не вошли. Я видел, что ортодоксальные католики опубликовали ответ на «желтую книгу», составленный Жаком Маритэном, профессором Парижского католического университета и признанным вождем ортодоксальных католиков-интеллигентов. Это означает, что Ватикан одержал немаловажную победу, ибо в 1926 году Маритэн написал книгу в защиту Морраса, а еще ранее подписал заявление в таком же духе; итак, ныне среди

этих интеллигентов произошел раскол, и изоляция монархистов, повидимому, усугубилась.

2. Р. Михельс, «Современная Франция» (R. Michels, «La Francia contemporanea»). Книга эта — просто очко-втирательство. Речь идет о сборнике не связанных между собой статей, освещающих некоторые сугубо частные стороны французской действительности. Михельс считает, что, поскольку он родился в рейнской Пруссии — зоне, где смыкаются романская и германская культуры, — ему самой судьбой предначертано скрепить дружбу между немцами и неолатинянами; в нем самом сочетаются наилучшие черты той и другой культуры — спесь тевтонского филистера и пустое самодовольство южан. Так вот, этот человек, который выставляет напоказ, как кокарду, свое отступничество от германской расы и хвастает тем, что дал одному из своих сыновей имя Мária — в память о поражении, нанесенном кимврам и тевтонам¹, — производит на меня впечатление утонченнейшего лицемера, действующего в карьеристских целях.

...Пиши мне, когда сможешь, хотя возможностей у тебя, повидимому, еще меньше, чем у меня. Дружески твой

Антонио.

XXVIII

20 февраля 1928 года

Дорогая Терезина,

получил твое письмо от 30 января и фотографию твоих детей. Благодарю тебя и буду очень рад, если ты мне еще напишешь.

Самое тяжкое в моей нынешней жизни — скука. Эти неизменно похожие один на другой дни, эти часы и минуты, протекающие с монотонностью медленно падающих капель воды, — все это в конце концов извело меня. Первые три месяца после ареста было, по крайней мере, много всяких передвижений: меня перебрасывали с одного конца полуострова на другой, и хотя я претерпел немало физических страданий, зато у меня не было времени скучать. Наслаивались все новые и новые зрительные впечатления, встречались все новые и весьма своеобразные

¹ Марий Гай (156—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. В 102—101 гг. до н. э. одержал ряд побед в войне с кимврами и тевтонами.— *Прим. ред.*

человеческие типы, которых стоило бы «каталогизировать»: мне порой казалось, что я живу в какой-то фантастической повести. Но вот уже больше года, как я в Милане и обречен на безделье. Я могу читать, но не могу работать (мне запрещено иметь перо и бумагу), даже при условии неусыпного — как того требует начальник тюрьмы — надзора за мной; ведь я считаю опаснейшей личностью, способной поджечь страну с четырех концов или сотворить еще что-либо подобное. Моя самая большая отрада — это письма. Но пишут мне очень немногие. Вот уже около месяца, как больна моя свояченица, так что я лишен еженедельного свидания с нею.

Меня очень тревожит моральное состояние мамы; просто не знаю, что сделать, чтобы утешить и подбодрить ее. Хотелось бы вселить в нее уверенность в том, что я абсолютно спокоен — и это действительно так и есть, — но вижу, что мне это не удастся. Все дело в том, что различие в восприятиях, чувствах и образе мыслей создает своего рода пропасть между нами. Для нее мое заключение — страшное несчастье, таинственное и непонятное по сцеплению причин и следствий; для меня же — эпизод политической борьбы, которая велась и будет вестись не только в Италии, но и во всем мире кто знает сколько еще времени. Я оказался в заключении точно так же, как во время войны можно оказаться в плену; я знал, что это могло случиться и что могло случиться также и худшее. Но боюсь, что и ты думаешь так же, как мама, и что все эти разъяснения покажутся тебе загадкой, изложенной к тому же на незнакомом языке.

Я долго вглядывался в фотографию, сравнивая ее с теми, что ты прислала мне ранее (мне пришлось прервать письмо, чтобы побриться; не помню, что я собирался написать, и мне не хочется возвращаться к этому. Отложим до следующего раза).

Сердечный привет всем. Обнимаю вас.

Ни.

XXIX

Миланская тюрьма, 27 февраля 1928 года

Дорогая Таня,

благодаря счастливейшему расположению благосклонных небесных светил твое письмо от 20-го было вручено мне

24-го вместе с письмом от Юлии. Я поистине восхищен твоим умением ставить диагнозы, однако я не попался в тонкие сети твоей словесной хитрости. Тебе не кажется, что было бы лучше, если бы ты применяла свое врачебное искусство на других объектах, а не на собственной персоне? Не потому, что я желаю зла своему ближнему — разумеется, если только можно говорить в данном случае о ближнем. Ты ведь вдумчиво читала и изучала взгляды Толстого. Так вот: я попрошу тебя помочь мне установить, какое точно значение придает Толстой евангельскому понятию о «ближнем». Мне кажется, что он придерживается буквального, этимологического смысла слова: «тот, кто тебе ближе, то есть члены твоей семьи, и самое большее — односельчане». Одним словом, тебе не удалось спутать карты, не удалось, выставив напоказ свое искусство врача, отвлечь меня от мысли о тебе как о пациентке. Что же касается флебита, то учти, что я обладаю теперь особыми познаниями в этой области, так как в течение последних двух недель, что я был на Устике, мне пришлось выслушивать длинные объяснения одного старого адвоката из Перуджии, который страдал этой болезнью и который выписал себе четыре или пять работ по данному вопросу. Я знаю, что это довольно серьезное заболевание, причиняющее много страданий. Хватит ли у тебя терпения, чтобы полечиться как следует, а не кое-как? Надеюсь, что да. Дабы помочь тебе обрести это терпение, могу послать тебе более длинные, чем обычно, письма. Это требует небольшого усилия, которое мне нетрудно будет сделать, если только тебя удовлетворит моя болтовня. Ну, а затем, затем я чувствую себя куда бодрее, чем раньше.

После юлиного письма у меня стало спокойнее на душе. Я напишу ей отдельно и поподробнее, если только мне это удастся, ибо упрекать ее мне не хочется, а я не уверен, что смогу написать длинное письмо, не делая упреков. Ты в самом деле считаешь правильным, что она не пишет мне, когда плохо себя чувствует или когда ее охватывает мучительная тревога? Я же считаю, что именно при таких обстоятельствах она и должна писать мне чаще и больше. Однако я не хочу превращать это письмо в отдел жалоб.

А теперь, чтобы немного развлечь тебя, я расскажу тебе об одной небольшой тюремной «дискуссии», которая протекала урывками. Один из заключенных — думаю, что

он либо евангелист, либо методист, либо пресвитерианец (я вспомнил о нем по ассоциации с вышеупомянутым «ближним») — высказал крайнее возмущение тем, что по нашим городам все еще разрешают разгуливать несчастным китайцам, продающим разные безделушки, которые выпускаются, по всей видимости, серийным производством в Германии, но которые создают у покупателей впечатление, что они хоть чуточку приобщаются к китайскому народному искусству. По мнению сего евангелиста, все это заключает в себе великую угрозу для цельности верований и взглядов, присущих западной цивилизации; речь идет, по его словам, о прививке азиатского идолопоклонства к древу европейского христианства.

По его мнению, миниатюрные изображения Будды обретут в конце концов особую притягательную силу, которая сможет воздействовать на образ мышления европейцев и послужит толчком к формированию новых идеологических концепций, коренным образом отличающихся от издавна укоренившейся идеологии. Тот факт, что подобного рода опасения испытывает такой социальный элемент, как этот евангелист, сам по себе, несомненно, очень интересен, даже если учесть, что опасения эти почерпнуты из далеких источников. Однако нетрудно было загнать его в тупик его же путаных идей с помощью следующих аргументов:

1. Влияние буддизма на западную цивилизацию имеет гораздо более глубокие корни, чем это может показаться, ибо на протяжении всего средневековья, начиная с нашествия арабов и приблизительно до 1200 года, жизнеописание Будды имело хождение в Европе в виде жития христианского мученика, канонизированного церковью. Только несколько веков спустя церковь обнаружила совершенную ею ошибку и развенчала лжесвятого. Воздействие, которое подобное событие могло оказать на умы в те времена, когда религиозная идеология была чрезвычайно сильна и являлась единственным мировоззрением масс, неизмеримо.

2. Буддизм — это не идолопоклонство. И с этой точки зрения, если уж говорить об опасности, то опасность кроется скорее в той музыке и в тех танцах, которые ввезли в Европу негры. Музыка эта действительно завоевала определенный слой культурного населения Европы, более того, породила подлинный фанатизм. Возможно ли, чтобы

постоянное повторение движений и жестов, которые делают негры, танцуя вокруг своих фетишей, и постоянное звучание в ушах синкопического ритма jazz-bands¹ не привело к определенным последствиям идеологического порядка? а) Речь идет о чрезвычайно распространенном явлении, затрагивающем миллионы и миллионы людей, в особенности молодежь; б) речь идет об очень сильных и острых ощущениях, иначе говоря, о таких ощущениях, которые надолго оставляют глубокий след в человеке; в) речь идет о музыкальных явлениях, то есть об определенных творческих проявлениях, выраженных на самом универсальном языке, какой только существует, на языке, благодаря которому в самой непосредственной форме передаются образы и чувства, свойственные цивилизации, не только чуждой нам, но и, несомненно, менее сложной, чем азиатская цивилизация. Она примитивна и проста, то есть легко воспринимается через посредство музыки и танца и оказывает влияние на человеческую психику.

Одним словом, бедняга евангелист убедился в том, что в то время как он боялся превратиться в азиата, на деле он, сам того не замечая, превращался в негра и что процесс этот зашел уже весьма далеко; он находился, по меньшей мере, на стадии метиса. Не знаю, каковы конечные результаты; думаю, однако, что он уже не в силах теперь отказаться от кафе с джазом и отныне будет внимательно вглядываться в зеркало: не проступают ли наружу цветные пигменты в его крови.

Дорогая Таня, желаю тебе поскорее поправиться и хорошо себя чувствовать; обнимаю тебя.

Антонио.

XXX

Миланская тюрьма, 27 февраля 1928 года

Дорогая Юлия,
получил твое письмо от 26.XII 1927 года с припиской от 24 января и с приложенной к нему записочкой. Я был просто счастлив, когда получил от тебя эти письма. В последнее время я, правда, стал спокойнее. Я очень изменился за это время. Бывали дни, когда мне казалось, что я стал

---

¹ Jazz-band — джаз-банд.

инертным и апатичным. Сейчас я считаю, что ошибся в оценке своего состояния. И мне уже не кажется больше, что я был выбит из колеи. Это были просто выпышки сопротивления тому новому образу жизни, который под воздействием всей тюремной обстановки с ее правилами, с ее routine¹, с ее лишениями, с ее насущными нуждами начал неотвратно довлеть надо мной; этот огромный комплекс мельчайших событий и дел, которые механически повторяются из месяца в месяц, из года в год, — все те же, все в том же ритме, с монотонностью гигантских песочных часов. Все мое существо каждой своей клеточкой упорно сопротивлялось, физически и духовно, влиянию этой засасывающей внешней среды, но временами я все же был вынужден признать, что внешнее воздействие оказывалось в известной мере сильнее моего сопротивления, и это влекло за собой определенные изменения во мне самом. Тогда-то и происходила бурная реакция — мобилизация всех внутренних сил на отпор внешнему вторжению. Сейчас уже завершился целый цикл изменений, ибо я пришел к ясному решению не противиться более тому, что неизбежно и неодолимо, теми средствами (негодными и неэффективными) и в той форме, как я это делал раньше, а быть хозяином положения и с известной долей юмора следить за ходом вещей. С другой стороны, я убедился в том, что законченный филистер из меня никогда не получится. Я в любой момент сумею одним рывком сбросить с себя ту полуослиную, полуовечью шкуру, которая под влиянием среды появляется поверх естественной кожи. Пожалуй, одного мне никогда теперь не удастся достичь: чтобы кожа моя снова приобрела «копченый» оттенок. Варя уже не сможет больше называть меня «копченым товарищем». Боюсь, что Делио, несмотря на твой вклад, окажется теперь «копченее» меня! (Ты протестуешь?) Эту зиму я почти три месяца не видел солнца, а если и видел, то лишь его слабый отблеск. В камеру проникает свет, напоминающий нечто среднее между светом погреба и аквариума.

Впрочем, ты не думай, что жизнь моя протекает так монотонно и однообразно, как это может показаться на первый взгляд. Стоит только привыкнуть к жизни в аквариуме и приспособить свои органы чувств к восприятию приглушенных и сумеречных ее проявлений (все с тем же

---

¹ Routine — рутина (франц.).

ироническим отношением), и сразу же вокруг тебя возникает целый мир с его особой жизнью, с его особыми законами, с его особой линией развития. Так бывает, когда бросаешь случайный взгляд на старый ствол, полуразрушенный временем и непогодами, а затем все пристальнее и внимательнее начинаешь вглядываться в него. Сначала различаешь какую-то плесень, медленно ползущего слизняка да тянущийся за ним мокрый след. Затем перед тобой постепенно открывается целый мир маленьких насекомых, которые копошатся и неутомимо трудятся, повторяя одни и те же усилия и совершая все тот же путь. Если смотреть на все это со стороны, если не превращаться в большого слизняка или крохотного муравья, то в конце концов все это не может не заинтересовать; и время, таким образом, идет быстрее.

Любую деталь, любую подробность, касающуюся твоей жизни или жизни детей, которую мне удастся уловить, я пытаюсь использовать для того, чтобы нарисовать себе более полную картину вашей жизни. Но таких подробностей слишком мало, и слишком мал мой опыт. И еще: дети ведь слишком быстро меняются в этом возрасте, чтобы я мог уследить за всеми изменениями и составить себе ясное представление об их развитии. Во всем этом я, несомненно, довольно плохо разбираюсь. Но в данных условиях, очевидно, и не может быть иначе.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

XXXI

Миланская тюрьма, 5 марта 1928 года

Дорогая Таня,

...с большим интересом прочел твое письмо; в нем столько наблюдений и новых впечатлений. Думаю, что излишне советовать тебе быть снисходительной; снисходительной не только в практическом отношении, но и, я сказал бы, в духовном. Я всегда придерживался мнения, что существует вторая Италия, которую не знают, не видят и которая весьма отличается от показной и видимой Италии. Я хочу сказать, что разрыв между тем, что видно, и тем, что не видно (а явление это отмечается во всех странах), в нашей стране глубже, чем в других так называемых цивили-

зованных странах. У нас улица с ее гулом, с ее словесными проявлениями восторга, с ее кичливостью оттесняет на задний план домашнее «chez soi» в гораздо большей мере, чем где бы то ни было. Так возникло множество пред-рассудков и голословных утверждений о прочности семейных устоев и о мере гениальности, которую провидение будто бы ниспослало нашему народу, и т. д. Вот и в недавно вышедшей книге Михельса вновь утверждается, что средний крестьянин Калабрии, даже неграмотный, гораздо умнее, чем средний университетский профессор в Германии; таким образом, целый ряд людей считает себя избавленным от обязанности ликвидировать неграмотность в Калабрии.

Мне думается, что о семейных устоях города (учитывая, что городские центры в Италии возникли недавно) нельзя судить в отрыве от общего положения страны, которое еще весьма неудовлетворительно; это находит свое отражение в следующем характерном явлении: в крайнем эгоизме людей в возрасте от 20 до 50 лет, тяжко сказывающемся на детях и на стариках. Речь идет, конечно, не о каком-то на веки вечные наложенном клейме гражданской неполноценности; было бы просто абсурдно и глупо так думать. Речь идет об исторически установленном и объяснимом явлении, которое, несомненно, будет изжито в результате повышения материального уровня жизни. Объяснение подобного явления лежит, по-моему, в демографической структуре страны, где до войны на сто работающих приходилось восемьдесят три неработающих, в то время как во Франции — стране, гораздо более богатой — на сто работающих приходилось лишь пятьдесят два неработающих. Слишком много стариков и слишком много детей по сравнению с людьми среднего возраста; число которых резко сократилось в результате эмиграции. Такова основа этого эгоизма, приобретающего зачастую чудовищные по своей жестокости формы.

Семь или восемь месяцев тому назад в газетах сообщалось о следующем ужасном случае: возвратившись с полевых работ, отец убил свою жену и трех детей, то есть всю семью, за то, что они, изголодавшись, съели его скудный ужин. Приблизительно в то же время в Милане велся судебный процесс над мужем и женой, замучившими до смерти своего четырехлетнего сына, которого они в течение многих месяцев держали привязанным железной

проволокой к ножке стола. Из судебных прений явствовало, что муж сомневался в верности своей супруги, а последняя, боясь потерять мужа в случае, если бы она стала на защиту ребенка, согласилась на его убийство. Они были приговорены к восьми годам заключения. Такого рода преступления выделялись когда-то в ежегодных сводках по статистике преступности в специальную графу; сенатор Гарофало считал, что средняя цифра — пятьдесят приговоров в год за подобные преступления — должна рассматриваться лишь как относительный показатель, ибо родителям, виновным в такого рода злодеяниях, удастся в большинстве случаев избежать какого бы то ни было наказания. Этому способствует укоренившаяся в быту привычка мало заботиться о гигиене и здоровье ребенка, а также широко распространенный религиозный фанатизм, в силу которого вознесение новых ангелочков в божью обитель расценивается чуть ли не как особое благоволение небес. Таков, к сожалению, наиболее распространенный образ мыслей; неудивительно поэтому, что проявления подобного образа мыслей, хоть и в несколько более смягченной и умеренной форме, встречаются и поныне даже в наиболее развитых современных городах. Как видишь, снисходительность вполне уместна, по крайней мере со стороны тех, кто не верит в абсолютность принципов даже в отношениях подобного рода, а верит лишь в их прогрессивное развитие по мере развития всей жизни общества.

Желаю тебе всего, всего хорошего. Обнимаю тебя.

Антонио.

XXXII

Миланская тюрьма, 9 апреля 1928 года

Дорогая Татьяна,

получил вчера твое письмо от 5-го числа: оно дошло с поистине пасхальной быстротой. Получил также прядку волос Джулиано и очень доволен вестями, которые ты мне сообщаем. По правде говоря, я не очень-то знаю, какие из них следует сделать выводы. Относительно того, как скоро дети начинают говорить, у меня нет других сведений, кроме анекдота о Джордано Бруно, который, как рассказывают, не говорил до трехлетнего возраста, несмотря

на то, что все понимал; однажды утром, проснувшись, он увидел, как из щели в стене лачуги, в которой он жил, появилась большая змея и поползла к месту, где он спал, тут он вдруг позвал отца по имени, чего раньше никогда не делал, и был спасен от угрожавшей ему опасности. С этого дня он начал говорить, и говорить даже чересчур много, что известно, в частности, и торгующим старьем евреям с Кампо ди Фиори¹.

Получил на днях журнал «Проспективе экономике» («Экономические перспективы») и «Альманакко литерарио» («Литературный альманах»). Каждый год начиная с 1925 года я дарил Юлии этот «Альманах». В этом году я бы этого не сделал: он стал много хуже — преподносит читателям так называемые остроты, которые раньше были специальностью полупорнографических газеток, стряпавших их для молодых новобранцев, впервые попадавших в город. Правда, сам по себе этот факт тоже имеет определенное значение и достоин быть отмеченным.

Я подумал о том, что 10 августа Делио исполнится четыре года и что он уже достаточно большой, чтобы получить настоящий подарок. Синьора Пина обещала прислать мне каталог «конструктора». Надеюсь, что описание его различных образцов дается не только в соответствии с ценой (от 27 до 2000 лир!), но и соответственно сложности «конструктора» и возрасту детей. Принцип «конструктора», безусловно, превосходен для современных ребят. Я выберу тот образец, который мне покажется наиболее подходящим, и потом напишу тебе об этом. До августа времени еще достаточно. Я не знаю, какие склонности преобладают у Делио, если предположить, что он уже успел обнаружить таковые. У меня в детстве была ярко выраженная склонность к точным наукам и математике. Она пропала во время учебы в гимназии, так как у нас не было ни одного преподавателя, который стоил бы хоть немногим более ломаного гроша. Так, после первого же года обучения в лицее я больше не изучал математики, а выбрал греческий язык (тогда существовала система выбора). Все же на третьем курсе я неожиданно доказал, что у меня сохранились изрядные «способности» к точным наукам. Это произошло на третьем курсе

---

¹ Кампо ди Фиори — площадь в Риме, где в феврале 1600 года был сожжен Джордано Бруно. В 1889 году на этом месте был воздвигнут в его честь памятник.— *Прим. ред.*

лица, когда для изучения физики понадобилось знание основ математики, которую ученики, выбравшие греческий язык, не обязаны были знать. Преподавателю физики, человеку с большим апломбом, страшно нравилось ставить нас в затруднительное положение: это его развлекало. На последнем зачете третьего триместра он задал мне несколько вопросов по физике, связанных с математикой, предупредив, что от моего ответа будет зависеть средняя годовая отметка и, следовательно, получение аттестата с экзаменами или без экзаменов. Ему было забавно наблюдать, как я стоял у доски, и он предоставил мне возможность корпеть возле нее сколько угодно. Так вот: я провозился целых полчаса, вымазался мелом с головы до ног и все искал решения — пробовал раз, другой, писал, стирал и наконец «придумал» решение, которое было оценено преподавателем как отличное, хотя оно и не существовало ни в одном учебнике.

Этот преподаватель был знаком с моим старшим братом в Кальяри. Он изводил меня своими шутками и насмешками на протяжении всех лет, которые я провел в школе: он называл меня «огрекизировавшимся физиком».

Дорогая Таня, долуй уныние и пиши мне чаще.

Обнимаю тебя.

Антонио.

XXXIII

30 апреля 1928 года

Дорогая мама,
посылаю тебе фотографию Делио. Судебный процесс по моему делу назначен на 28 мая — значит, отъезд на сей раз близок. При всех обстоятельствах постараюсь телеграфировать тебе. Чувствую себя довольно хорошо. От сознания, что процесс близок, становится легче: вырвусь, по крайней мере, из этого однообразия. Не волнуйся и не пугайся, какой бы приговор мне ни вынесли. Я думаю, что это будет от четырнадцати до семнадцати лет, а может быть, и больше, именно потому, что против меня нет никаких улик. Чего только не мог я натворить, раз я не оставил улики?.. Будь бодрой.

Обнимаю тебя.

Ни.

Миланская тюрьма, 30 апреля 1928 года

Дорогая Таня,

...не знаю, оповещена ли ты о том, что процесс назначен на 28 мая. Это означает, что день отъезда приближается. Я уже видел адвоката Арииса. Мысль о близких переменах несколько будоражит меня. Но волнение это приятное. Чувствую новый прилив жизненных сил. Предстоит, видимо, борьба. И пусть хоть на несколько дней, но я окажусь в иной, не тюремной обстановке.

Протестую против твоих выводов относительно... козьих голов. Я очень хорошо осведомлен насчет торговли этими головами. В 1919 году я провел в Турине широкое обследование, так как муниципалитет бойкотировал сардинских барашков и козлят, отдавая предпочтение пьемонтскому кролику; в то время в Турине с особой миссией¹ находилось около 4 тысяч сардинских пастухов и крестьян, и я решил «просветиться» и разобраться в этом вопросе. Барашки и козлята привозятся сюда с юга без голов, но незначительный процент местных торговцев составляет также и головы. Насколько трудно достать их, видно из того, что голову, обещанную нам к воскресенью, удалось получить лишь в среду. К тому же я отнюдь не был уверен, что это была действительно голова козленка или барашка, хотя она и была очень вкусна, по-моему (Тулли же нашел ее отвратительной). Это был, должно быть, странный козленок — без мозгов и кривой на один глаз, с черепом, очень похожим на череп волкодава (ради бога, не говори только этого синьоре Пине!), примятый трамваем! Ох уж эти мясники!

Мне очень неприятно, что Юлия столько времени оставалась без писем. Удастся ли повидать тебя до моего отъезда? Не думаю. Ты не должна совершать ни малейшей неосторожности; тебе надо как следует лечиться. Только тогда я буду спокоен. Помни, что отныне я смогу писать тебе очень редко.

Обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Имеются в виду 4 тысячи солдат из бригады «Сассари», которые были посланы в Турин для подавления рабочего движения и среди которых Грамши успешно провел пропагандистскую работу (см. в этой связи статью Грамши «Некоторые аспекты проблемы Юга», опубликованную в «Rinascita», год II, № 2, февраль 1945 года).

Римская тюрьма, 27 июня 1928 года

Дорогая Таня,

ничего нового пока что не предвидится. Не знаю, когда выеду. Не исключено, однако, что это может произойти на днях, меня могут отправить даже сегодня.

Несколько дней назад получил письмо от моей матери. Она пишет, что не имела от меня писем с 22 мая, то есть с того времени, когда я был еще в Милане. Из Рима я отправил домой три письма, не меньше, да еще одно письмо — последнее — я послал моему брату Карло. Напиши ты моей матери; объясни ей, что я могу писать теперь очень редко, только раз в две недели, и я должен распределить эти два письма в месяц между ней и тобою. Получать же письма я могу в любом количестве; меж тем мать моя думает, что существует ограничение и на получение. Извести ее о том, что мой отъезд в Портолонгоне после врачебного осмотра отложен и что предвидится возможность направления в иное, лучшее место. Вообще успокой ее и напиши ей, что меня вовсе не нужно утешать, чтобы я был спокоен; я и так сохраняю полнейшее душевное спокойствие и ясность духа. Мне, к сожалению, никак не удается убедить в этом мою мать; ей все рисуются страшные, навеянные книгами картины из жизни каторжника. Она думает, что я вечно мрачен, предаюсь отчаянию и т. д. и т. п. Ты могла бы написать ей, что видела меня недавно и что я вовсе не в отчаянии, не подавлен и т. д., а, напротив, не прочь и посмеяться и пошутить. Быть может, тебе она поверит, когда же пишу ей об этом я, она думает, что я это делаю лишь для того, чтобы утешить ее.

Дорогая Таня, мне неприятно, что приходится затруднять тебя еще и эпистолярными поручениями. Но это письмо я решил написать тебе, и мне не хотелось отступать от установленного мною порядка. Надеюсь увидеть тебя еще до отъезда.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 20 июля 1928 года

Дорогая Таня,

вчера утром я прибыл к месту назначения. Застал твое письмо от 14-го и письмо от Карло с 250 лирами. Прошу

тебя, напиши моей матери сама обо всем, что может ее интересовать. Отныне я буду иметь возможность писать лишь раз в две недели, что поставит мою совесть перед поистине трудной дилеммой... Постараюсь быть аккуратным и максимально использовать предоставляемую мне бумагу.

1. Поездка из Рима в Тури была ужасной. Как видно, боль, которую я испытывал в Риме и которую я принял за боль в печени, была предвестницей начавшегося затем воспаления. Мне было невыразимо плохо. В Беневенто я провел адские двое суток. Я извивался, как угорь, не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Врач сказал мне, что это антонов огонь и что тут ничем помочь нельзя. Во время переезда из Беневенто в Фоджу боль утихла и пузыри на правом боку подсохли. В Фодже я пробыл 5 дней и за последние три дня пришел уже в себя — мог поспать несколько часов и вытянуться, не испытывая острых, насквозь пронизывающих болей. Осталось еще несколько полузасохших пузырей и болевые ощущения в пояснице, но мне кажется, что тут нет ничего опасного. Так и не знаю, чем вызван инкубационный период болезни в Риме, продолжавшийся около восьми дней, в течение которых я испытывал очень сильные колики в правом боку.

2. Ничего пока не могу сообщить тебе о моей дальнейшей судьбе. Сейчас я прохожу первые дни карантина, прежде чем меня окончательно направят в соответствующее отделение. Все же полагаю, что тебе не следует присылать мне ничего, кроме книг и белья: не разрешается получать ничего съедобного. **А потому не присылай мне ничего**¹ до тех пор, пока я сам тебя не попрошу.

3. Книги из Милана (книжного магазина) пусть высылают прямо сюда: незачем тебе нести двойные расходы по пересылке.

4. Памятки там не было: я, видимо, захватил ее с собой.

Вишни мне очень и очень пригодились, хотя я их даже не попробовал: они облегчили мне поездку.

...Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Подчеркнуто начальником тюрьмы.

Тюрьма в Тури, 6 сентября 1928 года

Дорогая Таня,

получил твои письма от 31 августа и от 1 и 3 сентября уже после того, как я написал тебе. Я попросил разрешения написать тебе это дополнительное письмо, чтобы попытаться приостановить ту бурную деятельность, которую ты вдруг развила. Ну что тебе взбрело в голову, а? Едва приехав в Тури, я написал тебе, чтобы ты «ничего не присылала мне до тех пор, пока я сам тебя не попрошу». Начальник тюрьмы в разговоре со мной сказал, что он подчеркнул эту фразу, дабы лучше выделить ее. Ты ответила мне, что учтешь это и будешь придерживаться указанного правила. Почему же ты вдруг передумала? То же самое относится и к делу Соариано: сначала ты мельком упомянула об этом деле, заверив меня, что ничего не предпримешь, не заручившись предварительно моим согласием, а затем ты мне пишешь, что говорила по этому поводу в министерстве. Зачем ты это делаешь? Сейчас гнев мой уже остыл: я получил все четыре посылки и не мог не посмеяться над твоей милой наивностью, но уверяю тебя, что в предыдущие дни мне было просто не по себе. Сознание, что я был лишен возможности тотчас же написать тебе и во-время предотвратить какой-нибудь чреватый пагубными последствиями шаг с твоей стороны (вследствие которого мне пришлось бы, например, снова пуститься в путь в моем теперешнем состоянии), наполнило меня яростью, уверяю тебя. Мне казалось, что я вдвойне в заключении, ибо и ты стала не признавать за мной права проявлять свою волю и начала распоряжаться моей жизнью, как в голову взбредет, не желая прислушиваться к моему мнению; а ведь в тюрьме нахожусь я, и я хорошо знаю, что это такое, ибо на себе чувствую ее тяжелый отпечаток. Ну как ты можешь еще тешить себя надеждой (несмотря на все обещания), что меня в экстраординарном порядке могут куда-либо перевести, когда тебе известно все то, что со мной произошло за это время? Так вот, я не хочу никаких перемен, ни под каким видом, даже если бы меня перевозили в sleeping ¹, так как

---

¹ Sleeping — спальный вагон (англ.).

я в принципе против всяких изменений, которые не вызваны необходимостью и не продиктованы соображениями целесообразности. Еще в Милане у нас с тобой был по этому поводу несколько резкий обмен мнениями; ты обещала мне, что это не повторится. Увы! То же относится и к вещам, которые ты мне присылаешь и собираешься еще прислать, как ты пишешь. Сегодня я смеялся, но, знаешь, может поистине стать грустно, когда видишь, какое у тебя представление о том, что мне дозволено здесь иметь. Это означает, что ты не отдаешь себе отчета в том, что такое тюрьма, то есть тебе не удается составить себе ясное представление о моем подлинном положении. Ты думаешь, что я в пансионе или нечто в этом роде. Между тем я не могу иметь ничего своего — только белье и книги. И все, понимаешь? Никакой одежды, никакого пальто и т. д., и т. п. Ничего металлического, даже коробочки от вазелина. Значит, ты не должна ничего присылать мне до тех пор, пока я сам не попрошу тебя, и не должна предпринимать никаких шагов, пока не получишь на то моего ясно выраженного согласия. И никаких отклонений. Иначе вместо того, чтобы облегчить мне пребывание в тюрьме, ты лишь усугубишь тяжесть моего положения.

Нежно обнимаю тебя, но не серди меня больше. Поверь, что моя воля основывается на разуме и что все, что я делаю, делается мною после долгого-долгого размышления.

Антонио.

XXXVIII

Тюрьма в Тури, 19 ноября 1928 года

Дорогая Юлия,

я очень дурно вел себя по отношению к тебе. И оправдания, по правде говоря, не очень обоснованы. После отъезда из Милана я испытывал огромную усталость. Условия жизни моей ухудшились во всех отношениях. Я сильнее почувствовал тюрьму. Сейчас мне немного лучше. Тот факт, что положение мое в какой-то мере стабилизировалось и жизнь потекла по какому-то определенному руслу, — уже одно это привело в порядок в известном отношении и мои мысли.

Я был очень счастлив, получив твою фотографию и фотографии детей. Когда между зрительными восприятиями

ми образуются слишком большие промежутки во времени, они заполняются мрачными мыслями. Что касается Джулиано, то я вообще не знал, что и думать, так как у меня не было никакого зрительного представления, которое подкрепило бы мою память. Теперь я доволен. Вообще же вот уже несколько месяцев, как я чувствую себя еще более изолированным и отрезанным от всего мира. Много читаю книги и журналов — много, если учесть, в какой степени вообще можно заниматься умственным трудом в условиях заключения. Однако я в изрядной мере потерял вкус к чтению. Книги и журналы дают лишь общее представление о тех или иных явлениях, лишь в общих чертах — в более или менее удачной форме — отражают основные направления развития общественной жизни, но не могут заменить непосредственного, прямого, живого впечатления о том, как живут Пьетро, Паоло, Джованни — то есть реально существующие люди; а не поняв их, нельзя понять и того, что обобщено, на чем строятся широкие, универсального порядка умозаключения. Много лет тому назад, в 1919—1920 годах, я знал одного молодого рабочего, очень наивного и очень славного. Каждую субботу вечером, после окончания трудового дня, он приходил ко мне на работу, чтобы одним из первых прочесть журнал, который я редактировал¹. Он часто говорил мне: «Я не мог уснуть, меня все мучила мысль: а что предпримет Япония?» Его преследовала именно Япония, ибо в итальянских газетах о Японии вспоминают только тогда, когда умирает микадо или когда от землетрясения там погибает по меньшей мере десять тысяч человек. Япония ускользала из его орбиты, и из-за этого ему не удавалось создать себе ясного представления о действующих в мире силах, и ему казалось, что он ровно ничего не понимает. Я смеялся обычно над его переживаниями и подшучивал над моим другом. Теперь я его понимаю. У меня тоже есть своя «Япония» — это жизнь Пьетро, Паоло, а также Юлии, Делио, Джулиано. Мне не хватает именно «молекулярных» ощущений, а без них как я могу ощутить и постичь, хотя бы в общих чертах, жизнь сложного целого? Даже моя собственная жизнь как бы оцепенела, парализована. Да и может ли быть иначе, когда мне недостает ощущения твоей жизни и жизни детей?

И еще: я все время испытываю страх, что меня одо-

---

¹ Еженедельник «Ордине нуово».

леёт тюремная routine. Это чудовищная машина, которая давит и нивелирует по определенной системе. Когда я вижу, как ведут себя и как разговаривают люди, находящиеся по пять, восемь, десять лет в тюрьме, и замечаю, как изменилась их психика, я, право, прихожу в ужас и начинаю сомневаться в том, правильно ли я представляю себе, что меня самого ожидает в будущем. Ведь и другие (не все, но, по крайней мере, некоторые) тоже думали, что они не дадут одолеть себя, и все же, сами того даже не замечая (настолько процесс постепенен и «молекулярен»), они стали теперь другими, но не знают, не могут судить об этом именно потому, что они стали совершенно другими. Конечно, я буду сопротивляться. Но вот, например, я замечаю, что разучился подсмеиваться над самим собой, как бывало раньше, а это плохой признак.

Дорогая Юлия, интересуется ли тебя все то, что я тебе рассказываю? И дает ли это тебе какое-то представление о моей жизни? Я все же интересуюсь и тем, что происходит в мире. За последнее время я прочел множество книг о деятельности католиков. Вот еще одна «Япония». Через какие фазы пройдет французский радикализм, прежде чем произойдет раскол и появится на свет французская католическая партия? Этот вопрос «не дает мне спать», как говорил мой молодой друг. Другие вопросы, конечно, тоже.

Понравился ли тебе мой разрезальный нож? И знаешь ли ты, что я затратил на него почти целый месяц труда и изрядно истер себе пальцы?

Дорогая, пиши мне подробнее о себе и о детях. Хорошо, если бы ты присылала мне, хотя бы два раза в год, ваши фотографии. Тогда я мог бы следить за тем, как дети развиваются, и чаще видеть твою улыбку.

Нежно обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

XXXIX

Тюрьма в Тури, 14 января 1929 года

Дорогая Юлия,
все еще жду от тебя ответа на мое последнее письмо. Когда мы восстановим регулярную переписку (пусть даже с длительными интервалами), я расскажу тебе столько

вещей о моей жизни, о моих впечатлениях и т. д. А пока что ты должна рассказать мне о том, как Делио реагирует на «конструктор». Это меня очень интересует, ибо мне еще не ясно, является ли «конструктор» именно той современной игрушкой, которую следует усиленно рекомендовать: ведь он лишает ребенка возможности проявить собственную инициативу и выдумку. Что ты об этом думаешь и что думает твой отец? Вообще-то я считаю, что современная культура (американского типа), образчиком которой является такой вот «конструктор», делает человека суховатым, похожим на машину, бюрократичным и порождает абстрактное мышление (вкладывая в слово «абстрактное» иной смысл, чем это делали в прошлом столетии). Существовала абстрактность, вызванная отравлением метафизикой, и существует абстрактность, вызываемая отравлением математикой. Как это должно быть интересно — наблюдать реакцию на эти педагогические установки в мозгу маленького ребенка, который к тому же наш и с которым нас связывает совсем другое чувство, а отнюдь не простой «научный интерес».

Дорогая, пиши мне побольше. Обнимаю тебя крепко-крепко.

Антонио.

XL

Тюрьма в Тури, 24 февраля 1929 года

Дорогая Татьяна,

получил от тебя три открытки (в том числе и ту, что с каракулями Делио), затем получил книги, которые были у меня в миланской тюрьме, и пришел к заключению, что твой английский чемоданчик совершил чудеса: ведь он бесстрашно проделал путешествие малой скоростью и, хотя не раз летел кувырком, не претерпел особого ущерба — глубоких шрамов не осталось. Помимо этого, я получил две пары заштопанных носков, которые я оставил тебе в Риме, и «Мемуары» Саландры¹. Поблагодари адвоката за беспокойство, которое я причинил ему с книгами, хотя они навалены были в чемодан так, будто это

---

¹ Саландра, Антонио (1853—1931) — итальянский политический деятель. С 1914 по 1916 год занимал пост председателя совета министров.— *Прим. ред.*

не книги, а картошка. Я еще не успел как следует все проверить, но мне кажется, что некоторых книг не хватает. Ну, ничего! Меня очень позабавила история с лекцией Инноченцо Каппы. Этот тип является примерно таким же неотъемлемым ингредиентом, как и петрушка, в «соусах» миланской интеллигенции. И это еще слишком выгодное для него сравнение, ибо петрушка выполняет в соусе полезную и соответствующую ей функцию, тогда как Каппа имеет такое же отношение к культуре, как, скажем, моль к портновскому искусству. Когда-то он был плакальщиком демократии в Ломбардии. Его даже еще лучше окрестили: поскольку Каваллотти прозвали бардом демократии, Каппа прозвали «бардотто». А «бардотто» означает: лошак, родившийся от скрещивания ослицы с конем. Фигура в интеллектуальном отношении ничтожная, а в нравственном — сомнительная.

Здесь погода, кажется, восстановилась. Как будто повеяло весной. Это напоминает мне, что приближается время комаров, которые в прошлом году изрядно меня измучили. Я хотел бы поэтому иметь кусок сетки от комаров, чтобы можно было закрыть лицо и руки, как только это окажется необходимым. Конечно, — не очень большой, иначе могут не разрешить; ну, приблизительно метра полтора. Поскольку я уже коснулся этих вещей, поведаю тебе еще одно мое желание: мне хотелось бы иметь моточек шерсти для штопки носков. Я изучил штопку полученных двух пар, и мне кажется, что дело это, пожалуй, не превышает моих возможностей. Хорошо бы иметь также жесткую иглу для шерсти. Я все забываю написать тебе, чтобы ты не присылала мне подставки для спиртовочки «Мета», так как у меня уже есть одна, целиком алюминиевая. Я никогда не просил разрешения держать ее в камере, так как знаю, что другим в этом было отказано; впрочем, она мне и не очень нужна. Я сохранял ее, так как уверен, что со временем спиртовкой разрешат пользоваться во всех тюрьмах; в некоторых это уже дозволено, и ее поставляет сама администрация.

Сердечно обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

Пришли мне также, если можешь, семена какого-нибудь красивого цветка.

Тюрьма в Тури, 25 марта 1929 года

Дорогая Таня,

получил открытку от синьоры М. С., в которой она спрашивает, какие книги по философии я мог бы рекомендовать ее мужу. Напиши ей, что я не могу ответить непосредственно ей, что чувствую себя довольно хорошо и т. д. и т. п., что шлю самый сердечный привет ее мужу и т. д. Затем напиши ей следующее:

«Лучший учебник по психологии — книга Уильяма Джеймса, переведенная на итальянский язык и выпущенная издательством «Либрерия миланезе». Стоит она, наверное, дорого, так как до войны стоила 24 лиры. Пособия по логике, кроме обычных школьных учебников для лицеев, не существует. Мне кажется, что С. исходит из слишком схоластических критериев и заблуждается, полагая найти в такого рода книгах больше того, что они действительно могут дать. Так, например, психология почти совершенно отделилась от философии и превратилась в естественную науку, как биология и физиология; более того, чтобы глубоко изучить современную психологию, надо обладать обширными знаниями, особенно в области физиологии. Так, формальная, абстрактная логика находит сейчас мало приверженцев, — разве только в семинариях, где основательно изучают Аристотеля и св. Фому. Что же касается диалектики, то есть формы исторически конкретного мышления, то соответствующего учебника пока еще не имеется. По-моему, для того чтобы углубить свои знания по философии, ему следовало бы: 1) проштудировать хороший учебник по истории философии, например «Краткий курс истории философии» Гвидо ди Руджеро — Guido di Ruggiero, «Sommario di Storia della Filosofia» — (Бари, изд. Латерца, цена 18 лир), и читать произведения некоторых классиков философии или хотя бы отрывки из них, выпущенные тем же издательством Латерца в Бари в серии «Маленькая философская библиотечка», в которую вошли избранные отрывки из Аристотеля, Бэкона, Декарта, Гегеля, Канта и т. д. с комментариями. Чтобы ознакомиться с диалектикой, ему следовало бы, хотя это и требует большого напряжения, прочесть какой-нибудь основательный труд Гегеля. «Энциклопедия», в великолепном переводе Кроче, стоит теперь очень дорого — около 100 лир. Хорошая книга о Гегеле — это книга того

же Кроче; только следует учесть, что в ней Гегель и гегелевская философия делают шаг вперед и два назад: преодолена метафизика, но в вопросе о связи между мышлением, с одной стороны, природой и исторической действительностью — с другой, заметно явное движение вспять. Во всяком случае, вот путь, по которому, мне кажется, надо следовать: никаких новых учебников (достаточно книги Фиорентино), а вместо них — чтение и самостоятельное критическое освоение крупнейших современных философов». Мне кажется, что этого достаточно.

Дорогая, сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

XLII

Тюрьма в Тури, 22 апреля 1929 года

Дорогая Таня,

...роза получила страшный солнечный удар: все листья и самые нежные части ее сожжены и обуглены; вид у нее жалкий и печальный, и все же уже появились новые бутончики. Значит, она не погибла — по крайней мере, на сей день. Солнечный удар был неизбежен, так как я мог защитить ее только бумагой, а бумагу уносил ветер. Хорошо бы иметь пучок соломы — она не пропускает тепла и одновременно защищает от прямых лучей солнца. Как бы там ни было, перспективы все же благоприятные, если только не будет неожиданных осложнений. Семена очень долго не давали ростков; некоторые из них упрямо продолжают пребывать в *подполье*¹. Повидимому, это были старые и отчасти червивые семена. Те ростки, что появились на свет, развиваются медленно. Когда я писал тебе, что многие семена оказались прекрасными, я хотел сказать, что они были пригодны для еды. Некоторые растеньица в самом деле почему-то куда больше похожи на петрушку и на луковки, чем на цветы. У меня каждый день появляется искушение вытянуть их немного, чтобы помочь им расти, но я колеблюсь между двумя концепциями мира и воспитания: быть ли последователем Руссо, предоставляя действовать природе, которая никогда не совершает ошибок и в основе своей так добра, или же стать волюнтаристом и совершать насилие над природой, вмешиваясь в

---

¹ В тексте латинскими буквами написано русское слово «подполье».

процесс эволюции опытной рукой человека и применяя принцип власти. Сомнения мои так и не разрешились до сих пор, и в голове моей сталкиваются и ведут спор обе эти концепции. Все шесть росточков цикория сразу почувствовали себя как дома, и солнце им было не страшно; они уже выпустили стебель, который даст семена для будущих всходов. Георгины и бамбук спят под землей и пока еще не подают признаков жизни! Боюсь, что георгины совсем безнадежны.

Раз уж зашел разговор на эту тему, хочу попросить тебя прислать мне еще четыре сорта семян: 1) семена одной из разновидностей моркови — пастернака, с которым связаны приятные воспоминания раннего детства. В Сасари на рынке он весил иногда полкилограмма и стоил до войны один сольдо; он конкурировал зачастую с лакричником; 2) горошка; 3) шпината; 4) сельдерея. На одной четверти квадратного метра земли я хочу посеять четыре или пять сортов семян и посмотреть, как они будут всходить. Можешь найти эти семена у Индженьоли; у него есть лавки на площади Дуомо и на улице Буэнос-Айрес; попроси также каталог, где указывается, какой месяц наиболее благоприятен для посева.

Я получил еще одно письмо от синьоры М. С. Перешли ей следующие строки:

«Я понимаю, что денежные затруднения препятствуют покупке книг, указанных мною в прошлый раз. Я и сам это отмечал, но моя задача заключалась в том, чтобы ответить на конкретные вопросы. Сегодня отвечаю на вопрос, который хотя и не был задан мне, однако подразумевался; кроме того, я понимаю, что это отвечает нуждам каждого заключенного: «Что делать, чтобы не терять времени и хоть что-то и как-нибудь изучать?» Мне кажется, что прежде всего надо отказаться от школярского подхода к этому вопросу и не вбивать себе в голову, что следует систематически и углубленно проходить какой-то определенный курс занятий: это невозможно даже для тех, кто находится в более благоприятных условиях. Одно из наиболее полезных занятий — это, несомненно, изучение современных языков; достаточно иметь грамматику, которую за несколько сольди можно купить у уличных продавцов подержанных книг, и какую-нибудь книжку (можно тоже подержанную) на языке, избранном для изучения. Правда, так нельзя научиться правильному произноше-

нию, но зато можно научиться читать, а это уже немало. Кроме того, многие заключенные недооценивают тюремной библиотеки. Конечно, тюремные библиотеки, как правило, плохо укомплектованы; они состоят из книг, собранных случайно или пожертвованных разными попечительскими обществами, которые получают всякую залежь со складов издательств, или же из книг, оставленных людьми, вышедшими на свободу. В изобилии имеются книги религиозного содержания и третесортные романы. Все же я считаю, что политический заключенный должен уметь, как говорится, «выжать кровь даже из репы». Главное заключается в том, чтобы уметь поставить перед собой определенную цель при чтении книг и уметь делать заметки (если разрешено писать). Вот два примера: в Милане я прочел множество самых разнообразных книг [*в этом месте несколько строк вырезано*]... достаточно, если подойти к ним со следующей точки зрения: «Почему этими книгами всегда так зачитываются и так охотно переиздают? Какие потребности они удовлетворяют? Каким стремлениям отвечают? Какие чувства, какие взгляды отражены в этих низкопробных книжонках, что они так нравятся? Чем отличается Эжен Сю от Монтепена? А не привлекает ли по тематике своих произведений и Виктор Гюго к этой категории писателей? А «Scampolo» или «Aigrette» или «Volata» Дарио Никкодеми — разве не является все это прямым продолжением дешевого романтизма 1848 года? И т. д., и т. д., и т. д. Второй пример следующий: один немецкий историк, по фамилии Гроэтузен, выпустил недавно толстую книгу, в которой он исследует связь между французским католицизмом и буржуазией на протяжении двух столетий — вплоть до 89-го года. Он изучил всю религиозную литературу, вышедшую за эти два века: собрания проповедей, катехизисы различных епархий и т. д., и т. п., и включил все это в объемистый том. Мне кажется, что этого достаточно, чтобы доказать, что «из репы можно выжать кровь». Каждая книга, особенно если она касается истории, может быть прочитана с пользой. В каждой книжонке можно найти что-то полезное, что может пригодиться... в особенности, когда находишься в нашем положении и когда время нельзя измерять обычной меркой».

Дорогая Татьяна, я уж очень расписался и, как видишь, заставлю поупражняться в каллиграфии и тебя.

Между прочим, не забудь распорядиться, чтобы мне не высылали больше книг до тех пор, пока я не дам знать. В случае же, если выйдут книги, которые, по твоему мнению, могут быть мне полезны, пусть их отложат и вышлют мне, когда я напишу. Дорогая, надеюсь, что поездка тебя действительно не очень утомила. Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

XLIII

Тюрьма в Тури, 20 мая 1929 года

Дорогая Юлия,

кто сказал тебе, что я могу писать чаще? К сожалению, это не верно. Я могу писать только два раза в месяц и лишь на пасху и на рождество имею право на дополнительное письмо. Помнишь, что говорил тебе Б. в 1923 году, когда я уехал? Б. был прав, он исходил из собственного опыта; я всегда испытывал непреодолимое отвращение к эпистолярным занятиям. А с тех пор, как я в тюрьме, я написал по крайней мере вдвое больше писем, чем за все предыдущие годы моей жизни. Да, я написал, наверное, не менее двухсот писем — просто ужас!

Неверно и то, будто я неспокоен. Я, наоборот, более чем спокоен, я апатичен и пассивен. И я этому не удивляюсь и даже не прилагаю никаких усилий, чтобы выйти из этого состояния морального бессилия. Впрочем, быть может, это и не бессилие, а, напротив, признак силы? Бывали периоды, когда я подолгу чувствовал себя очень одиноким, отрезанным от какой бы то ни было жизни, кроме своей собственной. Я невероятно страдал; задержка в получении писем, отсутствие надлежащих ответов на какие-то мои просьбы — все это вызывало во мне такие приступы раздражения, которые сильно меня изнуряли. Затем прошел известный промежуток времени, и все дальше стали отходить события и переживания предыдущего периода жизни: все то, что было случайным и преходящим в области чувств и воли, постепенно куда-то исчезало; осталось главное и нетленное. Вполне естественно, что это именно так, не правда ли? В течение какого-то времени нельзя избежать того, чтобы воспоминания и образы прошлого не завладевали тобой, но если постоянно смотреть только в прошлое, это начинает в конце концов мешать; да это и бесполезно. Мне кажется, что я преодолел тот кризис, который происходит со всеми в первые

годы пребывания в тюрьме и который часто приводит к самому решительному, резкому разрыву с прошлым. По правде говоря, этот душевный кризис я чувствовал и наблюдал больше у других, чем у себя, и воспринимал его с улыбкой, и одно это было уже преодолением кризиса. Я никогда не думал, что столько людей до такой степени боятся смерти. Так вот: именно в этом страхе и кроется причина всех явлений, происходящих в психике заключенного. В Италии говорят, что ты тогда становишься старым, когда начинаешь думать о смерти; мне кажется, что это очень верная мысль. В тюрьме этот психологический сдвиг происходит тогда, когда заключенный вдруг осознает, что он зажат в тиски и что ему из этих тисков не вырваться; тогда-то в нем и происходит быстрая и резкая перемена, тем более резкая, чем менее серьезным было до того его отношение к своим идейным принципам, к своим убеждениям. Я видел, до какой степени тупели и дичали некоторые люди. И это оказывало на меня такое же действие, как на спартанских юношей созерцание развращенного образа жизни илотов. Итак, я сейчас совершенно спокоен и меня не тревожит даже длительное отсутствие вестей, хотя я и знаю, что этого можно было бы при желании избежать... это, кстати, относится и к тебе. Впрочем, Таня заботится о том, чтобы переправлять мне все вести, которые она получает от вас. Она передала мне, например, какие суждения о детях высказал твой отец; его характеристики очень заинтересовали меня, я несколько дней все думал о них. Сообщила она и другие вести, очень мило и тонко прокомментировав их. Не подумай, что я в чем-то упрекаю тебя! Я перечел на днях твои письма, начиная с прошлого года по сей день, и вновь почувствовал всю твою нежность. Знаешь, когда я пишу тебе, мне иногда кажется, что я слишком сух и суров по сравнению с тобой; ведь ты пишешь мне с такой непринужденностью. Мне кажется, что я становлюсь таким, каким я бывал иной раз, когда ты из-за меня плакала, особенно в тот первый раз, помнишь, когда умышленно так нехорошо вел себя по отношению к тебе? Мне хотелось бы знать, что тебе написала Таня о своей поездке в Тури; мне кажется, что у нее слишком идиллическое представление о моей жизни, и это меня немало беспокоит. Она никак не может понять, что я вынужден себя во многом ограничивать и что ей не следует присылать мне ничего

сверх того, что я сам прошу, ибо я не располагаю тут персональным складом. Сейчас она известила меня о том, что собирается прислать мне еще какие-то вещи, которые мне совершенно не нужны и которые я никогда не смогу использовать; и это вместо того, чтобы строго придержываться тех указаний, которые я ей дал.

Антонио.

XLIV

Тюрьма в Тури, 20 мая 1929 года

Дорогой Делио,

я узнал, что ты ходишь в школу, что рост твой — добрый метр и восемь сантиметров и что весишь ты восемнадцать кило. Итак, я считаю, что ты уже совсем большой и что скоро ты будешь сам писать мне письма. А пока что попроси маму, чтобы она писала мне под твою диктовку, как, помнишь, в Риме ты просил меня писать за тебя бабушке. Тогда ты сможешь рассказать мне, нравятся ли тебе ребята, с которыми ты учишься в школе, чему тебя учат и в какие игры ты любишь играть. Я знаю, что ты мастерил самолеты и поезда и активно участвуешь в индустриализации страны, но летают ли в самом деле твои аэропланы и ходят ли твои поезда? Будь я возле тебя, я вставил бы в паровозную трубу папиросу, чтобы по крайней мере был виден дым!

Затем ты должен написать мне что-нибудь о Джулиано. Как ты на это смотришь? Помогает ли он тебе в твоей работе? Он тоже конструктор? Или он еще слишком маленький и не заслуживает такого почетного звания? В общем я хочу знать множество разных вещей, а так как ты уже такой большой и, как мне сказали, любишь поболтать, я уверен, что ты сейчас же напишешь мне — пока что с помощью мамы — длинное-длинное письмо, в котором расскажешь обо всем, что я спрашиваю, да и о многом другом. А я тебе напишу о розе, которую я посадил, и о маленькой ящерице, которую я хочу приручить. Поцелуй за меня Джулиано, а также маму и всех, всех домашних, а мама, в свою очередь, поцелует тебя за меня.

Твой папа.

Я подумал, что ты, пожалуй, еще не знаком с ящерицами; это такая разновидность крокодилов, которые всегда остаются маленькими.

Тюрьма в Тури, 3 июня 1929 года

Дорогая Таня,

передо мною два твоих письма и пять открыток (последняя от 23 мая), на которые я должен был бы ответить по порядку и обстоятельно. Но я этого не сделаю. Получила ли ты письмо из дома и письмо для Юлии? Первое, как мне пишет мать, вероятно, дошло до тебя с большим опозданием.

Перемена погоды и жара, которая уже изрядно дает себя чувствовать, угнетают меня — и я тупею. Чувствую страшную усталость и какую-то общую слабость, несмотря на то, что я продолжаю принимать укрепляющие средства; думаю, однако, что долго это не продлится. Такое самочувствие для меня не ново и потому не тревожит меня — только злит, так как в такие дни я теряю интерес к чтению и у меня притупляются память и общая восприимчивость.

В субботу я получил твою посылку, которую мне передали в виде исключения. Благодарю тебя. Я думал, что обнаружу в ней шерсть для носков и т. д., но был разочарован. И встревожен, да, да! Прошу тебя, не позволяй, чтобы твоими действиями руководили фантазия и абстрактные понятия о «полезном» и «необходимом», учитывай конкретную тюремную обстановку — то есть придержишься того, о чем я тебя просил. В этой связи содержание твоих открыток может послужить сюжетом для целого романа, сотканного из добрых намерений, раскаяний, душераздирающих дилемм, порывов, желаний и т. д. А не лучше ли быть трезвее и решительнее? Как ты считаешь? Твой образ действий, правда, меня забавляет, но это не оправдание (по крайней мере для тебя). Забавляет же потому, что я теперь ясно вижу: — ты самый что ни на есть непрактичный человек, несмотря на все твои потуги доказать мне обратное. Что же касается меня, то я всегда был самым практичным на свете человеком: многие вещи я не делал только потому, что мне на них было решительно наплевать. Таким образом, я казался непрактичным потому, что был чрезмерно, до крайности практичен. И я не был понят! Это поистине трагично!

Сейчас, кажется, можно уже составить довольно точный цветочный баланс: все семена погибли, кроме семян

одного сорта, о котором я не знаю, что это такое, но, по-видимому, это семена цветка, а не сорной травы. Цикорий весь в цвету и даст много семян для будущих посадок. У тростника уже распустился лист шириной с ладонь и вот-вот распустится второй: он как будто хорошо принялся. Георгины находятся еще в инкубационном периоде, и о них ничего не известно; следует предполагать все же, что в один прекрасный день они пожелают явиться на свет, — я не знаю времени их цветения. Роза начинает давать ростки, а казалось, что от нее остались одни унылые, голые прутики. Но сможет ли она противостоять предстоящей летней жаре? Вряд ли, ибо очень уж она хрупкая и хилая. Правда, роза, в сущности говоря, — это всего лишь разновидность шиповника, а значит, очень живуча. Посмотрим. Хотел послать тебе цветочек цикория, но затем подумал, что он годится, пожалуй, лишь на то, чтобы начать с него припев сторнеля...¹ В открытке от 14 мая ты пишешь, чтобы я снова прислал список книг, которые я просил у тебя, когда ты была здесь. Мне кажется, что я получил все. Если чего-нибудь и не хватает, неважно; если это что-то нужное, я вспомню. Не присылай мне никаких иных переводных книг (даже если они и будут иметь внушительный вид), кроме тех, которые выпущены «Славией»².

Антонио.

XLVI

Тюрьма в Тури, 1 июля 1929 года

Дорогая Таня,

...кстати, знаешь, роза совсем ожила (пишу «кстати», так как я в последнее время занимаюсь наблюдениями над розой вместо того, чтобы плевать в потолок). С 3 июня по 15-е она вдруг начала выпускать глазки, затем появились и листочки, потом она вся зазеленела. Сейчас у нее веточки длиной уже 15 сантиметров. Она попыталась даже выпустить крохотный бутончик, но с некоторых пор он стал вянуть и теперь желтеет. Все же не исключено, что еще в этом году распустится какая-нибудь малень-

¹ Сторнели — итальянские народные песни, начинаются зачастую с названия того или иного цветка.— *Прим. ред.*

² «Славия» — туринское издательство, специализировавшееся на переводе русских и советских писателей.— *Прим. ред.*

кая, скромная розочка. Мне это приятно, так как последний год меня интересуют космические явления (быть может, это происходит оттого, что, как говорят в моем родном краю, кровать моя удачно расположена соответственно направлению благоприятных земных токов и, когда я сплю, клеточки организма совершают круговращение в унисон со всей веселенной). Я с большим волнением ожидал летнего солнцестояния, и теперь, когда земля приближается к солнцу (вернее, вновь идет по прямой после стояния), у меня на душе становится веселее (это связано с тем обстоятельством, что вечером в камеру приносят свет, — вот оно благодатное течение земных токов!); смену времен года, связанную с солнцестоянием и равноденствием, я ощущаю как свою собственную плоть; роза жива и, несомненно, расцветет, ибо под теплыми лучами тает лед и под снегом уже тянутся к жизни первые фиалки и т. д. Одним словом, время представляется мне как нечто телесное с тех пор, как для меня более не существует пространства. Дорогая Таня, прекращаю свои отступления и обнимаю тебя.

Антонио.

XLVII

Тюрьма в Тури, 1 июля 1929 года

Дорогая Юлия,

можешь сказать Делио, что весть, которую он сообщил мне, вызвала у меня большущий интерес, ибо она имеет чрезвычайно важное значение. Надеюсь все же, что кто-нибудь поправил с помощью клея ту беду, которую натворил Джулиано, и что головной убор не превратился, таким образом, в изодранный клочок бумаги. Помнишь, как в Риме Делио думал, что я умею чинить все на свете? Он об этом, конечно, забыл. А у него самого есть стремление чинить и приводить в порядок вещи? Это свидетельствовало бы, по-моему, о... конструктивных наклонностях и о положительных свойствах характера в большей мере, чем увлечение «конструктором». Ты ошибаешься, если думаешь, как ты пишешь, что у меня с детства были склонности к литературе и к философии. Напротив, я был склонным следопытом и не выходил из дому без пшеничных зерен в кармане и без спичек, завернутых в кусочек пергаментной бумаги, — на тот случай, если бы меня

вдруг забросило на необитаемый остров и пришлось бы обходиться тем, что имеешь. Затем я был смелым конструктором торговых судов и лодок и знал назубок всю морскую терминологию. Самую большую победу я одержал, помню, в тот день, когда деревенский жестянщик попросил меня смастерить бумажную модель великолепной двухпалубной шхуны; он хотел сделать такую же из жести. Я страшно увлекался всеми этими вещами, ибо в семь лет я уже прочел «Робинзона» и «Таинственный остров». Я думаю, что тот образ жизни, который вели дети тридцать лет тому назад, сейчас, пожалуй, уже немыслим: теперь дети рождаются сразу восьмидесятилетними, как китайский Лао-цзы¹. Радио и самолет навсегда уничтожили робинзоновскую романтику, питавшую воображение стольких поколений. Само изобретение «конструктора» как таковое свидетельствует о том, как быстро развивается и меняется духовный мир ребенка: его героем уже не может быть Робинзон, а скорее какой-нибудь агент полиции или «ученый» вор (по крайней мере на Западе). Таким образом, твое суждение обо мне следует поставить с головы на ноги, только тогда оно будет правильным. Ты не находишь?

Ты написала мне, сколько весит Джулиано, но не написала, какой у него рост. А Татьяна сказала мне, что, когда Делио весил восемнадцать кило, рост его был метр и восемь сантиметров. Все эти сведения меня очень интересуют, ибо дают какое-то конкретное представление о детях; ведь ты сообщаешь мне так мало подробностей. Надеюсь, что, когда Татьяна будет с вами, она будет посылать мне (поскольку она щедрее тебя в этом отношении) множество всяких вестей — о детях и о тебе.

Целую тебя и детей, дорогая.

Антонио.

XLVIII

Тюрьма в Тури, 30 июля 1929 года

Дорогая Юлька,

получил твое письмо от 7-го. Фотографии еще не дошли; надеюсь, что среди них будет и твоя. Мне, конечно, хочется видеть и тебя, хотя бы раз в год, чтобы иметь немно-

¹ Лао-цзы — древнекитайский философ. Точные годы его жизни не установлены; повидимому, 6—5 вв. до н. э.— *Прим. ред.*

го более ясное представление о том, как ты выглядишь. Иначе что мне остается думать? Что ты очень изменилась внешне, что ты физически ослабла, что у тебя много седых волос и т. д. А теперь хочу заблаговременно поздравить тебя с днем рождения; возможно, что и следующее письмо подоспело бы во-время, но я не уверен в этом. Если получу твою фотографию, я еще раз пошлю тебе свои поздравления. Мне, конечно, хотелось бы видеть тебя вместе с детьми, как на прошлогодней фотографии, так как в групповом снимке есть какое-то движение, что-то живое; угадываются взаимоотношения, которые можно развить в своем воображении, представляя их себе в другой обстановке, в какие-то конкретные моменты жизни, когда нет направленного на тебя объектива фотоаппарата. Ну, а затем, мне думается, я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы представить тебя в самой различной обстановке, а вот представить реакцию и поведение по отношению к тебе детей я не могу. Я имею в виду непосредственную реакцию и их поведение в каждом отдельном случае, а не их чувства и склонности вообще. Фотографии мало что дают мне в этом смысле, а воспоминания моего детства мало что прибавляют, так как они кажутся мне слишком личными; к тому же теперь, я думаю, все должно быть по-иному; иным стал мир чувств, да ведь и разница в два поколения (пожалуй даже больше, так как между ребенком, воспитанным в сардинской деревне, и ребенком, выросшим в большом современном городе, уже в силу одного этого обстоятельства разница минимум в два поколения). Знаешь, иногда мне хотелось бы написать о тебе, о твоей силе, которой у тебя во сто крат больше, чем ты думаешь, но я все не решаюсь это сделать, так как сейчас же начинаю казаться себе... неким работником, оценивающим достоинства рабочей скотины. Вот я и написал именно то, о чем я не раз думал. Ну, а если я так думал, значит, об этом можно и написать. Конечно, так не следовало бы думать, но это происходит, вероятно, потому, что во мне все еще живы — в приглушенном состоянии — многие преодоленные мною, но не до конца изжитые представления. Меня, естественно, очень часто преследует мысль, что на твои плечи легло самое тяжкое бремя нашего союза (самое тяжкое в силу объективных причин, пусть так, но это не меняет сути). Потому я не могу уже думать о твоей силе — которой я так часто восхи-

шался, хотя и не говорил тебе об этом, — а думаю о том, что тебя, наверное, одолевают порой и слабость и усталость; и думаю об этом с огромной, почти мучительной нежностью, которую можно выразить в ласке, но нельзя выразить словами. А потом я все еще очень завидую тебе, потому что я ведь лишен возможности наслаждаться первыми, самыми свежими впечатлениями, связанными с жизнью наших детей, и не могу помогать тебе направлять и воспитывать их. Я помню много маленьких эпизодов, связанных с той порой, когда Делио жил в Риме, и помню те принципы, на которых ты и Женя строили свои отношения с ним. Я вновь думаю над этими принципами, стараюсь развить их и мысленно применить к новым условиям. И я неизменно прихожу к заключению, что на вас сильное впечатление произвела Женева и вся эта обстановка, пронизанная духом Руссо и д-ра Ф., который был, повидимому, типичным швейцарцем, женецем и приверженцем Руссо. Но я зашел слишком далеко (быть может, я напишу тебе об этом в другой раз, если только это тебя интересует) и, пожалуй, еще разозлил тебя упоминанием о Руссо, что уже однажды (помнишь?) вызвало у тебя такой гнев.

Дорогая, обнимаю тебя.

Антонио.

XLIX

Тюрьма в Тури, 26 августа 1929 года

Дорогая Татьяна,

получил фотографию детей и, как ты понимаешь, очень этому обрадовался. Я был также чрезвычайно рад тому, что мог собственными глазами убедиться в наличии у них тела и ног: ведь вот уже три года, как я вижу только их головы, и я начал было уже подозревать, что они превратились в херувимов — только без крылышек. Словом, я получил более живое и яркое представление о них. Я, конечно, не совсем разделяю твою восторженную оценку. Рассуждая более трезво, я полагаю, что выражение их лица и поза определяются тем, что они сидят перед фотоаппаратом: Делио сидит в такой позе, словно он вынужден выполнить скучную, но необходимую *corvée*¹, которую он

---

¹ *Corvée* — обязанность (франц.).

принимает всерьез, а Джулиано широко раскрыл глаза перед чем-то таинственным, как бы в раздумье: не ожидает ли его тут какой-нибудь забавный сюрприз? Не выпрыгнет ли, скажем, из аппарата бешеная кошка, или (а вдруг!) не появится ли оттуда красавец павлин? Иначе зачем же ему было велено смотреть в ту сторону и не двигаться? Ты права, он поразительно похож на твою мать; и не только глаза похожи, но и вся верхняя часть лица и форма головы.

Знаешь, я пишу тебе без всякого воодушевления, так как не уверен, что письмо это застанет тебя до отъезда. Ну, а затем — я снова выбит из колеи. Было много дождей, и температура понизилась; это на меня плохо действует. Боли в пояснице, невралгия, желудок не принимает никакой пищи. Но это обычные для меня явления, и поэтому я не очень встревожен. Когда продают виноград, я съедаю по килограмму в день; таким образом, с голоду я не могу умереть. А виноград я ем охотно, он очень хорошего качества.

Я уже читал как-то статью издателя Формиджини по поводу плохих переводов и предложений, как избежать этой эпидемии. В ответ на предложение одного писателя привлекать издателей к уголовной ответственности за несуразности, которые они печатают, Формиджини пригрозил, что он «прикроет лавочку», так как даже самый взыскательный издатель не может избежать грубых ляпсусов. С большим юмором он описывал, как в один прекрасный день предстанет перед ним блюститель порядка и заявит ему: «Встать и пойти со мной в полицейское управление. Будете отвечать за оскорбление итальянского языка»¹ (приблизительно так говорят сицилийцы, а многие полицейские — сицилийцы). Это сложный вопрос, и его не так просто разрешить. Переводчики оплачиваются плохо, а переводят еще хуже.

В 1921 году я обратился к итальянскому представительству Общества французских писателей за разрешением напечатать в приложении к нашей газете один французский роман. За тысячу лир я получил разрешение и перевод, сделанный неким адвокатом. Организация казалась такой солидной, а адвокат-переводчик таким опытным специалистом, что я послал рукопись прямо в типо-

---

¹ В тексте эта фраза дана на исковерканном итальянском языке. — *Прим. перев.*

графию с тем, чтобы материал был заблаговременно заготовлен на десять номеров вперед. Все же в ночь накануне того дня, когда первая часть романа уже должна была выйти в свет, я решил для очистки совести проверить, как обстоит дело, и велел принести гранки. После первых же строк я подскочил: я обнаружил, что на горе стоял большой корабль¹. Речь шла отнюдь не о горе Арарат и, следовательно, не о Ноевом ковчеге, а об одной горе в Швейцарии и о большой гостинице. Весь перевод был в таком вот роде: «*morceau de roi*»² было переведено как «кусочек короля», «*goujat*»³ — «рыбка» и т. д.; таких и еще более смехотворных интерпретаций было множество. В ответ на мой протест представительство Общества выделило триста лир на то, чтоб сделать новый перевод, и на возмещение убытков за испорченный набор. Но самое забавное заключалось в том, что адвокат-переводчик, забрав 700 лир, которые он должен был вручить своему патрону, сбежал с какой-то девицей в Вену.

До сих пор по крайней мере перевод классиков делался все же добросовестно и тщательно, если и не всегда со вкусом. Сейчас и в этой области происходят умопомрачительные вещи. Так, при издании сочинений греческих и латинских классиков (издание это почти национальное: государство ассигновало на него сто тысяч лир) перевод «Германии» Тацита был поручен... Маринетти, который, впрочем, получил в Сорбонне диплом доктора филологии. Я читал в одном журнале перечень перлов, принадлежащих перу Маринетти, перевод которого был горячо расхвален... журналистами. «*Exigere plagas*» («осматривать раны») переведено «требовать язв»; по-моему, одного этого вполне достаточно: любой лицеист заметил бы, что это несусветная чушь.

...Помнишь, как-то очень давно я просил тебя достать мне небольшую книжечку Винченцо Морелло (Растиньяк)⁴ о десятой песне «Ада» Данте, выпущенную издательством Мондадори несколько лет тому назад (в 1927 или 1928 году)? Я сделал в отношении этой песни

¹ «*Bâtiment*» — по-французски здание, а переводчик перевел *bastimento*, то есть корабль. — *Прим. перев.*

² «*Morceau de roi*» — лакомый, «королевский» кусок (*франц.*).

³ «*Goujat*» — хам, грубиян (*франц.*).

⁴ Морелло, Винченцо (1860—1933) — итальянский журналист и литератор. Автор ряда работ по истории литературы. Иногда писал под псевдонимом «Растиньяк». — *Прим. ред.*

Данте маленькое открытие, которое кажется мне интересным и которое могло бы внести кое-какие коррективы в один чрезмерно категоричный тезис Б. Кроче о «Божественной комедии». Я не стану излагать тебе существа вопроса, ибо это заняло бы слишком много места. Мне кажется, что из числа работ, посвященных десятой песне Данте, лекция Морелло последняя по времени, поэтому она может быть мне полезна; я смогу узнать, высказывали уже кто-либо суждения, схожие с моими. Это мало вероятно, так как в десятой песне всех привлекает образ Фаринаты¹ и обычно все сводится к анализу и восхвалению именно этого образа; что касается Морелло, то, будучи не исследователем, а ритором, он, без сомнения, придерживается установившейся традиции. Тем не менее мне все же хотелось бы прочесть его работу. Затем я напишу свои «заметки о Данте» и, пожалуй, перешлю их тебе в знак моего уважения; написаны они будут прекрасным каллиграфическим почерком. Я все это говорю шутки ради, так как для того, чтобы написать заметки такого рода, я должен был бы снова просмотреть изрядное количество материалов (например, репродукции помпейской живописи), которые имеются лишь в больших библиотеках. Иными словами, я должен был бы подобрать исторические факты, доказывающие, как по традиции, перешедшей от классического искусства к средним векам, художники избегали передавать страдание в его самых простых и глубоких проявлениях (материнскую скорбь); в произведениях помпейской живописи Медея, убивающая своих детей, прижитых ею с Язоном, изображена с лицом, закрытым покрывалом, так как художник считал сверхчеловечным и бесчеловечным передать выражение ее лица. Но все же наброски я сделаю, а может быть, и черновой вариант будущих заметок.

Сердечно тебя обнимаю, дорогая.

Антонио.

L .

Тюрьма в Тури, 30 декабря 1929 года

Дорогая Юлия,
я забыл спросить у Татьяны, с которой я имел свидание несколько дней тому назад, переслала ли она тебе два моих последних письма, адресованных ей. Полагаю, что да,

¹ Фарината делья Уберти (род. в начале XIII в., умер в 1264 г.) — глава флорентийских гибеллинов. — *Прим ред.*

ибо я просил ее об этом. Мне хотелось — хоть это, быть может, и огорчит тебя, — чтоб ты была осведомлена о том, в каком душевном состоянии я тогда находился; сейчас, правда, мне стало легче, однако я еще не совсем оправился.

С большим интересом прочел письмо, в котором ты пишешь о Делио; читая его, я смог составить себе представление об уровне его развития. Замечания, которые я выскажу по этому поводу, следует расценивать, разумеется, с учетом следующих обстоятельств, ограничивающих возможность верного суждения: 1) я почти ничего не знаю о том, как протекает развитие детей именно в тот период, когда это развитие представляет собой наиболее характерную картину их умственного и нравственного формирования, — то есть после двух лет, когда дети овладевают речью и когда они начинают в какой-то мере логически мыслить, не ограничиваясь уже одними образами и представлениями; 2) лучше всего судить о направлении воспитания детей может только тот, кто знает их близко и может каждодневно следить за процессом их развития; но это при том лишь условии, что он не будет ослеплен своим чувством и не утратит, таким образом, верного критерия, предаваясь лишь эстетическому созерцанию ребенка, которого тем самым начинают рассматривать лишь как произведение искусства.

Итак, принимая во внимание оба эти соображения, сливающиеся, в сущности, воедино, мне кажется, что для своих лет Делио — судя по тому, что ты пишешь, — очень отстал в умственном развитии, слишком инфантилен. Помню, в Риме, когда ему было два года, он «играл» на рояле, то есть он ассоциировал различную звуковую тональность на клавиатуре с голосами животных: так, цыплята были справа, медведь — слева, а в промежутке между ними — различные другие животные. Для ребенка, которому не было еще двух лет, такой образ действий являлся, конечно, естественным и нормальным, но в пять с лишним лет применение того же метода для ориентировки в пространстве, пусть даже неизмеримо большем (хотя и не таком уж большем, ибо четыре стены комнаты ведь лимитируют и конкретизируют это пространство), свидетельствует об отсталости и инфантильности.

Я очень ясно помню, что, когда мне не было еще пяти лет, я, ни разу не побывав за пределами селения, то есть

имея очень ограниченное представление о пространстве, умел, однако, палочкой указать на карте страну, в которой я жил, имел понятие о том, что такое остров, и находил на большой карте, висевшей на стене, главные города Италии; иначе говоря, я имел представление о перспективе и трех измерениях пространства (а не только о линиях направления вообще), о системе координат и о том, как следует ориентироваться, исходя из положения точек в этой системе: верх — низ, правая — левая, причем я воспринимал это как абсолютные пространственные величины, вне связи с положением моих рук. А я, думается мне, вовсе не принадлежал к числу рано развившихся детей, отнюдь нет. Вообще я заметил, что взрослые легко забывают свои детские ощущения, которые в определенном возрасте растворяются в целом комплексе других восприятий и ощущений, пронизанных то ли чувством сожаления, то ли чувством смешного, то ли иным, искажающим детские восприятия, чувством. Так, например, забывается, что ребенок умственно развивается очень быстро, впитывая в себя с первых же дней после рождения огромное количество впечатлений, о которых он помнит даже спустя несколько лет и которыми он руководствуется в тот первый период, когда начинает более осмысленно рассуждать, то есть уже после овладения речью. Я не могу, разумеется, высказывать определенные суждения и делать какие-то обобщающие выводы из-за отсутствия достаточного количества конкретных данных; мне ведь почти ничего, чтоб не сказать совершенно ничего, не известно, так как те твои наблюдения, которыми ты со мной поделилась, никак не связаны между собой и не отражают процесса развития детей. Но из совокупности этих данных у меня создалось впечатление, что твоя концепция воспитания, как и концепция всей твоей семьи, слишком метафизична, то есть она исходит из предположения, что в ребенке в потенции уже заложено все, что определяет характер и склонности взрослого человека, и что надо лишь помогать ему развивать то, что уже есть в нем в скрытой форме, не оказывая на него никакого давления и ничем не ограничивая стихийно развивающиеся задатки его натуры или неведь чего еще. Я же думаю, что человек сложился в ходе длительного исторического процесса и что произошло это путем принуждения (что следует понимать не только в смысле грубого внешнего наси-

лия), — думать иначе — значит впасть в некую разновидность трансцендентальной или имманентной философии. То, что принимается за скрытую силу, является на деле всего лишь комплексом бесформенных и неопределенных впечатлений и ощущений первых дней, первых месяцев, первых лет жизни — впечатлений и ощущений, которые отнюдь не всегда так уж благотворны, как хотелось бы думать. Концепция воспитания как разматывание некоего априори существующего клубка имела смысл, когда она противопоставлялась школе иезуитов, то есть когда тем самым отвергалась еще более вредная философия; однако ныне такая концепция, в свою очередь, уже изжила себя. Отказываться от воздействия на формирование ребенка означает, по сути дела, допускать, чтобы его личность развивалась бесконтрольно, хаотично, впитывая в себя из окружающей среды все без разбора.

Интересно, что фрейдизм порождает, особенно в Германии (поскольку я могу судить по журналам, которые я читаю), тенденции, схожие с теми, которые существовали во Франции в XVIII веке, и содействует формированию нового типа «доброе дикаря», испорченного обществом, то есть историей. Это, в свою очередь, порождает новую, весьма примечательную форму умственного и духовного разброда.

На все эти мысли меня натолкнуло твое письмо. Возможно, и даже весьма вероятно, что какое-либо из моих суждений преувеличено или даже просто неверно. Воссоздавать на основе одной косточки целого мегатерия или мастодонта умел, как известно, Кювье, но бывает и так, что из кончика мышинного хвоста создается... морская змея.

Крепко тебя обнимаю.

Антонио.

LI

Тюрьма в Тури, 13 января 1930 года

Дорогая Таня,

...благодарю тебя за вести о семье. Что же касается моего душевного состояния, то ты, видимо, не совсем верно его поняла. Надо сказать, правда, что такие вещи трудно понять до конца кому бы то ни было, ибо определяются они множеством обстоятельств, из которых иные зачастую почти невозможно представить себе; тем более трудно представить себе всю совокупность этих обстоятельств.

Как раз в эти дни я прочел книгу «От 1848 до 1861 года»; в ней собраны письма, статьи и различные документы, касающиеся Сильвио Спавенты — патриота из Аbruцц, бывшего в 1848 году депутатом неаполитанского парламента. После поражения национального движения он был арестован, приговорен к каторге и затем освобожден в 1859 году в результате нажима со стороны Франции и Англии. Впоследствии, в период до 1876 года, он был министром королевства и одним из самых выдающихся деятелей правой либеральной партии. Мне показалось, что во многих своих письмах, написанных в несколько выпрешенном и сентиментальном стиле, присущем тому времени, он сумел прекрасно выразить чувства и переживания, схожие с теми, которые часто испытываю я. Например, в письме к отцу от 17 июля 1853 года он пишет: «Не имею вестей от вас уже два месяца; месяца четыре, а быть может, и больше — от сестер и долгое время — от Бертрандо (его брата). Считаете ли вы, что на таком человеке, как я, который гордится тем, что у него любящее и очень юное сердце, подобное лишение не сказывается чрезвычайно болезненным образом? Я вовсе не думаю, что близкие мои любят меня сейчас меньше, чем раньше, но несчастье имеет два последствия: оно часто приводит либо к угасанию всякого чувства к тем, кто попал в беду, либо — не менее часто — к угасанию всякого чувства у тех, кто попал в беду, ко всем остальным. Я не так боюсь первого из этих двух последствий, как страшусь второго, ибо, будучи лишенным здесь всякого человеческого и дружеского общения, я чувствую, что страшная тоска, длительное заключение, мысль, что я, быть может, всеми забыт, наполняют горечью мою душу и постепенно иссушают мое сердце».

Если отбросить несколько сентиментальный язык письма, соответствующий, как я уже сказал, духу той эпохи, в нем очень ясно чувствуется душевное состояние заключенного. Спавента не был, конечно (и это меня утешает); человеком слабой воли, не был нытиком, подобно другим. Он был одним из тех немногих (их было около шестидесяти) из числа шестисот с лишним осужденных в 1848 году, которые неизменно отказывались обратиться к неаполитанскому королю с прошением о помиловании; не впал он и в набожность, а наоборот, как он об этом часто пишет, он все больше убеждался в том, что филосо-

фия Гегеля — единственно рациональное мировоззрение и единственная система, достойная уровня мысли того времени. А знаешь ли ты, какие будут практические выводы из обнаруженного мною созвучия между моим душевным состоянием и душевным состоянием политического заключенного 1848 года? Выводы таковы, что отныне все мои ощущения и переживания будут казаться мне несколько смешными и до комизма анахроничными. Три поколения сменилось за это время, и путь, во всех отношениях, пройден немалый. То, что было возможно для дедов, невозможно для внуков (я не говорю — для наших дедов, так как мой дед — я никогда тебе этого не рассказывал — был не кем иным, как полковником бурбонской жандармерии и, возможно, находился в числе тех, кто арестовал Спавенту — врага Бурбонов и приверженца Карла Альберта), невозможно, разумеется, объективно, ибо субъективно, то есть для каждой отдельной личности дело может обстоять иначе.

...Сегодня, согласно очередности, я должен был писать моей матери. Поэтому прошу тебя: напиши ты ей, чтобы она не беспокоилась из-за отсутствия вестей от меня.

Дорогая, обнимаю тебя.

Антонио.

ЛII

Тюрьма в Тури, 10 февраля 1930 года

Дорогая Юлия,

думая о разных вещах, связанных с прошлым, я вспомнил, как ты однажды сказала мне, что Государственное издательство оплачивает не только труд переводчиков книг иностранных авторов (что вполне естественно), но и соответствующим образом вознаграждает тех, кто предлагает иностранные книги для перевода, если эти предложения принимаются. Тогда мне пришла в голову мысль подсказать тебе кое-какие книги, сопроводив их теми сведениями, которые я в состоянии буду раздобыть, учитывая условия, в каких я нахожусь. Сведения эти могут оказаться, естественно, неточными и неполными. У меня будут, таким образом, новые темы для писем; мне противно заполнять их обычной болтовней, а в моей нынешней жизни трудно почерпнуть приятные или сколько-нибудь интересные темы для беседы. А так я буду попутно делиться с тобой теми или иными замечаниями о различ-

ных, наиболее существенных и устойчивых явлениях в культурной жизни Италии.

В прошлом году вышло новое издание одной книги, являющейся ныне достоянием европейской культуры; это «Античный капитализм. История римской экономики» — «Il capitalismo antico. Storia dell'economia romana» (204 стр., формат 16, издательство Латерца, Бари). В первом издании труд вышел в 1906 году на французском языке (перевод был сделан с итальянской рукописи) и имел большой успех. Сразу же вслед за этим книга была переведена Карлом Каутским на немецкий язык, а затем, если не ошибаюсь, на русский и на другие языки. Она была направлена против тенденции, ведущей свое начало от Моммзена, — считать «капиталистическим» всякое «денежное» хозяйство (этот упрек был сделан Моммзену Марксом, а Сальвиоли развивает и доказывает его обоснованность). В настоящее время тенденция эта приняла пагубные размеры, чему в немалой степени содействовала деятельность профессора Ростовцева (русского историка, преподающего в Англии), а в Италии — благодаря профессору Барбагалло, ученику Гульельмо Ферреро. Сальвиоли был серьезным ученым (он умер в прошлом году во время чтения лекции в Неаполитанском университете); исторический материализм он признавал в той форме, какую эта теория обрела в Италии в результате ревизионистского истолкования его Бенедетто Кроче, то есть как метод исторического исследования, а не как всеобъемлющее мировоззрение. В новом итальянском издании книга вышла коренным образом переработанной: она приведена в соответствие с современным уровнем исследования этой темы, и из текста изъяты все те полемические моменты, которые имели актуальное значение в 1906 году. Это, в сущности говоря, совершенно новое произведение, хотя автор умер, не успев доработать свой труд. Книга эта требует очень хорошо владеющего итальянским языком переводчика, который сумел бы разобраться также и в имеющихся в ней синтаксических несуразностях и в несколько неряшливых оборотах речи.

Другая недавно вышедшая книга принадлежит перу Франческо Эрколе (в настоящее время депутат парламента) «От коммуны к принципату» — Francesco Ercole «Dal Comune al Principato» — очерки истории публичного права в эпоху итальянского Возрождения (издатель

Валлекки, Флоренция, 1929, 381 стр.). Книга состоит из четырех очерков, по-разному интересных с точки зрения неитальянской культуры. Несомненный интерес и за пределами Италии должен вызвать первый из этих очерков — «Борьба классов в конце средневековья», который можно было бы прекрасно издать отдельной книжкой или же в виде статьи в каком-нибудь толстом журнале. Там имеются, правда, явно наивные, с исторической точки зрения, суждения (так, например, автор положительно расценивает факт поражения во Флоренции движения чомпи, что способствовало якобы культурному расцвету в эпоху Возрождения), зато содержатся весьма интересные и, как правило, неизвестные фактические данные (соответствующие архивные документы публиковались во время войны в почти «подпольных» изданиях, недоступных для непосвященных), которые проливают свет на имевшие место во Флоренции в 1340—1350 годах попытки организовать рабочих мануфактур, исключенных из ремесленных корпораций, попытки, вызвавшие своеобразную политическую реакцию, и т. д.

Эрколе принадлежит к тому же направлению в итальянской историографии, что и Сальвиоли, — к так называемой экономико-юридической школе, которая частично обновила историческую доктрину, носившую традиционно академический и риторический характер и основывавшуюся в лучшем случае на текстологическом анализе и на широкой фактологической базе.

Не знаю, пригодятся ли тебе все эти указания и будет ли у тебя желание и возможность в какой-либо мере использовать их; мне же это позволило писать тебе о чем-то другом, а не только о погоде и о состоянии моей нервной системы. Книжки — это единственное, что вызывает у меня интерес и что помогает мне как-то коротать время. Почему ты ничего не пишешь о том, как развивается Джулиано, а пишешь только о Делио?

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LIII

Тюрьма в Тури, 24 февраля 1930 года

Дорогой Карло,

я пропустил два письма, позабыв написать тебе об одном деле, которое в известной мере интересуется меня не только

в плане «интеллектуальном», но, пожалуй, и в плане «моральном». Я хотел написать тебе, чтобы ты обратился в Особый трибунал по охране государства (в канцелярию) и попросил копию приговора (на простой бумаге), вынесенного по моему делу 4 июля 1928 года, для подачи заявления о пересмотре дела. Надо внести лишь гербовый сбор и оплатить расходы по переписке, что не составит большой суммы. Сейчас объясню тебе, что я собираюсь делать, ибо тебе ведь известно мое мнение о том, каких результатов можно ожидать от этого ходатайства. Прежде всего я хочу прочесть приговор. Я думал раньше, что приговоры, выносимые Особым трибуналом, состоят, — вследствие сокращенных сроков судопроизводства, — из одной лишь резолютивной части. Между тем я узнал, что они пространны и в них излагаются, в более или менее связной форме, процедурные моменты. Поскольку и в моем случае будет именно так, формальный повод для заявления о пересмотре можно скорее всего почерпнуть из констатационной части приговора.

Я отошлю тебе все эти материалы вместе с приговором, а ты передай их какому-нибудь адвокату, который смог бы добросовестно отнестись к этому делу; пусть он продумает все и в случае надобности составит по установленной форме заявление о пересмотре. Я не хотел иметь никаких дел с адвокатом Николаи и потому немного рассердился на Татьяну, когда она обратилась к нему, не посоветовавшись предварительно со мной. После вынесения приговора адвокат Николаи посоветовал нам, как это делают все адвокаты (а на сей раз не без злого умысла), подать апелляцию, и Террачини¹ обратился тогда в Кассационный суд, поскольку в законе от ноября 1926 года не было указано, в какую инстанцию следует обращаться, а говорилось лишь о праве подачи апелляции. Николаи, следовательно, должен был держать связь с Террачини, который являлся его клиентом; это была его обязанность. Я же не имел к этому никакого отношения и не мог войти в контакт с ним. Что касается Николаи, то еще в 1928 году он был твердо убежден в обоснованности требования о пересмотре дела, однако в 1929 году эта

---

¹ Террачини, Умберто (род. в 1895 г.) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. Участвовал вместе с Грамши и Тольятти в движении «Ордине Нуово». Член партии с 1921 года.— *Прим. ред.*

убежденность испарилась, то есть ее не стало именно тогда, когда была создана та инстанция, в которую следовало обращаться, и когда действительно оказалось возможным подать апелляцию. Затем есть и другие причины, о которых я не стану говорить.

Не имея возможности узнать, что решили предпринять другие обвиняемые, я считаю себя сейчас свободным от какого бы то ни было обязательства по отношению к ранее предпринятым ими действиям, я хочу поэтому изучить приговор и посмотреть, можно ли законно ходатайствовать о пересмотре дела. Вообще же я считаю, что в моем положении всякое обращение к законности уместно и обязательно, я не питаю каких-либо иллюзий на этот счет, но хочу сознавать, что с моей стороны сделано все дозволенное мне по закону, чтобы доказать, что осужден я без законного основания. Перепиши мне те статьи из военно-уголовного процессуального кодекса, которые касаются пересмотра дела, чтобы я имел полное представление о существующих возможностях. Напиши мне, что ты намерен предпринять и когда ты собираешься это сделать, и постоянно держи меня в курсе всех дел. Может быть, для заявления о выдаче копии с приговора (а оно должно быть написано мной) тебе следовало бы связаться с Татьяной, если только она будет в Риме. Она сможет таким образом быстрее продвинуть ходатайство.

Обнимаю тебя и всех близких, а детям Терезины желаю поскорее поправиться; мама писала мне, что они были больны.

С сердечным приветом

Антонио.

LIV

Тюрьма в Тури, 10 марта 1930 года

Дорогая Таня,

...меня ничто, право, так не раздражает, как «благие порывы», которыми подменяют волевую целеустремленность; меня это раздражает в людях, к которым я не испытываю никакого чувства и которых считаю «лишними», и очень огорчает в тех, кто мне не безразличен, о ком я не хочу и не могу судить с утилитарной точки зрения и кого, наоборот, я хотел бы подстегнуть и побудить к дей-

ствию. Я встречал, особенно в университете, немало безвольных «прожекторов» и имел возможность проследить за трагикомической кривой их жизни; могу сказать, что отдельные их образчики четко и ярко запечатлелись в моей памяти, и я неизменно начинаю злиться, когда по ассоциации с какими-нибудь другими воспоминаниями они вдруг встают перед глазами. Да, они злят меня и сейчас; вот почему, когда я улавливаю в твоих умозаключениях или поступках что-либо напоминающее мне ту или иную черту этого сорта людей, я прихожу в негодование и даже становлюсь резок с тобой. Однако поверь, что только хорошее чувство к тебе побуждает меня бранить тебя, как дитя, ибо в твоих настроениях и порывах в самом деле есть что-то детское. По-моему, надо всегда очень реально и трезво смотреть на вещи, не мечтать с открытыми глазами, ставить перед собой разумные, достижимые цели; иначе говоря, нужно полностью отдавать себе отчет в своих возможностях, что не мешает, однако, стремиться к расширению границ этих возможностей. Все это кажется мне настолько общеизвестным и банальным, что я себя чувствую почти что в роли приходского священника, читающего свою нудную проповедь.

...Дорогая, пусть не огорчает тебя все то, что я тебе говорю. В твоей открытке от 7-го я не понял замечания относительно «Цветочков св. Франциска»¹. Я думаю, что книга эта может очень заинтересовать читателя; степень интереса к ней будет зависеть от того, с какой точки зрения он будет воспринимать ее, а также от объема его познаний в области истории культуры той эпохи. В художественном отношении «Цветочки св. Франциска» — великолепное произведение, полное свежести и непосредственности; оно пронизано чувством искренней веры и безграничной любви к Франциску, которого многие считали новым воплощением бога, новым явлением Христа. Вот почему эта книга пользуется большей популярностью в протестантских странах, чем в странах католических. А с исторической точки зрения она свидетельствует о том, каким могучим институтом была, и продолжает оставаться по сей день, католическая церковь. Франциск выступил как основоположник нового христианства, новой религии,

---

¹ «Цветочки св. Франциска» — рассказы о Франциске Ассизском (1182—1226). Автор точно неизвестен.— *Прим. ред.*

вызвав такой же огромный подъем среди верующих, какой наблюдался в первые века христианства. Официально церковь не преследовала его, ибо это привело бы к тому, что реформация произошла бы двумя столетиями раньше; церковь постаралась обезвредить его, разобщила его последователей и низвела новую религию до уровня обычного, подчиненного ей монашеского ордена. Если читать «Цветочки» для того, чтобы использовать эту книгу как некое руководство в вопросах жизни, то ничего в ней не поймешь. Перед войной, помню, был такой случай, когда Луиджи Луццатти опубликовал в «Коррьере делла сера» один неизданный, по его мнению, отрывок из «Цветочков», сопроводив его пространными критическими замечаниями социально-экономического характера: можно было лопнуть со смеху! Ныне же никому не придет в голову что-либо подобное, даже братьям-францисканцам (сама буква их устава коренным образом изменена); значение их ордена, кстати говоря, резко пало по сравнению с орденом иезуитов, доминиканцев или августинцев, то есть по сравнению с теми религиозными институтами, которые специализировались на политике и культуре. Франциск был кометой, сверкнувшей на католическом небосводе; однако животворный фермент новой религии остался в учении Доминика (давшего Савонаролу) и главным образом — в учении Августина; августинский орден породил сначала реформу церкви, а позднее — янсенизм. Св. Франциск не занимался теоретизированием в области теологии, он пытался осуществить на практике основные принципы евангелия; порожденное им движение носило народный характер до тех пор, пока живо было воспоминание об основоположнике этого движения; но вот уже фра Салимбене из Пармы, живший спустя одно поколение, описывает францисканцев как «веселых братьев». Я не говорю уже о литературе на итальянском языке: достаточно прочесть Боккаччо, чтобы увидеть, как пал престиж ордена в глазах народа; все монахи у Боккаччо — францисканцы.

Дорогая, я прочел тебе небольшую лекцию по истории религии. Зато, быть может, теперь ты лучше оценишь «Цветочки». Очень надеюсь увидеть тебя поправившейся и самое главное — сильной духом.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 7 апреля 1930 года

Дорогая Таня,

роман Баккелли «Дьявол в Понтелунго» (Vascehelli «Il Diavolo a Pontelungo») достаточно «историчен» в том смысле, что эпизод с Баронатой и события в Болонье в 1874 г., о которых в нем идет речь, действительно имели место¹. Как и во всех исторических романах мира, историческим является лишь общий фон произведения, а не каждый в отдельности персонаж, не каждое в отдельности событие. Что делает этот роман интересным, не говоря уже о его значительных художественных достоинствах, это то, что у автора почти совсем не чувствуется сектантской предвзятости. В итальянской литературе этого жанра, если не считать исторического романа Мандзони, существует сугубо сектантская традиция, которая восходит к периоду 1848—1860 годов: мы встречаем тут, с одной стороны, ее родоначальника Гверрацци² и, с другой — иезуита падре Брешиани³. В глазах Брешиани все патриоты были негодьями, подлецами, убийцами и т. д., в то время как защитники трона и алтаря, как их называли в те времена, были все ангелами божьими, сошедшими на землю, дабы творить чудеса. Для Гверрацци, естественно, все было наоборот: паписты были черными злодеями, а поборники единства и национальной независимости страны — незапятнанными легендарными героями. Традиция эта, с ее двумя основными направлениями, сохранилась вплоть до недавнего времени в романах-приключениях (литературе, рассчитанной на широкого читателя).

Что же касается так называемой ученой художественной литературы, то тут монополию захватили иезуиты. В своей книге «Дьявол в Понтелунго» Баккелли показал, что он занимает независимую или почти независимую по-

¹ Бароната — особняк, принадлежавший Бакунину; в 1874 году в Болонье анархисты предприняли попытку поднять восстание, которое закончилось их поражением. — *Прим. ред.*

² Гверрацци, Франческо Доменико (1804—1873) — писатель-патриот, видный деятель революции 1848—1849 годов в Италии. Член революционного Триумvirата в Тоскане. — *Прим. ред.*

³ Брешиани, Антонио (1798—1862) — иезуит, возглавлял орден иезуитов на Сардинии, редактировал реакционный католический журнал «Чивильта Каттолика»; выступал против либерализма в политике, против романтизма в литературе. — *Прим. ред.*

зицию; его юмор редко носит тенденциозный характер, он скорее в самой сути вещей, чем в предвзятой, выходящей за рамки художественности, установке автора.

О дочери Косты и Кулишевой написан целый роман: «Жиронда» Вирджилио Брокки. Не знаю, читала ли ты его; ценность его ничтожна; он слащав и удручающе сентиментален — в стиле романов Жоржа Онэ. В нем повествуется о том, какие перипетии сопутствовали бракосочетанию Андреины Косты с сыном промышленника-католика Гавацци, о последовавших затем столкновениях между представителями той и другой среды, то есть среды католиков и среды приверженцев материалистического мировоззрения, а также о том, как трения эти были сглажены: «*Omnia vincit amor*»¹. Вирджилио Брокки — это наш итальянский Онэ.

Книга д'Эрбиньи о Соловьеве, хотя она совсем недавно переведена на итальянский язык, очень устарела. Однако монсеньор д'Эрбиньи, принадлежащий к ордену иезуитов, является человеком, обладающим большими способностями; в настоящее время он возглавляет Восточный отдел папской курии, деятельность которого направлена на то, чтобы вновь достичь единения между католиками и православными. Устарела также и книга «Аксьон Франсэз и Ватикан» («*L'Action Française et le Vatican*») — это только первый том соответствующей серии, которая, возможно, продолжает выходить и поныне, ибо Додэ и Моррас неутомимы в своем рвении преподносить одно и то же под разными соусами. Именно поэтому первый том, являющийся как бы изложением общих принципов, может еще представлять какой-то интерес. Не знаю, поняла ли ты всю историческую значимость конфликта между Ватиканом и французскими монархистами для Франции? Это равнозначно в какой-то мере «примирению» (церкви с государством) в Италии. Иначе говоря, это французский вариант далеко идущего примирения между государством и церковью; французские католики как организованная в рядах французского «Католического действия» масса отходят от монархического меньшинства, то есть перестают быть потенциальной резервной силой для осуществления легитимистского переворота, а стремятся создать правительственную республиканско-католическую партию на широкой основе, которая не прочь поглотить — и кото-

¹ *Omnia vincit amor* — любовь побеждает все (лат.).

рая, несомненно, поглотит — значительную часть нынешней партии радикалов (Эррио и К°). В 1926 году, во время парламентского кризиса во Франции, весьма симптоматичным было то обстоятельство, что в то время как «Аксьон Франсэз» предсказывала государственный переворот и предавала гласности имена будущих министров, т. е. тех, кому надлежало войти в состав временного правительства, призванного посадить на трон претендента на оный, Иоанна IV Орлеанского, глава французских католиков дал свое согласие на участие в коалиционном республиканском правительстве.

Бешеная ненависть, которую Додэ и Моррас испытывали по отношению к кардиналу Гаспарри и к папскому нунцию в Париже, объясняется пониманием ими того факта, что они утратили 90 процентов своего политического веса, если не больше. Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LVI

Тюрьма в Тури, 19 мая 1930 года

Дорогая Татьяна,

получил твои письма и открытки. Снова не без улыбки подумал: любопытное же, однако, у тебя представление о моем тюремном положении. Не знаю, читала ли ты произведения Гегеля, который писал, что «преступник имеет право на свое наказание». Ведь тебе представляется, что я уподобляюсь человеку, настойчиво отстаивающему свое право на страдание, на мучение, на то, чтобы у него не отняли ни одной секунды, ни грана его муки. Я, по-твоему, являюсь не то новоявленным Ганди, жаждущим олицетворять собой в глазах великих и малых мира сего страдания индийского народа, не то новоявленным Иеремией или Ильей или не помню каким там иудейским пророком, который занимался тем, что ходил на площадь поглощать нечистоты, дабы принести себя в жертву богу мщения, и т. д. и т. п.

Не знаю, как это у тебя создалось такое представление, — очень наивное, если говорить лично о тебе, и довольно несправедливое, если говорить о твоём отношении ко мне, — несправедливое и поверхностное. Я уже сказал тебе, что я чрезвычайно практичен. Ты, видимо, просто не понимаешь, что я хочу этим сказать, ибо ты не прила-

гаешь никаких усилий, чтобы войти в мое положение (отчего я, быть может, и кажусь тебе комедиантом или кто знает кем там еще). Моя практичность состоит в следующем: я знаю, что когда бьешься головой об стену, проламывается голова, а не стена. Очень элементарно, как видишь, и все же очень малопонятно для тех, кому никогда не приходилось думать, что придется биться головой об стену, но кто слышал, что достаточно сказать: «Сезам, откройся!», чтобы стена расступилась.

Твое поведение бессознательно жестоко: ты видишь связанного человека (в действительности ты не видишь его связанным и не можешь представить себе его пут), который не хочет двигаться, потому что двигаться он не может. Ты же думаешь: он не двигается потому, что не хочет (ты не видишь, что именно потому, что он пытается двигаться, пути уже изранили его тело), и давай подпоять его каленым железом! К чему это приводит? Ты заставляешь его корчиться от боли, и к путам, которые, врезаясь в тело, обескровливают его, ты прибавляешь еще ожоги. Но и эта вызывающая содрогание картина, годная для какого-нибудь дешевого романа об испанской инквизиции, пожалуй, не переубедит тебя, и ты будешь продолжать в том же духе, а так как каленое железо — это тоже метафора, то получится так, что я впредь буду следовать своему правилу не пробивать стены головой (которая у меня и без того достаточно болит, чтобы еще заниматься подобным спортом) и не буду заниматься вопросами, для решения которых нет соответствующих возможностей. В этом моя сила, единственная моя сила, и именно ее ты хочешь у меня отнять. Впрочем, этой силой, к сожалению, нельзя наделить другого; ее можно потерять, но нельзя ни подарить, ни передать. Ты, мне кажется, недостаточно осознала мое положение и не можешь понять, из каких основных элементов оно складывается. Надо мной довлеют несколько тюрем: одна состоит из четырех стен, из решеток, из глазка и т. д.; все это я заранее предвидел, предвидел как перспективу второго плана, ибо более вероятной перспективой с 1921 по ноябрь 1926 года была не тюрьма, а потеря самой жизни. Что я не сумел предвидеть,—это то, что к одной тюрьме прибавится еще и другая: полная оторванность не только от общественной жизни, но и от жизни семьи.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Туре, 2 июня 1930 года

Дорогая Таня,

...я собираюсь написать тебе нечто такое, что либо рассердит тебя, либо рассмешит. Перелистывая «Малый Ларусс», я вспомнил об одном любопытном эпизоде. В детстве я был неутомимым охотником за ящерицами и ужами, которыми я кормил прирученного мною великолепного сокола. Во время этих охот в окрестностях моего селения (Гиларца) мне раза три или четыре попадалось какое-то пресмыкающееся, похожее на обыкновенного ужа, только у него было четыре лапки: две около головы и две около самого хвоста (если это можно назвать хвостом). Длина животного была 60—70 сантиметров, а толщина его не соответствовала длине, она равнялась приблизительно толщине змеи длиной в 1 метр 20 или 1 метр 50 сантиметров. Лапки, видимо, приносили мало пользы этому животному; помню, что, пытаясь скрыться, оно очень медленно уползало. У нас это пресмыкающееся называют «scurzone», что означает «укороченный» («cuzzo» на местном наречии означает «короткий»); название это, по всей вероятности, связано с тем обстоятельством, что животное напоминает укороченную змею (обрати внимание на то, что существует еще «orbettino»¹, у которого при небольшой длине пропорционально-тонкое туловище). В Санта Луссурджу, где я прошел три последних класса гимназии, я спросил как-то у учителя естествознания (он, оказывается, долго работал в этих местах инженером), как называется по-итальянски «scurzone». Он рассмеялся и сказал, что это фантастическое животное — не то аспид, не то василиск и что никакого такого животного, похожего на то, что я ему описываю, он не знает. Ребята из Санта Луссурджу объяснили, что в их краях «scurzone» и значит василиск и что животное, которое я описываю, называется «sologu» («coluber» — по-латыни), тогда как гадюка называется «sologa» (в женском роде). Но учитель заявил, что все это деревенские предрассудки и что гадюк с лапками не бывает. Ты сама знаешь, как злит ребенка, когда ему говорят, что он не прав, в то время как он убежден в своей правоте, или же когда смеются над ним и обвиняют в суеверии, меж тем как речь идет о совершенно реальных вещах. Думаю, что именно этой реак-

¹ Orbettino — медяница, безногая змеевидная ящерица.

ции против авторитета, используемого для утверждения самоуверенного невежества, я и обязан тем, что до сих пор помню этот эпизод. К тому же я никогда не слышал в наших краях о пагубных свойствах василиска «scuzone», в то время как в других местах его побаивались и создавали о нем всякие легенды.

И вот в Ларуссе, в систематической таблице пресмыкающихся, я нашел животное, похожее на ящерицу, именуемое «serps», которое и есть гадюка с четырьмя лапками. В словаре говорится, что serps живет в Испании и на юге Франции и принадлежит к семейству scincidés, наиболее типичным представителем которого является scinque (может быть, это зеленая ящерица?). Сложение у serps не такое, как у нашего scuzone; это обыкновенная змея, тонкая, длинная, у нее все пропорционально, и лапки ее гармонично прикреплены к телу; scuzone же — отталкивающее животное: голова у него очень крупная, а не маленькая, как у змей, «хвост» — конической формы, передние лапки расположены слишком близко от головы и слишком далеко от задних лапок; и те и другие — беловатые, рыхлые, как у протеев, и создают впечатление чего-то уродливого, аномального. Вообще вид этого животного, живущего в сырых местах (я его обнаруживал всегда под каким-нибудь большим камнем), производит в целом неприятное впечатление, в то время как ящерицы или змеи, если отбросить отвращение, которое человек испытывает обычно к рептилиям, в сущности говоря, изящны и грациозны.

Я хотел бы воспользоваться твоими познаниями в области естественных наук и узнать, есть ли у этого животного название по-итальянски и известно ли, что в Сардинии существует такой именно вид, принадлежащий, вероятно, к тому же семейству, что и французский serps. Возможно, что легенда о василиске помешала поискам этого животного в Сардинии. Преподаватель в Санта Луссурджу отнюдь не был глуп; наоборот, он много занимался науками, собирал коллекции минералов и т. д., и все же он не поверил в реальное существование сугубо прозаического scuzone без источающего яд дыхания и без изрыгающих огонь глаз. Конечно, это не совсем обычное животное: я видел его раз шесть, не больше, и всегда под валунами, тогда как змей я видел множество и для этого мне не надо было отодвигать камни.

Дорогая Таня, не очень сердись на меня за эти отступления.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LVIII

Тюрьма в Тури, 16 июня 1930 года

Дорогая Таня,
...очень рассмешило меня то место в твоей последней открытке, где ты пишешь, что тебе известно, будто я люблю получать поздравления в день моих именин. Не знаю, кто мог открыть тебе этот секрет, который я тщательно скрывал в самых глубинных тайниках моего подсознания. Так тайно и так глубоко это было сокрыто, что с шести лет я и не ведал даже, что храню этот секрет (только до шести лет я получал подарки в день моих именин). Боюсь, что ты обнаружишь во мне еще какой-нибудь скрытый порок; например, желание стать монахом-траппистом или вступить в Общество Иисуса. (Одно только свое тайное желание я все же хочу открыть тебе, желание, которое всегда меня мучило и которое я никогда не мог и, увы, никогда, вероятно, не смогу удовлетворить: поесть жаркое из почек и мозга *бабируссы*¹ и носорога!) Дорогая Татьяна, как бы то ни было, я благодарю тебя за поздравления и заодно уведомляю, что день св. Антония, который является моим хранителем, не в июне, а в январе, и изображается этот святой в сопровождении европейской разновидности *бабируссы*². К сожалению, *бабирусса* водится только на Зондских островах, и, следовательно, ее очень трудно заполучить, особенно в виде свежих мозгов и почек.

Дорогая Таня, большое, большое спасибо за те вести, что ты прислала мне.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LIX

Тюрьма в Тури, 14 июля 1930 года

Дорогая Татьяна,
...у меня небольшая, но достоверная новость: на днях мне сообщили о том, что срок моего наказания сокращен на

¹ Бабирусса — дикая свинья небольших размеров. Водится в основном на о. Целебес и соседних островах.— *Прим. ред.*

² Подчеркнуто начальником тюрьмы.

один год четыре месяца и пять дней. Таким образом, общий срок заключения составляет теперь 19 лет, а день освобождения переносится с 25 мая 1947 года на 20 января 1946 года. В извещении указывалось на постановление Особого трибунала от мая 1930 года, которое было вынесено в связи с декретом от 1 января, относящимся к числу мероприятий, осуществляемых по случаю бракосочетания наследника. Как видишь, речь идет о новости в подлинном смысле слова; ведь до сих пор все были убеждены, что январский декрет не будет применен к осужденным Особым трибуналом; оказалось же, что амнистия объявлена, и мне, как и многим другим, полагаю, сократили срок наказания, причем не на один год, а на один год четыре месяца и пять дней. Чем все это объясняется? Я объясняю это так: в приговорах, вынесенных за предполагаемые преступления, совершенные до введения особого закона и, следовательно, подлежавшие судебному разбирательству на основе старого кодекса Дзанарделли, содержится целый ряд пунктов обвинения. По моему делу имелось шесть пунктов обвинения, по которым в общей сложности полагался тридцать один год и восемь месяцев тюремного заключения; в силу закона о совокупности срок снижен до 20 лет четырех месяцев и пяти дней. Думаю, что Трибунал, применив декрет об амнистии, снизил срок наказания на один год по трем, четырем, а может быть, и по пяти пунктам обвинения, затем был вновь произведен подсчет, согласно закону о совокупности, и, таким образом, получилось общее снижение в 16 месяцев и пять дней.

Пишу тебе обо всем этом потому, что мне было бы очень интересно узнать, верно ли мое предположение и в отношении каких пунктов обвинения был применен декрет об амнистии. Не узнаешь ли ты? Как только поправишься, будь добра, сходи в канцелярию Трибунала и попроси разъяснения. Не знаю, есть ли другой путь. Быть может, следовало бы справиться у П.¹

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Сраффа Пьеро — профессор политической экономии в Кембридже. Грамши познакомился с ним, еще будучи студентом в Турине, и между ними завязалась дружба. Профессор Сраффа в течение всех десяти лет заключения Грамши делал все возможное, чтобы помочь ему, был в постоянной переписке с Татьяной Шухт, несколько раз приезжал в Италию и даже добивался свидания с ним; привлек внимание к судьбе Грамши некоторых видных английских деятелей.

Тюрьма в Тури, 28 августа 1930 года

Дорогая мама,

мне очень понравились те две маленькие фотографии, которые привез мне Наннаро¹; хотя сами снимки технически получились неважно, зато они довольно верно передают выражение твоего лица. Я вижу, что, несмотря на годы и на все пережитое, ты все же сохранила молоджавость и силу; у тебя, наверное, немного седых волос и выражение лица, очень живое, хотя и слегка, как бы это сказать, величаво-важное, как у матроны. Держу пари, что ты еще увидишь своих правнуков, и увидишь их большими, совсем взрослыми. В один прекрасный день мы все снимемся на большой фотографии, на ней будут все поколения, а ты будешь восседать, как полагается, в центре.

Мея² очень выросла, но попрежнему все еще весьма *spraiada*³. Наннаро, судя по тому, что вы ему писали, решил было, что его дочка по уму и талантам совершеннейшее «чудо». Этим и объясняется, видимо, почему он теперь впал в другую крайность, забывая, что девочке ведь всего-навсего девять или десять лет. Кое в чем он все же прав, особенно когда отмечает, что мы в эти годы были более зрелыми и умственно более развитыми. Это и меня поражает. Мне кажется, что Мея слишком инфантильна для своего возраста — даже для своего возраста, — что у нее нет других стремлений, кроме стремления к чисто внешнему успеху, что у нее нет внутренней жизни, нет душевных потребностей, а те, что есть, — скорее «животного» характера (тщеславие и т. д.). Видимо, вы слишком избаловали ее и не приучили к дисциплине.

Правда, ни меня, ни Наннаро, ни других тоже никто не приучал к дисциплине; мы сами умели подчиняться ей. Когда мне было столько же, сколько Мее, я, мне думается, умер бы со стыда, если бы сделал столько орфографических ошибок, сколько сделала она; помнишь, как я зачитывался допоздна и к каким только хитростям не

¹ Дженнаро Грамши — брат Антонио Грамши.

² Мея (Эдмея) — дочь Дженнаро Грамши.

³ *Spraiada* — нескладная (*sard.*).

прибегал, чтобы раздобыть книги? Терезина тоже была такой, хотя она, как и Мея, была еще маленькой девочкой, причем внешне, несомненно, даже милевиднее ее. Я хотел бы знать, какие книги успела прочесть Мея: судя по ее письмам, она, кажется, не читает ничего, кроме школьных учебников.

Короче говоря, вы должны стараться приучить ее к дисциплине и усидчивости в занятиях и несколько ограничить ее «светскую» жизнь: поменьше пустого тщеславия и побольше серьезности. Пусть Мея напишет мне и расскажет о себе, о своем времяпровождении и т. д. Целую всех. А тебя нежно обнимаю.

Антонио.

LXI

Тюрьма в Тури, 22 сентября 1930 года

Дорогая мама,

недавно я получил заказное письмо от Карло и двести лир. Чувствую себя неплохо и ничем это время не болел; отсутствие писем от меня было вызвано другими причинами. Я не получил письма Наннaro, о котором пишет Карло. Надеюсь, что Карло удастся, наконец, заставить тебя как следует полечиться. Знаешь, мне все кажется, что ты слишком полагаешься на свое крепкое в прошлом здоровье,— раньше ты ведь почти никогда не болела,— и поэтому не очень аккуратно следуешь теперь советам врачей и небрежно относишься к себе. Карло и Грациэтта должны были бы заставить тебя лечиться и не позволять тебе утомляться, даже если для этого потребовалось бы привязать тебя к стулу. Но Грациэтта, повидимому, не очень энергична, а Карло тоже поддается уговорам — в результате ты, наверно, попрежнему стоишь у плиты, а потом, того гляди, выходишь разгоряченная во двор и т. д. Ах, Беппина Марчиас! Надо, чтоб около тебя был такой сын, как я; я бы заставил тебя лечиться как следует и не позволил бы тебе бегать туда и сюда и вертеться, как белка в колесе. Дорогая мама, пиши мне или пусть кто-нибудь напишет мне о твоём здоровье. Крепко целую и обнимаю тебя и всех наших.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 6 октября 1930 года

Дорогая Таня,

я был рад свиданию с Карло. Он сказал мне, что тебе стало лучше, однако я хотел бы иметь более подробные сведения о состоянии твоего здоровья. Благодарю тебя за все, что ты мне прислала. Мне не передали еще двух книг: библиографию о фашизме и рассказы Честертон¹, которые я охотно прочитаю по двум соображениям: во-первых, я полагаю, что они не менее интересны, чем первый сборник его рассказов; во-вторых, я постараюсь, читая, представить себе то впечатление, которое они могли произвести на тебя. Должен тебе признаться, что именно это и доставит мне наибольшее удовольствие. Я ясно помню твоё настроение, когда ты читала первый сборник; у тебя была счастливая способность воспринимать все очень непосредственно, и восприятие это не осложнялось наслоениями культурного порядка. Ты даже не заметила, что Честертон написал скорее очень тонкую и изящную карикатуру на детективные рассказы, чем детективные рассказы как таковые.

Отец Броун — католик, высмеивающий механический образ мышления протестантов, и книга эта является, в сущности говоря, апологией римской церкви в противовес англиканской. Шерлок Холмс — «протестантский» полицейский агент; он распутывает нить преступлений, идя от внешних факторов, основываясь на науке, на экспериментальном методе, на индукции. А отец Броун — католический священник; благодаря тонкому знанию человеческой психологии, приобретенному в исповедальне, и благодаря пристрастию к моральной казуистике, присущему святым отцам, он, не пренебрегая наукой и опытом, а опираясь главным образом на дедукцию и интроспекцию, кладет Шерлока Холмса на обе лопатки, выставляет его самонадеянным мальчишкой, показывает его ограниченность и убогость. Кроме того, Честертон — большой художник, тогда как Конан-Дойль — писатель посредственный, хотя ему и был присвоен титул баронета за литературные заслуги. Вот почему в стилистическом отно-

---

¹ Честертон, Гильберт Кейт (1874—1936) — английский журналист и писатель.— *Прим ред.*

шении в произведениях Честертона чувствуется разрыв между содержанием, детективной интригой и формой; отсюда и тонкая ирония по отношению к самой теме, что придает еще больше прелести рассказам. Ты не находишь?

Помню, ты читала эти рассказы так, как будто в них излагались доподлинные события, и так переживала все, так наивно выражала свое неподдельное восхищение отцом Броуном и его изумительной пронизательностью, что это чрезвычайно забавляло меня. Ты не должна обижаться, ибо к тому, что меня это забавляло, примешивалась и доля зависти, я завидовал твоей способности столь свежо и непосредственно, так сказать, «импрессионистски» воспринимать все. Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

LXIII

Тюрьма в Тури, 6 октября 1930 года

Дорогая Юлия,

получил два твоих письма: одно от 16 августа, а второе, последующее, помечено, если не ошибаюсь, сентябрем. Хотелось бы написать тебе о многом, но не могу, так как мне иногда никак не удается связать воспоминания с теми ощущениями, которые я испытываю при чтении твоих писем. Писать же я могу, к сожалению, лишь в определенный день и в определенные часы, которые установлены не мною и которые совпадают иной раз с состоянием нервной депрессии. Меня очень порадовало, что, перечитывая мои письма за 1928—1929 годы, ты обнаружила тождественность наших мыслей. Хотелось бы только знать, в каких именно случаях и в связи с каким именно обстоятельством ты особенно явственно почувствовала эту тождественность. Ведь в нашем эпистолярном общении не хватает именно настоящего и непосредственного общения; нам с тобой так и не удалось за все это время завязать «диалог»: наши письма похожи скорее на чередующиеся «монологи», которые зачастую произносятся невпопад, не совпадая даже в самом главном. Если же к этому прибавить фактор времени, в силу которого забывается то, что было написано раньше, то ощущение «монолога» становится еще явственнее. Ты не находишь?

Мне вспомнилось одно скандинавское народное сказание: жили-были в Скандинавии три великана, и находи-

лись они так далеко друг от друга, как далеки одна от другой высокие горы. После многих тысячелетий молчания первый великан крикнул двум другим великанам: «Я слышу, как мычит стадо коров!» Спустя триста лет второй великан откликнулся: «Я тоже слышал мычание!», а еще через триста лет третий великан изрек: «Если вы будете так шуметь, я уйду отсюда». Ну вот, больше писать не в состоянии; дует такой сирокко, от которого начинается казаться, будто ты пьян.

Дорогая, нежно обнимаю тебя и наших детей.

Антонио.

LXIV

Тюрьма в Тури, 3 ноября 1930 года

Дорогая Татьяна,

...состояние моего здоровья все такое же, и я сейчас прилагаю максимум усилий, чтобы удержаться хотя бы на нынешнем уровне. Все дело в бессоннице; поскольку она лишь частично вызвана органическими причинами, а в основном — причинами внешнего, механического порядка, связанными в той или иной мере с тюремными условиями, то ясно, что радикально помочь тут терапевтическими средствами нельзя: они могут принести лишь временное облегчение. Я подсчитал, что в течение октября я только две ночи спал по пяти часов, девять ночей не спал вовсе, а остальные ночи спал менее пяти часов, то есть в среднем немного более двух часов в сутки. Я сам иногда удивляюсь, откуда у меня берутся силы и такая сопротивляемость и как это организм еще не сдал окончательно. Я регулярно принимаю «седоброл» — принимаю, повторяю, чтобы попытаться сохранить хотя бы нынешний уровень моего физического состояния.

Дорогая, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LXV

Тюрьма в Тури, 4 ноября 1930 года

Дорогая Юлия,

не знаю, находишься ли ты еще в Сочи и надо ли будет поэтому пересылать тебе мое письмо туда, или ты уже

вернулась после отдыха. По сему поводу я пока воздержусь от длинного письма в стиле доктора Грилло¹, которое я уже досконально продумал и которое было бы, наверное, похоже на научный трактат. Отложу это до следующего раза. А сейчас уведомляю тебя, что «все раскрыто», что нет больше тайн от меня, то есть что я точно осведомлен о подлинном состоянии твоего здоровья. Это было, по правде говоря, «тайной явных вещей», как говорят в Италии; я ведь понимал, что чувствуешь ты себя весьма неважно, или же переживаешь по меньшей мере какой-то душевный кризис, который должен иметь физиологическую основу.

Я был бы совсем никчемным «литератором», если бы не понял этого, читая твои письма; ведь после первого чтения, которое я назову непосредственным, когда мною руководит лишь чувство любви к тебе, я перечитываю их обычно как литературный «критик», занимающийся психоанализом. Для меня всякое литературное (словесное) выражение мысли означает соотношение между формой и содержанием: анализ выявляет или помогает мне понять, существует ли полное единство формы и содержания или же между ними имеется какое-то расхождение, какая-то неувязка и т. д. Можно, конечно, и ошибиться, особенно если стремишься сделать слишком много выводов, но если подходить к этому с верным критерием, то можно многое понять, во всяком случае — душевное состояние человека.

Все это я пишу, дабы убедить тебя, что отныне ты можешь и должна писать мне с предельной откровенностью. Получил несколько фотографий наших мальчиков; снимки получились неважные, но для меня они все равно представляют огромный интерес.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXVI

Тюрьма в Тури, 17 ноября 1930 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 10 ноября и письмо от 13-го. Постараюсь ответить по порядку на твои вопросы. Кни-

---

¹ Персонаж народной литературы, образ ученого педанта, автора пространного сочинения в стихах. — *Прим. ред.*

ги пока не присылай. Оставь у себя те, что ты приготовила: я скажу тебе, когда можно будет их прислать. Хочу освободиться сначала от всех тех старых журналов, которые накопились здесь за четыре года; прежде чем отослать их, я вновь их просматриваю и делаю выписки по наиболее интересующим меня вопросам. Это, конечно, отнимает добрую часть дня, так как выписки эти сопровождаются замечаниями, комментариями и т. д.

Я остановился на трех или четырех главных темах, одна из них — космополитическая роль итальянской интеллигенции вплоть до XVIII века; тема эта будет подразделяться на отдельные подтемы: Возрождение и Маккиавелли и т. д. Если бы я имел возможность просмотреть необходимый материал, думаю, что можно было бы написать действительно интересную и еще никем до сих пор не написанную книгу. Я сказал книгу, но это было бы лишь введением к целому ряду монографических работ, ибо проблема эта по-разному встает в различные эпохи и, по-моему, истоки ее восходят к временам Римской империи. Пока пишу заметки, ибо, читая то небольшое, чем я располагаю, я вспоминаю то, что некогда читал.

Впрочем, тема эта для меня не совсем нова: десять лет тому назад я написал исследование по вопросу о языке, исходя из положений, выдвинутых Мандзони¹, а для этого потребовалось углубиться в изучение вопросов, связанных с развитием итальянской культуры, начиная с тех времен, когда письменный язык (так называемый среднелатинский, то есть латинский письменный с V в. н. э. до XIV в.) совершенно отделился от разговорного народного языка, который после крушения римской централизации распался на бесчисленные диалекты. На смену этому среднелатинскому языку пришел народный (*volgare*), который был снова вытеснен гуманистической латынью; так возник ученый язык — народный по лексике, но не по фонетике и еще менее по синтаксису, заимствованному из латинского.

Так продолжали существовать два языка: народный, или диалектальный, и ученый, которым пользовались интеллигенция и образованные слои общества. Тот же Мандзони при переработке своего романа «Обрученные»,

---

¹ Мандзони, Алессандро — крупный итальянский писатель XIX века Глава итальянской романтической школы, автор ряда филологических работ. — *Прим. ред.*

а также в своих работах, посвященных проблеме развития итальянского языка, фактически принимал во внимание только один аспект языка — лексику, оставляя в стороне синтаксис, который в действительности является существенной составной частью каждого языка. Так, например, хотя английский язык и состоит на 60% из латинских или неолатинских слов, он является, однако, германским языком, а румынский язык, в котором более 60% славянских слов, является, тем не менее, неолатинским языком и т. д. Как видишь, этот вопрос меня настолько интересует, что я совсем было увлекся им, позабыв обо всем на свете.

Обнимаю тебя.

Антонио.

LXVII

Тюрьма в Тури, 17 ноября 1930 года

Дорогая Терезина,

получил твое письмо от 11-го с фотографией твоих детей. Они очень милы и симпатичны и производят к тому же впечатление здоровых, крепких ребят. Я просто поражен, как поздоровел Франко; ведь не так давно ты прислала мне его карточку, на которой он выглядел худым и тщедушным; теперь же, судя по снимку, он стал сильным, стройным и очень живым. Я этому очень рад и буду тебе благодарен, если ты пошлешь такую же фотографию Татьяне, а она уже перешлет ее Юлии. Я ей послал несколько других карточек (кстати очень неудачных с технической точки зрения), и она написала мне, что Делио и Джулиано проявили к ним весьма большой интерес и забросали ее вопросами.

Я очень беспокоился, так как больше месяца не имел вестей о маме: Карло после своей поездки в Тури больше не писал мне (вернее, я не получал от него писем); что касается Наннaro, то он вопреки всем своим обещаниям ни разу так и не написал мне (хотя, учитывая его положение, письма, возможно, просто не доходят). Ты, право, должна была бы писать мне почаще и побольше рассказывать о своих детях. Меня это очень интересует. Мне нравится, что Франко, как ты об этом вскользь заметила, пишет «длинные письма на свой манер», которые очень забавляют вас. Это значит, что он одарен воображением,

что у него есть что́ сказать и он старается выразить то, что́ у него вертится в голове. Кто знает, будет ли он похож на нас с тобой: помнишь, какими мы были одержимыми по части чтения и писания? Когда тебе было лет десять, ты, помнится мне, за неимением новых книг прочитала все кодексы.

Что же касается Мими, то она, по-моему, не очень-то наделена фантазией: у нее такое изумленное выражение лица, какое бывает у тех, кто слишком занят восхищенным созерцанием мира, чтобы оставалось еще время что-то выдумывать самим. А больше всего малышка, повидимому, довольна тем, что находится под защитой старших и, следовательно, может спокойно довериться фотографическому аппарату, который представляется ей, наверно, таким же страшным, как и того *sabbani*¹. Мне даже кажется, что в наклоне ее головки есть что-то вызывающее. Я ошибаюсь? Конечно, на снимке любое живое движение получается статичным и скованным, поэтому можно неправильно истолковать ту или иную позу, даже если она и очень динамична, — как, например, на фотографии твоих детей.

Пиши мне о маме, о состоянии ее здоровья. Перебори свою апатию, не допускай, чтоб тебя засосала канцелярщина, с ее томительным однообразием, ее посетителями, с их пустой и нудной болтовней. Ты снова должна стать такой же живой, какой была прежде (я имею в виду не внешнюю живость, ибо таковой ты, кажется, никогда не обладала, а живой в смысле духовных интересов), чтобы тебе было под силу как следует направлять детей, когда они находятся вне школы, а не предоставлять их самим себе, как это слишком часто делается, особенно в так называемых «добропорядочных» семьях.

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

LXVIII

Тюрьма в Тури, 1 декабря 1930 года

Дорогая Татьяна,

...хорошо, если бы тебе удалось найти в каком-нибудь книжном магазине Рима октябрьский номер журнала

---

¹ Мого *sabbani* — волк-оборотень (*сард.*).

«Ла нуова Италия», выходящего под редакцией профессора Луиджи Руссо¹, и послать его Юлии. В этом номере опубликовано письмо, в котором рассказывается о дискуссии, протекавшей в весьма учтивом тоне на недавно состоявшемся международном конгрессе философов в Оксфорде между Бенедетто Кроче и Луначарским по вопросу, существует ли и может ли существовать эстетика, основывающаяся на историческом материализме. Письмо это, позидимому, написано самим Кроче или, во всяком случае, кем-то из его учеников, и оно весьма любопытно. Из него явствует, что Кроче стал занимать по отношению к историческому материализму совершенно иную позицию, чем та, которую он занимал несколько лет тому назад. Сейчас Кроче утверждает ни более ни менее, что исторический материализм знаменует возврат к старым теологическим доктринам... средневековья, к докантианской и докартезианской философии. Невероятная вещь! Это наводит на мысль, что и он вопреки присущей ему олимпийской ясности мысли начинает слишком часто подремывать, еще чаще, чем это случалось с Гомером. Не знаю, напишет ли он специальную статью по этому вопросу; это было бы интересно. Я думаю, что нетрудно было бы ответить ему, почерпнув в его собственных трудах нужные и убедительные аргументы. Я считаю, что Кроче прибег к весьма прозрачному полемическому приему и что утверждение его подсказано не одним лишь соображениями историко-философского характера; это не что иное, как волевой акт, то есть преследуется определенная практическая цель. То, что многие так называемые теоретики исторического материализма очутились на философской позиции, схожей с позицией представителей средневековой теологии, и сделали из «экономического базиса» своего рода «неведомое божество», пожалуй, можно было бы доказать, но что это дало бы? Это было бы примерно то же, что судить о религии папы и иезуитов, основываясь на суевериях крестьян из провинции Бергамо. Позиция Кроче по отношению к историческому материализму представляется мне схожей с позицией, которую занимали люди Возрождения в отношении лютеранства. «Там, где появляется Лютер, исчезает цивилиза-

---

¹ Руссо, Луиджи (род. в 1892 г.) — видный деятель итальянской культуры, автор многих научных трудов по истории, литературоведению и т. д. — *Прим ред.*

ция», — говорил Эразм, и все же историки, и тот же Кроче, признают сегодня, что Лютер и Реформация были началом всей современной философии и цивилизации, включая и философию Кроче. Человек Возрождения не понимал, что могучее движение за нравственное и интеллектуальное обновление общества, поскольку оно охватило широкие народные массы (как это имело место с лютеранством), принимало поначалу грубые формы и даже суеверную окраску и что это было неизбежно в силу того обстоятельства, что не маленькая группа выдающихся представителей интеллигенции, а немецкий народ являлся главным героем и знаменосцем Реформации. Если Юлия сможет, пусть напишет мне, будет ли полемика Кроче — Луначарский иметь сколько-нибудь значительный отклик.

Дорогая, я должен отдать письмо. Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXIX

Тюрьма в Тури, 15 декабря 1930 года

Дорогая мама,

я не могу понять, что происходит. Карло не пишет мне вот уже более трех месяцев. Твою последнюю записочку я получил около двух месяцев тому назад. Приблизительно месяца полтора тому назад я получил письмо от Терезины, на которое ответил, и с тех пор больше ничего не имел от нее (Терезине я написал ровно четыре недели тому назад).

Я подумал, что у Карло могли быть неприятности из-за меня и он не хочет или не знает, как объяснить мне охватившее его чувство тревоги и смятения. Я хотел бы поэтому, чтобы он успокоил меня или хотя бы попросил Мею написать мне. Хотелось бы также, чтобы мне почаще сообщали о состоянии твоего здоровья. Поправились ли ты? Если у тебя нет сил самой писать, попроси кого-нибудь писать мне открытки, а ты ставь только свою подпись; мне этого будет достаточно. Дорогая мама, вот уже пятое по счету рождество, которое я провожу не на свободе, и четвертое — в тюрьме. Надо сказать, что положение ссыльного и условия, в которых я провел рождество на Устике в 1926 году, были воистину раем в смысле личной свободы по сравнению с положением заключен-

ного. Однако не думай, что я пал духом. Я постарел на четыре года, у меня много седых волос, я потерял зубы и не смеюсь так охотно, как когда-то, но мне кажется, что я стал мудрее и лучше знаю теперь людей и жизнь. К тому же я отнюдь не потерял вкуса к жизни: меня продолжает интересовать все, и я уверен, что если я не могу больше «zaccurare sa fae arrostia»¹, мне все же не будет неприятно видеть и слышать, как их грызут другие. Значит, я не состарился, не правда ли? Старым становишься тогда, когда начинаешь бояться смерти и когда испытываешь чувство раздражения, видя, как другие делают то, что сам ты уже не в состоянии сделать. В этом отношении я убежден, что и ты не постарела, несмотря на твои годы. Я уверен, что ты решила жить долго, чтобы мы могли все свидеться и чтобы ты могла познакомиться со всеми твоими внуками. До тех пор, пока хочешь жить, пока есть вкус к жизни и стремишься достигнуть какой-то цели, — до тех пор можно преодолевать все недуги, все болезни. Однако ты должна понять, что надо все же шадить свои силы и не перенапрягаться, как это позволяют себе в молодости. Между тем, судя по тому, что мне писала (и не без нотки иронии) Терезина, ты берешь как будто слишком много хлопот на себя и никак не хочешь отказаться от главенствующей роли в хозяйстве. Ты должна от этого отказаться, должна отдохнуть.

Дорогая мама, желаю тебе много-много хорошего к празднику, и прежде всего быть жизнерадостной и спокойной.

Наилучшие пожелания и привет всем родным. Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXX

Тюрьма в Тури, 29 декабря 1930 года

Дорогая Грациэтта,

получил твое письмо с запиской Меи. На рождество получил вашу посылку. Скажи маме, что все было в порядке и ничего не испортилось; даже хлеб был еще свежий, и я съел его с большим удовольствием: чувствовался вкус

---

¹ Zaccurare sa fae arrostia — грызть жареные бобы (сард.).

хорошей сардинской кукурузы. Итак, я с удовольствием съел panishedda¹, которого я не ел, кажется, лет пятнадцать или шестнадцать. Вести о состоянии маминого здоровья меня очень огорчили. Я уверен, что вы будете очень внимательны и терпеливы по отношению к ней. Если хорошенько подумать, она заслужила куда большего, чем терпение: она всю жизнь работала на нас и проявила столько самоотверженности! Будь она другой женщиной, кто знает, какая порестная участь была бы нам уготовлена с самого детства, быть может, никого из нас сейчас и не было б в живых. Ты не находишь?

Я видел фотографию отца Соджу в двух иллюстрированных журналах, но я не узнал его; вернее, мне даже не пришло в голову, что это мог быть он, хотя под одной из фотографий и было написано, что он уроженец Норбелло. После твоего письма я снова взгляделся в него и под большой францисканской бородой узнал черты его братьев, особенно его брата Джину. Он ничуть не постарел, даже наоборот, а ведь он стал монахом лет двадцать пять тому назад, уже после окончания университета. Он был по-настоящему хороший человек, и я не сомневаюсь, что и монахом он был тоже очень хорошим. Итак, жители Гиларцы будут иметь теперь еще одного «своего» мученика после Пальмерио и даже с большим на то правом, ибо «заслуга» Пальмерио заключалась лишь в том, что он совершил путешествие в Иерусалим. Однако я думаю, что, если бы из Китая в Гиларцу приехал буддийский монах и начал призывать в своих проповедях к отречению от христианской веры и принятию буддийской религии, жители Гиларцы расправились бы с ним точно так же, как китайцы расправились с отцом Соджу.

Поблагодари Мею за ее письмецо. Мне было приятно, что она написала мне, но огорчило то, что она пишет все еще как ученица третьего класса (а она ведь уже в пятом, если не ошибаюсь). Это просто стыдно: наша семья всегда пользовалась доброй славой в школах Гиларцы; а вот Мея родилась, наверное, в Пирри, и над ее колыбелью, вероятно, оглушительно квакали болотные лягушки, отчего и она сама превратилась в легкомысленного лягушонка: она умеет кричать, но не умеет думать и размышлять. Надери ей немного уши от моего имени и вели писать

---

¹ Panishedda — особый хлеб, который пекут в Сардинии (*sard.*).

мне время от времени, чтобы я мог удостовериться, что она лучше справляется с орфографией.

Дорогая Грациэтта, пиши мне также и ты, хотя бы изредка. Сердечно обнимаю тебя, маму и всех домочадцев (в том числе и вашу служанку, если она не возражает).

Антонио.

LXXI

Тюрьма в Тури, 26 января 1931 года

Дорогая Таня,

я хотел это письмо целиком посвятить Юлии, но получил, наконец, письмо от Карло и должен был ответить ему; кроме того, я просто не в состоянии сейчас написать Юлии так, как мне хотелось бы, потому что у меня очень болит голова. Следующее письмо, таким образом, будет предназначено только ей; учитывая это, прошу тебя не задавать мне в ближайшие две недели вопросов, которые требуют немедленного ответа...

...История с английскими журналами тоже что-то очень затянулась; ты прекрасно могла бы разрешить этот вопрос, последовав совету Пьеро. Итак, я согласен вместо приложения к «Таймс» получать приложение к «Манчестер гардиен» (то есть «Манчестер гардиен уикли», который стоит всего 13 шиллингов, а не 25, как «Таймс»), точно так же, как я согласился бы вместо «Трибуна иллюстрата» получать «Доменика дель коррьере» (учти, что я привожу это лишь в качестве примера, ибо у меня нет желания получать ни «Трибуна иллюстрата», ни «Доменика дель коррьере»). Ведь Лондон относится к Риму примерно так же, как Манчестер к Милану, и о различии можно судить хотя бы по еженедельным изданиям: лондонские еженедельники заполнены объявлениями и отчетами о бракосочетаниях и рожденьях Lords и Ladies, и если уж выбирать, то я все же предпочитаю четыре страницы, посвященные хлопководству в Верхнем Египте... Вместе с «Гардиен уикли» можно выписать и «Лейбор мансли», ну и будем считать, что с этим вопросом покончено.

Я получил декабрьский номер «Джераркия», но не получил предыдущих номеров (с июля по ноябрь); они мне не были посланы, а я хотел бы их иметь. Я категорически возражаю против твоей поездки в Тури. Ты, конечно,

переоцениваешь состояние своего здоровья; весить пятьдесят кило — это очень мало, да и вообще не следует руководствоваться критерием веса для определения, выздоровела ты или нет. Надеюсь, ты не всерьез думаешь, что это благодаря чаю ты поправилась на пять кило. Все эти басни о московских купчихах, которые толстели из-за того, что пили много чая, попросту смехотворны; они жили, как гусыни в клетке, и это куда в большей мере, чем чай, содействовало тому, что они становились такими невероятно тучными. Мне думается, что они не пренебрегали ни хорошим бифштексом, ни маслом и т. п. и столько чая они пили лишь для того, чтобы легче было переварить обильную еду, точно так же, как итальянские «купчихи» пьют много кофе, приправляя его зачастую ромом или коньяком. Мне кажется, что ты по своему темпераменту не склонна к полноте; сколько ты весила, когда училась в университете? Судя по той фотографии, что ты мне показывала, ты отнюдь не была полной, но все же весила ты, наверное, килограммов шестьдесят. Ну, а если ты хочешь поехать к своим и быть в состоянии вынести длительную поездку со всеми связанными с ней тяготами (а их немало), ты должна иметь изрядный запас физических сил и энергии. В Тури погода стоит отвратительная: туман и сырость, как в Милане, частые дожди. Говорят, что такая зима — явление крайне редкое здесь. Одна мысль, что ты можешь приехать, заболеть и провести взаперти шесть месяцев, как в прошлом году, приводит меня в содрогание. Ты ни в коем случае не должна подвергать себя такому риску: для того, чтобы иметь на это право, ты должна была бы весить по меньшей мере килограммов семьдесят и вылечиться от болезни печени.

Благодарю тебя за поздравления. Быть может, ты хотела упрекнуть меня в том, что я забыл о Татьянинном дне — 12 января? Я и в самом деле забыл, как забыл и о моих так называемых именинах, о которых одна ты с такой аккуратностью вспоминаешь каждый год. Смею тебя заверить, что ко дню моих именин тюрьма не преподнесла мне окорока; подеста и другие представители местных властей также забыли прийти поздравить меня. Мне кажется, что ты все еще представляешь себе тюрьму как некий приют для девушек-сироток под попечительством королевы-матери. Однако небольшая доля оптимизма никогда ведь не вредит, не правда ли? Нежно обнимаю

тебя. Напиши Карло, что ты прислала мне денежный перевод; он сможет удостовериться таким образом, что я не умираю с голода.

Антонио.

LXXII

Тюрьма в Тури, 9 февраля 1931 года

Дорогая Юлия,

получил твое письмо от 9 января, которое начинается так: «Когда я собираюсь написать тебе, то есть каждый день, я думаю о том, что заставляет меня молчать, думаю о том, что слабость моя — нечто для тебя новое...» Вот и я тоже думаю, что между нами возникло какое-то недопонимание, какая-то недомолвка, именно в связи с твоей нынешней так называемой слабостью и с твоей мнимой прежней силой, и за это недопонимание я должен взять на себя основную долю вины; да я и в самом деле несу за это ответственность. Я как-то написал тебе, если помнишь, что я был убежден в том, что ты всегда была гораздо сильнее, чем сама предполагала, но мне в какой-то мере претило настаивать на этой мысли, ибо мне казалось, что я уподобляюсь таким образом этакому работоторговцу: ведь на твои плечи легло самое тяжкое бремя нашего союза. Я и сейчас так считаю, но ни тогда, ни тем более теперь это не означало и не означает, что я создал себе некий абстрактный и условный образ «сильной женщины»; я знал, что ты бывала и слабой, иногда даже очень слабой, что ты, одним словом, живая женщина, что ты — Юлька. Но я много думал над всем этим с тех пор, как нахожусь в тюрьме, особенно в последнее время. (Когда не можешь строить планы на будущее, непрестанно возвращаешься к прошлому, анализируешь его, начинаешь лучше видеть и правильнее оценивать его во всех отношениях и особенно упорно думаешь о всех совершенных глупостях, о своих малодушных поступках, о том, что было бы лучше сделать и чего лучше было бы не делать или же что надлежало сделать и от чего надлежало воздержаться.) Так я убедился в том, что в оценке твоей слабости и твоей силы я допустил много глупостей (так я расцениваю это сейчас) и совершил их под влиянием чувства огромной нежности к тебе; я понял, что это было весьма легкомысленно с моей стороны и что я, считавший себя человеком довольно сильным, оказался в

действительности далеко не сильным, а явно слабее тебя. Так и родилось то недоразумение, которое имело весьма серьезные последствия, если учесть, что ты не решалась писать мне, хотя тебе хотелось писать, дабы не нарушить то представление, которое я, по-твоему, создал себе о твоей силе. Примеры, которыми я мог бы проиллюстрировать мои слова, кажутся мне теперь, в сущности, такими наивными, что я едва могу представить себе, в каком же я был тогда состоянии, если мог чувствовать и поступать так наивно; потому-то мне и не хочется сейчас касаться всего этого. К тому же ведь это мало что дало бы. Сейчас, по-моему, куда важнее установить нормальные отношения между нами, добиться того, чтобы ничто не мешало тебе писать мне, чтобы ты не испытывала чуть ли не неприязни от одной мысли о письме ко мне, чтобы ты не боялась показаться мне иной, отличной от того образа, который я, мол, создал себе. Как я уже говорил тебе, я убедился в том, что ты гораздо сильнее, чем сама предполагаешь; твое последнее письмо еще раз подтверждает это. Ведь даже в том состоянии депрессии, в котором ты находишься (при основательном расстройстве нервной системы), ты сохранила большую силу воли и контроль над собой, а это значит, что нервное расстройство твое куда менее серьезно, чем может показаться, и сводится, в сущности говоря, лишь к обострению в известной мере того душевного состояния, которое тебе, твоей натуре, всегда, по-моему, было присуще — так по крайней мере я лично считал, ибо подобное состояние обуславливалось самой социальной средой, постоянно требовавшей чрезвычайно большого напряжения воли. В общем у меня такое впечатление, что тебя сейчас преследует мысль об ответственности, которая лежит на тебе, и поэтому тебе кажется, что силы твои несоразмерны тем обязанностям, которые ты хочешь выполнять; все время думая об этом, ты направляешь свою волю не в ту сторону и истощаешь себя физически, замыкая всю свою жизненную энергию в некий заколдованный круг, в котором твои силы действительно бессмысленно сгорают (пусть даже отчасти), ибо расходуются они беспорядочно. Однако я думаю, что ты, несмотря ни на что, сохранила достаточно сил и достаточно воли, чтобы самой преодолеть те трудности, которые ты теперь испытываешь. Вмешательство извне («извне» лишь в определенном смысле), конечно, облегчило бы тебе

задачу: ну, например, если бы Татьяна приехала к тебе и если бы ты воочию убедились в том, что ответственность твоя действительно уменьшилась. Вот почему я и настаиваю, чтобы Татьяна решилась уехать, как настаиваю также и на том, чтобы она сделала все для восстановления своих сил и здоровья, дабы приехать к тебе в таком состоянии, которое позволило бы ей сразу же активно взяться за дело. Иначе, по-моему, положение твое только ухудшится, а не улучшится. Но я все же продолжаю быть твердо уверенным в том, что ты недооцениваешь своей собственной силы, считая, будто ты не в состоянии сама преодолеть нынешний кризис. В прошлом ты свою силу переоценивала, а я имел глупость никак не реагировать на это (я сейчас говорю «имел глупость», ибо тогда я вовсе не думал, что поступаю глупо); теперь же ты ее недооцениваешь, потому что не умеешь правильно соразмерить свою волю с той целью, которую ты перед собой ставишь, не умеешь учесть степень трудности стоящих перед тобой задач, а также потому, что ты сейчас в состоянии подавленности. Дорогая, я очень хорошо чувствую, насколько все, что я пишу, бледно и холодно. Я чувствую себя бессильным сделать что-либо конкретное и действенное, чтобы помочь тебе; я разрываюсь между чувством огромной нежности к тебе, видя тебя слабой и нуждающейся в утешении, в ласке, и сознанием того, что с моей стороны требуется большое усилие воли, дабы на таком далеком расстоянии убеждать тебя холодными и бесцветными словами в том, что ты все же сильна и можешь и должна преодолеть этот кризис. Ну и затем меня преследует мысль о прошлом... Впрочем, ты права, что в нашей жизни — в моей и твоей — всякое проявление слабости отзывается болезненно, а всякое проявление силы является подспорьем. Думаю, что все наше несчастье в том, что мы слишком мало были вместе, да и то, как правило, в необычных условиях, оторванные от обыденной, повседневной жизни. Мы должны сейчас, в тех условиях, в которых мы с тобой оказались — и оказались по не зависящим от нас обстоятельствам, — восполнить эти пробелы прошлого, дабы сохранить наш союз во всей его моральной крепости и спасти от кризиса то прекрасное, что было в нашем прошлом и что продолжает жить в наших детях. Ты не находишь? Я хочу по мере своих возможностей помочь тебе преодолеть то состояние депрессии, которое ты

сейчас переживаешь. Но для этого надо, чтобы и ты немного помогла мне и подсказала, как лучше помочь тебе; надо, чтоб ты направила свою волю на достижение определенной цели и отбросила все эти ложные представления о прошлом, парализующие твою волю, надо, чтобы ты помогла мне как можно лучше узнать наших детей, дабы и я мог войти в их жизнь и участвовать в становлении их характеров, тогда мое «отцовство» станет более конкретным и ощутимым, станет подлинным отцовством, а не только фактом все более и более отдаленного прошлого. Тем самым ты поможешь мне лучше узнать сегодняшнюю Юльку, которая есть Юлька + Делио + Джулиано, то есть «сумма», в которой плюс указывает не только на определенный количественный фактор, но, и это главное, — на новую личность, т. е. на фактор качественный. Дорогая, крепко, крепко обнимаю тебя и жду твоего длинного письма.

Антонио.

LXXIII

Тюрьма в Тури, 23 февраля 1931 года

Дорогая Татьяна,
не знаю, в каком тоне ты написала директору книжного магазина, когда уведомила его (как я и просил тебя две недели тому назад), что я не получаю выписанных журналов. Надеюсь, однако, что писала ты не в раздраженном и не в негодующем тоне, как это можно было бы заключить по одной из твоих открыток. По-моему, клиентуру свою этот магазин обслуживает неплохо, хотя время от времени и происходят недоразумения; полагаю, однако, что это не дает оснований дурно думать о немцах. Они тут, кстати, совсем ни при чем, ибо директор магазина итальянец, а владельцы его — итальянизированные швейцарцы. Ты, быть может, не знаешь, что в известный период истории итальянской культуры книжная торговля была почти полностью монополизирована швейцарскими предпринимателями, которые сделали много полезного, в особенности для Милана и Турина; классическим тому примером является деятельность старейшего издателя Хёпли, который выпуском широко известных учебников способствовал популяризации науки и искусства. Спустя несколько дней после того, как я написал тебе, что не получаю журналов, я получил все не достав-

ленные ранее номера. Поэтому я был бы тебе очень признателен, если бы ты еще раз написала директору магазина и, уведомив об этом, поблагодарила бы его и тем самым сгладила бы впечатление от какого-нибудь резкого выражения, которое, быть может, вырвалось у тебя. Во всяком случае, можно напомнить ему, что я нахожусь в тюрьме, и, следовательно, все печатные издания, которые поступают на мое имя, должны быть просмотрены, проштемпелеваны и подписаны начальником тюрьмы; поэтому желательно, чтобы не приходили одновременно десятки названий, дабы не испытывать человеческого терпения. Помню, года два тому назад пришло сразу 78 названий, значит, потребовалось поставить 78 штемпелей и 78 подписей; как видишь, настоящий *tour de force*¹.

Я узнал, что уже вышла в свет работа профессора Джорджо Мортара «Экономические перспективы» (*Giorgio Mortara, «Prospettive Economiche»*). Напомни, пожалуйста, чтобы мне ее прислали; хотелось бы также получить новинку этого года: книгу сенатора Бенедетто Кроче «Этика и политика» (*Benedetto Croce, «Etica e Politica»*), издан. Латерца в Бари, и «Календарь-атлас Д'Агостини за 1931 г.» (*«Calendario Atlante De Agostini per il 1931»*).

Я получил в свое время «Жизнь Данте» профессора Умберто Космо (*Umberto Cosmo, «Vita di Dante»*), которая, по мнению П., должна была заинтересовать меня. Книга эта, по правде говоря, доставила мне по многим причинам куда меньшее удовлетворение, чем я предполагал, главным же образом потому, что у меня создалось впечатление, что Космо в известной мере деградировал как в научном, так и нравственном отношении. Он, видимо, стал страшно религиозным — религиозным в положительном смысле слова, то есть он, очевидно, прошел через тот же духовный кризис (причем кризис этот носил совершенно искренний, а не снобистский или карьеристский характер), который переживают как будто многие представители университетской интеллигенции после создания университета «Сакро куоре». Этот кризис значительно усугубился бы, если бы открылись другие католические университеты с множеством различных кафедр для вновь обращенных приверженцев идеалистической философии Кроче и Джентиле. Как только тебе представится возможность, попроси у П. дополнительные сведения по этому

¹ *Tour de force* — подвиг (франц.).

поводу. Мне сейчас вспомнилось, как в первый год моего пребывания в университете между Космо, который замещал тогда преподававшего итальянскую литературу Артуро Граф¹, и Пьетро Джерозой из кантона Тичино — фанатичным приверженцем Розмини² и св. Августина — вспыхнула ожесточенная дискуссия по поводу оценки Чезаре Кантү³, данной Де Санктисом⁴. Джероза с несокрушимым упорством утверждал, что отрицательная оценка Де Санктиса вызвана сектантскими соображениями политического и религиозного характера, ибо Кантү был ярким католиком и республиканцем-федералистом (неогвельфом), в то время как Де Санктис был гегельянцем и монархистом-унитаристом⁵ (известно, однако, что Кантү был назначен сенатором итальянского королевства; это свидетельствует о том, что его республиканско-федералистские убеждения были по меньшей мере поверхностны). А бедный профессор Космо тщетно пытался убедить его в том, что Де Санктис — беспристрастный, объективный ученый. Но для Джероза, обладавшего инквизиторским нравом, Космо тоже был дьявольским гегельянцем, таким же исчадием ада, как и Де Санктис, и он не останавливался перед открытым выражением своего мнения, цитируя в подтверждение своих слов пространные выдержки из Розмини и из св. Августина. Около года тому назад я узнал, что Космо и Джероза составили вместе хрестоматию латинских христианских писателей первых веков, из чего я смог заключить, что Гегель капитулировал перед св. Августином при содействии Данте и в особенности св. Франциска, глубоким исследователем которого издавна являлся Космо. Тем не менее, когда я в последний раз, в мае 1922 года, виделся с Космо (он был тогда секретарем и советником итальянского посольства

---

¹ Граф, Артуро (1848—1913) — итальянский литературовед и поэт. Автор ряда работ по истории литературы. — *Прим. ред.*

² Розмини (1793—1855) — итальянский католический философ, сторонник умеренно либеральной реформы церкви. — *Прим. ред.*

³ Кантү, Чезаре (1804—1895) — итальянский историк и романист. Историческая концепция Кантү отражает крайне умеренные либеральные взгляды. Известен своими выступлениями в защиту католицизма. — *Прим. ред.*

⁴ Де Санктис, Франческо (1817—1883) — крупнейший итальянский критик и литературовед. Участник национально-освободительного движения XIX века. Буржуазный демократ. — *Прим. ред.*

⁵ Унитаристы — сторонники объединения Италии в единое централизованное государство. — *Прим. ред.*

в Берлине), он снова настойчиво предлагал мне написать исследование о Маккиавелли и маккиавеллизме; это была его идея-фикс с давних пор, с 1917 года; он считал, что я обязательно должен написать исследование о Маккиавелли, и при каждом удобном случае напоминал мне об этом, хотя Маккиавелли не очень вяжется со св. Франциском и св. Августином. Впрочем, я вспоминаю о Космо с чувством глубокой признательности, я сказал бы даже благоговения, если бы это слово не имело смысла, не соответствующего моим чувствам; он был, да я думаю и по сей день остался, человеком большой нравственной чистоты и честности, с той врожденной наивностью, которая свойственна обычно большому ученому. Никогда не забуду я нашу встречу в 1922 году в пышном вестибюле итальянского посольства в Берлине. В ноябре 1920 года я выступил против Космо с очень резкой, беспощадной статьей — такие статьи приходится писать лишь в известные критические моменты политической борьбы. Я узнал, что, прочитав ее, Космо расплакался как ребенок и несколько дней просидел дома взаперти. Наши личные сердечные отношения, отношения учителя и бывшего ученика, оборвались. Когда же в 1922 году величественный швейцар посольства соблаговолил доложить по телефону Космо, что некто Грамши желает быть принятым им, то сей ревнитель дипломатического этикета был буквально потрясен тем, что за этим последовало: он увидел, как Космо сбегал с лестницы и кинулся мне на шею, обливаясь слезами (в то время как я утопал в его бороде) и приговаривая: «Ты понимаешь, почему! Ты понимаешь, почему!» Он был охвачен таким волнением, что я совсем растерялся, но именно в эту минуту я понял, какую боль я причинил ему в 1920 году и как он ценил дружбу со своими учениками. Видишь, сколько воспоминаний воскресила в моей памяти «Жизнь Данте» и замечание П. (которого, кстати, впервые представил мне профессор Космо).

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LXXIV

Тюрьма в Тури, 9 марта 1931 года

Дорогая Татьяна,
получил вчера твое письмо, которое несколько успокоило меня. Почти 20 дней я не имел вестей, и это меня немного тревожило...

...Я вовсе не перестал верить в лекарства, как ты утверждаешь. Это было бы ребячеством. Я просто заметил, что в тех условиях, в каких я сейчас нахожусь, лекарства, укрепляющие организм, не только не оказывают на меня нужного действия, но, наоборот, усугубляют мои недомогания. Хотя я придерживаюсь очень строгой диеты, боли в кишечнике беспокоят меня все чаще и чаще и становятся все более острыми. Когда я приехал в Тури, я страдал в основном от болей в желудке (у меня были частые рвоты и т. д.), но я не испытывал зато никаких кишечных недомоганий. А вот приблизительно с год, как боли в желудке почти совсем прошли, но появились осложнения в кишечнике. По-моему, это тесно связано с бессонницей. Я замечаю, что, если я неожиданно просыпаюсь, у меня через полчаса начинаются сильные боли в кишечнике; иначе говоря, мне кажется, что пробуждение прерывает пищеварение и вызывает тем самым боли. Если же в течение нескольких ночей я сплю спокойнее, эти болезненные ощущения утихают. Я перестал принимать бензофосфан, так как убедился, что он вызывает новые осложнения. Не думай, что я не старался обеспечить себе возможность спать более спокойно, но все мои старания ни к чему не привели. Сейчас у меня хронический гастрит (может быть, «гастрит» означает только желудочные явления и надо употреблять другой термин?), и каждое новое средство заставляет меня призадуматься. Предпочитаю ничего не принимать. Я отнюдь не фаталист — я верю, например, что кислород может оживить легкие, но в то же время я убежден, что заставлять вдыхать кислород того, у кого грудная клетка сдавлена железным корсетом, бесполезно и может принести скорее вред, чем пользу.

Жду от тебя еще более отрадных вестей. Нежно обнимаю.

Антонио.

LXXV

Тюрьма в Тури, 23 марта 1931 года

Дорогая Таня,

спасибо, что ты подумала о моей матери и послала телеграмму ко дню ее именин. А я вот уже второй раз забываю об этой дате — вспомнил только после 19 марта. Мама очень обрадуется, когда получит поздравления от моего имени.

Мое предыдущее письмо дало, я вижу, богатую пищу твоему воображению: ты перебрала все возможные болезни, которыми я мог занемочь. Хорошо, что я не поддался тюремным умонастроениям, в противном случае я не встал бы больше с постели и уверовал бы в то, что я действительно страдаю всеми теми недугами, которые ты перечисляешь. Надеюсь, что тебе никогда в жизни не придется больше переписываться с заключенными, а ты, чего доброго, могла бы довести их до самоубийства: они кончали бы с собой из страха перед болезнями и перед страданиями, сопряженными с теми таинственными недугами, которые бессовестные и злые доктора не желают у них обнаруживать... А ведь такова именно психология всех заключенных: они очень внимательно читают все статьи, посвященные различным болезням, выписывают всевозможные брошюры, вроде «Сам себе врач» или «Первая помощь», и в конце концов обнаруживают у себя по меньшей мере триста или четыреста болезней, симптомы которых они, как им кажется, ощущают. Имеются и такие чудачки (даже среди политических заключенных), которые поглощают все те порошки и лекарства, что отказываются принимать их товарищи по камере; они уверены, что медикаменты эти могут принести им только пользу, поскольку они, несомненно, болеют именно теми болезнями, от которых эти лекарства могут исцелить. Такого рода навязчивые идеи приводят иногда к забавнейшим курьезам; я познакомился, например, с одним политическим заключенным, который просил прислать ему руководство по акушерству. И сделал он это отнюдь не из каких-либо нездоровых наклонностей, а потому, что ему, как он рассказывал, пришлось однажды оказать первую помощь роженице, и вот с тех пор, как он находится в тюрьме, его неотступно преследует воспоминание об испытанном тогда чувстве ответственности; поэтому он и считал нужным приобрести соответствующие познания в данной области.

Итак, я полагаю, что у меня нет ни одной из тех болезней, которые ты перечислила; я страдаю лишь чем-то вроде атонии кишок, порождающей болевые ощущения, когда я не сплю, а также в сырую погоду; когда же я имею возможность разнообразить пищу, эти боли исчезают бесследно; они утихают и тогда, когда я сплю и когда погода сухая.

Не вздумай посылать мне *gioddu*¹ или что-либо в этом роде, так как мне это ни к чему. Если ты полагаешь, что так просто приготовить *gioddu* (в моих краях это называется «*mezzuradu*», то есть «кислое молоко». Слово «*gioddu*» употребляют в Сассари и понимают лишь в крохотном уголке Сардинии), то ты глубоко ошибаешься. Это настолько сложная штука, что на континенте его умеют готовить только болгарские специалисты, поэтому его и называют «*yoghurt*» («болгарское молоко»). То, что продают в Риме, попросту несъедобно по сравнению с тем, что готовят сардинские пастухи.

Уверю тебя, что состояние моего здоровья не внушает никаких тревог или опасений. Наоборот: вот уже дней десять, как я не испытываю никаких болезненных ощущений, и даже головные боли почти прошли. А вот Карло рассказал мне, что ты никак не наведешь порядка в своей жизни: ешь, когда придется, а иной раз и вовсе об этом забываешь и т. д. Это очень нехорошо с твоей стороны; ведь ты же обещала наладить свое питание так, чтобы набраться побольше сил и быть в состоянии совершить поездку в Москву. Я поверил твоим обещаниям и теперь жалею, что поверил; значит, я был наивен, так же наивен, как один из первых итальянских поэтов, который писал:

Много на свете женщин упрямых.

Но мужчина словом своим их увещевает и украшает².

А тут требуется не слово, а «хороший курбаск», как любил говорить один сосланный на Устику бедуин, рассказывая мне о своем отношении к женам и женщинам из его племени.

...Хотелось бы также знать, имеется ли полный комплект «Леонардо» за 1926 год и сколько он стоит. Ты послала мне полный комплект за 1925 год и лишь первый номер за 1926 год. Из комплекта за 1927 год не хватает четырех номеров, тех, что затеряли на Устике. Все последующие годы у меня есть полностью. Я хотел бы иметь все номера «Леонардо», так как в этом журнале печатаются наиболее интересные (за последние годы)

---

¹ *Gioddu* — простокваша, кислое молоко (*сард.*).

² *Molte sono le femmine, che hanno dura la testa.*

Ma l'uomo con parabole le dimina e ammonesta.

Отрывок из стихотворения итальянского поэта Сиело Дель Камо (XIII в.) «Любовный спор» («*Contrasto*»). — *Прим. ред.*

материалы по различным отраслям знаний. Так, напечатан, например, целый ряд обзоров, посвященных достижениям в области науки в первую четверть века; обзоры эти написаны специалистами и являются весьма полезными и даже необходимыми. Поэтому прошу тебя: обратиться в книжный магазин и попытаться раздобыть недостающие номера; добиться чего-либо можно, конечно, только лично, а не по почте...

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LXXVI

Тюрьма в Тури, 7 апреля 1931 года

Дорогая Татьяна,

...меня нисколько не удивляет, что лекции профессора Бодреро по греческой философии тебя мало заинтересовали. Бодреро — профессор истории философии, не знаю точно какого университета (одно время он преподавал в Падуе), но он отнюдь не философ и не историк; он эрудированный филолог, умеющий читать лекции в гуманистическо-риторическом плане. Недавно я прочел его статью об «Одиссее» Гомера, после чего я усомнился и в том, что Бодреро хороший филолог, ибо в этой статье он пишет, что тому, кто участвовал в войне, легче, мол, понять Одиссею; я сомневаюсь, однако, чтобы, скажем, сенегалец лучше мог понять Гомера лишь потому, что он воевал. Кроме того, Бодреро забывает, что Улисс, согласно легенде, уклонился от воинской повинности и совершил в некотором роде умышленное членовредительство; ведь когда «военная комиссия» прибыла в Итаку, чтобы призвать его в армию, он прикинулся сумасшедшим (уточняю: он не совершил умышленного членовредительства, а просто симулировал безумие, чтобы его признали негодным к военной службе).

Что касается gioddu, то дело тут не в сардинском патриотизме и не в пристрастии к «местной колокольне». Все пастухи знают этот особый способ приготовления молока. Дело в том, что gioddu или yoghurt нельзя ни пересылать, ни долго хранить, так как он портится и творожится. Затем имеется еще одно весьма важное обстоятельство: повидимому, необходимо наличие известной дозы грязи у пастуха и в окружающей его среде, чтобы получился настоящий gioddu. Дозу эту нельзя определить математически точно, а жаль, ибо дамы-пастушки стремились

бы тогда из снобизма быть чуточку грязноватыми... И еще: эта грязь должна быть настоящей грязью, неподдельной, натуральной, той самой, из-за которой от пастуха разит, как от козла. Как видишь, вопрос сложный и будет лучше, если ты откажешься от мысли играть роль Амариллис¹ или Хлои² в некоей Аркадии.

Дорогая Таня, твое письмо я прочел с большим интересом и удовольствием. Очень хорошо, что ты не переделала его. Да и зачем, спрашивается? Если ты увлекаешься чем-то, это значит, что в тебе много жизни и ты полна энергии. Некоторые твои мысли я, правда, не очень хорошо понял. Например, ты пишешь: «Может быть, следовало бы постоянно жить вне своего я, чтобы наиболее полно наслаждаться жизнью». Я не могу представить себе, как можно жить вне своего я, — как будто может существовать раз и навсегда определившееся я, а не личность, пребывающая в непрерывном движении, вследствие чего и находишься постоянно вне своего я и внутри него. Для меня вопрос этот предельно упростился; обретя высочайшую мудрость, я стал очень снисходительным. Шутки в сторону, я много думал над теми вопросами, которые ты затрагиваешь и которыми так увлекаешься, и пришел к убеждению, что во многом виноват я сам. Я говорю виноват, так как не нахожу другого слова. Может быть, и верно, что существует такая форма эгоизма, в которую впадаешь бессознательно. Но это, мне думается, не та наиболее распространенная форма эгоизма, которая заключается в использовании других в качестве орудия для достижения собственного благополучия и счастья; в этом смысле, мне кажется, я никогда не был эгоистом, ибо на протяжении всей своей жизни я давал, пожалуй, не менее того, что получал. Но тут встает вопрос: если то, что дано, и то, что получено, уравниваются при общем подсчете, то сходится ли баланс в каждом отдельном случае? Когда ты связываешь свою жизнь с одной определенной целью и подчиняешь ей всю свою энергию, всю свою волю, не неизбежно ли, что многие или некоторые счета или пусть даже какой-либо один счет остается неоплаченным? Об этом не всегда помнишь и потому в известный

---

¹ Амариллис — героиня одного из произведений Вергилия.— *Прим. ред.*

² Хлоя — героиня произведения «Дафнис и Хлоя» древнегреческого писателя Лонга.— *Прим. ред.*

момент за это расплачиваешься. Вдруг обнаруживается, что ты можешь выглядеть эгоистом в глазах именно тех, кому, как тебе представлялось, ты меньше всего мог казаться таковым. И тогда открывается первопричина ошибки — малодушие. Малодушие, проявившееся в том, что ты не решился остаться в одиночестве, не сумел отказаться от каких-то связей, привязанностей, отношений и т. д. Когда приходишь к такому заключению, становится ясно, что только терпимость может дать спокойствие или хотя бы относительно спокойствие. Это не должно быть полной апатией или безразличием, а должно помочь сохранить какую-то надежду на будущее. В самом деле: я часто мысленно вновь прохожу весь свой жизненный путь, и мне кажется, что я уподобляюсь Ренцо Трамаллино¹ из «Обрученных», то есть, что я могу подвести итог и сказать: я научился не делать того-то или того-то и т. д. (хотя совокупность этих познаний мало что дает мне).

Помнится, я в течение нескольких лет (года два, во всяком случае) не писал своей матери, а теперь я понял, как тяжело не получать писем (однако, если бы я был на свободе, я совершал бы, вероятно, те же ошибки и не считал бы их ошибками или просто не думал о них) и т. д. Итак, мой тюремный стаж равен 4 годам и 5 месяцам, и я полагаю, что через годик-другой я окончательно превращусь в мумию: всему найду объяснение, каждое событие буду находить закономерным, неизбежным, все покажется мне ясным, и я буду считать, что суждения мои абсолютно неопровержимы. Под конец я приду к убеждению, что лучше всего ни о чем больше не думать, не получать извне ничего, что будоражило бы мысль, и, следовательно, больше никому не писать и откладывать в сторону, не читая, получаемые письма и т. д. и т. д. Но, быть может, ничего подобного и не случится; получится, что я лишь напрасно позлил тебя и на какое-то время испортил тебе настроение, а это будет значить, что ты окажешься вне своего я и что мое я, непрошенный гость, займет его место.

Дорогая Таня, не сердись, если я немного подшучиваю над тобой. Я тебя очень люблю и нежно тебя обнимаю.

Антонио.

---

¹ Один из персонажей романа «Обрученные» итальянского писателя Мандзони; см. А. Мандзони, Обрученные, М., 1955. — *Прим. ред.*

Тюрьма в Тури, 20 апреля 1931 года

Дорогая Татьяна,

получил обе фотографии и «манускрипт» Делио. Я в нем ровно ничего не понял, и мне кажется необъяснимым, что он начинает писать справа налево, а не слева направо. Меня радует, что он пишет рукой — это уже кое-что да значит. Если бы ему пришлось в голову писать ногой, было бы, несомненно, куда хуже. Учитывая, что справа налево пишут арабы, турки, не принявшие реформ Кемалья, иранцы, да и, возможно, другие народы, я не считаю это обстоятельство очень серьезным и опасным. Когда Делио будет изучать персидский, турецкий и арабский языки, ему очень пригодится то, что он научился писать справа налево. Одно лишь меня крайне поражает: почему так мало логики в системе его воспитания? Почему с самого раннего детства его заставляли, например, одеваться так, как все? Почему не предоставить его личности свободу и в манере одеваться, зачем было принуждать его к механическому подражанию? Следовало лучше разложить вокруг него вещи и затем ждать его самостоятельного выбора: пусть бы он надел штанишки на голову, ботиночки на руки, перчатки на ноги и т. д. Или, еще лучше, надо было положить около него костюм мальчика и платьице девочки и предоставить ему свободу выбора. Ты не находишь?

Обе фотографии мне понравились, главным образом потому, что в них очень удачно схвачено выражение лица Джулиано. Впечатление слабости и болезненности, которое производит Делио, сглажено последующими фотографиями, снятыми в Сочи.

...Я прочел «Майкл — цирковая собака» Джека Лондона. Художественные достоинства этого произведения незначительны: такие книги выпускаются обычно разного рода обществами, выступающими то ли против вивисекции, то ли в защиту животных; в Риме, мне помнится, у меня была прекрасная книга Лондона: «Джерри с островов». Лучшие же его рассказы о собаках — это «Белый клык» и «Зов предков». После того успеха, который имели эти рассказы, Лондон слишком много написал о собаках, но в произведениях этих уже нет прежней свежести и непосредственности.

Прочел кое-что о психоанализе, главным образом журнальные статьи; в Риме мне кое-что дал почитать на эту тему Р.¹ Охотно прочту книгу Фрейда, на которую тебе указал П.; раздобудь ее, пожалуйста. Быть может, Юлии принесет пользу лечение психоанализом, если только заболевание ее чисто нервного свойства. Я же думаю, что в данном случае врач играет большую роль, чем психоанализ; старик Ломброзо², основываясь на «классической» психиатрии, добивался поразительных результатов, которыми он был обязан, по-моему, в большей степени своему искусству врача, чем абстрактной научной теории. Научный престиж его был настолько велик, что многие больные после первого же визита, еще не начав никакого лечения, уже чувствовали себя гораздо лучше, снова обрели веру в себя и быстро выздоравливали. Возможно, что метод психоанализа более конкретен, чем методы старой психиатрии; во всяком случае, он обязывает врачей к более конкретному изучению больного, то есть обязывает видеть больного, а не болезнь; в остальном же Фрейд сделал то же, что и Ломброзо: он попытался сделать широкие философские обобщения на основе некоторых эмпирических данных, почерпнутых из практических наблюдений. Но это не имеет большого значения.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXXVIII

Тюрьма в Тури, 4 мая 1931 года

Дорогая Терезина,
получил твое письмо от 28 апреля. Мне кажется, что и ты и Грациэтта совершенно неправильно истолковали мои замечания относительно Меи. Во-первых, я видел Мею только в 1924 году, когда она была еще совсем маленькой, и я, конечно, не в состоянии судить ни о ее качествах, ни о том, насколько эти качества устойчивы. Во-вторых, я

---

¹ Р.—Руджеро Гриеко (1893—1955)—один из старейших членов и руководящих деятелей Итальянской коммунистической партии; сенатор, видный публицист; автор ряда теоретических работ, в частности по аграрному вопросу.— *Прим. ред.*

² Ломброзо, Чезаре (1835—1909) — итальянский психиатр и криминалист, основатель так называемого антропологического направления в буржуазном уголовном праве.— *Прим. ред.*

вообще обычно избегаю давать кому бы то ни было оценку, основываясь на том, что принято называть «умом», «природной добротой», «живостью ума» и т. д., так как я знаю, что такие оценки весьма поверхностны и обманчивы. Куда важнее, по-моему, такие качества, как «сила воли», любовь к дисциплине и к труду, постоянство в своих стремлениях. Говоря об этом, я имею в виду не столько ребенка, сколько тех, кто воспитывает его и кто должен прививать ему эти навыки, не посягая при этом на его самостоятельность. Мнение, которое я составил себе о Мее по рассказам Наннаро и Карло, таково: вы не стремитесь к тому, чтобы развить в ней все эти качества, столь важные и необходимые для ее будущего, не задумываетесь над тем, что позднее эта задача будет куда более трудной, а быть может, и неосуществимой. Мне кажется, вы забываете, что в настоящее время в нашей стране созданы (начиная со школ) весьма неблагоприятные условия для роста и деятельности женщин. Так, например, девушки лишены права на целый ряд стипендий и т. д. Вот почему и необходимо, чтобы, конкурируя с юношами, девушки обладали более высокими качествами и познаниями, чем те, которые требуются обычно от мужчин, и большой настойчивостью и выдержкой.

Мои замечания, само собой разумеется, относились не к Мее, а к тем, кто ее воспитывает и направляет; в данном случае, по-моему, воспитываться должен прежде всего сам воспитатель. Я с интересом прочел письмо, адресованное Али-Камуну, которое вы мне прислали; рад был отметить, что в нем нет орфографических ошибок. В остальном же оно мало чем интересно: письмо изобилует общими местами, и я не нашел в нем ничего свежего и оригинального; не нашел я также и ничего детского, наивного, если не считать отсутствия логики и обилия противоречий. Историю такой области [как Сардиния. — *Прим. перев.*], которая всегда принадлежала различным поработителям и никогда не имела собственной истории, не называл «славной» даже наш учитель — кавалер Пьетро Соджу, когда заставлял нас петь: «Громящей гордый Арагон видели тебя изумленные народы, воскрешающей забытые чудеса римской и греческой доблести». Нам, помню, не удавалось представить себе «народы, изумленные» героизмом маркиза Дзури; нам больше нравился Паскуале Тола, а также Дерозас; мы чувствовали, что они

куда более «сардинцы», чем даже великая Элеонора¹. Полагаю, что Али-Камуна мало волнуют древние фараны и что он больше восхищается каким-нибудь современным «разбойником».

...Дорогая Терезина, желаю доброго здоровья твоим детям. Напиши мне подробнее о том, что случилось с папой; надеюсь, что это не повлекло за собой душевной травмы. Обнимаю всех родных, особенно маму.

Антонио.

LXXIX

Тюрьма в Тури, 18 мая 1931 года

Дорогая Таня,

...только что получил твое письмо от 15 мая и письмо Юлии. Хотелось бы, чтоб ты написала мне, какое впечатление произвело на тебя Юлино письмо. Мне пока еще трудно в нем разобраться. Но один положительный момент можно все же отметить, а именно то, что Юлия обрела в известной мере веру в себя и в свои силы. Однако не идет ли эта вера от ума, не носит ли она сугубо рассудочный характер? То есть глубока ли она? Мне кажется, что ее душевное состояние определяется факторами рационального, интеллектуального порядка (что вполне очевидно); иными словами, «аналитический» момент еще не перевоплотился в жизнедеятельную силу, в волевой импульс. Успокаивает меня отчасти то, что Юлия, как и большинство русских людей нашего времени, преисполнена веры в науку, и вера эта носит почти религиозный характер; такую веру мы, жители Запада, испытывали к науке в конце прошлого века; в дальнейшем мы потеряли ее в результате критики новейшей философии и главным образом в результате крушения политической демократии. Наука также подверглась «критике», и значимость ее была тем самым ограничена. Никогда бы не поверил, что в Тури можно встретить человека, способного сказать что-нибудь умное, как это довелось услышать тебе. Впрочем, так ли уж умно то, что тебе было сказано? Мне думается, что найти великолепные формулы житейской мудрости нетрудно; трудно — жить. Я не-

---

¹ Дзури, Тола, Дерозас Элеондра д'Арборла — политические деятели Сардинии конца XIV — начала XV века. — *Прим. ред.*

давно прочел где-то, что в нынешней Европе только иные итальянцы или испанцы сохранили еще вкус к жизни; это возможно, хотя такого рода утверждения носят общий характер и трудно доказуемы. Иногда происходят довольно курьезные вещи. Однажды у меня был любопытный разговор с Кларой Цеткин, которая восхищалась итальянцами именно за присущий им вкус к жизни и считала, что убедительным доказательством этому служит то, что итальянцы говорят «счастливой ночи», а не «спокойной ночи», как это делают русские, и не «доброй ночи», как говорят немцы, и т. д. То, что немцы, русские и даже французы не думают о «счастливых ночах», это вполне возможно, но ведь итальянцы говорят также о «счастливом путешествии» и о «счастливо завершившихся делах», что снижает смысловое значение слова «счастливый»; впрочем, неаполитанцы говорят о красивой (bella) женщине, что она buona (хорошая), и говорят, конечно, без задней мысли, ибо слово «bella» (красивая) соответствует древнему слову «bonula». Короче говоря, мне думается, что любые формулы житейской мудрости — как те, что выражены словесно, так и те, что вытекают из нравов и обычаев того или иного народа, — имеют одно только назначение: служить стимулом и оправданием тем, кому свойственны лишь безвольные стремления, дабы стремления эти воплотились в конкретную волю; ведь реальная жизнь определяется не формулами или же указкой извне: она возникает из внутренних истоков. Что касается Юлии, то ей правильно подсказали, что ей нужно «развернуться», иначе говоря, найти в самой себе и силы и смысл жизни, то есть не быть робкой, не давать подавлять себя и главное — не ставить перед собой неосуществимых и излишне трудных задач. Такой совет, мне кажется, мог бы пригодиться... и тебе, поскольку ты иногда думаешь, что можно и должно выйти из своего «я», дабы жить полнокровной жизнью.

Обнимаю тебя.

Антонио.

LXXX

Тюрьма в Тури, 1 июня 1931 года

Дорогая Юлия,

Таня переслала мне «послание» Делио (употребляю сугубо литературное слово) с его «объяснением в любви»

к сказкам Пушкина. Оно мне очень понравилось, и мне хотелось бы знать, сам ли Делио придумал это выражение или же это просто литературная реминисценция. Не без удивления отметил также, что тебя не пугают больше литературные наклонности Делио; одно время, кажется, ты была убеждена, что у него скорее задатки... инженера, чем поэта; теперь же ты предполагаешь, что он будет читать Данте прямо-таки с любовью. Надеюсь, что этого никогда не случится, хотя я очень доволен, что Делио нравятся Пушкин и все то, что перекликается с зарождающимся в нем творческим началом. Впрочем, кто же с любовью читает Данте? Только заскорузлые профессора, создающие себе культ из какого-нибудь поэта или писателя и совершающие странные филологические обряды. Я вообще считаю, что образованный человек нашего времени должен, читая классиков, пребывать в известном «отдалении» от них, то есть отдавать дань лишь эстетической стороне произведения, тогда как «любовь» подразумевает, что творение близко тебе по идейному содержанию: любишь «своего» поэта, а «восхищаешься» художником вообще. Восхищение эстетического порядка может сопровождаться чувством некоего «гражданского» презрения, как например это было у Маркса в отношении Гёте. Итак, я рад, что Делио любит произведения, насыщенные фантазией, и что сам он тоже любит пофантазировать. Не думаю, чтоб это помешало ему стать все же «великим» инженером, строителем небоскребов или электростанций. Напротив. Спроси от моего имени у Делио, какие сказки Пушкина ему больше всего нравятся; я, правда, знаю только две — «Золотого петушка» и «Сказку о рыбаке и рыбке». Затем я знаю еще историю про «умывальник» и подушку, которая скачет как лягушка, про простыню, которая улетела, про свечку, которая ускакала в печку, и т. п., но это не из Пушкина. Ты помнишь? А знаешь, я до сих пор помню оттуда наизусть несколько десятков строчек!

Мне хочется рассказать Делио одну нашу народную сказку, которая кажется мне интересной. Я расскажу тебе ее вкратце, а ты, поподробней, ему и Джулиано. — Спит маленький мальчик. Кувшинчик молока ждет его пробуждения. Мышка выпивает молоко. Мальчик, увидя, что нет молока, громко плачет. Плачет и мама. Мышка в отчаянии, бьется головой об стенку, но видя, что этим горю не

поможешь, бежит к козе, чтобы достать молока. Коза обещает дать молока, но ей нужна трава, чтоб поест. Мышь отправляется в поле за травой, но выжженное поле требует воды. Затем мышь отправляется к колодецу. Колодец разрушен во время войны, и вода исчезла в недрах; колодец требует мастера-каменщика. Каменщик требует камней. Тогда мышь идет к горе, и тут происходит замечательный диалог между мышью и горой, леса которой вырублены хищными дельцами, так что повсюду виден ее каменный остов, лишенный земляного покрова. Мышь рассказывает горе всю историю и обещает, что когда мальчик вырастет, он снова посадит сосны, дубы, каштаны и др. Тогда гора дает камни и т. д., и мальчик получает молоко — столько молока, что он даже умывается им. Затем мальчик вырастает, он сажает деревья, и все преобразается. Исчезает каменный остов под свежим покровом *humus*¹, нормальными становятся атмосферные осадки, так как деревья задерживают испарения и не позволяют ливням размывать равнину, и т. д. Одним словом, мышь осуществляет настоящую «пятилетку»². Эта сказка сложена в краю, действительно опустошенном в результате вырубki лесов. Расскажи ее, дорогая Юлия, детям и напиши мне затем, какое это произвело на них впечатление.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXXXI

Тюрьма в Тури, 15 июня 1931 года

Дорогая Татьяна,

...я вовсе не говорил тебе, что у мужа Маргариты были когда-либо основания для ревности. Я только сказал тебе, что он ревнив и что эта черта, по-моему, умаляет силу его характера и отрицательно влияет на его работоспособность, — больше ничего. У меня никогда не было причин считать, что у него есть основания для ревности, если предположить, что вообще существуют основания быть ревнивым. (Основания такого рода должны были бы послужить скорее основанием для развода, нежели для ревности.) Приведу тебе, кстати, один пример, который по-

¹ *Humus* — почва (лат.).

² В тексте русское слово написано латинскими буквами.—
Прим. перев.

казывает, насколько несостоятельны попытки приписывать какие-либо определенные свойства всему населению того или иного края; так, сардинцы, которых причисляют к южанам, не «ревнивы» в отличие от сицилийцев и калабрийцев, которых гринято считать ревнивыми. Кровавые преступления на почве ревности среди них чрезвычайно редки, в то время как расправы над обольстителями девушек совершаются часто. Крестьянская чета обычно мирно расходится, если между супругами нет согласия, или же неверная жена просто изгоняется из дома; часто бывает и так, что муж, который фактически разошелся со своей женой, сходится затем с другой женщиной, а его жена — с другим мужчиной из той же деревни. Надо сказать, что во многих деревнях Сардинии до войны (как сейчас — не знаю) было принято заключать пробный брак, то есть: чета шла под венец лишь после рождения ребенка; в случае же бездетности каждый вновь становился свободным (это допускалось церковью). Видишь, какое многообразие существует во взаимоотношениях полов и какую важную роль играет этот вопрос в определении характерных свойств так называемой национальной «души»!

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXXXII

Тюрьма в Тури, 15 июня 1931 года

Дорогая мама,
получил твое письмо, написанное рукой Терезины. Хотелось бы, чтобы ты почаще так писала мне: я почувствовал в этом письме твой живой ум, присущий тебе образ мыслей. Да, это было, конечно, твое письмо, а не письмо Терезины. Знаешь, что я вдруг вспомнил, читая его? Мне ясно вспомнились те дни, когда я был в первом или во втором классе начальной школы и ты поправляла мои домашние задания; я хорошо помню, что никак не мог привыкнуть к тому, что «*uscello*»¹ пишется через два «с», и ты раз десять, не меньше, исправляла мою ошибку. В свое время ты помогла нам научиться писать (а еще раньше мы с твоей помощью выучили наизусть много стихотворений; я помню «Ратаплан» и вот это: «Вдоль хол-

¹ Uccello — птица (*итал.*).

мистых берегов Луары, что, подобно ленте серебристой, вдаль течет на сотни миль, край счастливый распростерся»); вполне естественно, что теперь, когда ты чувствуешь, что силы изменяют тебе, кто-то из нас становится твоей рукой. Воспоминания о «Ратаплане» и стихи о Луаре, наверное, вызовут у тебя улыбку. Я помню еще, как искусно ты имитировала на столе барабанную дробь, когда декламировала «Ратаплан», и как я этим восхищался (мне было тогда года четыре или пять).

Впрочем, ты и представить себе не можешь, сколько я помню различных случаев; и всегда ты была для нас благотворной силой, всегда была исполнена нежности к нам. Если вдуматься, то все, что говорится о душе и ее бессмертии, о рае и аде, является, в сущности, не чем иным, как попыткой как-то объяснить тот простой факт, что все сделанное нами, хорошее и плохое, передается другим, постоянно переходит от отца к сыну, от одного поколения к другому, живет в вечном движении поколений. Все наши воспоминания, связанные с тобой, это воспоминания о твоей доброте и силе твоего характера; ты отдала все свои силы, чтобы вырастить, воспитать нас, а это значит, что ты уже живешь в единственно реальном раю, который существует и который для матери, как я полагаю, находится в сердцах ее детей. Вот видишь, что я написал тебе. Не подумай только, что я хотел задеть твои религиозные чувства; впрочем, я уверен, что ты согласна со мной больше, чем это может показаться. Скажи Терезине, что я жду обещанного ею следующего письма. Нежно обнимаю тебя и всех близких.

Антонио.

LXXXIV

Тюрьма в Тури, 29 июня 1931 года

Дорогая мама,
получил письмо от Грациэтты с известием о том, что Мея блестяще сдала экзамены, которые она держала в Кальяри. Я очень этому рад и горячо поздравляю Мею. Надеюсь, что она сама мне напишет и подробно расскажет, как проходили эти экзамены, а заодно и поделится своими впечатлениями о Кальяри. Я так давно оторван от жизни, что даже не знаю, какой характер носят эти вступительные экзамены и для чего вообще их сдают до

окончания начальной школы. Мне представляется, что это государственные экзамены, которые надлежит сдать для поступления в среднюю школу, и что введены они главным образом для того, чтобы взимать высокую плату и тем самым еще больше затруднить детям малоимущих родителей доступ к учебе. Мне хотелось бы сделать небольшой подарок Мее, и я постараюсь это осуществить: у меня есть ящичек с пастелью и тетради для рисования, которые Татьяна прислала мне несколько лет тому назад, полагая, что тюрьма способствует развитию художественных наклонностей у заключенных. Когда я буду отсылать книги, я в первый же пакет вложу и эти вещи для Меи; таким образом, у нее будет память обо мне. (Ты мне так и не написала, дошел ли по назначению тот пакет с книгами, который я передал Карло в марте этого года, с тем чтобы он переслал его вам по железной дороге.) Терезина все еще не написала мне обещанного письма. Я имею довольно свежие вести от Юлии и малышей. Даже Делио попытался написать мне письмо (его никогда не заставляли учиться писать, предоставив ему самому этому научиться, когда захочется; так как будто советовали и врачи, учитывая, что ребенок нервный и что не следует приучать его раньше времени к умственному труду). Чувствуют они себя довольно хорошо; на этих днях они должны были выехать из Москвы на дачу.

Присылай мне почаще вести о себе. Я надеюсь, что ты действительно, как пишет Грациэтта, чувствуешь себя лучше. Крепко обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

LXXXIV

Тюрьма в Тури, 20 июля 1931 года

Дорогая Терезина,

я не получил еще ответа на два моих письма маме. На сей раз ваше молчание меня по-настоящему тревожит. Из последних писем явствовало, что состояние мамино здоровья последнее время было крайне неустойчивым. Вы очень нехорошо поступаете, оставая меня так долго в мучительной неизвестности. Обращаясь к тебе и очень настоятельно прошу тебя ничего не скрывать и сообщить мне правду; напиши хоть несколько слов.

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 3 августа 1931 года

Дорогая Татьяна,

...не подумай только, что чувство одиночества и оторванности от внешнего мира повергает меня в отчаяние или в какое-то схожее с этим трагедийное состояние духа. По сути дела, я никогда, даже будучи в самых тяжелых условиях, не нуждался в привнесении нравственных сил извне, чтобы интенсивно жить своей жизнью, тем более не нуждаюсь я в этом ныне, когда чувствую, что воля моя стала еще крепче и обрела еще большую целеустремленность. Но если в прошлом, как я уже говорил, я испытывал чуть ли не гордость от сознания, что я оказался изолированным, то теперь я чувствую всю убогость, бесплодность и скудость жизни, зиждущейся на одной лишь воле. Таково мое душевное состояние в настоящий момент.

...Тема, которая больше всего заинтересовала меня за последние годы,— это некоторые характерные аспекты истории развития итальянской интеллигенции. Интерес этот был вызван, с одной стороны, желанием углубить понятие государства и, с другой стороны, уяснить себе некоторые аспекты исторического развития итальянского народа. Даже если ограничить рамки исследования основными линиями темы, оно остается все же колоссальным по своему охвату. Нужно обязательно вернуться ко временам Римской империи, предопределившей впервые в истории возникновение групп «космополитической» («имперской») интеллигенции; нужно затем изучить, как создавалась папская христианско-клерикальная организация, которая придала наследию космополитической интеллигенции времен империи кастовый европейский характер, и т. д. и т. д. Только так, по-моему, можно объяснить тот факт, что лишь после XVIII века, то есть после возникновения первых конфликтов между государством и церковью и с появлением юрисдиционализма¹ стало возможным говорить о появлении «национальной» итальянской интеллигенции; до того времени итальянская интеллигенция была космополитической и осуществляла (либо в ин-

---

¹ В итальянской исторической литературе термин «юрисдиционализм» применяется главным образом для обозначения раздельного существования церкви и государства при условии координации их деятельности.— *Прим. ред.*

тересах церкви, либо в интересах империи) некую универсалистскую анациональную роль; она содействовала становлению и развитию других национальных государств, поставляя им разного рода специалистов, снабжала всю Европу «руководящими кадрами» и не оформилась как национальная категория, как особая группа, порожденная различными классами определенной нации. Как видишь, этой темы хватило бы на целый ряд специальных работ, но для этого необходимо вести серьезное исследование с привлечением большого круга источников. Собственно говоря, это полагается делать при разработке любой темы. К тому же следует учесть, что привычка к строгому филологическому анализу, которую я приобрел в годы учебы в университете, оставила свой след, и я придерживаюсь излишней, пожалуй, скрупулезности в методе работы. Учитывая все это, мне трудно указать тебе названия книг сугубо специального характера. Впрочем, назову тебе одну книгу, которую мне хотелось бы прочесть: «Тридцать лет политической борьбы» (1894—1922) профессора Де Вити Де Марко, издание «Collezione meridiionale», Рим (De Viti De Marco, «Un trentennio di lotte politiche»).

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

LXXXVI

Тюрьма в Тури, 17 августа 1931 года

Дорогая Татьяна,

в прошлый раз я вскользь упомянул о недомогании, которое беспокоит меня. Сегодня я постараюсь описать тебе мое состояние как можно точнее и со всеми подробностями, имеющими, как мне кажется, существенное значение.

Началось это так. В три часа ночи 3 августа, ровно 15 дней тому назад, у меня вдруг пошла горлом кровь. Это не было сильным кровотечением, когда, как я слышал по рассказам других, кровь хлещет из горла. Сначала я чувствовал какое-то kloкотание в дыхательных путях, как это бывает при катаральном состоянии, затем я начинал кашлять и рот наполнялся кровью. Кашель не всегда был резким и сильным, такой кашель бывает обычно, когда чувствуешь что-то постороннее в горле, — отдельные покашливания, без длительных приступов и без

напряжения. Продолжалось это приблизительно до четырех часов, и за это время я потерял граммов 250—300 крови. Затем кровотечение прекратилось, но время от времени сгустки крови выделялись вместе с мокротой. Врач Чистернино выписал мне хлористый кальций и ад-реналин в миллидолях и сказал, что будет следить за течением болезни. В среду, 5 августа, врач выслушал меня и нашел, что бронхиальное заболевание исключается. Он выдвинул предположение, что повышенная температура может быть кишечного происхождения. Выделение мокроты со сгустками крови (не очень часто и в небольшом количестве) продолжалось у меня вплоть до последних дней; в последние же дни сгустки совершенно исчезли, а если и бывает еще порой приступ кашля, и довольно сильный, то уже без мокроты. Этот кашель был, следовательно, нервного, случайного характера. Что касается повышенной температуры, то был один симптом, который заставляет меня согласиться с тем, что она кишечного происхождения. 5 или 6 августа у меня появилась сыпь. Левое предплечье было все покрыто красными точечками, шея и левая сторона груди — тоже, но в меньшей степени. На правой же руке — ничего... До того как у меня пошла горлом кровь, я страшно мучился от жары и с меня градом катился пот, особенно по ночам. Очень обильное потение по ночам продолжалось вплоть до недавнего времени, потом, дней 5—6 тому назад, прекратилось; возобновилось оно, но менее интенсивно, в те два вечера, когда у меня, как и в первую ночь заболевания, повысилась температура. Кажется, я описал тебе все основные признаки моего недомогания. Должен прибавить, что я не очень слаб и что на состоянии нервной системы это заболевание никак не отразилось. Все то время, что я выплевывал сгустки крови, я не мог отделаться от тошнотворного сладковатого привкуса во рту, и, как только я начинал кашлять, мне казалось, что вот-вот должно начаться новое кровохарканье. Но сейчас (когда больше нет выделения сгустков) это ощущение тоже исчезло, вот почему я думаю, что оно не было чисто нервного свойства. Теперь ты сможешь посоветовать мне все, что сочтешь необходимым. Как видишь, нет ничего страшного, хотя, как говорит врач, надо следить за собой.

Я с большим интересом прочел письмо профессора Космо, которое ты переписала для меня. Ощущение у ме-

ня очень сложное. Мне было бы крайне неприятно, если бы профессор Космо мог хоть в малейшей степени заподозрить, что я способен высказать о нем суждение, ставящее под сомнение его честность, его достоинство и приходящее ему чувство долга. Когда читаешь последние страницы «Жизни Данте», создается впечатление, что сам автор — ревностный католик. Я связал это впечатление с тем фактом, что Космо вместе с Джероза составили для одного католического издательства хрестоматию латинских писателей первых веков существования церкви, и подумал, что Космо обратился, видимо, в католическую веру. Однако я вовсе не предполагал, что это обращение носит в какой-либо мере «оппортунистический» или, еще того менее, корыстный характер, как это, к сожалению, случилось со многими крупными представителями интеллигенции. В сущности говоря, и ярый католицизм Джероза, насколько мне помнится, носил скорее яansenистский, нежели иезуитский характер. Все же этот факт огорчил меня. Когда я был учеником Космо, то, невзирая на чувство привязанности, которое испытывал к нему, я во многом, естественно, был с ним не согласен, хотя и не определил еще тогда ясно свою позицию. Однако мне казалось, что как я, так и Космо, да и многие другие представители интеллигенции того времени (иначе говоря, первых 15 лет нашего века) стояли на одной платформе; все мы, кто безоговорочно, кто не со всем соглашаясь, участвовали в движении за нравственное и духовное преобразование Италии, начало которому положил Бенедетто Кроче.

Первым условием этого преобразования являлось то, что современный человек может и должен жить без религии, и, разумеется, как без религии откровения, так и без религии позитивной, мифологической или какой-либо другой. Это положение, по-моему, и сегодня является самым большим вкладом, который современная итальянская интеллигенция внесла в мировую культуру; я считаю это общественным завоеванием, которое нельзя терять. Поэтому мне и не понравился несколько апологетический тон книги, и у меня зародились сомнения в отношении Космо. Мне было бы очень жаль, если бы я причинил боль старому профессору, жаль еще и потому, что из письма его явствует, что он тяжело болен. Я надеюсь все же, что мы, несмотря ни на что, еще увидимся с ним и возобновим

один из тех долгих споров, которые мы вели иногда в дни войны, прогуливаясь ночью по улицам Турина.

...Я вовсе не лишаю себя, как тебе кажется, добавочного питания, которое мог бы купить; дело в том, что тут просто нет продуктов в продаже. В этом году очень редко продавали фрукты, но, как только они появлялись, я покупал их. Очень давно не продают свежего сыра. В тюремном ларьке имеются только такие продукты, которые я из-за гастрита есть не могу. Врач говорит, что мне нельзя есть даже ветчины. Я точно следуя указаниям врача, но даже при том, что я питаюсь исключительно рисом с маслом, молоком и яйцами, мне все же не удается наладить работу кишечника.

...Получил письмо из Гиларцы; оказывается, все болели малярией.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXXXVII

Тюрьма в Тури, 24 августа 1931 года

Дорогая мама,

получил письма от Меи, Франко и Терезины и узнал наконец, как вы все себя чувствуете. Почему же вы оставляли меня столько времени без всяких вестей? Ведь даже болея малярией, можно все же написать несколько строчек, а я удовольствовался бы и простой открыткой. Ты учти, что я ведь тоже старею и становлюсь, следовательно, нервным, более раздражительным и более нетерпеливым. Я рассуждаю так: не пишут заключенному или потому, что относятся к нему безразлично, или потому, что не хватает воображения. Что касается тебя, да и остальных близких, то дело, конечно, не в безразличии. Думаю, что объясняется это скорее отсутствием воображения: вам не удастся ясно представить себе, что такое жизнь в тюрьме и какое огромное значение имеют письма, как они заполняют день и как скрашивают наше существование. Я никогда не говорю о негативных сторонах моей жизни, прежде всего потому, что не хочу, чтобы меня оплакивали; я — боец, которому не повезло в битве сегодняшнего дня, а бойцов нельзя и не следует оплакивать, когда они борются не по принуждению, а потому,

что они сами сознательно желают этого. Однако это отнюдь не значит, что в моей тюремной жизни не существует негативных сторон и что близким людям следует еще углублять их. Впрочем, все это относится не столько к тебе, сколько к Терезине, Грациэтте и к Мее, которая, конечно, могла бы написать мне хотя бы открытку.

Мне очень понравилось письмо Франко, и я оценил по заслугам его лошадок, автомобили, велосипеды и т. д.; как только у меня будет возможность, я, конечно, и ему смастерю какой-нибудь подарок, дабы он видел, что я люблю его и не сомневаюсь в том, что он славный и милый мальчик, даже если он и любит иногда немного пошалить. При первой возможности пошлю Мее ящичек с пастелью, только пусть она не ждет чего-то особенного. Терезина не ответила мне на один вопрос: дошел ли пакет с книгами и журналами, который Карло выслал из Тури в марте? Я хотел бы знать, не мешают ли вам эти книги и журналы, а то мне нужно отправить еще десятки и десятки килограммов. Если же они пропадут, тогда уж лучше подарить хотя бы часть книг тюремной библиотеке. Я, конечно, считаю, что, даже если они и будут мешать вам при той тесноте, в которой вы живете, все же книги эти могут оказаться нужными, когда дети подрастут. Подготовить для них домашнюю библиотеку — это, по-моему, полезное дело. Кто-кто, а Терезина помнит, наверное, как мы в детстве буквально проглатывали книги и как страдали от того, что их не было у нас в достаточном количестве.

Ну, а чем ты объясняешь, что малярия так свирепствует в центральной части Сардинии? Или это только у вас? Я думаю, что нынешние местные власти должны были бы провести канализацию, точно так же, как их предшественники построили водопровод. Водопровод без канализации — это означает неизбежное распространение малярии там, где она уже спорадически появлялась. Коротко говоря, если раньше женщины в Гиларце были безобразны и ходили со вздутыми животами из-за отвратительной воды, то теперь они будут еще безобразнее из-за малярии; мужчины же, надо полагать, будут усиленно лечиться вином.

Целую вас крепко.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 31 августа 1931 года

Дорогая Юлия,

что меня более всего заинтересовало в твоём письме от 8—13 августа — это сообщение о том, что Делио и Джулиано занимаются ловлей лягушек. Несколько дней тому назад я прочел в одной журнальной статье высказывание леди Астор о том, как обращаются с детьми в России. (Леди Астор сопровождала Бернарда Шоу и лорда Лотигана во время их недавней поездки.) Судя по этой статье, единственное критическое замечание, которое леди Астор сделала по поводу обращения русских с детьми, сводится к следующему: русские так ревностно следят за тем, чтобы дети были чистыми, что даже не дают им возможности запачкаться. Как видишь, эта почтеннейшая дама весьма остроумна и язвительна, но, несомненно, еще остроумнее автор статьи, который, в отчаянии воздев руки к небу (руки либерала), восклицает: «Что же станет с этими детьми, когда они подрастут и их уже нельзя будет заставить принимать ванну?» Он, видимо, считает, что как только нельзя будет оказывать насильственное воздействие на этих ребят, они из принципиальных соображений только тем и будут заниматься, что валяться в грязи в знак либерального протеста индивидуума против той авторитарной власти, жертвами которой они, мол, сейчас являются. Как бы там ни было, но я доволен, что Делио и Джулиано, ловя лягушек, имеют все же возможность выпачкаться. Мне хотелось бы знать, съедобны ли эти лягушки, ибо это придавало бы их охотничьей деятельности практический и полезный характер, чем отнюдь не следует пренебрегать. Не знаю, захочешь ли ты это сделать, поскольку у тебя, вероятно, такое же аристократическое предубеждение против лягушек, как и у леди Астор (англичане презрительно называют французов «лягушатниками»), но тебе следовало бы научить детей отличать съедобных лягушек от всяких прочих. У съедобных — брюшко белое, тогда как у других оно красноватое. Лягушек можно ловить, прикрепив к леске вместо крючка кусочек красного лоскутка, который они хватают зубами. Надо иметь ведерко, куда можно складывать их после того, как ножницами отрежешь им голову и лапки. Содрав с них кожу, можно готовить их двумя способами: сделать чудесный бульон — в этом случае надо, чтоб они долго поварились

в воде с обычными приправами, затем следует протереть их через сито так, чтобы вся мякоть, все, кроме косточек, перешла в бульон, — или же их поджаривают так, чтобы они подрумянились, и едят хрустящими. В обоих случаях это чрезвычайно вкусная, а главное, очень питательная и легкая пища. Думаю, что Делио и Джулиано могли бы уже сейчас, в столь раннем возрасте, войти в историю русской культуры, введя этот новый вид питания в широкий обиход и способствуя реализации на несколько миллионов рублей нового источника обогащения человечества, отняв монополию на лягушек у воров, галок и змей.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

LXXXIX

Тюрьма в Тури, 7 сентября 1931 года

Дорогая Татьяна,

я узнал от Карло, что ты написала ему письмо, в котором сообщила о моем недомогании и высказала по этому поводу большую тревогу. Доктор Чистернино тоже сказал мне, что получил от тебя письмо, из которого явствует, что ты крайне обеспокоена. Все это меня немало огорчило, ибо для тревоги, по-моему, не было никаких оснований. Да будет тебе известно, что я уже однажды «умер», а затем воскрес; это свидетельствует о том, что я всегда обладал изрядной живучестью. Когда я был совсем маленьким (мне было года четыре), у меня началось сильное, сопровождавшееся конвульсиями кровотечение, которое длилось три дня и которое совершенно обескровило меня. Врачи уже приговорили меня к смерти, а моя мать хранила примерно до 1914 года маленький гробик и костюмчик, в котором меня должны были похоронить. Одна из моих теток утверждала впоследствии, что я воскрес после того, как она помазала мне ножки маслом из лампадки, заженной в честь мадонны; вот почему, когда я отказывался выполнять религиозные обряды, она сурово укоряла меня, напоминая, что я обязан жизнью мадонне. Но это, по правде говоря, не производило на меня большого впечатления. С тех пор, хотя я и не отличался особенно крепким здоровьем, у меня не было никаких серьезных заболеваний, если не считать нервного истощения и диспепсии. На твое архинаучное письмо я не рассердился, так как оно

просто-напросто позабавило меня, и, читая его, я вспомнил одну французскую новеллу, которую не стану рассказывать, чтобы не рассердить тебя всерьез. Я всегда уважал врачей и медицину; еще больше, впрочем, я уважаю ветеринаров, излечивающих животных, которые, не обладая даром речи, не могут описать симптомов своей болезни. Это обязывает ветеринаров быть очень внимательными (животные ведь стоят денег, тогда как часть людей представляет собой отрицательную стоимость). Что же касается врачей, то они не всегда учитывают, что язык служит людям также и для того, чтобы лгать или же, в лучшем случае, передавать обманчивые ощущения. Итак, я в основном поправился (кстати, я ни разу не оставался в постели даже на полчаса дольше обычного и неизменно выходил на прогулку); температура понизилась и редко когда доходит до 37,2°...

А теперь несколько замечаний по поводу твоего письма от 28 августа, в котором ты вскользь касаешься моей работы об «итальянской интеллигенции». Ясно, что ты говорила с П., ибо некоторые вещи мог сказать тебе только он. Однако дело обстояло иначе. За десять лет журналистской работы я написал столько, что, если собрать все воедино, это составило бы 15 или 20 томов, страниц по 400 каждый; но писалось все это на злобу дня и на следующий же день теряло, по-моему, свою значимость. Я всегда отказывался от предложений об издании даже небольших сборников моих статей. В 1918 году профессор Космо просил моего разрешения отобрать кое-какие заметки из тех, что я ежедневно писал для одной туринской газеты; он хотел их опубликовать с очень благожелательным и весьма лестным для меня предисловием, но я не дал своего согласия. В ноябре 1920 года я поддался уговорам Джузеппе Преццолини и разрешил ему опубликовать в его издательстве сборник моих статей, которые действительно объединяло единство общего замысла, но в январе 1921 года я предпочел уплатить расходы по подготовке к печати этой частично уже набранной книги и забрал рукопись обратно. В 1924 году депутат Франко Чарлантини предложил мне написать книгу о движении «Ордине нуово»; он хотел, чтобы она вошла в выпускаемую им серию, в которой тогда уже вышли в свет книги Макдональда, Гомперса и других; он обязывался не менять в книге ни одной запятой и не снабжать ее никаким поле-

мическим предисловием или послесловием. Опубликовать свою книгу в фашистском издательстве на таких условиях было весьма заманчиво, но я также отказался.

Что касается П., то с ним дело обстояло иначе: каждая его работа по экономическим проблемам высоко оценивалась и вызывала длительные дискуссии на страницах научных журналов. Из статьи сенатора Эйнауди¹ я узнал о том, что П. готовит к печати издание сочинений английского экономиста Давида Рикардо, снабженное критическими комментариями. Эйнауди очень одобряет эту инициативу, и я тоже очень этому рад. Надеюсь, что, когда эта книга выйдет, я уже буду в состоянии свободно читать по-английски и смогу прочесть Рикардо в подлиннике. Исследование вопроса об интеллигенции, которым я занимался, очень обширно по своему замыслу, и я думаю, что в Италии нет, пожалуй, книг на эту тему. Имеется, конечно, большой и ценный материал, но он разбросан по страницам бесчисленных журналов или же хранится в местных исторических архивах. Кроме того, я очень расширяю понятие «интеллигенция», не ограничиваясь общепринятым понятием, которое подразумевает только выдающихся представителей интеллигенции.

Это исследование подводит также и к некоторым определениям понятия государства, которое обычно понимается как политическое общество (то есть как диктатура, или аппарат насилия, созданный для управления народными массами в соответствии с существующими в данный момент способом производства и экономикой), а не как система равновесия между политическим обществом и гражданским обществом (то есть гегемония определенной социальной группы над всем обществом, над всей нацией, осуществляемая при посредстве так называемых частных учреждений, как-то: церковь, профессиональные союзы, школы и т. д.). Именно в пределах гражданского общества и выступают особенно деятельно представители интеллигенции (Бенедетто Кроче, например, является чем-то вроде светского папы и прекрасным орудием осуществления гегемонии, даже если он время от времени и может оказаться в оппозиции к тому или иному правительству, и т. д.).

---

¹ Эйнауди, Луиджи (род. в 1874 г.) — известный итальянский экономист. Видный деятель либеральной партии. С 1948 по 1955 г. президент республики.— *Прим. ред.*

Исходя из этой концепции роли интеллигенции, можно, по-моему, объяснить причину, или одну из причин, падения средневековых коммун, то есть крушения власти определенного экономического класса, который не сумел создать собственную интеллигенцию и, следовательно, осуществлять не только диктатуру, но и гегемонию; итальянская интеллигенция была по своему характеру не народно-национальной, а космополитической, наподобие церкви; так, Леонардо не видел ничего зазорного в том, чтобы продать герцогу Валентино планы флорентийских укреплений. Коммуны, следовательно, были чем-то вроде синдикалистского государства, которому так и не удалось преодолеть эту фазу и стать интегральным государством, к чему тщетно призывал Маккиавелли. И действительно, Маккиавелли стремился путем организации армии обеспечить гегемонию города над деревней, поэтому его можно назвать первым итальянским якобинцем (вторым был Карло Каттанео¹, но он слишком увлекался химерами). Отсюда вытекает, что Возрождение должно рассматриваться как движение реакционное и репрессивное по сравнению с периодом развития коммун и т. д. Я коснулся этого вопроса, дабы ты поняла, что каждый период истории Италии, от Римской империи до Рисорджименто², надлежит рассматривать с этой научной точки зрения. Впрочем, если у меня будет желание и если я получу на то разрешение вышестоящих властей, я составлю проспект этой темы (он займет не менее 50 страниц) и pošлю его тебе; было бы очень хорошо, конечно, иметь под рукой книги, которые помогали бы мне в работе и побуждали бы меня думать. Хочу также в одном из ближайших моих писем кратко изложить тебе содержание небольшого исследования о десятой главе дантовского «Ада», чтобы ты передала его профессору Космо. Он, как специалист-дантолог, сможет сказать мне, сделал ли я лжеоткрытие или же наброски эти действительно заслуживают того, чтобы их разработать и внести, таким образом, небольшой вклад

---

¹ Каттанео, Карло (1801—1869) — крупный экономист, историк, видный деятель буржуазно-демократического крыла итальянского национально-освободительного движения XIX века. Один из руководителей народного восстания в Милане в 1848 году. — *Прим. ред.*

² Рисорджименто — борьба за национальную независимость и объединение Италии (XVIII—XIX вв.), завершившаяся созданием единого национального государства — *Прим. ред.*

в изучение Данте, приобщив эту скромную работу к миллионам других написанных доселе исследований.

Не думай, что я забросил работу или прихожу в уныние от того, что в какой-то определенный момент не имею возможности продолжать мои занятия. Я не потерял еще известного дара воображения в том смысле, что всякая прочитанная мною серьезная вещь вызывает у меня мысль: а как бы я написал об этом? Я мысленно представляю себе «шапку» и едкую концовку статьи, а также множество неопровержимых, с моей точки зрения, аргументов, бьющих «не в бровь, а в глаз»; вот так я и забавляюсь сам с собой. Я, конечно, не пишу всей этой чертовщины, ограничиваясь разработкой филологических и философских тем из тех, о которых Гейне написал: они были настолько скучны, что усыпили меня, но скука была такой невыносимой, что я должен был проснуться.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

ХС

Тюрьма в Тури, 13 сентября 1931 года

Дорогая Татьяна,

...меня крайне удивили некоторые высказывания, содержащиеся в одной из твоих открыток, — той самой, где ты рассказываешь о кинокартинах, которые ты видела, и особенно о фильме «Два мира». Ну как ты можешь думать, что эти два мира существуют? Такой образ мыслей под стать какому-нибудь черносотенцу, или американскому куклуксклановцу, или немцу — приверженцу свастики. И как об этом можешь говорить ты, именно ты, которая видела живой пример в родительском доме: разве между твоим отцом и матерью когда-нибудь существовала такого рода рознь и разве нет между ними и сейчас большой духовной близости?

Фильм этот, несомненно, австрийского происхождения, и порожден он послевоенными антисемитскими настроениями. В Вене я жил на квартире у одной старой, полной предрассудков австрийки из мелкобуржуазной среды, которая, прежде чем сдать мне комнату, спросила меня, еврей я или римский католик; существовала она тем, что сдавала две комнаты, спекулируя на том обстоятельстве, что в 1918 году, в течение краткого периода существования Советов, был издан закон, в силу которого

при внесении квартирной платы владельцу дома не принималась во внимание инфляция. Так, в то время как я платил ей три с половиной миллиона крон в месяц (то есть триста пятьдесят лир), дама эта платила хозяину дома максимум тысячу крон. Когда я собрался уезжать, один из секретарей посольства, жена которого должна была остаться в Вене в связи с болезнью сына, попросил меня закрепить за его женой комнату, в которой я жил. В тот же день я поговорил об этом с моей хозяйкой, и она дала свое согласие. На следующее утро, чуть свет, она постучала ко мне в комнату и сказала: «Вчера я забыла спросить вас, не еврейка ли моя будущая квартирантка. А то евреям я не сдаю». А новая квартирантка была как раз украинской еврейкой. Как тут быть? Я посоветовался по этому поводу с одним французом, который сказал мне, что есть только один выход из положения: сказать хозяйке, будто мне неудобно спросить новую квартирантку, еврейка ли она, но что мне известно зато, что она — секретарь посольства, ибо эти мелкие буржуа в такой же мере ненавидят евреев, в какой расшаркиваются перед дипломатами. Так оно и оказалось. Хозяйка выслушала меня и сказала: «Если она из дипломатических кругов, то я, конечно, сдам ей комнату, потому что у дипломатов не полагается спрашивать, евреи они или нет». И после этого ты еще станешь доказывать, что у тебя «общий мир» с этой венкой!

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

XCI

Тюрьма в Тури, 13 сентября 1931 года

Дорогая мама,

получил письма от Терезины и Грациэтты с несколькими строчками, приписанными тобой. Благодарю тебя, но если тебе стоит таких усилий писать, то диктуй лучше письма Грациэтте, или Мее, или Терезине и ставь только свою подпись. Таким образом, ты сможешь писать мне чаще. Отвечаю по порядку на оба письма. Терезине: что касается моих книг, то я сказал Карло, чтобы он не давал их читать посторонним, а позволял читать только близким, если они этого захотят. Таков мой принцип: я не хочу, чтобы мои книги служили развлечением людям, которые косвенно виновны в моем заключении. Терезине лично я по-

шлю в подарок один из самых прекрасных романов Льва Толстого — «Война и мир», в котором выведена очень симпатичная героиня по имени Наташа. Благодарю Франко за его доброе намерение стать летчиком, когда он вырастет, чтобы похитить меня и увезти к маме. Вполне возможно, что к тому времени, когда я выйду из тюрьмы (через 14 лет), в Италии действительно можно будет так же просто путешествовать на самолетах, как теперь на автомобилях; вот почему обещание Франко может оказаться куда более реальным и осуществимым, чем кажется; ему тогда будет 20 лет, а в 20 лет можно быть очень хорошим летчиком. Меня огорчает, что Мима обиделась на меня за то, что я не пообещал ей подарка; вы ведь могли сами ей что-нибудь пообещать и тем самым успокоить ее; это надо было сделать еще и потому, что нехорошо, когда между детьми возникает чувство зависти или ревности. Итак, обещаю подарок также и ей, и вы увидите, что обещание свое я сдержу, как только представится возможность. Им надо запастись терпением, а вы должны объяснить детям, что находиться в тюрьме — это как раз и означает не иметь возможности делать то, что хочешь и когда хочешь. Они, повидимому, думают, что я пребываю в некоем здании, схожем с башней в Гиларце; скажите им, что это не так, я нахожусь в очень большой камере, еще больших размеров, пожалуй, чем любая из комнат в нашем доме, только я не могу выходить из нее. Представь себе, дорогая мама (я, кажется, никогда тебе об этом не писал), что у меня железная кровать с металлической сеткой, один волосяной и один войлочный матрац, одна волосяная и одна войлочная подушка и есть у меня даже тумбочка. Не первосортная, правда, но все же удобная. То, о чем написала мне Грациэтта, меня чрезвычайно заинтересовало. Если малярия часто приводит к заболеванию туберкулезом, это значит, что население истощено. Мне хотелось бы, чтобы Грациэтта сообщила мне, чем питается в течение недели семья *Zoggonaderis*¹, семья *massaios a meitade*², семья мелкого собственника, обрабатывающего без наемной рабочей силы свой участок земли, семья пастуха, пасущего овец, которые отнимают у него все время, и, наконец, семья ремесленника (сапожника или кузнеца). Вопросы следующие:

¹ *Zoggonaderis* — поденщик (*сард.*).

² *Massaios a meitade* — польщик (*сард.*).

сколько раз в неделю они едят мясо и по сколько? Или они совсем его не едят? Из чего варят суп? Сколько растительного масла или жира кладут в него, сколько овощей, макаронных изделий и т. д.? Сколько зерна мелют или же сколько килограммов хлеба покупают? Сколько потребляют кофе или суррогата кофе? Сколько сахара? Сколько молока для детей? И т. д.

Дорогая мама, обнимаю всех, а тебя — очень, очень крепко.

Антонио.

ХСII

Тюрьма в Тури, 21 сентября 1931 года

Дорогая Таня,

...а теперь попытаюсь изложить тебе вкратце пресловутую схему: Кавальканте¹ и Фарината.

1. Де Санктис в своем исследовании о Фаринате отмечает, что для десятой песни дантовского «Ада» характерна резкость переходов; это видно из того, что Фарината, изображенный в первой части эпизода в героическом плане, в последней его части предстает пред нами просто как наставник, то есть, выражаясь языком Кроче, Фарината перестает быть поэзией и становится структурой. Десятая песня считается, по традиции, песней Фаринаты, поэтому замечание Де Санктиса о резкости переходов всегда казалось справедливым. Я же утверждаю, что в десятой песне показаны две драмы: не только драма Фаринаты, но и драма Кавальканте.

2. Удивительно, что текстологи, столь тщательно и скрупулезно исследовавшие творчество Данте, так и не заметили, что из всех эпикурейцев, находящихся в пылающих гробницах, именно Кавальканте подвергнут подлинному наказанию; я хочу сказать, что он наказан непосредственно и лично и что Фарината тоже имеет к этому прямое отношение, хотя он и на сей раз «с презрением небо озирает». Закон возмездия, сказывающийся на Кавальканте и Фаринате, таков: за то, что они возымели желание заглянуть в будущее, они на какое-то время лишаются (теоретически) возможности знать то, что совершается на земле, то есть они живут в конусе тьмы, из центра которого они видят за одним, определенным пределом —

¹ Кавальканте Кавальканти — один из руководителей гвельфов, отец друга Данте — Гвидо, философа и поэта.— *Прим. ред.*

прошлое, и за другим — будущее. В момент появления Данте положение Кавальканте и Фаринаты таково: они видят Гвидо в прошлом живым, а в будущем — мертвым. А в данный момент жив или мертв Гвидо? Разумеется, между Кавальканте и Фаринатой есть различия. Когда Фарината слышит флорентийскую речь, в нем сразу пробуждается человек партии, герой гибеллинов; между тем Кавальканте думает лишь о Гвидо и, услышав флорентийскую речь, поднимается, чтоб узнать, жив ли Гвидо или его уже нет в живых в настоящий момент (они могут все это узнать от вновь прибывших). Трагедия Кавальканте разворачивается в предельно короткий срок, но достигает невероятной напряженности. Он сразу же спрашивает о Гвидо в надежде, что Гвидо здесь, с Данте, но услышав из уст поэта, который не узнал точно, в чем заключается наказание, слово «чтил», то есть глагол в прошедшем времени, он издал душераздирающий крик и «рухнул навзничь и исчез из глаз».

3. Подобно тому как в первой части эпизода «неуважение Гвидо» стало главным объектом изысканий всевозможных «специалистов», фабрикующих гипотезы и толкования, так и во второй части их внимание оказалось прикованным к предсказанию Фаринаты об изгнании Данте. Мне же представляется, что значение второй части эпизода заключается главным образом в том, что она проливает яркий свет на драму Кавальканте и содержит все необходимые элементы для того, чтобы читатель мог пережить ее. Значит ли это, что в данном случае поэзия Данте — это поэзия невыразимого, невысказанного? Не думаю. Данте не отказывается от непосредственного изображения драмы, ибо именно таков его художественный метод. Речь идет об определенном «способе выражения», а «способы выражения» могут, по моему, меняться во времени точно так же, как меняется и сам язык. (Только Бертони может считать себя последователем Кроче на том лишь основании, что, вытащив на свет старую теорию «красивых» и «грубых» слов, он выдает ее за некое лингвистическое новшество, вытекающее, мол, из «Эстетики» Кроче.)

В 1912 году, помню, когда я слушал курс лекций профессора Тоэска по истории искусств, я познакомился с репродукцией одной помпейской фрески, изображающей Медею в момент умерщвления детей, рожденных ею от

Язона. Она изображена с завязанными глазами, и профессор Тоэска, мне помнится, говорил, что таков был изобразительный прием античных мастеров и что Лессинг в «Лаокооне» отнюдь не считал это каким-то ухищрением, продиктованным бессилием художника (я привожу по памяти содержавшуюся в лекциях мысль), а, напротив, видел в этом наилучший способ изображения безграничного горя матери, которое, если его выразить пластически, нашло свое воплощение в искаженном страданием лице. Впрочем, и слова Уголино¹ «но злей, чем горе, год был недугом» свидетельствуют об использовании все того же художественного приема, и народ воспринимает это как своего рода покрывало, которое поэт набросил на отца, пожирающего сына. Мы не найдем ничего общего между этими средствами выражения Данте и средствами выражения, скажем, Мандзони. Когда Ренцо, попытавшийся перейти границу Венецианской области, думает о Лючии², Мандзони пишет: «Мы не станем описывать, что он чувствовал в тот момент: читатель знаком с обстоятельствами — пусть он сам себе это представит». Но ведь Мандзони уже успел заявить, что для продолжения нашего достопочтенного человеческого рода любви в мире более чем достаточно, и вовсе нет надобности говорить о ней еще в книгах. И Мандзони действительно избегал изображения любви по соображениям практического и идейного порядка.

Впрочем, о том, что рассуждения Фаринаты в песне теснейшим образом связаны с драмой Кавальканте, говорит сам Данте в заключительных словах: «Поведайте упавшему тому, что сын его еще среди живущих». (То же относится и к сыну Фаринаты, но Фарината, целиком поглощенный партийной борьбой, не проявил никаких признаков волнения при вести, явствовавшей из слова «чтил», что Гвидо умер; Кавальканте же был наиболее тяжело наказан, для него «чтил» означало конец мучительному сомнению: жив ли в данный момент Гвидо или нет.)

4. Мне думается, что такое толкование подрывает в корне тезис Кроче о поэзии и структуре «Божественной

¹ Уголино дела Герардеска — глава Лизанской республики. В результате распрей внутри республики был заключен вместе с сыновьями и внуками в тюрьму, где и погиб от голода в 1295 году, см. XXXIII песнь «Ада» Данте. — *Прим. ред.*

² Ренцо и Лючия — персонажи из романа Мандзони «Обрученные». — *Прим. ред.*

комедии». Ведь без структуры не было б и поэзии; следовательно, и структура есть в определенном смысле поэзия. Все это связано и с другим вопросом, а именно: какое значение в художественном отношении имеет пояснительный текст автора в произведениях драматургии.

Вопрос этот приобретает особую остроту в связи с тем, что в сценическое искусство за последнее время привнесены разного рода новшества и режиссеру отводится все более значительная роль в постановке пьесы. Драматург как бы ведет борьбу с актерами и режиссером спектакля посредством ремарок, позволяющих ему дать более четкую характеристику действующих лиц; автор хочет, чтобы его построение пьесы было сохранено в спектакле и чтобы интерпретация ее актерами и режиссером, которые переводят ее с языка одного вида искусства на язык другого, выступая вместе с тем и в роли критиков, полностью соответствовала его замыслу. К своей пьесе «Дон Жуан» Бернард Шоу, например, прилагает даже некое «руководство», написанное от лица главного героя, Джона Таннера, дабы таким образом яснее раскрыть образ героя и обязать актера к более точному воплощению на сцене авторского замысла. Пьеса без авторских пояснений — это скорее лирика, нежели изображение живых людей в драматическом столкновении; авторские пояснения заменили отчасти прежние монологи и т. д. Если произведение искусства создается в театре в результате сотрудничества драматурга и актеров, которым режиссер дает единое эстетическое направление, то пояснительный текст автора играет в этом творческом процессе существенную роль, ибо он ограничивает возможность произвольной трактовки пьесы как актерами, так и режиссером. Вся структура «Божественной комедии» имеет именно это высокое назначение, и если правомерно делать соответствующее различие, то надо быть очень осторожным в каждом отдельном случае.

Я написал это все в один присест, имея под рукой лишь портативное издание Данте, которое выпущено Хепли. Есть у меня исследования Де Санктиса и «Данте» Кроче. Я прочел в одном из номеров «Леонардо» за 1928 год часть работы Луиджи Руссо, опубликованной в журнале, издаваемом Барби¹; в этой работе (точнее, в той ее части,

---

¹ Барби, Микеле — итальянский исследователь творчества Данте. Грамши был весьма невысокого мнения о работах Барби.— *Прим. ред.*

что я прочел) автор касается концепции Кроче. Есть у меня и номер журнала «Критика» с ответом Кроче. Но эту статью я уже давно не просматривал (то есть я прочел ее еще до того, как у меня родилась идея, которая легла в основу этой схемы), ибо журнал покоится на дне ящика, а ящик — на тюремном складе. Профессор Космо, разумеется, мог бы сказать мне, не является ли все это новым «открытием Америки» или в этой схеме есть что-либо интересное, что можно было бы развить в небольшой заметке, хотя бы для того, чтобы убить время.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

ХСІІІ

Тюрьма в Тури, 28 сентября 1931 года

Дорогая Татьяна,

...мне неприятно, что ты до сих пор не написала мне о своем отношении к еврейскому вопросу и к «двум мирам», и неприятно, что подобная чушь могла взбрести тебе в голову, тем более, что в Италии давно уже не существует антисемитизма. Евреи могут стать министрами (и даже председателями совета министров, как Луццатти) и генералами в армии; браков между евреями и христианами насчитывается множество, особенно в больших городах, и заключаются эти браки не только между людьми из народа, но и между барышнями из аристократической среды и евреями-интеллигентами. Чем, спрашивается, итальянский еврей (за исключением незначительного меньшинства — раввинов и старых набожных «бородачей») отличается от любого итальянца той же классовой принадлежности? Он куда в большей мере отличается от польского или галицийского еврея той же классовой принадлежности. Известная доля антисемитизма, носившего политический характер, была проявлена в отношении Теплица, директора Банка Коммерциале, а в 1919 году в Милане начал выходить журнал «Ривиста ди Милано», столь же антисемитский, сколь и мало популярный. Я припоминаю итальянскую (или французскую) поговорку: «Поскребите русского, и вы обнаружите казака»; а для многих казаков было непреложной истиной, что у евреев есть хвост.

Что же касается плана дантологического исследования, то он, я думаю, будет тебе мало интересен, тем более, что

этот план очень схематичен, и ты, пожалуй, не разберешься в некоторых ссылках на книги специалистов.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

XCIV

Тюрьма в Тури, 28 сентября 1931 года

Дорогой Карло,

получил твое письмо от 12 сентября. Пусть тебя не удивляет, что я не ответил тебе на прошлой неделе: ведь мне приходится писать моим корреспондентам по очереди. Обе книги, о которых ты пишешь, стоит купить; я с ними знаком и хочу указать тебе на их недостатки как внутренне-го, так и внешнего порядка. «История Рима», если не ошибаюсь, написана не только Гартманом, но и Кромайером. Это хорошая книга, хотя она несколько устарела и переведена левой ногой (по крайней мере первое издание). Другой существенный недостаток ее заключается в том, что она начинается лишь с того периода, о котором сохранились документальные материалы, и ничего не говорится о первых веках, именуемых «легендарными». Новейшая историография не столь строга и придирчива в отношении документальных данных; впрочем, еще Гёте писал, что следует преподавать всю историю Рима, включая и «легендарные» века, ибо люди, выдумавшие эти легенды, были достойны того, чтобы о них знали хотя бы по вымышленным легендам. Но вся суть в том, что многие легенды — как это было доказано в последнее время — оказались отнюдь не легендами, а заключали в себе, как о том свидетельствуют последние археологические открытия и обнаруженные эпитафические материалы, известное зерно истины. Книга Уэллса также очень плохо переведена, хотя «Латерца» и пользуется славой серьезного издательства. Интересна же она тем, что автор стремится разбить укоренившуюся общепринятую точку зрения, согласно которой ареной истории была одна лишь Европа, особенно в древние времена; Уэллс говорит о древней истории Китая, Индии, об истории монголов в средние века в том же тоне, в каком он говорит о европейской истории. Он доказывает, что с точки зрения всемирной истории Европа не должна более рассматриваться как некая провинция, почитающая себя единственной хранительницей

мировой цивилизации. Другим нововведением Уэллса, которое мне нравится меньше, является то, как он освещает историю земли до появления человека; искаженно освещается также и история католической церкви, ее влияние на развитие цивилизации; чувствуется, что Уэллс выступает здесь как антипапист, приверженец англиканской церкви, а не как беспристрастный ученый.

...Что касается изучения иностранных языков, к которому ты собираешься приступить, то я советую тебе не очень углубляться в дебри грамматики, а, читая, больше заглядывать в словарь. Освоение грамматики должно, по моему, сопутствовать переводу, а не предшествовать ему. Многие начинают с изучения грамматики и так «увязают» в ней, что не могут потом выкарабкаться, как бы они ни утруждали свою память. Должен кончать. Обнимаю тебя.

Пиши домой.

Антонио.

ХСV

Тюрьма в Тури, 5 октября 1931 года

Дорогая Таня,

...хотя ты частично изменила свою точку зрения на вопрос о так называемых «двух мирах», это нисколько не умаляет ошибочности этой точки зрения и не опровергает моего утверждения, что речь идет об идеологии, которая, в какой-то мере, сродни идеологии черносотенцев и т. д. Я прекрасно понимаю, что ты не стала бы участвовать в каком-нибудь погроме¹; однако погромы возможны лишь там, где широко распространена теория взаимной непроницаемости этих «двух миров», расовой идеологии и т. д. Это порождает ту самую атмосферу, которую и используют черносотенцы, когда в нужный момент при их содействии вдруг обнаруживается зарезанный мальчик и евреи обвиняются в том, что они убили его для свершения своего ритуального жертвоприношения. Обстоятельства, при которых вспыхнула мировая война, показали, как господствующие классы и группы умеют использовать такого рода умонастроения (внешне безобидные) для создания определенного общественного мнения. Но в отношении тебя все это мне кажется настолько невероятным, что, если бы я не попытался окончательно вывести тебя из

¹ Русское слово написано латинскими буквами.— *Прим. перев.*

заблуждения, я считал бы, что не люблю тебя. Что ты подразумеваешь под выражением «два мира»? Идет ли речь о каких-то двух материках, которые не могут сблизиться и войти в контакт между собой? Если же ты не это хотела сказать, а использовала это выражение как метафору, то в таком случае оно мало что значит, ибо в метафорическом плане «миры» имеют множество значений, вплоть до такого, например, значения, которое мы встречаем в крестьянской поговорке: «Жен и быков надо выбирать из своей деревни». Спрашивается: скольким обществам принадлежит индивидуум? И разве каждый из нас не прилагает непрестанно усилия, чтобы придать цельность и однородность своему мировоззрению, в котором все еще продолжают существовать разнородные остатки отживших цивилизованных миров? И разве не происходит общий исторический процесс, который ведет к постепенной унификации всего человеческого рода? Вот и мы с тобой, например, когда мы пишем друг другу, разве не обнаруживается, что между нами возникают все время какие-то трения, и в то же время разве мы не пытаемся — и не без успеха — прийти к согласию по некоторым вопросам? Ну, а разве каждая в отдельности группа, или партия, или секта, или религия не стремится к созданию своего собственного «конформизма» (не в сектантском и пассивном смысле, конечно). В разбираемом нами вопросе важно то, что евреи были избавлены от гетто лишь в 1848 году и что, пребывая в гетто, они были в той или иной форме изолированы от европейского общества в течение почти что двух тысячелетий, причем отнюдь не по своей воле, а в результате насилия извне. Начиная же с 1848 года процесс ассимиляции в западных странах проходил такими быстрыми темпами и зашел так глубоко, что это дает основание думать, будто только насильственная сегрегация помешала полной ассимиляции евреев в различных странах; ассимиляция произошла бы, если бы христианская религия, которая вплоть до французской революции являлась единственной «государственной культурой», не требовала бы сегрегации тех евреев, которые не желали отказываться от своей веры (это было тогда, ныне же дело обстоит иначе, ибо от еврейства они переходят к чистому деизму или прямо к атеизму). Следует отметить, во всяком случае, что многие черты, которые считают присущими еврейской расе, возникли фактически

как следствие жизни евреев в гетто, жизни, которая в различных странах протекала по-разному; этим и объясняется, например, то, что английский еврей не имеет почти ничего общего с евреем из Галиции. Ганди представляет как будто бы ныне идеологию индусов. Однако индусы низвели до уровня парий дравидов, населявших в древние времена Индию, индусы были воинственным народом и лишь после нашествия монголов и завоевания Индии Англией они смогли выдвинуть такого человека, как Ганди. У евреев на протяжении двух тысяч лет не было ни своей государственной территории, ни общности языка, ни культурной общности, ни общности экономической жизни; как же, спрашивается, им может быть свойственна агрессивность? Но ведь и арабы — семиты, кровные братья евреев, и в их истории был период агрессий, когда они пытались создать мировую империю. Ну, а поскольку евреи бывают банкирами и владеют крупным финансовым капиталом, то как можно говорить, что они не участвуют в агрессивных действиях империалистических государств? Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

ХСVI

Тюрьма в Тури, 12 октября 1931 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 10 октября, которая ни в коей мере не ослабила впечатления, произведенного твоим письмом от 2-го. Это письмо было не резким, а оскорбительным для меня. Что означают твои слова, будто я играю с тобой в «жмурки» и пытаюсь «загнать тебя в угол»? Мне следовало бы ответить тебе в очень резком тоне, однако я думаю, что нам лучше избегать в дальнейшем каких бы то ни было повторений подобных неприятных, чтобы не сказать сильнее, инцидентов. А твой намек на то, что я, мол, бывший журналист, является (применяя пышную терминологию) не более, как «imbelle telum sine ictu»¹. Я никогда не принадлежал к той категории профессиональных журналистов, которые продают свое перо тому, кто больше платит, и которые должны постоянно лгать, ибо ложь неотделима от их профессии. Я был предельно свободным журналистом, никогда не изменявшим

¹ «Imbelle telum sine ictu» (лат.) — «удар, бьющий мимо цели» — строка из «Энеиды» Вергилия. — *Прим. ред.*

своей точке зрения, и мне никогда не приходилось скрывать свои подлинные убеждения, дабы угодить тому или иному патрону или чьим то сподручным. Тебе, как ты пишешь, не понравилось, что в моем письме говорится о том, что ты частично изменила свою точку зрения на еврейский вопрос. Ты права в том смысле, что ты ничего, в сущности, не изменила, ибо в твоей концепции всего понемногу и в каждом письме выявлялось то одно, то другое. Вначале ты высказывала точку зрения, которая вела прямо к антисемитизму; затем встала на позицию, которая под стать еврейским националистам и сионистам, и наконец — такую точку зрения, которую могли бы разделить престарелые раввины, противившиеся уничтожению гетто, ибо они считали, что если эти изолированные территориальные общины перестанут существовать, то произойдет вырождение «расы» и ослабление тех религиозных устоев, которые позволяли ей сохранять свой, особый характер.

Я, конечно, неправильно сделал, вступив с тобой в дискуссию; было бы куда лучше свести все к шутке и противопоставить всем твоим утверждениям теорию о «флегме» англичан, «пылкости» французов, «аккуратности» немцев, «гордости» испанцев, «комбинаторском духе» итальянцев и, наконец, об «обаянии» славян — иначе говоря, все то, что усердно используется при сочинении дешевых романов и при создании фильмов, рассчитанных на широкого зрителя. Или же я мог бы поставить тебе вопрос: что такое «подлинный» еврей или «еврей вообще» или даже человек «вообще»; подобных экспонатов ты не найдешь, думается, ни в одном антропологическом или социологическом музее. Ну, а что означает ныне для евреев их концепция бога как «бога войны» и весь этот лексикон из Библии о «народе-избраннике» и о миссии еврейского народа, напоминающий лексикон, которым пользовался Вильгельм II перед войной? Маркс писал, что еврейский вопрос перестал существовать с тех пор, как христиане стали все евреями, ассимилировав то, что составляло *сущность* еврейства, — торгашество, иначе говоря, что еврейский вопрос будет решен тогда, когда произойдет эмансипация Европы от торгашества, то есть от *еврейства* во всех его проявлениях¹. По-моему, это единственно

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 1, стр. 408.—
Прим. ред.

правильная постановка вопроса в целом, не считая, разумеется, признания права за еврейскими общинами на культурную автономию (языка, школ и т. д.), а также на национальную автономию в том случае, если какой-либо еврейской общине удалось бы при тех или иных обстоятельствах поселиться на определенной территории.

Все же остальное — как например проблема «расы», трактуемая в каком-либо ином, выходящем за рамки чистой антропологии смысле, — представляется мне мистикой дурного пошиба, пригодной для сионистски настроенной мелкой еврейской интеллигенции. Уже во времена Христа евреи не говорили на родном языке, который сохранился лишь как язык богослужений, а говорили на арамейском языке. Если «раса» забыла свой родной язык, это значит, что она утратила большую часть наследия своего прошлого и своего первоначального мироощущения и ассимилировала (вместе с языком) культуру народа-завоевателя. Что же остается в таком случае от понятия «раса»? Тут речь идет, несомненно, о некой новой, современной общности, на которой лежит косвенный или просто отрицательный отпечаток гетто и у которой в условиях новой социальной действительности появилась новая «природа».

Меня удивляет, что ты не пользуешься историческим критерием при рассмотрении вопроса в целом, а от меня между тем требуешь исторического объяснения того факта, что какие-то группы казаков верили, будто у евреев имеется хвост. Мне рассказал об этом один еврей, который во время русско-польской войны 1920 года был политкомиссаром ударной дивизии, состоявшей из оренбургских казаков. На родине этих казаков не было евреев, и они представляли их себе так, как им преподносили это официальная пропаганда и церковь: чудовищами, которые убили Бога. Они не хотели верить, что их политкомиссар еврей. «Ты же из наших, — говорили они ему, — ты не еврей, ты весь в шрамах от ран, нанесенных тебе польскими клинками, ты сражаешься вместе с нами; еврей — совсем другие». И в Сардинии еврей воспринимается по-разному; так, там существует слово «arbec», означающее уродливое и злое сказочное чудовище; существует слово «иудей», то есть тот, кто убил Иисуса Христа; но иудеи делят на хороших и плохих, ибо благочестивый Никодим помог ведь Марии снять сына с креста. Однако для сардинца слово «иудей» не ассоциируется с настоящим временем; если ему говорят, что такой-то и есть иудей, он

спрашивает, похож ли он на Никодима; вообще же он считает, что это слово означает «дурной христианин», вроде тех, что хотели смерти Христа. И существует еще термин «таггапи», происходящий от слова «таггапо» («вероломный»), которое присваивалось в Испании евреям, притворявшимся, будто они обратились в католическую веру; на сардинском языке «таггапи» равнозначно бранному слову. В отличие от казаков сардинцы, которые не подверглись воздействию пропаганды, не делают различия между евреями и прочими людьми. Итак, вопрос этот я считаю исчерпанным, во всяком случае что касается меня, и больше не дам втянуть себя ни в какие споры. Расовая проблема интересует меня лишь в рамках антропологии и изучения доисторической эпохи.

(Ты ошибаешься, когда пишешь об особенном значении гробниц для изучения истории цивилизации, это верно лишь в отношении самых давних эпох, поскольку гробницы являются единственным памятником, не разрушенным временем, и поскольку в них рядом с умершим клали предметы домашнего обихода. И все же такие гробницы дают нам весьма ограниченное представление о той эпохе, когда они были сооружены: мы узнаем лишь о тогдашних обычаях и частично о религиозных обрядах. К тому же эти гробницы имеют отношение к высшим богатым классам общества, зачастую к иноземным порабощенным странам, но не к народу.)

Что касается меня, то я не принадлежу ни к какой «расе»; предки моего отца — родом из Албании (они бежали из Эпира не то после, не то во время войны 1821 года и очень быстро италянизировались); бабушка моя была гонзалеской (она происходила из какой-то итало-испанской семьи, жившей в Южной Италии, одной из многочисленных семей, которые остались в этих краях после того, как испанскому владычеству был положен конец); моя мать — сардинского происхождения по отцу и матери, а Сардиния была присоединена к Пьемонту лишь в 1847 году, после того как долгое время являлась личной и наследственной собственностью пьемонтских князей, получивших ее в обмен на Сицилию, которая была расположена слишком далеко и которую труднее было защищать. Тем не менее культура моя в основе своей итальянская, и таков мой мир; я никогда не замечал, чтобы я разрывался между двумя мирами, хотя имен-

но так и было сказано на страницах «Джорнале д'Ита-
лия» в марте 1920 года; помню, статья в две колонки
объясняла мою политическую деятельность в Турине, кро-
ме всего прочего, тем, что я — сардинец, а не пьемонтец
или сицилиец и т. д. О моем албанском происхождении
умолчали, ибо и Криспи¹ ведь был албанцем, получив-
шим образование в албанском колледже, и говорил на
албанском языке. Впрочем, в Италии все эти проблемы
никогда не всплывали, и никто в Лигурии, например, не
приходит в ужас, если какой-нибудь моряк привозит в
свою деревню жену негритянку. Никто и не помышляет
потрогать ее наслонявленным пальцем, дабы проверить,
не сойдет ли с нее черная краска, так же как никто не
верит, что простыни, на которых она спит, окрашиваются
в черный цвет.

Нежно тебя целую.

Антонио.

ХСVII

Тюрьма в Тури, 19 октября 1931 года

Дорогая Таня,

...следующее письмо я хотел бы по возможности целиком
посвятить Юлии; тебе, если понадобится, я напишу коро-
тенькую записочку. Поэтому не задавай мне сложных во-
просов. Я прочел в «Критике» Кроче, что де Руджеро
очень хвалит книгу Сальвадора де Мадариага «Англи-
чане, французы, испанцы» («Anglais, Français, Espa-
gnols»), изданную «Нувелль ревью франсез». Мадариага —
один из испанских должностных лиц в Лиге Наций, в те-
чение некоторого времени преподавал в одном из англий-
ских университетов. Таким образом, он по всем призна-
кам должен быть весьма компетентен в таком вопросе,
как определение отличительных свойств, присущих трем
народам, не впадая при этом в обычную для подобного
рода работ предвзятость. Почему бы тебе не прочесть этой
книги и не послать ее затем мне? Ты доставила бы мне
удовольствие. В данном случае я руководствуюсь не толь-
ко положительным отзывом де Руджеро, ибо и у де Ру-

---

¹ Криспи, Франческо (1819—1901)—итальянский государствен-
ный деятель. В 1887—1891 и 1893—1896 годах занимал пост премьер-
министра. Жестоко подавлял рабочее и крестьянское движение.
Вдохновитель колониальной экспансии итальянской буржуазии.—
Прим. ред.

джеро ведь есть тенденция воспринимать человечество как совокупность национальных групп интеллигенции; однако, исходя даже из этой точки зрения (если ее критически осмыслить), книга представляет интерес главным образом в той части, которая касается французов и англичан. В меньшей мере в части, касающейся испанцев, ибо Мадариага — испанец (хотя и умный испанец), а Вико¹ в одной из своих «непреложных истин» (или аксиом), изложенных в «Новой науке», пишет, что «национальная спесь» является одним из самых серьезных препятствий, мешающих правильному освещению истории. Во времена Криспи один французский публицист (если не ошибаюсь, фамилия его Балле) написал книгу «Италия видимая и Италия невидимая» (Ballet, «L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas»). Так можно было бы озаглавить книгу о национальных чертах; то, что обычно видно,— это интеллигенция, а то, что не видно,— это главным образом крестьяне, которые, составляя большинство населения, как раз и являются самой «нацией», даже если они не играют почти никакой роли в управлении государством и даже если интеллигенция не считается с ними (лишь та или иная живописная черта вызывает ее интерес). Так вот и возникают потом такие явления, как «великий страх», которым, к примеру, была объята Франция в 1789—1790 годах, когда восстали крестьяне; они действуют как таинственная, неведомая сила, как стихийная сила природы и порождают такой же панический страх, как и землетрясение или циклоны.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

ХСVIII

Тюрьма в Туре, 19 октября 1931 года.

Дорогая мама,

получил твое письмо от 14-го и очень обрадовался, узнав, что ты окрепла и собираешься отправиться хотя бы на день на праздник св. Серафино. Как мне нравилась в детстве долина реки Тирсо у Сан-Серафино! Часами, как зачарованный, сидел я на скале, восхищаясь своеобразным озером, которое после сооружения nesserzu² образо-

¹ Вико, Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский философ, социолог, юрист. Автор «Основания новой науки об общей природе наций» (1725).— *Прим. ред.*

² Nesserzu — небольшая запруда (*сард.*).

вала река напротив самой церкви, и с любопытством глядел на водяных курочек, выплывавших из прибрежных камышей на середину реки, на выскакивавших из воды рыб, которые охотились за комарами. Теперь, пожалуй, все там изменилось, если начали строить проектировавшуюся плотину, которая должна была собрать воды Флуминеду. Помню, однажды я увидел большую змею, которая скрылась под водой и вскоре выползла с большим угрем во рту; я убил змею и отнял у нее угря, которого пришлось потом выбросить, так как я не знал, как доставить его до muristene¹; он одеревенел, стал как палка, и от него на руках оставался ужасный запах.

Ну как тебе могло прийти в голову, что я плохо себя чувствую и скрываю это от тебя? Конечно, я не могу прыгать на одной ножке, но порой я сам удивляюсь силе своей сопротивляемости. У меня выпали все зубы, и я не могу разжевывать пищу, поэтому я вынужден есть одно и не есть другого. Очень досадно, ибо скоро будут продавать молодую баранину, которую я так люблю, а я не смогу ее отведать.

Я не помню Марию Порку, хотя, казалось бы, должен был ее знать, раз она прожила девяносто семь лет. Напиши мне как-нибудь о семье тети Маргариты: что стало с Джованнино, с Иньяцио, с Наталиной и еще с одним членом семьи, имя которого я сейчас не помню. Дети Джованнино, должно быть, уже довольно большие сейчас. А как поживает Неннетта Куба и др.? Тебе следовало бы как-нибудь написать мне о всех моих старых знакомых. Помнишь старшего сына мясника Таниелле «su re»²? Однажды я случайно встретился с ним в Милане, в кафе; его уволили тогда из газеты Фариначчи³, выходившей в Кремоне (я, право, не знаю, что он мог делать в газете, ибо выражение лица у него было такое же глупое и тупое, как и в детстве), и он очень униженно разговаривал со мной, прося устроить его на какую-нибудь работу в газету моей партии. Мне показалось, что ему и материально весьма туго, но меня рассмешила нелепость его просьбы.

Жду письма, которое мне пообещала Терезина.

Целую всех, особенно детей, а тебя, дорогая мама, обнимаю с особой нежностью.

Антонио.

¹ Muristene — лавочник (*sard.*).

² Su re — король (*sard.*).

³ Фариначчи — один из главарей итальянского фашистского движения. — *Прим. ред.*

Тюрьма в Тури, 2 ноября 1931 года

Дорогая Таня,

...я все забываю написать тебе относительно составленного Умберто¹ прошения о пересмотре дела, которое я в свое время получил и с которым досконально ознакомился. Все те основания для апелляции, которые я считал нужным использовать, были, я вижу, известны и Умберто, и он изложил их в прошении. Один аргумент, однако, не был использован им в должной мере (хотя аргумент этот и был ему известен, ибо я сам ему подсказал его после вынесения приговора). Быть может, я смогу сделать это сам, если только мне удастся получить через адвоката (не знаю только, кто из адвокатов занимается этим делом) точные сведения для составления документа, который будет приложен к прошению. Речь идет вот о чем: в качестве одного из главных пунктов обвинения, выдвинутого против предполагаемых членов Центрального Комитета коммунистической партии (то есть обвинения в попытках поднять вооруженное восстание в 1926 году якобы во исполнение решений, принятых на съезде в Лионе), фигурировала брошюра под названием «Общее руководство по ведению гражданской войны» («Regolamento universale della guerra civile»). Умберто справедливо напоминает, что статья эта была в свое время полностью напечатана в журнале «Политика», издававшемся под руководством самого министра юстиции академика Франческо Коппола, и утверждает, что инкриминируемая нам брошюра представляет собой не что иное, как дословно перепечатанный текст упомянутой статьи. Поскольку я никогда не видел этой брошюры, я не знаю, идет ли действительно речь о такого рода перепечатке, да это, впрочем, и не имеет значения, ибо истину можно установить точным и неопровержимым образом. Статья «Общее руководство по ведению гражданской войны» была опубликована во французском журнале «Ревю де Пари» в конце 1925 или в начале 1926 года, то есть еще до того, как она появилась в итальянском журнале «Политика». Однако «Ревю де Пари» опубликовала не только эту статью: в 1926 году, не помню в каком номере, была напечатана редакционная статья (то ли со звездочками вместо подписи, то ли вооб-

¹ Умберто Террачини.

це без подписи), озаглавленная «Гражданская война и большевизм» («La guerre civile et le bolchevisme», на обложке журнала она именовалась «La guerre et le bolchevisme», это я твердо помню); в ней суть вопроса излагалась следующим образом: «Общее руководство... и т. д.» представляет собой обыкновенную статью, взятую из журнала «Военная мысль»¹, отнюдь не носящую официального характера и не являющуюся обязательной для коммунистических партий. Более того, статья эта подверглась резкой критике со стороны целого ряда русских военных специалистов, которые указывали на ее буквоедский, абстрактный, академический характер и т. д. и т. п. Вторая статья, опубликованная «Ревю де Пари», в которой подводились итоги этой дискуссии, как раз и является явным доказательством того, что ни одна коммунистическая партия, а тем более итальянская, не могла распространять эту статью и обязать своих членов принять ее к непосредственному руководству. Таким образом, брошюра, вышедшая на итальянском языке, не может рассматриваться как партийный документ, ответственность за который надлежит нести членам Центрального Комитета; последние, я полагаю, должны были быть в курсе данного вопроса и не могли, конечно, принять всерьез такого рода статью, а расценивали ее выход в свет как дело рук безответственных лиц, опубликовавших ее по своей собственной инициативе. Что же касается лично меня, то существует одно печатное издание — номер «Боллеттино дель Партиито Комуниста», вышедший в начале 1926 года, во второй части которого вкратце изложен, и, по правде сказать, довольно плохо, мой доклад в политической комиссии на Лионском съезде. Выступая с отчетом от имени Центрального Комитета, я категорически заявлял, что в Италии сложилась такая ситуация, при которой необходимо было проводить «организационно-политическую» работу, а отнюдь не заниматься подготовкой к восстанию. Это заявление было предложено съезду одобрить в качестве директивы (она и была принята). Указанный номер «Боллеттино» не фигурировал на процессе, но полагаю, что он должен находиться в деле.

Ты могла бы, я считаю, ознакомить того адвоката, который составлял прошение, с изложенными мною сообра-

---

¹ Имеется в виду журнал «Военная мысль и революция», выходящий в то время в СССР.— *Прим. ред.*

жениями и узнать его мнение. Я понимаю, конечно, что и мое прошение, если я напишу его, скорее всего ничего не изменит, однако не мешает все же, чтобы оно было приложено к делу. Номера «Ревю де Пари», содержащие упомянутый материал, можно легко найти в любой библиотеке, которая получает этот журнал. Впрочем, адвокат мог бы использовать эти материалы для того, чтобы дать ход прошению, составленному самим Умберто, ибо лучше, пожалуй, чтобы один человек занимался всем тем, что связано с пересмотром дела.

...Что касается еврейского вопроса, то, если это интересует тебя и у тебя есть желание подойти к этому вопросу с научной точки зрения, могу указать две недавно вышедшие работы, о которых упоминается в одном журнале: это два доклада, прочитанные на недавно состоявшемся в Риме международном конгрессе, посвященном изучению проблемы народонаселения. Доклады эти вышли отдельными брошюрами; одна из них, написанная профессором Ливии Ливи, касается евреев вообще, другая, написанная профессором Р. Баки, — итальянских евреев. Мне кажется, что обе работы, судя по рецензиям, весьма интересны и поучительны. По мнению Баки, в Италии только в Риме сохранилось относительно компактное ядро еврейского населения; во всех остальных частях страны евреи все больше и больше растворяются в окружающей их среде и ассимилируются ею. В мировом же масштабе наиболее компактное ядро еврейского населения находится в Восточной Европе; вокруг него группируются другие еврейские общины, которые ассимилируются окружающей их средой, и т. д. В Риме, где гетто просуществовало вплоть до 1870 года и где Ватикан продолжает проводить традиционную политику дискриминации, а также в аграрных районах Восточной Европы сегрегация евреев, хотя и без гетто, фактически имеет место и поныне.

Жду от тебя длинного письма. Ты никогда не пишешь мне о состоянии твоего здоровья. Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

С

Тюрьма в Тури, 9 ноября 1931 года

Дорогая Таня,
пишу тебе ровно в пятую годовщину со дня моего заключения в тюрьму. Пять лет — это довольно-таки солидный

срок, не говоря уже о том, что речь идет о таком возрасте и о таких годах, которые считаются наиболее продуктивными и значительными в жизни человека. Эти годы уже позади, и у меня нет никакого желания ни подсчитывать прибыли и убытки, ни проливать горькие слезы над тем, что такой большой отрезок жизни пропал ко всем чертям. Мне думается, однако, что истекшие пять лет соответствуют определенному периоду моей физиологической жизни, то есть они потребовались для того, чтобы подчинить организм условиям тюремного существования. То недомогание, которое я испытываю в течение последних трех месяцев, знаменует собой, несомненно, начало нового периода жизни, когда тюрьма будет давать себя знать все ошутимее, как нечто неотступно присутствующее и постоянно подтачивающее и разрушающее силы.

Посылка с лекарствами, которую ты мне послала, кажется, уже пришла, и через несколько дней я, наверное, смогу получить ее содержимое. В связи с тем, что снова подул сирокко, у меня возобновились острые боли, поэтому я и жду эти лекарства в надежде, что они принесут мне облегчение. Я забыл попросить тебя в прошлом письме, чтобы ты выслала мне еще папиросной бумаги. Тебя, быть может, удивляет, что я расходую ее в таком количестве, в то время как я писал, что стал значительно меньше курить; между этими двумя фактами нет, однако, противоречия, наоборот, они связаны теснейшим образом. Я обнаружил, что, уменьшая размер листочков бумаги, то есть разрезая их в длину и в ширину, можно скрутить еще несколько маленьких сигареток (три вместо одной) и таким образом одну порцию табака можно разделить на три раза; получается немного, но все же достаточно, чтобы утолить потребность в курении. Заключение курят одну и ту же сигарету три раза (они выкуривают ее по частям), а затем еще используют окурки. Такой способ вызывает у меня отвращение, и я предпочитаю найденный мною выход из положения; только для этого потребуется много папиросной бумаги, куда больше того количества, которое можно здесь приобрести вместе с табаком и спичками. Что же касается спичек, то я применяю тюремный способ: каждая спичка расщепляется пополам иголкой, получается вдвое больше спичек. Фактически с июля по сегодняшний день я использовал лишь сорок процентов того количества табака, который я выку-

ривал за тот же срок раньше (то есть перед самым июлем, ибо я и до этого уже сокращал норму несколько раз), да и в дальнейшем, пожалуй, я смогу ограничить себя. Я думаю, что мне удастся курить как можно меньше, а со временем и вовсе бросить. Правда, то обстоятельство, что я стал мало курить, связано с понижением интенсивности умственного труда; я мало читаю и меньше думаю, чем прежде, иначе говоря, я затрачиваю мало умственных усилий и потому могу меньше курить. Мне не удастся сконцентрировать внимание на какой-либо теме; чувствую себя выжатым и умственно и физически. Такое состояние продлится, видимо, всю зиму, если не дольше; это значит, что в течение всего этого времени у меня едва хватит сил на то, чтобы не допустить ухудшения общего состояния,— об улучшении я и не говорю.

Нсжно тебя обнимаю.

Антонио.

СИ

Тюрьма в Тури, 16 ноября 1931 года

Дорогая Терезина,

благодарю тебя за письмо. Я больше месяца не имел от вас вестей. Жду письма мамы, о котором ты мне сообщашь.

Если дядя Заккария приедет навестить меня, я с удовольствием повидаю его, но думаю, что он не приедет. Сколько лет я его не видел? Даже не могу вспомнить. У меня остались весьма смутные воспоминания о нем; он был в те времена очень молод, а я совсем мальчишкой; наверное, он очень похож теперь на дядю Акилле, хотя городская жизнь его, пожалуй, несколько облагородила и пообтесала; не знаю только, такой же он симпатичный, как дядя Акилле?

Ну, а кто же теперь печет хлеб дома? Мама не может, ты тоже не можешь, потому что у тебя, наверное, много работы на службе. А Грациэтта не в силах ведь справиться со всеми делами; так и не удается мне ясно представить себе, как же вы живете теперь.

Фраза: «Корабль, который покидает порт, исполняя шотландскую пляску,— это все равно, что взять мертвого и платить ему в конце месяца»,— не загадка, а просто бессмыслица; так говорят обычно, чтоб посмеяться над теми, кто бессвязно нанизывает одно слово на другое,

воображая, что говорит невесть какие глубокие и многозначительные вещи. Многие у нас в деревне поступали именно так (помнишь синьора Камедда¹); желая блеснуть культурой, они вызубривали длинные тирады из дешевых романов и затем вставляли их где надо и где не надо в разговор, дабы только поразить крестьян. Так, например, ханжи повторяют латинские фразы из молитв, содержащихся в «Филотее»¹; помнишь, как тетя Грация думала, что когда-то существовала некая «донна Бизодия», которая была до такой степени благочестива, что имя ее повторялось даже в «Pater noster»? Оказалось, что она, как и многие другие, читала слова «doma nobis hodie» как «донна Бизодия», и эта донна в ее глазах представляла собой даму, жившую в те давние времена, когда все ходили в церковь и когда еще чтили религию на этой земле. Можно было бы написать новеллу об этой вымышленной «донне Бизодии», которую всегда всем ставили в пример; сколько раз, когда вы не хотели идти на исповедь — что было обязательно в дни пасхи, — тетя Грация говорила Грациэтте, Эмме, а быть может, и тебе: «Ах! Ты совсем не такая, как донна Бизодия!» Теперь ты можешь рассказывать эту историю своим детям. Не забудь также сказку про нищенку из Могоро, про «musca maghedda»² и про белых и черных коней, которых мы так долго ждали.

Дорогая Терезина, сердечно тебя обнимаю.

Антонио.

СII

10 декабря 1931 года

Дорогая мама,

я так и не получил от тебя длинного письма, обещанного мне Терезиной. Надеюсь, что не пришло оно не потому, что ты себя плохо чувствуешь и не в состоянии даже диктовать. Предпочитаю думать, что возле тебя просто не оказалось добровольца-писца. За все это время я получил только одну открытку, подписанную Терезиной и ее детьми. А кто же, собственно, Дидди? Какому «христианскому» имени это соответствует? Представляю себе, сколько

¹ «Филотее» — произведение нравоучительно-религиозного характера XII века. — *Прим. ред.*

² «Musca maghedda» — муха, несущая бедствия (*сард.*).

изобретательности проявляет Терезина, придумывая ласкательные имена своим малышам. Дидди — так может называться чертенок или домовой. Терезине следовало бы составить для меня своего рода словарь, в котором с одной стороны были бы вписаны имена в том прозаическом виде, как они значатся в календаре, а с другой — все придуманные ею фантастические производные; такой словарь оказался бы мне очень полезен, ибо я уже перестал что-либо понимать и начинаю теряться в дебрях имен, порожденных столь богатой творческой фантазией...

Дорогая мама! Это письмо полагалось заполнить одними лишь рождественскими поздравлениями и пожеланиями; так что прими все же от меня эти сакраментальные пожелания. Я хотел бы иметь подробные вести о твоём здоровье и желаю, чтобы вести эти были наилучшими. Пишет ли Карло? После его поездки в Тури он написал мне всего лишь один раз. В письме к Татьяне он сообщил, что напишет также и мне, но до сих пор этого не сделал. Он как будто не живет больше в Милане, а переехал куда-то в провинцию. А Наннаро пишет вам? Он так и не написал мне ни строчки, и это после стольких обещаний. Ну, а я живу все так же и, хотя старею в тюрьме, чувствую себя как никогда спокойно. Нежно обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

СIII

Тюрьма в Тури, 14 декабря 1931 года

Дорогая Юлька,

получил твою записку от 21 ноября. Таня переслала мне также и твое письмо к ней, так что записка твоя сразу обрела дыхание жизни и утратила свою абстрактность и расплывчатость. В одном из твоих предыдущих писем ты вскользь сообщила мне, что хочешь начать заниматься, что ты советовалась по этому поводу с врачом и что врач отнесся к этому положительно. Позволь мне, пусть с некоторой педантичностью, дать тебе один практический совет и предьявить тебе, если можно так выразиться, кое-какие «требования». (Думаю, что, когда речь идет о заключенном, можно говорить о «требованиях» по отношению к тем, кто на свободе, ибо положение заключенного исторически связано с рабством классического периода; слова «galera» («галера») и «ergastolo» («каторга»), которые употребля-

ются в Италии также для обозначения «тюрьмы», ясно указывают на эту преемственную связь.) Поскольку ты намереваешься начать занятия, я могу предполагать многое: что ты хочешь углубить свои знания по какому-нибудь специальному вопросу или что ты хочешь приобрести «научные навыки», то есть хочешь овладеть общей методологией и эпистемологической наукой (ты только посмотри, какие «ученые» термины!).

Почему бы тебе в таком случае не изучать такие проблемы, которые интересуют и меня, и не стать моей корреспонденткой по отдельным вопросам, интересующим нас обоих, поскольку они тесно связаны с духовным развитием Делио и Джулиано? Одним словом, я хотел бы (таково в общих чертах мое первое требование) систематически быть в курсе того, как и на каких научных основах строится работа школы или школ, в которых учатся Джулиано и Делио; я смог бы тогда понять и осмыслить те скудные сведения, которые ты мне иной раз сообщаем. Школьный вопрос чрезвычайно интересует меня; он, видимо, очень интересует и тебя, ибо ты ведь пишешь, что шестьдесят процентов ваших бесед вертятся вокруг школы. Изложить последовательно и связно свои соображения по этому вопросу — это же «исследовательская работа». Она поможет тебе по выздоровлении снова обрести волю и желание заниматься наукой, а также присущую тебе способность к анализу и критике. Ты должна будешь, конечно, поработать по-настоящему, а не только писать письма, то есть должна будешь тщательно ознакомиться с вопросом, делать заметки, отбирать собранный материал и излагать свои выводы связно и последовательно. Я был бы счастлив, если бы ты этим занялась, — правда, я бы испытывал радость наставника, но и этой радостью отнюдь не следует пренебрегать. Меня очень интересует, например, как был введен в начальной школе метод «ударных бригад» и специализированных уголков и какую воспитательную цель это преследует. Возникает опасение, что это может искусственно содействовать ранней «профессионализации» и не в ту сторону направить наклонности детей; вместе с тем упускается из виду главная задача школы: содействовать гармоническому развитию всех способностей детей вплоть до того момента, когда юноша или девушка сформируются как личность и у каждого из них выявятся более глубокие и более постоянные наклонности, что прои-

зойдет при более высоком уровне развития их потенциальных творческих сил и т. д. и т. д.

Я мог бы, например, поделиться с Делио моими детскими наблюдениями над животными; но, быть может, ему покажется сказкой то, что я видел танцующих при лунном свете зайцев (вернее, прыгающих, но народ это воспринимает как танцы) или семью ежей (еж, ежиха и маленькие ежата), собирающих яблоки в осеннюю лунную ночь? Что значит «живой уголок»? Я читал, что шестьдесят процентов детей в крупных американских городах не знают, что такое корова, и что там есть люди, которые возят напоказ коров в клетке, как когда-то возили медведей или обезьян в Италии; интересно, будет ли у детей в американских школах «уголок» с коровой?

Дорогая Юлька, крепко-крепко обнимаю тебя и детей.

Антонио.

XIV

Тюрьма в Тури, 21 декабря 1931 года

Дорогая мама,

получил твое письмо от 16-го, написанное, как мне кажется, Терезиной не без доли язвительности. Обе вы, повидимому, смеялись, когда Терезина писала, что ты любишь понежиться, что тебе нравятся вкусные вещи, что у тебя появляется аппетит лишь тогда, когда приготовлено что-нибудь вкусное, и т. д. Я хотел бы знать вот что: теперь, когда ты пьешь по утрам кофе с молоком вместо черного кофе, прибавляешь ли ты ячмень, считающийся «целебным средством»? Кроме того, Терезина не ответила мне, какому обычному имени соответствует уменьшительное Дидди; мне помнится, что самую младшую ее девочку звали Иза. Я что-то никак не могу разобраться в таком количестве ласкательных имен. Проще было бы: Кунегунда, Респитута, Эрменгарда и т. д. А для мальчиков — Бальтазар, Наполеон, Навуходоносор.

Жду ваших рождественских подарков и заранее благодарю детей, принимавших, как ты пишешь, участие в их выборе. Обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 18 января 1932 года

Дорогая Таня,

все это время у меня не было ни острых приступов, ни болезненных недомоганий. Наоборот, самочувствие мое, я сказал бы, довольно сносное. Правда, я все время испытываю ощущение вялости и расслабленности воли, временами я крайне раздражителен, а временами вовсе впадаю в апатию, в состояние какого-то отупения. Думаю, однако, что такое состояние является скорее всего формой самозащиты организма против изнуряющей тюремной обстановки, с ее рутинной, с ее повседневными мелочными заботами и тревожностями. Когда тебя изо дня в день одолевают все эти мелочи, мелкие мысли и мелкие заботы, то в конце концов мельчаешь сам (быть может, я уже в самом деле измельчал куда в большей мере, нежели я сам предполагаю). Посмотри, например, что происходит: Прометей, боровшийся против всех богов Олимпа, предстает перед нами как титан трагедии, а Гулливер, связанный лилипутами, вызывает у нас смех: Если бы, скажем, у Прометея не орел выклевывал каждый день печень, а его поедали бы муравьи, то и он вызывал бы у нас смех. Юпитер был не очень изобретателен в свое время, а техника расправы со своими противниками была тогда еще мало развита. Мне вспомнилось, как в книге одного современного писателя (не помню кого, кажется, Гвельфо Чивинини) рассказывается, как некий супруг, дабы развенчать и уничтожить одного франта, к которому начинала испытывать нежные чувства его жена, запер его на ночь в заброшенную лачугу, полную изголодавшихся блох; представь себе выражение сей дамы при виде своего вздыхателя, разукрашенного мало привлекательными блошиными укусами. Нежно обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 18 января 1932 года

Дорогая Терезина,

получил твое письмо от 14-го вместе с письмом от Франко и с его цветными рисунками, а также письмецо от Дидди и Мимы. Благодарю всех твоих малышей и не знаю, право,

что бы такое сделать, дабы дать им почувствовать мою любовь к ним. Надо будет поразмыслить и смастерить что-нибудь самому, иначе ведь не интересно, да и не имеет никакого смысла. Я сделаю, пожалуй, вот что: я перевел с немецкого, просто практики ради, несколько народных сказок, таких, как те, что нам так нравились в детстве, и даже отчасти на них похожих, ибо источник у этих сказок один и тот же. Написаны они немного по старинке, на деревенский лад, но ведь дух современной жизни — с радио, авиацией, звуковым кино, Карнера¹ и т. д. — еще не настолько проник в Гиларцу, чтобы вкусы нынешнего поколения детей так уж отличались от наших вкусов в детстве. Я перепишу эти сказки в отдельную тетрадь и, если мне будет дозволено, пошлю ее вам; пусть мой скромный вклад способствует развитию фантазии у детей. Следует, пожалуй, читать их вслух с некоторой долей иронии и снисходительности, отдавая тем самым дань современности. Ну, а как, интересно, выглядит эта «современность»? Наверное, носят прическу *á la garçonne* и поют песни о Валенси и мантильях мадридских женщин; думаю все же, что наряду с этим еще сохранились люди старого поколения, вроде тети Алене и Коррунку, и, значит, для сказок еще найдется соответствующая публика... Впрочем, не знаю, помнишь ли ты это: когда я был маленький, я говорил, что мне очень хотелось бы увидеть тетю Алене на велосипеде, иначе говоря, нас забавлял контраст между «допотопными людьми» и тем, что тогда являлось относительным новшеством, знамением времени, а поскольку все эти новшества находились за пределами нашего мирка, то они нравились нам и вызывали у нас много приятных ощущений. Напиши мне, как самочувствие мамы, и крепко-крепко обними ее и всех родных.

Антонио.

CVII

Тюрьма в Тури, 25 января 1932 года

Дорогая Таня,

...ты так и не поняла до сих пор, какова психология заключенного. Что причиняет больше всего страданий, — это ощущение неуверенности, неопределенности, когда не

---

¹ Карнера — известный итальянский боксер, выступавший в тяжелом весе. В 1933 году стал чемпионом мира. — *Прим. ред.*

знаешь, какой сюрприз могут уготовить тебе люди, отнюдь не являющиеся твоими стражниками, ибо ощущение это присовокупляется (оставляя куда более глубокий след) к тому постоянному состоянию неуверенности и неопределенности, которое вообще свойственно заключенному. После долгих, мучительных переживаний, затратив очень много усилий, чтобы совладать с собой, ты, наконец, свыкаешься с сознанием, что ты — твоя воля, твое «я» — ничто перед административной машиной, которая в любой момент может швырнуть тебя в ту или другую сторону, может заставить тебя изменить годами сложившиеся привычки и т. д. и т. д. Если же к этой машине с ее иррациональными толчками присоединяются еще неразумные и безотчетные поступки близких тебе людей, то заключенный в самом деле может почувствовать себя зажатым в тиски и раздавленным. Никогда не надо строить беспочвенные прожекты и давать туманные обещания, не надо дергать нервы, иначе может случиться так, что даже я — хотя я очень терпелив и умею владеть собой — могу взбунтоваться во имя утверждения «моей собственной воли» и заставить считаться с нею, пусть без особого к тому основания, просто чтобы доказать самому себе, что я — еще живой человек.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CVIII

Тюрьма в Тури, 1 февраля 1932 года

Дорогая мама,
получил письмо Грациэтты от 15 января. Оно не изобилует подробными вестями, но я узнал по крайней мере, что в состоянии твоего здоровья не наблюдается никаких ухудшений. Я не знаю точно, как организована в Гиларце подготовительная школа и какие предметы там проходят. Я как-то прочел в «Коррьере делла сера» отчет о дискуссии, которая развернулась в парламенте по поводу школ такого типа, но обсуждавшиеся там вопросы носили слишком общий и расплывчатый характер, чтобы можно было составить себе определенное мнение на этот счет. Единственное, что удалось почерпнуть из этой дискуссии, — это то, что такая школа не является самоцелью, а открывает возможность после ее окончания продолжить учебу. Та-

ким образом, и для Меи последнее слово еще не сказано, и эти годы не совсем, значит, потеряны. Что, по-моему, важно учесть в данном случае и чем вы все должны руководствоваться в своей линии поведения по отношению к ней, это следующее: необходимо дать ей понять и почувствовать, что от нее, от ее воли зависит, сумеет ли она использовать это время для самостоятельных занятий (сверх школьной программы), с тем чтобы оказаться в состоянии, если условия изменятся, сделать скачок вперед, продолжить учебу и добиться более блестящих результатов. Вся суть в том, чтоб у нее было желание, да, пожалуй, и честолюбие, в хорошем смысле этого слова. Впрочем, земля, конечно, не разверзнется, если Мея завершит свою жизнь в Гиларце, занимаясь вязаньем, поскольку она не пожелала приложить усилий и выучиться чему-нибудь более интересному и блистательному. Не знаю, состоит ли она в организации итальянских девушек. Повидимому, да, хотя вы никогда и не писали мне об этом; я полагаю, что для такого рода парадных дел у нее хватит честолюбия. Итак, она пойдет по стопам других молодых итальянок, и ей будет уготовлена та же участь — стать, как говорится, доброй матерью семейства, только бы нашелся такой дурак, который захочет на ней жениться, на что мало надежды, ибо дураки обычно предпочитают брать в жены наседок, причем таких наседок, у которых имеются надел земли под солнышком и сбережения на книжке.

Поблагодари от меня сына тети Марии Доменики за привет и за добрые пожелания.

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

СIX

Тюрьма в Тури, 8 февраля 1932 года

Дорогая Таня,

...я с интересом прочел то, что пишет П. о нашей немного бесвязной и мало приятной дискуссии о так называемых «двух мирах» (невольно вспоминается герой двух миров¹

---

¹ Герой двух миров — так называли Лафайета — деятеля французской буржуазной революции конца XVIII века, участвовавшего в молодости в американской войне за независимость. Впоследствии так называли и Гарибальди, принимавшего участие в освободительной борьбе в Новом и Старом свете. — *Прим. ред.*

и возникают другие ассоциации, связанные с романтической эпохой XIX века: ведь и «Ревю де дё монд» тоже был основан в 1830 году!). Поскольку уж ты показала П. мои письма и, следовательно, изложила ему в общих чертах суть нашего спора, я буду благодарен тебе, если ты сообщишь мне его мнение по этому поводу. Не думаю, чтобы он занимал такую же позицию, какую занимают старые раввины или молодые сионисты, но он как будто признает наличие, во всяком случае в известных пределах, пресловутых «двух миров». Хотя соображения его объективно и представляют интерес, они кажутся мне не совсем верными.

Неоправданно, по-моему, его заключение, будто существует «явная» тенденция «снова образовать из евреев обособленную общину»; это является скорее «субъективной» тенденцией старых раввинов и молодых сионистов. Объективно же евреи в силу конкордата оказались в таком же положении, что и протестанты; существует, однако, или будет существовать, такая социальная группа, которая окажется в худшем положении, чем евреи и протестанты; эта группа будет состоять (или уже состоит) из священников, лишенных духовного сана, и монахов, исключенных из того или иного ордена. Люди эти будут лишены права состоять на государственной службе, то есть будут подвергаться дискриминации как граждане. Тот факт, что оказалось возможным юридически установить такую категорию гражданских партий, имеет, по-моему, гораздо более существенное значение, чем юридическое положение евреев и протестантов, которым предоставлены юридические права, отнюдь не носящие, согласно духу закона, дискриминационного характера. Я не исключаю, что антисемитская тенденция может еще появиться; в настоящее же время я такой тенденции не замечаю. Признаки, свидетельствующие об обратном, могут быть объяснены другими причинами и, кроме того, могут «уравновешиваться» другими, не менее показательными фактами. Но вот обстоятельство, которое имеет, по-моему, существенное значение: часть евреев одобряет определенные меры, направленные против других евреев. Профессор Римского университета Леви-Чивита имел неприятности из-за того, что не посещал официальные торжественные богослужения; но неприятности эти доставил ему ректор университета Дель Веккио, тоже еврей; значит,

дело тут не в расовом, а в политическом вопросе: представитель господствующего класса обязан отдавать должное католицизму — *instrumentum regni*¹ независимо от того, какую веру он сам исповедует. Так, вовсе не убедительна ссылка на академию и на парламент, ибо вне их стен остаются и будут оставаться также и ученые с мировым именем — не евреи. Позиция, занятая Теодором Майером, в «Кредито мобилиаре», тоже, по-моему, весьма примечательна. Мне думается, что во многих случаях играет роль не еврейство (*ebraismo*), а еврейство-масонство, то есть тот факт, что масонство явилось течением, в котором, несомненно, было много евреев.

Дорогая, нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХ

Тюрьма в Тури, 15 февраля 1932 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 12-го, но не получил зато той, о которой ты упоминаешь. Я и на этой неделе не пишу Юлии, не пишу по целому ряду причин: потому, что я неважно себя чувствую и не могу сосредоточить свои мысли на том, на чем хотелось бы, и потому, что я все еще не могу определить, какой позиции мне лучше всего и целесообразнее всего придерживаться в отношении Юлии, учитывая ее положение и ее душевное состояние.

Все это мне кажется невероятно трудным и сложным; я всячески пытаюсь найти какой-то выход, но не могу его найти и не уверен, что мне это удастся. Я хотел бы подробнее поговорить с тобой обо всем этом, с тем чтобы ты постаралась помочь мне. Правда, чтобы изложить все существенные моменты и доводы (в основе их лежат лишь мои ощущения и восприятия, а они, естественно, односторонни), мне пришлось бы написать целый том... однако сделаем, что сможем.

У меня в общем сложилось такое впечатление: наиболее серьезным симптомом нервного расстройства Юлии являются, по-моему, не столько те весьма неопределенные явления, на которые она ссылается и которые будто бы потребовали лечения психоанализом, сколько то обстоя-

---

¹ *Instrumentum regni* — орудие управления (лат.).

тельство, что она прибегла к подобному лечению и так в него уверовала. Я, конечно, не обладаю обширными и точными знаниями в области психоанализа, но из того немногого, что мне довелось узнать, напрашиваются, по моему, кое-какие выводы, хотя бы в отношении тех моментов, которые можно считать установленными учением о психоанализе, если отбросить всякие наслонения фантазмагорического и даже колдовского характера. Наиболее важным моментом мне представляется следующее: лечение психоанализом приносит пользу лишь той социальной категории людей, которые в романтической литературе именовались «униженными и оскорбленными» и которых насчитывается куда больше (и у них куда больше разновидностей), чем это принято полагать. Иначе говоря, речь идет о людях, которые, будучи зажатые в тисках противоречий современной жизни (я имею в виду наши дни, хотя во все времена существовала современность, которая противостояла прошлому), не могут сами разобраться в этих противоречиях и, следовательно, не могут преодолеть их, дабы обрести таким образом ясность духа и внутреннее спокойствие, то есть найти правильное соотношение между собственными волевыми побуждениями и поставленными перед собой целями. Положение становится драматическим в определенные исторические моменты и при определенной обстановке, то есть когда окружающая обстановка накалена до предела и когда в движении приходят гигантские силы масс, которые оказывают почти невыносимое давление на отдельного индивидуума, добиваясь от него максимальной отдачи волевой энергии делу созидания. Подобные ситуации чреваты губительными последствиями для людей, обладающих большой чувствительностью и тонкой восприимчивостью, в то время как отсталым социальным элементам, например крестьянам, чьи крепкие нервы могут выдержать и более сильное напряжение, они нужны и даже необходимы... Итак, я считаю, что человек культурный (в немецком понимании этого слова), активный член общества (каким, конечно, является Юлия не только в силу формальных причин, то есть потому лишь, что у нее в сумочке членский билет, заставляющий сам по себе предполагать, что она активна) должен быть (да и есть) лучшим врачом самому себе. А что означает, например, то, что Юлия, как она пишет, должна учиться и т. д.?

Каждый человек, осуществляя полезную деятельность, должен непрестанно учиться и совершенствовать свои теоретические и профессиональные знания; почему же надо считать, что это является какой-то личной проблемой, показателем собственной неполноценности? Каждый человек изо дня в день вырабатывает и раскрывает свой характер, свою личность, борется с разного рода инстинктами, импульсами, дурными, антиобщественными наклонностями и соотносит свое поведение со все возрастающими требованиями и уровнем жизни коллектива. В этом нет ничего из ряда вон выходящего, ничего, что составляло бы личную трагедию. Каждый человек чему-нибудь учится у окружающих и близких ему людей, в чем-то уступает и что-то приобретает, теряет и выигрывает, забывает и накапливает какие-то знания, какие-то определенные черты и привычки. Юлия пишет, что она не стала бы сейчас противиться тому духовному и моральному влиянию, которое я мог бы оказать на нее, и потому она чувствует себя внутренне более собранной. Но, по-моему, она и в прошлом вовсе не противилась этому влиянию в той мере и в той драматической форме, как это ей кажется. Ну, а я разве не защищался от ее влияния и в то же время разве я не приобрел многое и не изменился сам в результате общения с ней? Я никогда не занимался теоретизированием по этому поводу, и меня никогда не тревожил этот происходивший во мне процесс, что отнюдь не значит, что процесс этот не происходил, и притом с пользой для меня.

Дорогая Таня, кончаю свои пространные рассуждения. Недавно получил твое письмо от 12-го и переписанное тобою письмецо Делио. Отвечу в следующий понедельник. Письмо мне понравилось.

Обнимаю тебя.

Антонио.

СХІ

Тюрьма в Тури, 22 февраля 1932 года

Дорогая Таня,
получил оба твоих письма — от 12 и от 16 февраля. Отвечаю, как видишь, заодно и Делио. Я, пожалуй, пишу слишком длинно; надо будет выработать определенный стиль и писать так, чтобы его не утомлять.

...То, что ты пишешь относительно моей схемы о песне Фаринаты¹, напомнило мне, что я, должно быть, в самом деле говорил с кем-нибудь об этом в прошлом. Сейчас я вспоминаю, что впервые мне пришла мысль о таком истолковании песни при чтении монументального труда Исидоро Дель Лунго о «Флорентийских хрониках» Дино Компаньи²; в этом труде Дель Лунго впервые определил дату смерти Гвидо Кавальканти. А сравнительно недавно я вновь вспомнил об этом — уже с другой точки зрения, — читая книгу Кроче о поэзии Данте, где эпизод с Кавальканте преподносится так, что становится очевидным, что «контрапункт» Фаринаты не принимается в расчет. Помнится мне также, что Калоссо написал исследование о десятой песне «Ада», которое было напечатано в «Джорнале дантеско», но содержания его я уже не помню; вряд ли в этом исследовании выдвигалась точка зрения, схожая с моей, — это, по-моему, исключается.

Я замечаю, однако, что позабыл немало вещей, которые всплыли теперь в памяти в связи с твоим письмом. Впрочем, все это не имеет существенного значения, ибо я никогда не помышлял стать «дантологом» и делать великие открытия в этой области. Но это является для меня своего рода проверкой; совершенно очевидно, что я не должен очень полагаться на память, поскольку в ней обнаружилось столько пробелов.

Что касается моих заметок об итальянской интеллигенции, то я, собственно, не знаю, с какой стороны приступить к ним: они разбросаны в разных тетрадах, вперемежку с другими записями, и следовало бы прежде всего собрать их все вместе и привести в порядок. Мне это крайне трудно сделать, ибо сильные головные боли, которые бывают у меня очень часто, лишают меня возможности как следует сосредоточиться; да и практически это весьма сложное дело, учитывая те условия, в которых приходится работать. Если можешь, пришли мне

---

¹ Песня Фаринаты — имеется в виду десятая песнь «Ада» Данте. — *Прим. ред.*

² Компаньи, Дино — флорентийский государственный деятель, живший в XVIII веке, автор «*Cronaca delle cose occurrenti nei tempi suoi*» («*Historia fiorentina*»); Исидор Дель Лунго — издатель и комментатор «флорентийских хроник»; в конце XIX века, во время дискуссии о подлинности хроник, утверждал, что их автором является Дино Компаньи. — *Прим. ред.*

тетради, но не такие, как те, что ты мне недавно прислала: они неудобны и слишком велики по размеру. Выбери, пожалуйста, тетради обычного школьного формата и не толстые — страниц по сорок-пятьдесят, не больше; так по крайней мере они не превратятся в груды разрозненных записей и всякой мешанины. Мне хотелось бы иметь такие маленькие тетрадки именно для того, чтобы переписать в них свои заметки, разбив их по темам и приведя их, таким образом, в соответствующий порядок. Это поможет мне скоротать время и принесет пользу, ибо даст возможность навести кое-какой порядок и в собственных мыслях.

В последнее время у меня были сильные боли в кишечнике, но никаких вздутий больше не наблюдалось и не было резких скачков температуры. Тут выпало много снега (40 см) и были сильные холода, но я, несмотря на все, перенес это довольно сносно.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СХІІ

Тюрьма в Тури, 22 февраля 1932 года

Дорогой Делио,

мне очень понравился твой живой уголок с зябликами и рыбками. Если зяблики иногда и выпархивают из клетки, не надо хватать их за крылышки или за лапки, ведь они у них очень нежные и их легко сломать или вывихнуть. Надо брать их всей рукой за туловище и не сжимать. Когда я был маленький, я вырастил много птиц и всяких зверушек: соколов, филинов, кукушек, сорок, ворон, щеглов, канареек, зябликов, жаворонков и т. д.; у меня была небольшая змейка, ласка, ежи, черепахи. Сейчас я расскажу тебе, как однажды ежи собирали яблоки. Как-то вечером (это было осенью), когда спустились сумерки, но уже ярко светила луна, я отправился еще с одним мальчиком, моим приятелем, в поле, где было много-много фруктовых деревьев, особенно яблонь. Мы спрятались в кустарнике — против ветра. Вдруг видим, из норы вылезают ежи — пять ежей! Два побольше и три маленьких. Следуя друг за дружкой, они направились к яблоням, покружились в траве, а затем принялись

за работу; помогая себе мордочками и лапками, они начали катать яблоки, которые попадали с деревьев, сбитые ветром, и собирали их в одно место, близко-близко одно к другому. Но тех яблок, что лежали на земле, было явно недостаточно; тогда самый большой еж, подняв мордочку вверх, огляделся вокруг и, выбрав очень кривое и низкое дерево, стал взбираться на него, за ним следовала супруга. Они устроились на ветке, где было много яблок, и принялись ритмично раскачиваться: их движения передались ветке, она стала покачиваться — все чаще и чаще, и вскоре от резких рывков на землю посыпалось множество яблок. Когда и эти яблоки были присоединены к остальным, ежи, большие и маленькие, вдруг свернулись в клубок и, ринувшись на яблоки, насадили их себе на иглы; ежатам досталось немного, а вот отец и мать сумели нанизать на свои иглы по семь-восемь яблок каждый. Когда все семейство уже собралось было вернуться в свою нору, мы вышли из нашего укрытия, поймали ежей и отнесли в мешочке домой. Мне достался еж-отец и двое ежат; они прожили у меня много месяцев — на свободе, во дворе; охотились за всякими насекомыми — тараканами, майскими жуками и т. д., питались также и фруктами и салатными листьями. Им особенно нравились свежие листья. Так мне удалось немного приручить их; и при виде людей они уже не сворачивались больше в клубок. Кого они очень боялись — это собак. Меня очень забавляло наблюдать, как ежи расправлялись с живыми ужами, которых я приносил во двор. Как только еж замечал ужа, он начинал быстро-быстро подпрыгивать на своих четырех лапках и очень отважно бросался в наступление. Уж приподнимал голову, выпускал язык и шипел; тогда еж издавал легкий писк, хватал ужа передними лапками, перекусывал ему затылок, а затем поедал его. В один прекрасный день ежи мои исчезли. Наверное, кто-нибудь забрал их, чтобы съесть.

Татьянушка купила красивый большой чайник из белого фарфора и посадила на него куклу; сейчас она носит теплый шарф, потому что тут очень холодно: и в Италии выпало много снега. Тебе следовало бы поскорее написать ей, чтобы она ела побольше, так как меня она не хочет слушаться. Думаю, что твои зяблики едят больше, чем Татьянашка. Меня радует, что открытки тебе понравились. В следующий раз я напишу тебе про танцующих

зайцев и про других зверушек; мне хочется рассказать тебе и о многом другом, что я видел и пережил в детстве: например, историю с жеребенком, с лисой и с лошастью, у которой только по праздникам был хвост, историю про воровья и *кулака*, про *кулака* и маленького ослика, историю с птицей-гачом и медведем и т. д. Ты, по-моему, знаешь историю о Киме; а читал ли ты рассказы «Джунгли» и в особенности рассказ о белом тюлене и о Рикки-Тикки-Тави? Ну, а Джулиано — тоже *ударник*¹? За какие же заслуги?

Целую тебя.

Папа.

Поцелуй за меня Джулиано и маму Юлию.

СХІІІ

Тюрьма в Тури, 29 февраля 1932 года

Дорогая мама,

в своем письме от 11-го Терезина уведомляла меня о том, что я скоро получу письмо от Грациэтты, а также, вероятно, и от Меи; но я не получил ни того ни другого. По-видимому, и в Сардинии стали свирепствовать холода, отбивающие охоту писать. Тут выпало очень много снега — еще больше, чем зимой 1928/29 года, которая считалась особенно холодной. Поблагодари Терезину за вести, которые она мне прислала. Я, право, с удовольствием слушал бы нескончаемую болтовню тети Делогу; когда дело касается воспоминаний молодости, она, должно быть, неистощима. Итак, она продолжала заниматься выведением новых сортов помидор, огромного размера и без семечек; представляю себе, чего ей стоило покинуть Урумар и бросить дело, которому она посвятила столько трудов... Передай также Терезине, что я благодарю ее и детей за доброе намерение послать мне кенальские фиалки и клубни дикого цикломена, но я не могу принять их подарка: это нарушило бы здешние правила, предусматривающие, что тюремное заключение должно носить характер наказания. Итак, я должен быть наказан, и потому — ника-

---

¹ Русские слова «кулак» и «ударник» написаны в тексте латинскими буквами.— *Прим. перев.*

ких фиалок, никаких цикломенов; живой дух природы не должен щекотать мои ноздри благоухающими запахами и радовать глаз красками цветов.

Нежно обнимаю тебя и всех родных. Когда тебя навестит тетя Делогу, передай ей привет от меня.

Антонио.

СХIV

Тюрьма в Тури, 7 марта 1932 года

Дорогая Таня,

...я хотел бы уточнить одно мое высказывание, касающееся психоанализа, которое я не сумел, повидимому, как следует разъяснить, ибо, судя по твоему письму от 23 февраля, оно было неправильно понято. Я вовсе не говорил, будто установлено, что лечение психоанализом применимо лишь к тем, кого именуют «униженными и оскорбленными»; мне ничего не известно об этом, и я не знаю, ставил ли уже кто-нибудь этот вопрос в такой плоскости. Речь идет о некоторых моих личных, не проверенных суждениях о том, насколько заслуживает внимания и научно обоснован метод психоанализа; этими размышлениями я поделился с тобой, чтобы объяснить тебе, как я воспринимаю болезнь Юлии, а воспринимаю я ее вовсе не так пессимистично, как тебе показалось, и основываюсь отнюдь не на явлениях такого примитивного и низменного порядка, как ты думаешь, исходя из неверной трактовки выражения «униженные и оскорбленные». Это выражение я употребил лишь для краткости и как общее понятие. Вот моя точка зрения: я считаю, что из всего этого échafaudage¹ вокруг психоанализа единственное, что имеет реальное и конкретное значение, сводится к следующему: к изучению тех травм, которые порождает в сознании многих людей противоречие между тем, что представляется им безусловным долгом, и тем, к чему их действительно влечет в силу старых, издавна укоренившихся привычек и умонастроений.

Это противоречие порождает бесчисленное множество самых разнообразных явлений и у каждого отдельного человека приобретает совершенно особый, сугубо индиви-

¹ Echafaudage — нагромождение (*франц.*).

дуальный характер. На каждом историческом этапе не только нравственный идеал, но и «тип» гражданина, определяемый публичным правом, выше среднего уровня людей, живущих в данном государстве. Этот разрыв становится более явным в периоды кризиса (например, в период нынешнего послевоенного кризиса) либо потому, что понижается уровень «нравственности», либо потому, что та цель, которой надлежит достигнуть и которая находит свое выражение в новом законе и в новой морали, становится более высокой. И в том и в другом случае насильственное воздействие государства на отдельного индивидуума возрастает, возрастает нажим и контроль одной части над целым и целого — над каждой своей составной частицей. Одни разрешают этот вопрос просто — преодолевают противоречие с помощью вульгарного скептицизма; другие — внешне придерживаются буквы закона. Для многих же вопрос разрешается трагически, ибо это бывает связано с бурным и болезненным взрывом подавляемых чувств и порывов, которые вынужденное социальное «лицемерие» (то есть формальное следование букве закона) притупляет и загоняет вглубь. Такова в общих чертах суть моих размышлений; я понимаю, конечно, насколько эти размышления абстрактны и туманны, если их воспринимать буквально; но речь идет лишь о схеме, об общем направлении, и если воспринимать это именно так, то схема эта покажется довольно ясной и четкой. Как я уже сказал, и среди отдельных личностей, и среди различных культурных слоев следует различать множество весьма сложных градаций. То, что Достоевский в своих романах обозначает термином «униженные и оскорбленные», является самой низкой ступенью; такого рода социальные явления порождены обществом, в котором воздействие со стороны государства и самого общества осуществляется сугубо механически, с применением внешних средств воздействия. В этом обществе противоречие между государственным правом и «естественным» правом (если употреблять это двусмысленное выражение) является крайне глубоким, поскольку интеллигенция не выполняет здесь той роли посредника, какую играют на западе те ее представители, которые находятся в зависимости от государства; Достоевский, конечно, не был посредником, способствовавшим утверждению государственного права, он сам был «униженным и оскорбленным». Именно с этой

точки зрения ты и должна подходить к тому, что я хотел сказать, когда упомянул о «мнимых проблемах» и т. д. Я думаю, что, не впадая в вульгарный скептицизм и не сживаясь с удобным «лицемерием», можно обрести ясность мысли и душевное спокойствие, даже если тебя раздражают самые невероятные противоречия и давит умолинейшая необходимость; для этого надо уметь мыслить «исторически», диалектически, надо уметь с предельной трезвостью определить свою задачу или же поставить перед собой совершенно определенную и точную цель. В этом смысле, при такого рода душевных заболеваниях можно, а следовательно, и должно быть «самому себе врачом».

Не знаю, удалось ли мне объяснить все так, чтобы было понятно. Для меня вопрос совершенно ясен. Но я понимаю, конечно, что для того, чтобы это стало ясно и другим, нужно было бы изложить и проанализировать все более подробно, но это практически невозможно из-за недостатка времени, которое отводится для письма, и из-за недостатка бумаги. Во всяком случае, ты должна учесть, что не следует толковать все так уж буквально.

Еще одно замечание я хотел бы сделать относительно научного подхода к такого рода психическим явлениям; мне кажется, что трудно согласиться с той закоснелой, незыблемой позицией, которую занимают в этих вопросах естественные и экспериментальные науки. Следовало бы поэтому придавать большее значение так называемому атавизму и «мнеме», как памяти органической материи и т. д.¹ Я думаю, что атавизму и «мнеме» приписывают многое из того, что является исторической категорией и присуще общественной жизни, которая для человека начинается — и это надо помнить — сразу же после его появления на свет из чрева матери, как только у него открываются глаза и он начинает воспринимать окружающее. Кто может определить, когда в сознании и в подсознании начинается психическая деятельность, когда возникают первые восприятия человека-ребенка, уже устроенного так, чтобы запомнить то, что он видит и чувствует? И как в таком случае выделить и уточнить то, что приписывается атавизму и «мнеме»?

---

¹ Атавизм и мнемма — термины, употребляемые в буржуазной психологии. Под атавизмом подразумеваются остаточные явления, а под мнеммой — органическая основа памяти. — *Прим. ред.*

Дорогая, не думай, что я чувствовал или чувствую себя очень плохо: на самом деле эту зиму я провел довольно хорошо; так, например, у меня не было почечных болей, которые в прошлые зимы причиняли мне столько страданий.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХV

Тюрьма в Тури, 14 марта 1932 года

Дорогая Таня,

...если будешь писать П., скажи ему от моего имени, что мне хотелось бы знать, существуют ли печатные работы об экономических и политико-экономических взглядах Маккиавелли и может ли он, не утруждая себя, достать мне статью профессора Ариаса на эту тему, напечатанную несколько лет тому назад в «Аннали д'экономиа» университета Боккони. Можно ли считать Маккиавелли «меркантилистом», если и не в том смысле, что он был сознательным меркантилистом, то по крайней мере в том смысле, что его политические взгляды соответствовали меркантилизму, иначе говоря, что он выражал на политическом языке то, что меркантилисты излагали на языке политической экономии? Можно ли утверждать, что в политическом лексиконе Маккиавелли (особенно в высказываниях по вопросам военного искусства) заложено зерно физиократической концепции государства и что, следовательно, его можно считать (исходя отнюдь не из соображений внешнего порядка, как это делает Феррари¹ или, скажем, Фосколо²) одним из предшественников французских якобинцев?

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Феррари, Джузеппе (1811—1876) — итальянский историк и философ. Видный деятель итальянского национально-освободительного движения.— *Прим. ред.*

² Фосколо, Уго (1778—1827) — итальянский поэт и революционер, участник борьбы против австрийского и французского владычества в Италии. Поборник национального объединения страны.— *Прим. ред.*

СХVI

Тюрьма в Тури, 14 марта 1932 года

Дорогая мама,

получил письмо Грациэтты от 3 марта. Тебе я послал письмо через Татьяну, не помню точно, когда я написал его, но, по-моему, не очень давно. Мне было бы жаль, если бы это письмо затерялось.

Самочувствие мое все такое же. Зима здесь была очень холодная, выпало много снега, но я перенес ее довольно хорошо. Недавно получил вести от Юлии и детей: и у них тоже все без особых перемен. Я не всегда писал тебе о Юлии и детях, потому что Терезина как-то сообщила мне, что о них вам пишет Татьяна. Я понимаю, что Грациэтта очень занята и, следовательно, не всегда имеет возможность написать мне, но я все же думаю, что при желании она могла бы писать мне немного чаще. Мне хотелось бы подробно ознакомиться со школьной программой того класса, который посещает Мея; кроме того, я хотел бы, если это возможно (а я думаю, что это возможно — стоит только обратиться к кому-нибудь из преподавателей или преподавательниц), иметь копию учебной программы всех трех классов подготовительной школы. Скажи Франко, чтобы он написал мне о своем конструкторе и о том, что ему удастся построить. Я уверен, что он будет великим математиком и инженером. Будем надеяться, что такой отвратительной, поистине редкостной погоды больше не будет и ты сможешь немного окрепнуть.

Нежно обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

СХVII

Тюрьма в Тури, 21 марта 1932 года

Дорогая Таня,

...я прочел замечания профессора Космо по поводу десятой песни дантовского «Ада». Благодарю его за советы и за библиографические указания. Однако вряд ли стоит приобретать те номера журналов, которые он указывает: для

чего, спрашивается? Если бы я собирался написать специальное исследование с целью опубликования его, то одних этих источников все равно было бы мало (во всяком случае, я считал бы, что этого мало, и от одной этой мысли у меня пропало бы желание писать и появилось бы чувство неудовлетворенности); ну, а для того, чтобы написать что-то для себя, просто чтобы убить время, не стоит, право, тревожить такие величественные монументы, как «Дантологические исследования» Микеле Барби; тем более, что из них вряд ли можно почерпнуть что-либо ценное или хотя бы косвенно полезное для работы. О Данте написано так много и так многословно, что попытки написать еще что-нибудь могут быть оправданы только в том случае, если будет сказано действительно что-то новое и сказано с максимальной четкостью и с минимальной затратой слов. Что касается профессора Космо, то сам он, мне кажется, в известной мере страдает профессиональной болезнью дантологов: если в точности следовать его советам, то надо было бы написать целую книгу. Мне было приятно узнать, что та трактовка десятой песни, которую я вкратце набросал, относительно нова и заслуживает того, чтоб ее разработать; учитывая мою психологию заключенного, этого достаточно, чтобы побудить меня выжать из себя несколько страничек, на которые я не буду смотреть а priori как на пустое, никому не нужное занятие.

Я с интересом, и с интересом вполне оправданным, прочел последние заметки, касающиеся вопроса «двух миров», или, вернее, «Капрерского льва». В том плане, в каком поставлен вопрос в этих заметках, то есть коль скоро он рассматривается в определенных рамках, без примеси расистской «романтики» и более или менее замаскированного сионизма, вопрос этот заслуживает внимания. И сведения, которые я почерпнул, представляют для меня интерес, ибо многое мне было совершенно неизвестно. Что для меня было важно установить — это то, что в Италии давно уже не существует антисемитизма в народе (а это и есть тот самый «классический» вид антисемитизма, который породил и порождает трагедии и который существенным образом отражается на истории развития цивилизации) и что евреи отнюдь не являются носителями какой-то особой культуры, не призваны осуществить какую-то особую историческую миссию в со-

временном мире и не являются сами по себе неким ферментом развития исторического процесса.

Отсюда и возник наш спор, и об этом следует помнить, ибо теперь речь идет уже о другом. Тот факт, что в отдельных случаях итальянские евреи в какой-то степени ущемляются по сравнению с христианами, не может, по моему, являться серьезной «проблемой». Аналогичные факты можно привести и в отношении других социально-исторических разграничений; так, например, в сентябре 1920 года ассоциацией владельцев пьемонтских металлургических предприятий был опубликован секретный циркуляр, в котором в годы войны предписывалось не принимать на заводы рабочих, родившихся в местах, расположенных «ниже Флоренции», то есть рабочих из Южной и Центральной Италии. Однако нельзя, по моему, ставить знак равенства между «еврейство-масонством» и тем фактом, что евреи в Польше — это торговцы и ростовщики, а не крестьяне. В Грузии ростовщиками были армяне, и поэтому в Грузии «евреями» являлись армяне. В Неаполе, когда в воздухе пахнет беспорядками, полиция охраняет ломбарды, ибо на эти заведения обрушивается обычно ярость толпы: если бы ломбарды содержались евреями, а не добрыми христианами, почитающими св. Дженнаро, то в Неаполе существовал бы антисемитизм, как он существует в некоторых районах Казале, Ломеллины и Алесандрино, где евреи торгуют землей и неизменно появляются в том доме, где стряслась «беда» и где нужно что-то продать или просто спустить за бесенок. Но и в этих краях, где никто не заинтересован в разжигании страстей, настроения эти не выходят за определенные границы...

Ты знаешь, что я не поздравил маму ни с днем ее именин, ни на пасху. В этом году у меня нет календаря, и потому я не смог вовремя вспомнить о дне св. Джузеппе, который как-то неожиданно быстро подоспел; кроме того, в этом году отменили внеочередное пасхальное письмо, так что я оказался в затруднительном положении. В следующем письме я объясню ей все и извинюсь. Юлии напишу в ближайшее время; быть может, лучше подождать, пока она сама мне снова напишет или когда мне ответит Делио.

Желаю тебе всего, всего хорошего и нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СХVIII

Тюрьма в Тури, 28 марта 1932 года

Дорогая Таня,

как видишь, я ответил Юлии, но получилось так, что, начав писать, я увлекся, и мне не удалось (учитывая к тому же недостаток места) написать ей так, как хотелось бы, и все то, что хотелось бы. Открытка твоего отца меня очень заинтересовала; читая ее, ощущаешь и, я бы сказал, просто «видишь» живую, реальную жизнь...

Я узнал из журналов, что министерство иностранных дел объявило о подготавливаемом к печати большом труде под названием «Деятельность итальянской интеллигенции за рубежом» и что вышел проспект этого издания и перечень вопросов, которые будут в нем изложены. Можешь ли ты достать этот проспект и прислать его мне? В продаже его нет, но думаю, что его можно было бы раздобыть с помощью какого-нибудь депутата или сенатора. Ты очень порадовала бы меня, если бы достала его, но если это требует больших усилий, тогда, конечно, не надо. Тема этой работы связана с историей итальянской интеллигенции, то есть с вопросом, который интересует меня; я делаю записи и заметки всякий раз, когда прочитанная книга или собственные размышления наталкивают меня на какую-нибудь мысль.

Дорогая, должен кончать, так как время истекло.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХIХ

Тюрьма в Тури, 28 марта 1932 года

Дорогая Юлька,

несколько дней тому назад получил твое письмо от 16 марта, а еще раньше — твое январское письмо. До сих пор не ответил на эти письма, ибо, как я уже не раз говорил тебе, я испытываю чувство некоторой скованности, замешательства, когда сажусь писать тебе. Разного рода причины обуславливают такое состояние; одна из главных — это, пожалуй, то особое умонастроение, которое складывается в результате длительного пребывания в тюрьме и отсутствия на протяжении долгого времени всякого общения с людьми, близкими тебе по духу. Не менее суще-

ственную роль играют, несомненно, и два других соображения: 1) боязнь повредить тебе каким-нибудь неосторожным вмешательством в процесс применяемого тобою лечения; 2) сознание того, что я сам стал за эти годы более «книжным» и изъясняюсь подчас тоном проповедника или школьного учителя, отчего сам смеюсь над собой, а это приводит к неприятным последствиям; подобная самокритика, как мне кажется, побуждает меня говорить глупости. Все это значит, что я нахожусь в угнетенном состоянии и чувствую себя скованно. Впрочем, из твоих писем явствует, что некоторые мои замечания произвели слишком «большой эффект», то есть оказали на тебя пагубное воздействие. Ты излишне настойчиво вспоминаешь мои слова о том, что личность твоя еще недостаточно раскрылась, что тебе необходимо выявить свое подлинное «я» и т. д. Ты очень уж буквально восприняла мои высказывания и не сумела увязать их с теми конкретными явлениями, к которым они относились. Ты, видимо, не обратила внимания на то, что я неоднократно настаивал, чтобы часть своего времени ты посвящала музыке. Я всегда считал, что личность твоя в значительной мере развивалась под воздействием и в сфере искусства и что ты подвергла себя своего рода ампутации, направив свою жизнь по иному руслу, подчинив ее сугубо практическим, повседневным интересам. В твоей жизни, я бы сказал, произошла ошибка «метафизического» характера, приведшая к таким последствиям, как расстройство и нарушение психофизического порядка и расстройство нервной системы. Помню, я как-то утверждал — к твоему превеликому негодованию, — что ученые не исходят в своей деятельности из каких-либо корыстных «интересов». Ты возразила мне, что они всегда «корыстны». Ты не учла, что я ведь употреблял «итальянскую» терминологию и, говоря так, имел в виду философские теории одного из представителей итальянской культуры, профессора Лориа, который трактовал понятие «интерес» в негативном смысле этого слова: в «Тезисах о Фейербахе» «интерес» в таком именно смысле квалифицируется термином «schmutzig jüdisch» — грязно-торгашеский¹. Ну так вот, мне кажется, что ты направила свою жизнь по такому «грязно-торгашескому» руслу, не будучи (да этого и не могло быть)

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.— *Прим. ред.*

внутренне твердо убежденной в том, что ты правильно поступаешь. По-моему, твоя личность нуждалась как раз в том, чтобы выйти из этой первоначальной фазы, раскрыться, развить многие стороны твоей прежней жизни «бескорыстного» музыканта (что отнюдь не значит, конечно, «витающего в облаках») или «корыстного» не в прямом, не в механическом смысле этого слова. Но мне не хочется читать тебе ученую проповедь.

Дорогая, надеюсь, что со временем ты обрешь большую внутреннюю свободу и сможешь делиться со мной всеми твоими мыслями и чувствами. Давно уже ты не присылала мне своей фотографии; а мне она очень нужна (не говоря уже о том, что она мне дорога), чтобы определить, в каком ты сейчас состоянии. Напиши мне, сколько ты вешишь. Хорошо, если бы ты прислала мне также новые фотографии Джулиано и Делио, более удачные, чем те, что я получил в последний раз; сообщи мне заодно их рост и вес.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

Н. В. Надеюсь, что выражение «грязно-торгашеское», которое я употребил выше, не будет неправильно понято тобою. Я говорю это потому, что недавно между мной и Таней произошла дискуссия в письмах по вопросу о сионизме, и мне не хотелось бы, чтобы из-за этого выражения меня заподозрили в антисемитизме. К тому же разве тот, кому оно принадлежит, не был евреем?

СХХ

Тюрьма в Турин, 4 апреля 1932 года

Дорогая мама,
получил письмо Меи и от души посмеялся, читая историю про синьора Сиаса, который с помощью разных словарей толкует «письма» кур. Надо посоветовать ему сфотографировать яйцо, увеличить фотографию и послать ее профессору Тарамелли в Музей в Кальяри. Может быть, в самом деле язык, употребляемый курицей для того, чтобы написать свое послание,— это язык пунический, в том случае, если курица является потомком кур времен Карфагена, и послание это откроет место, где зарыт клад,

состоящий, скажем, из монет эпохи «antigoriu»¹ и потому представляющий особую ценность. Сведения, которые прислала мне Мея о подготовительной школе, очень скупы. Мне хотелось бы знать побольше: что-нибудь о книгах для чтения, о сочинениях на итальянском языке, о содержании школьной программы, о расписании и т. д. Жду письма Франко; надеюсь, ему захочется рассказать мне о том, что он строит с помощью конструктора.

Жизнь моя течет попрежнему и все так же скучна и однообразна. Поищите, пожалуйста, среди книг на известной вам этажерке, нет ли там брошюрки под заглавием «Южный вопрос».

Нежно обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

СХХI

Тюрьма в Туре, 4 апреля 1932 года

Дорогая Таня,

...я не хочу ни «Мачедонии», ни какого-либо другого сорта табака: как я тебе уже писал однажды, мне удалось значительно сократить количество употребляемого табака: я остановился на одной пачке «Мачедонии» на пять дней. Однако, когда я привыкну к этой норме, я буду стараться и дальше постепенно сокращать ее. Ни к чему мне и кофе без кофеина, ведь я и не могу его приготовить. Тут можно изредка получить немного горячей воды, но она годится только для ножных ванн, а не для питья, так как она предназначается для нагревания больших котлов и доводится, конечно, не до кипения, а лишь до шестидесяти-семидесяти градусов. Ну а ты, как я тебе уже не раз писал, слишком часто строишь воздушные замки.

Мне было очень тяжело и больно узнать, что Джакомо² умер; наша дружба была гораздо более глубокой и крепкой, чем это могло показаться тебе; ведь внешне Джакомо был мало экспансивен и немногословен. Уверяю тебя, это был человек редких качеств; в последние годы,

¹ Antigoriu — древняя, легендарная (*сард.*).

² Бернольфо, Джакомо — туринский рабочий; он ведал службой охраны «Ордине нуово». К Грамши он питал чувство глубокой любви и привязанности, сопровождал его по улицам Турина, когда действия фашистов начали принимать угрожающий характер: Бернольфо считал, что несет ответственность за жизнь Грамши. После похода фашистов на Рим он эмигрировал в СССР.

правда, он очень сильно изменился и физически страшно сдал. Тогда, когда я с ним познакомился — сразу же после войны, — он обладал геркулесовой силой (он служил сержантом в частях горной артиллерии и переносил на плечах тяжеленнейшие части орудий) и отличался безграничной смелостью и отвагой без малейшей примеси фанфаронства. При всем этом ему была присуща невероятная чувствительность, проявлявшаяся иной раз в несколько мелодраматической форме, но зато всегда искренне, без всякой рисовки. Он знал наизусть множество стихов, но, как правило, они были почерпнуты из той дешевой романтической литературы, которая так по вкусу народу (вроде оперных либретто, написанных, в лучшем случае, в нелепо вычурном стиле и приправленных безвкусно-сладчайшей патетикой, что, однако, неизменно нравится); он любил выступать с этими стихами и краснел как мальчишка, застигнутый врасплох, всякий раз, когда замечал, что я пробираюсь среди публики, чтобы послушать его. В этом воспоминании, все время встающем перед глазами, запечатлелась самая яркая черта его характера: я так и вижу этого великана, с подлинным воодушевлением декламирующего стихи, которые отнюдь не отличаются хорошим вкусом, но в которых выражены простые, сильные и пылкие чувства, — вижу, как он вдруг останавливается и краснеет, заметив, что его слушает «интеллигент», хотя этот интеллигент — его друг.

Обнимаю тебя.

Антонио.

СХХII

Тюрьма в Тури, 11 апреля 1932 года

Дорогая Таня,

на этой неделе я получил от тебя только одну открытку (от 6-го). Ты тоже, наверное, получила мое письмо, написанное 8 дней тому назад, и, таким образом, уже знаешь, что лекарства, которые ты мне послала, я получил. Надеюсь, что ты примешь во внимание мои замечания. Вполне возможно, что тот режим питания, которого я придерживаюсь, не очень хорош, но это максимум того, что я могу сделать (вот уже несколько дней как я заменил лапшу рисом, и мне кажется, что так лучше). Конечно, было бы неплохо съедать ежедневно, как ты советуешь, тарел-

ку легкого супа, но, поскольку это неосуществимо, незачем и думать об этом. Как я писал тебе, я мог бы, в лучшем случае, получать такой суп раз в пятнадцать дней, ибо для каждого раза требуется официальное обращение. Пока что я продолжаю употреблять пептоновый экстракт, о чем я тебе также писал, который полезен и с рисом.

Нежно обнимаю тебя, дорогая Таня.

Антонио.

СХХІІІ

Тюрьма в Турн, 11 апреля 1932 года

Дорогая Юлька,

хочу сделать несколько добавлений к моему предыдущему письму, которое, вероятно, показалось тебе несколько бесвязным и не очень убедительным. Это вполне возможно, ибо у меня самого остается такое впечатление от моих писем, стоит мне только поставить точку. Писать, как ты знаешь, дозволяется лишь в определенные часы, в определенные дни. Мысль, что я могу не уложиться в положенное время и не успеть написать все, что хотелось бы, преследует меня, и я начинаю писать эллиптическими фразами, намеками, вкрапливая в заранее обдуманную общую канву письма мысли, возникающие в тот момент, когда я пишу; в результате получается — по крайней мере на мой взгляд — некое *pot-pourri*¹.

Я хотел написать тебе следующее: волнения твои кажутся мне необоснованными в силу целого ряда соображений, связанных с поднятой тобой проблемой, в особенности же необоснована ссылка на меня, поскольку мои высказывания истолкованы неправильно. Давая оценку самой себе и своему вкладу в жизнь, ты не учитываешь, что в какой-то определенный момент, перестав заниматься искусством и переключившись на другой вид деятельности непосредственно практического порядка, ты дала тем самым новое направление развитию своей личности. Кроме того, мне кажется, что ты всегда придавала слишком ограниченный и узкий смысл таким понятиям, как «полезность» и «практичность» (что является теоретической ошибкой, которую я квалифицировал термином «грязно-торгашеский»), и это привело тебя к выводу, к

¹ *Pot-pourri* — *зд.* мешанина, смесь (*франц.*).

навязчивой идее, будто ты недостаточно «полезна» и «не способна» быть «полезной» в том плане, в каком, как ты ошибочно полагаешь, надлежит быть полезной. У меня сложилось впечатление, что в этом корень твоего заболевания, причина того «комплекса неполноценности», который сейчас подтачивает твои силы и ранит твою чувствительность, обостренную событиями последних шести лет, но который давал себя знать в крайне острой форме и раньше.

Дорогая, обнимаю тебя крепко-крепко. *Антонио.*

СХХIV

Тюрьма в Тури, 18 апреля 1932 года

Дорогая Таня,

благодарю тебя за то, что ты переписала для меня Юлино письмо, в котором она сообщает тебе более подробные сведения о состоянии здоровья Делио.

...Когда я прочту книгу Кроче, я смогу написать большую критическую заметку о ней и буду рад, если окажусь тебе таким образом полезным; только не жди, конечно, законченной рецензии, ибо такие статьи не пишутся ведь с ходу, в один присест. Впрочем, я уже прочел вводные главы этой книги, поскольку они вышли несколько месяцев назад отдельной брошюрой, и могу, в сущности говоря, уже сейчас указать тебе на кое-какие моменты, которые, быть может, окажутся тебе полезными при исследовании избранной тобой темы и помогут тебе более глубоко ознакомиться с предметом, если ты хочешь придать своей работе известную целостность и широту.

Первый вопрос, который, мне думается, следует поставить, таков: какие культурные интересы доминируют ныне в литературной и философской деятельности Кроче; несут ли они злободневный характер или же имеют более общее значение и отвечают более глубоким потребностям, чем те, которые порождены страстями сегодняшнего дня? Ответ не вызывает сомнения: истоки деятельности Кроче восходят к прошлому, точнее, ко временам войны. Чтобы понять его последние работы, надо перечитать его статьи о войне, собранные в двух томах («Страницы о войне» — «Pagine sulla guerra» — 2-е, дополненное издание). У меня нет этих двух томов, но я читал эти

работы, по мере того как они печатались. Суть их может быть вкратце изложена так: борьба против той концепции характера войны, которая сложилась под влиянием французской и масонской пропаганды, а именно — будто война является войной за цивилизацию, войной типа «крестовых походов», когда народные страсти достигают такого накала, который близок к религиозному фанатизму. За войной ведь последует мир, то есть за конфликтом должно следовать возобновление сотрудничества между народами, и не только это: на смену военным блокам придут блоки мирного времени, и отнюдь не обязательно, чтобы их состав совпадал.

Но как, спрашивается, возможно возобновление этого сотрудничества в общем масштабе и между отдельными странами, если какой-нибудь преходящий критерий утилитарной политики возводится во всеобщий и категорический принцип? Необходимо поэтому, чтобы интеллигенция оказывала сопротивление этим иррациональным формам пропаганды и, не ослабляя своей страны, находящейся в состоянии войны, противилась бы этой демагогии во имя спасения будущего. Кроче всегда в моменте мира видит момент войны и в моменте войны — момент мира, и деятельность его направлена на то, чтобы не дать уничтожить возможность посредничества и компромисса между этими двумя моментами. Практически позиция Кроче позволила итальянской интеллигенции вновь установить отношения с немецкой интеллигенцией, что, однако, оказалось (да и поныне является) весьма нелегким делом для французов и для немцев. Следовательно, деятельность Кроче принесла пользу итальянскому государству в послевоенный период, когда развитие национальной истории привело к распаду франко-итальянского военного союза и к повороту в политике, направленной отныне против Франции и на сближение с Германией. Таким образом, Кроче, который никогда не принимал активного участия в политике в качестве партийного деятеля, стал министром просвещения в правительстве Джолитти в 1920—1921 годы. Но покончено ли с войной? И покончено ли с такими ошибками, как неправомерное возведение политических критериев, порожденных данным конкретным моментом, в общий принцип или превращение определенных идеологических концепций в философские системы и новые религии? Нет, конечно. Следовательно, борьба в сфере духовной

и нравственной продолжается, страсти, порождающие эту борьбу, все так же жгучи и покидать поле битвы не следует.

Второй вопрос — это вопрос о месте, которое занимает Кроче в мировой культуре. Кроче еще до войны очень высоко чтили в кругах интеллигенции различных стран мира. Интересно отметить, что вопреки сложившемуся мнению он пользовался большей известностью в англо-саксонских странах, чем в странах немецкого языка; его произведения, переведенные на английский язык, переиздавались несчетное количество раз — куда больше, чем на немецком или итальянском языках. Кроче, как это явствует из его работ, преисполнен сознания высокой значимости своей роли leader¹ мировой культуры и сознания той ответственности и тех обязанностей, которые налагает на него эта роль. Совершенно очевидно, что работы его рассчитаны на международного читателя, на читателя élite².

Следует напомнить, что в последние годы прошлого столетия работы Кроче по теории истории идеологически вооружили два самых крупных «ревизионистских» движения того времени: одно из них (в Германии) возглавлял Эдуард Бернштейн, другое (во Франции) — Сорель. Сам Бернштейн писал, что он пришел к выводу о необходимости пересмотреть свои философские и экономические воззрения, после того как прочел труды Кроче. Тесная связь между Сорелем и Кроче была общеизвестна, но насколько глубокий характер носила эта связь, выявилось с предельной ясностью только тогда, когда были опубликованы письма Сореля, в которых он неоднократно и с поразительной откровенностью подчеркивает свое полное духовное подчинение Кроче. Но в своей ревизионистской деятельности Кроче пошел еще дальше, что проявилось со всей очевидностью во время войны, и особенно после 1917 года. Новая серия исследований по теории истории, начатая им после 1910 года, открывается «Хроникой, историей и псевдоисторией» («Chronache, storie e false storie») и завершается последними главами «Истории итальянской историографии XIX века» («Storia della storiografia italiana nel secolo XIX»), очерками о политической науке и последними его литературными работами, в числе которых и «История Европы» («Storia d'Europa»)

¹ Leader — лидер (англ.).

² Elite — эд. избранного (франц.).

(так по крайней мере это явствует из тех глав, которые я прочел). Превыше всего, мне думается, Кроче дорожит своей позицией leader ревизионизма, видя в этом самую существенную сторону своей внешней деятельности. В кратком письме, адресованном профессору Коррадо Барбагалло и напечатанном в одном из номеров «Нуова ривиста сторика» за 1928 или за 1929 год (не помню точно), он прямо говорит, что все усилия, затраченные им на разработку теории истории как истории этико-политической (то есть вся или почти вся его чуть ли не двадцатилетняя деятельность как мыслителя), направлены на углубление той ревизионистской доктрины, которую он выработал еще сорок лет тому назад.

Дорогая Таня, если такого рода заметки могут пригодиться тебе для твоей работы, напиши мне, и я постараюсь поделиться с тобой еще кое-какими мыслями.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХХV

Тюрьма в Тури, 25 апреля 1932 года

Дорогая Таня,

...я так и не знаю еще, заинтересовали ли тебя заметки о Кроче, которые я написал для тебя, и пригодились ли они для твоей работы; надеюсь, ты сообщишь мне об этом, и тогда мне будет легче ориентироваться в дальнейшем. Как бы там ни было, имей в виду, что это — всего лишь наброски и наметки, которые нуждаются в развитии и дополнении. Я изложу тебе кое-какие мысли и в этом письме; потом ты сможешь привести все мои заметки в порядок так, как это покажется тебе наиболее целесообразным. Очень интересен, по-моему, вопрос о причинах, обусловивших огромный успех произведений Кроче; такой успех обычно не выпадает философам при жизни, да и вообще крайне редко наблюдается за пределами академических кругов. Одна из причин этого успеха, по-моему, — в стиле. Кроче считают самым крупным прозаиком после Мандзони. Это утверждение я считаю правильным, с той лишь оговоркой, что проза Кроче схожа не столько с прозой Мандзони, сколько с научной прозой великих ученых, в особенности Галилея. Новизна стиля Кроче проявляется именно в области научной прозы,

в его умении очень просто и в то же время очень ярко излагать предмет, который другие авторы обычно освещают путано, туманно, бессвязно и многословно. Литературный стиль соответствует духовному и нравственному облику Кроче, его мироощущению, которое можно назвать гётевским по ясности, уравновешенности, невозмутимости. В то время как столько людей теряют голову и мечутся в «духовной панике», раздираемые апокалиптическими чувствами, Кроче с его несокрушимой уверенностью в том, что зло метафизически не может одержать верх и что история строится на разумной основе, становится точкой опоры, источником, откуда можно черпать внутреннюю силу. Следует учесть, кроме того, что многим учение Кроче вовсе не представляется в виде тяжеловесной и, следовательно, трудно усвояемой философской системы. Самое большое достоинство Кроче, думается мне, заключается в следующем: он сумел изложить свою концепцию, избежав сухости и педантизма, в целой серии коротеньких статей, в которых философия облечена в простую и ясную форму и воспринимается как «здоровый смысл», как «общепринятое суждение». Так, многие положения, сформулированные Кроче, со временем стали распространяться безмянно, проникали в газеты, в повседневную жизнь, и появилось множество «крочеанцев», которые даже не подозревают, что они являются крочеанцами, и которые, пожалуй, не знают и о существовании самого Кроче. Таким образом, в умы католических писателей проникли некоторые элементы новой идеалистической философии, от которых они тщетно пытаются ныне избавиться, стремясь представить томизм¹ как некую доктрину, которая полностью отвечает своему назначению и духовным потребностям современного мира...

Антонио.

СХХVI

Тюрьма в Тури, 25 апреля 1932 года

Дорогая мама,
ровно месяц, как от вас нет писем; последнее письмо Меи и Грациэтты отправлено из Гиларцы 24 марта. Хочу на-

---

¹ Томизм — официальная философская доктрина католической церкви, разработанная Фомой Аквинским (1225—1274). — *Прим. ред.*

дѣяться, что, какъ говоритъ пословица, «неполученная вѣсть — уже добрая вѣсть» или хотя бы признакъ того, что особыхъ переменъ у васъ не произошло. Несколько дней тому назадъ я получилъ открытку отъ Терезины съ поцелуями отъ Дидди. Скажи Терезине, что я, наконецъ, отведалъ дичь въ масле, которую она послала мнѣ къ рождеству, и что дичь оказалась оченьъ вкусной; приготовлена она была превосходно, и мясо, хорошо пропитавшееся масломъ, само стало нежнымъ, какъ масло, такъ что я смогъ съестъ его безъ всякихъ затрудненій, хотя у меня уже нѣтъ крепкихъ зубовъ. Надо также отметить, что дичь была отборной, редкостной по величинѣ и по упитанности; предполагаю, что подстрелилъ ее Паоло, такъ что моя похвала и моя благодарность относятся также и къ нему. Въ жизни моей — ничего новаго, никакихъ переменъ; да и откуда имъ быть? Все то же однообразное, какъ «ave Maria»¹, чередование дней, похожихъ одинъ на другой и одинаково скучныхъ.

Крепко обнимаю тебя.

Антонио.

СХХVII

Тюрьма въ Тури, 2 мая 1932 года

Дорогая Таня,
получилъ твои письма отъ 23, 25 и 27 апреля. Не знаю, пошлю ли я тебѣ когда-нибудь обещанный планъ исследования объ «итальянской интеллигенци». Моя точка зрѣнія время отъ времени претерпеваетъ изменения, поэтому, пожалуй, рано еще переходить къ обобщеніямъ и синтезу. Пока же все это еще въ стадіи осмысливанія и требуетъ дальнейшей серьезной работы. Не вздумай только переписывать «проспектъ» предполагающагося изданія объ итальянцахъ за границей; нѣтъ смысла это дѣлать, темъ более, что въ «Марцокко» уже было напечатанно оченьъ точное изложеніе этого «проспекта». Если можешь достать одинъ экземпляръ этого журнала — хорошо, если нѣтъ — обойдусь и безъ него. Точно такъ же не нужны мнѣ для изученія вопроса объ экономическихъ взглядахъ Маккиавелли и произведенія Уильяма Петти². Ссылка на эти работы интересна, но недостаточно и одной ссылки. Я, пожалуй, скорее

¹ «Ave Maria» (лат.) — «Богородица Дева, радуйся» — католическая молитва. — *Прим. ред.*

² Петти, Уильямъ (1623—1687) — англійскій статистикъ и экономистъ, основатель буржуазной классической политической экономіи. — *Прим. ред.*

попрошу через некоторое время полное собрание сочинений самого Маккиавелли; если помнишь, я просил прислать мне это издание, когда был в Милане, но в то время оно еще не вышло в свет.

...Могу наметить тебе еще несколько отправных положений, из которых следует исходить при работе над книгой Кроче (которую в данном издании я еще не читал). Хотя заметки эти и несколько отрывочны, думаю, что они все же могут тебе пригодиться. Ты сама приведешь их потом в порядок, сообразуясь с задачами твоей работы. Я уже указывал на то, что Кроче придает весьма большое значение своей теоретической деятельности в качестве ревизиониста и что все его усилия, как мыслителя, в течение последних 20 лет были направлены — по его собственному откровенному признанию — на завершение «ревизии», с тем чтобы она привела в конце концов к ликвидации. Как ревизионист, он способствовал возникновению экономико-юридического течения в историографии (течение это хотя и ослабло, однако существует и поныне; представлено оно главным образом академиком Джоаккино Вольпе). Теперь же Кроче облек в литературную форму концепцию истории, которую он именует этико-политической; образцом такого историографического направления должна была стать «История Европы». В чем же заключается то новое, что привнес Кроче? Имеет ли оно то значение, которое Кроче ему приписывает, и, главное, может ли оно оказать «ликвидаторское» действие, как на это претендует Кроче?

Можно твердо сказать, что Кроче, рассматривая историко-политическую деятельность, делает упор исключительно на тот момент, который в политике называется «гегемонией» согласия, гегемонией, осуществляемой через сферу культуры в отличие от момента насилия, принуждения, законодательного, государственного и полицейского вмешательства. По правде говоря, непонятно, почему Кроче верит в то, что такая концепция истории способна привести к окончательной ликвидации философии *практики*¹.

Случилось, однако, так, что в тот же период, когда Кроче изготовлял свою так называемую «палицу», круп-

---

¹ Здесь и далее философией «практики» Грамши называет марксистскую философию. К подобной терминологии Грамши был вынужден прибегнуть, чтобы обойти тюремную цензуру.— *Прим. ред.*

нейшие современные теоретики философии *практики* стали разрабатывать эту философию в том же направлении, и момент «гегемонии» или руководства, осуществляемого через сферу культуры, был подвергнут последовательной переоценке в борьбе с механистическими и фаталистическими концепциями экономизма¹. Можно даже утверждать, что главной чертой новейшей фазы развития философии *практики* является именно историческо-политическая концепция «гегемонии». Поэтому мне кажется, что Кроче не *up to date*² в своих изысканиях и в подборе библиографии для своих излюбленных исследований либо же он утратил присущую ему способность критической ориентации. Сведения, которыми он оперирует, почерпнуты, повидимому, в основном из пресловутой книги венского журналиста Фюлоп-Миллера³. Это положение следовало бы развить и глубоко проанализировать, но для этого пришлось бы написать большое исследование. Ну, а в той мере, в какой это может интересовать тебя, достаточно, мне думается, и этих общих замечаний; развить их более пространно мне было бы сейчас трудно-вато...

Нежно обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

СХХVIII

Тюрьма в Тури, 9 мая 1932 года

Дорогая Таня,

...отныне надо будет обязательно придерживаться следующего правила: если мне потребуется какая-нибудь книга, я сам ее попрошу. В последнее время книги, посланные на мое имя, не передаются мне; по поводу каждой из них я должен был обращаться с прошением в министерство — занятие не только нелепое, но и весьма скучное. Ты не находишь? Я просил тебя подписаться на «Культуру», на что я уже получил разрешение. Не знаю, сделала ли ты это. Только что узнал, что журнал этот выходит четыре раза в год и что первый номер за 1932 год уже вышел.

¹ Подразумевается экономический материализм. — *Прим. ред.*

² *Up to date* — современен (*англ.*).

³ Фюлоп-Миллер, Рене — апологет католицизма, автор ряда работ, направленных против СССР. — *Прим. ред.*

Из дома не имею писем уже более полутора месяцев. Недели две тому назад получил открытку от Терезины с одними лишь приветами.

...Ввиду того что я еще не читал «Истории Европы», я не могу высказать никаких замечаний относительно ее содержания. Зато могу добавить к тому, что я писал тебе, еще несколько мыслей, которые, как ты сама увидишь, лишь на первый взгляд касаются внешней стороны вопроса. Я уже писал тебе, что в течение последних двадцати лет вся деятельность Кроче как историка была направлена на разработку этико-политической концепции истории в противовес экономико-юридической концепции; последняя берет начало от той концепции «исторического материализма», которая сложилась в результате ревизионистской деятельности самого же Кроче. Однако спрашивается: является ли действительно историческая концепция Кроче этико-политической? Мне кажется, что концепция Кроче может быть названа лишь «спекулятивной» или «философской», а отнюдь не этико-политической; именно поэтому, а вовсе не потому, что она является этико-политической концепцией, она и противоречит историческому материализму. Этико-политическая история не отвергается историческим материализмом, поскольку она является историей момента «гегемонии»; отвергается «спекулятивная» история — как и вообще всякая «спекулятивная» философия.

Обосновывая свою философскую концепцию, Кроче говорит, что он хотел освободить современную философскую мысль от всяких следов трансцендентности, от теологии и, следовательно, от метафизики в общепринятом смысле этого понятия. Следуя по этому пути, он дошел до отрицания философии как системы именно потому, что в понятии системы сохранился элемент теологического порядка. Однако философия Кроче — философия «спекулятивная», и как таковая она продолжает в полной мере развивать трансцендентность и теологию, пользуясь языком истории. Кроче настолько увлечен своим спекулятивным методом и языком, что в своих суждениях он исходит только из них. Так, например, он пишет, что экономическая структура является как бы скрытым божеством философии *практики*, но это было бы правильным лишь в том случае, если бы философия *практики* была спекулятивной философией, а не являлась бы воплощением абсо-

лутного историзма, очищенного по-настоящему, а не только на словах, от всяких трансцендентальных и теологических наслоений.

В этой связи возникает другая мысль, более непосредственно касающаяся концепции и построения «Истории Европы». Возможно ли создание некоей цельной истории Европы, которая вела бы свое начало от 1815 года, то есть от Реставрации? Если историю Европы излагать как процесс формирования определенного исторически сложившегося единства, то из нее нельзя исключать Французскую революцию и наполеоновские войны, которые и являются «экономико-юридической» предпосылкой этого исторически сложившегося европейского единства, моментом силы и борьбы. Кроче же берет следующий исторический этап, когда развязанные ранее силы пришли в равновесие, когда они прошли, так сказать, через «катарсис»¹; возводит этот этап в самодовлеющее явление и строит на этом свою историческую схему. То же самое он проделал с «Историей Италии»: начиная повествование с 1870 года, Кроче опускает фактор борьбы, экономический фактор, и превозносит один лишь этико-политический фактор, как будто последний свалился с неба.

Используя, естественно, все тонкости и ухищрения современного полемического языка, Кроче породил новую форму риторической истории: нынешняя ее форма — это и есть спекулятивная история. Еще очевиднее это становится, если разобрать «историческую концепцию», которая занимает центральное место в книге Кроче, то есть концепцию «свободы»; вступая в противоречие с самим собой, Кроче путает понятие «свободы» как философской категории или спекулятивной идеи с понятием «свободы» как идеологии, то есть как практического орудия управления, элемента доминирующего морального единства. Если вся история — это история свободы, то есть история духа, который создает сам себя (а на этом языке свобода равнозначна духу, дух равнозначен истории, а история равнозначна свободе), то почему, спрашивается, одна только европейская история XIX века должна считаться историей свободы? Значит, речь идет не об истории свободы в философском смысле, а об истории самосознания этой свободы и о распространении этого самосознания в виде опре-

---

¹ Катарсис — очищение (греч.).

деленной религии среди интеллигенции и в виде суеверных представлений среди тех слоев народа, которые чувствуют, что они участвуют в политическом блоке, знаменосцем и жрецом которого является интеллигенция. Речь идет, следовательно, об идеологии, то есть об одном из практических орудий управления, и надо изучить те конкретные опосредствующие звенья, на которые она опирается.

«Свобода» как историческое понятие сама по себе — диалектика истории, и она не имеет конкретных особых и индивидуализированных «представителей». История была стремлением к свободе даже в восточных сатрапиях, — доказательством чему служит то, что и тогда история находилась в «движении» и сатрапии эти рухнули. Одним словом, мне кажется, что меняются слова, что сами слова эти, пожалуй, хорошо подобраны, но что сущность вопроса даже не затронута.

Журнал «Ла критика фашиста» в одной из своих статей высказал — хотя и не очень ясно — правильное, по-моему, замечание, а именно, что лет через двадцать Кроче, бросив ретроспективный взгляд на нашу современность, сможет найти ей историческое оправдание, рассматривая ее как процесс свободы. Впрочем, если ты вспомнишь мою первую заметку о позиции, занятой Кроче во время войны, ты лучше поймешь его точку зрения: как «жрец» современной историзированной религии, Кроче поддерживает и тезис и антитезис в историческом процессе, отстаивая и тот и другой по «соображениям практического порядка», потому что в настоящем он видит будущее, и оно интересует его в такой же мере, как и настоящее. Каждому свое: «жрецам» — печься о завтрашнем дне. В сущности говоря, в этой «этико-политической» концепции имеется изрядная доза морального цинизма: это современная форма макиавеллизма...

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХХІХ

Тюрьма в Тури, 23 мая 1932 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 17-го и письмо от 19-го. Сведения, которые сообщил тебе Карло о состоянии моего здоровья, неточны; у меня не было тяжелых приступов ури-

цемии, хотя ясно, что продолжающийся катар кишечника, несомненно, связан с повышенной кислотностью. Но вот с некоторых пор я страдаю бессонницей, вернее, я не сплю не потому, что мне не хочется спать, а потому, что этому мешают причины внешнего порядка; в результате чувствую огромную усталость и очень изнурен, что, по видимому, отразилось и на моей внешности, раз Карло это заметил. Вопрос сложный, и мы об этом поговорим, если ты приедешь на свидание. Относительно срока твоего приезда у меня нет особых пожеланий: выбери время сама, когда тебе это будет со всех точек зрения удобно.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХХХ

Тюрьма в Тури, 23 мая 1932 года

Дорогая мама,

получил письмо Грациэтты от 13 мая. В прошлый понедельник Карло сказал мне, что состояние твоего здоровья немного улучшилось. Он, наверное, уже поделился с тобой своими впечатлениями о нашем свидании, ибо он заверил меня, что напишет тебе сразу же. Передай Мее, что скоро она получит, наконец, ту самую коробочку с пастелью, которую я пообещал ей почти год назад. Карло взял ее с собой и намеревался тотчас же переслать вам. А Терезина получит обещанную ей «Войну и мир» Толстого. Карло захватил с собой посылку с книгами, которую я приготовил, и обещал отправить вам; он это сделает, надо полагать, после того, как сам прочтет эти книги. Трудность с отправкой таких посылок состоит в том, что на станции Тури не принимают почтовых посылок в Сардинию; надо, чтобы кто-нибудь отвез их в Бари и отправил оттуда. Вот почему я не мог до сих пор выполнить обещание, данное в свое время Мее.

Из письма Грациэтты я узнал о смерти Джанпьетро Санна. Что же теперь делает Титино и где он живет? За это время он, наверное, совсем выжил из ума: он был на пути к этому, еще когда жил в Турине. Тогда, видимо, у него было тяжелое заболевание, какая-то разновидность эпилепсии. Во всяком случае, припадки у него бывали всякий раз, когда я говорил ему, что, учитывая его материальные условия и то обстоятельство, что я не мог бесконечно кормить его, ему надлежит вернуться в Гиларцу;

он падал навзничь и бился в конвульсиях с пеной у рта. Порой у меня возникало подозрение, что он симулирует, чтобы возбудить во мне жалость, но тут же мне становилось ясно, что для симуляции требуется все же какая-то доза ума и силы воли, а Титино, насколько я понимал, не обладал ни тем, ни другим. Возможно, что он поправился и начал работать; он был по натуре очень добр и дал бы тогда изрубить себя на куски из-за меня: он провожал меня на улице и с большой пунктуальностью приходил будить меня, полагая, что свершает тем самым невесть какие великие дела. У меня всегда было такое ощущение, что из-за его большого усердия ему не сегодня-завтра проломают голову.

Дорогая мама, сделай так, чтобы мне писали почаще.
Нежно обнимаю тебя и всех родных.

Антонио.

СХХХI

Тюрьма в Тури, 30 мая 1932 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 25-го и перевод от 28-го. Сердечно тебя благодарю, но уверяю тебя, что в этом не было никакой необходимости. Как я уже писал тебе несколько месяцев тому назад, тратить мне приходится сравнительно мало; помимо того, что тут просто невозможно купить что-либо, что могло бы вызвать аппетит, мне, в сущности говоря, лучше не нарушать строгой диеты, дабы не вызвать ухудшения. Всякое изменение и всякая попытка увеличить количество принимаемой пищи связаны для меня с такими болезненными последствиями, что я предпочитаю теперь избегать даже этих попыток. К тому же пока нет оснований для тревоги, и чувствую я себя не слабее, чем обычно. Не подумай только, что я стал фаталистом или же что я плыву по течению, как какая-нибудь chien crevé¹, — отнюдь нет: я все время изошряюсь в поисках наиболее разумных решений, но возможности выбора у меня крайне ограничены и все более сужаются после каждой новой попытки, которая оказывается тщетной. Но давай поговорим о более интересных вещах — так я смогу, по крайней мере, удовлетворить свою потребность немного поболтать.

¹ Chien crevé — дохлая собака (франц.).

Хочу поделиться с тобой кое-какими мыслями, с тем чтобы ты при случае изложила их П. и попросила его указать кое-какой библиографический материал, который позволил бы расширить сферу моих размышлений и дать им более четкую направленность. Мне хотелось бы знать, существует ли какой-нибудь специальный труд — пусть даже на английском языке — о методе исследования, применяемом Рикардо в области экономических наук, и о том новом, что Рикардо привнес в методологическую критику. В связи с тем, что десять лет тому назад отмечалось столетие со дня его смерти, наверное, была издана обширная литература по этому вопросу и можно подобрать то, что мне, собственно, и нужно. Вот о чем я сейчас думаю: можно ли считать, что труды Рикардо сыграли важную роль также и в развитии истории философии, а не только в развитии экономической науки, где он, безусловно, занимает место первостепенного значения? И можно ли считать, что Рикардо содействовал тому, чтобы первые теоретики философии *практики* пошли по пути преодоления гегелевской философии и создали свой новый принцип историзма, очищенный от каких бы то ни было следов спекулятивной логики? Мне думается, что это можно было бы попытаться доказать и что это стоит сделать. Я исхожу из двух основных положений в экономической науке — об «определенном рынке» и о «законе тенденций», принадлежащих, как мне кажется, Рикардо, — и рассуждаю так: не эти ли два положения послужили толчком для превращения концепции «имманентного» развития истории, выраженной идеалистическим и спекулятивным языком немецкой классической философии, в реалистическую, конкретно-историческую «имманентность», в которой закон причинности естественных наук был очищен от присущего ему механицизма и органически слился с диалектическим толкованием его в гегелевской философии?

Может быть, все эти мысли представляются еще туманными, но мне важно, чтобы они были понятны в своей совокупности, хотя бы приблизительно, настолько, чтобы можно было выяснить, ставился ли и изучался ли этот вопрос каким-нибудь исследователем Рикардо. Следует напомнить, что сам Гегель в других случаях видел необходимость этой связи между различными видами научной деятельности, а также между научной деятельностью и деятельностью политической. Так, в «Лекциях по исто-

рии философии» он писал о связи между Французской революцией и философией Канта, Фихте и Шеллинга и утверждал, что «только два народа — немцы и французы, как бы резко ни были они различны между собой, вернее, именно потому, что они резко различны,— участвовали в величайшем периоде мировой истории, охватившем конец XVIII и начало XIX столетия, ибо в Германии новые принципы вторглись в жизнь в виде «духа» и «мысли», тогда как во Франции они нашли свое выражение в реальной действительности».

В «Святом семействе» можно проследить, как это гегелевское положение о связи между французской политической деятельностью и немецкой философией было усвоено теоретиками философии *практики*. Надо выявить, как, в какой степени способствовала дальнейшему развитию новой теории классическая английская политическая экономия в той ее форме и на той методологической основе, которая была выработана Рикардо. Что классическая английская политическая экономия способствовала развитию новой философии—общепризнано, но относится это обычно к теории стоимости Рикардо. Мне кажется, что надо пойти дальше и установить вклад, внесенный английской политической экономией, вклад, так сказать, синтетический, то есть относящийся к восприятию мира и образу мышления, а не только аналитический, касающийся какой-либо одной определенной доктрины, пусть даже основополагающей. Работая над подготовкой критического издания произведений Рикардо, П. мог бы подобрать ценный материал по этому вопросу. Во всяком случае, пусть он узнает, была ли опубликована какая-нибудь работа, в которой освещаются эти вопросы и которая могла бы оказаться мне полезной в тюремных условиях, то есть учитывая, что я лишен возможности подыскивать нужный мне материал в библиотеках.

Дорогая Таня, нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХХХII

Тюрьма в Тури, 6 июня 1932 года

Дорогая Таня,

...попытаюсь ответить на те дополнительные вопросы, которые ты задаешь мне о Кроче, хотя я не совсем понимаю,

почему ты придаешь им такое значение. К тому же мне кажется, что я уже ответил на них в предыдущих заметках. Перечитай то место, где я писал о позиции, которую Кроче занимал во время войны, и посмотри, не найдешь ли ты там ответа на некоторые твои вопросы. Разрыв с Джентиле¹ произошел в 1912 году; инициатором был Джентиле, попытавшийся утвердить свою собственную «философскую независимость». Не думаю, чтобы Кроче изменил с тех пор свои взгляды, хотя он и сформулировал яснее свое учение; более значительные изменения произошли между 1900 и 1910 годами. Так называемая «религия свободы» отнюдь не является открытием этих лет; это лишь формула, резюмирующая четко те взгляды которые Кроче развивал на протяжении всей жизни, с того момента, когда отошел от католицизма,— как он сам об этом пишет в своей духовной автобиографии («Вклад в критику самого себя» — «Contributo alla critica di me stesso»). И не в этом, по-моему, Джентиле расходится с Кроче.

Мне кажется, что ты даешь неточное истолкование формуле «религия свободы», ибо придаешь ей мистический смысл (это можно заключить из того, что ты говоришь о ней, как о «прибежище» и, следовательно, о своего рода «бегстве» от мира и т. д.). А ничего этого нет. Религия свободы означает просто-напросто веру в современную цивилизацию, которая не нуждается в трансцендентности и в откровениях, а заключает в самой себе собственное рациональное начало и свою первооснову. Следовательно, формула эта — антимистическая и, если хочешь, антирелигиозная.

Для Кроче всякая концепция мира, всякая философия, поскольку она становится жизненной нормой, моралью, является «религией». Религии в смысле вероисповеданий также являются «религиями», но только «мифологически», следовательно, в некотором смысле «низшими», «примитивными», соответствующими чуть ли не историческому детству рода человеческого. Основы этой доктрины мы находим еще у Гегеля и у Вико, и они характерны для всех представителей итальянской идеалистической фило-

---

¹ Джентиле — итальянский реакционный философ. Так же, как и Кроче, примыкал к Неаполитанской школе, находившейся под влиянием гегельянства. Позднее стал идеологом фашизма. В 1944 году расстрелян итальянскими партизанами.— *Прим. ред.*

софии, будь то Кроче или Джентиле. На этой доктрине основывается школьная реформа Джентиле — в той ее части, которая касается преподавания религии в школах. Джентиле тоже считал, что преподавание религиозных дисциплин следует ограничить начальной школой (детство в полном смысле слова); во всяком случае, даже правительство не пожелало, чтобы эти дисциплины были введены в программу высших учебных заведений.

Я считаю, что ты неверно судишь о позиции, занимаемой Кроче в настоящий момент, полагая, что он более одинок, чем это есть на самом деле. Нельзя допускать, чтобы тебя мог ввести в заблуждение полемический ажиотаж, созданный литераторами, которые в большей или меньшей степени являются дилетантами и лишены чувства ответственности. Добрую часть своих нынешних воззрений Кроче изложил на страницах журнала «Политика», во главе которого стоят Коппола и министр Рокко; и я полагаю, что не только Коппола, но и многие другие убеждены в целесообразности занятой Кроче позиции; благодаря этой позиции создалась обстановка, в которой возможна подготовка для государственной деятельности новых правящих групп, всплывших на поверхность в послевоенные годы.

Если внимательно изучить итальянскую историю начиная с 1815 года, то можно увидеть, что маленькой правящей группе удавалось систематически «поглощать» те политические силы, которых выдвигали массовые движения оппозиционного характера. Так, с 1868 по 1876 год «Партия действия», партия Мадзини и Гарибальди, была поглощена монархией, а то, что от нее осталось и что продолжало существовать под названием республиканской партии, имело скорее фольклорно-историческое значение, чем историко-политическое. Явление это квалифицировалось как «трансформизм», но дело было не в единичном явлении; это был органический процесс, который заменил в формировании правящего класса то, что во Франции произошло во время Революции и при Наполеоне, а в Англии — при Кромвеле. И действительно, даже после 1876 года процесс этот подспудно продолжается. Он приобретает внушительный размах в послевоенный период, когда кажется, что традиционная правящая группа не в состоянии ассимилировать и «переварить» новые силы, выдвинутые событиями. Но эта правящая группа

оказывается более *malin*¹ и более способной, чем можно было предполагать: поглощение — дело трудное, тяжелое, но оно все же, несмотря ни на что, происходит — через множество каналов и с помощью различных методов.

Деятельность Кроче является одним из этих каналов и одним из этих методов; его учение дает, пожалуй, наибольшее количество «желудочного сока», пригодного для процесса пищеварения. Взятая в исторической перспективе, в перспективе итальянской истории, разумеется, деятельность Кроче предстает в виде самого мощного механизма, каким только обладает сегодня правящая группа для «приспособления» новых сил к ее жизненным интересам (и не только к нынешним интересам, но и к интересам будущим), и мне думается, что она ценит его по заслугам, несмотря на несколько обманчивые внешние проявления. Когда загружают в плавильную печь различные элементы, из которых хотят получить сплав, то бурление свидетельствует как раз о том, что происходит образование сплава, а не обратный процесс. Впрочем, в человеческих делах согласие всегда предстает в виде разногласий, то есть в виде борьбы и столкновений, а не в виде трогательных объятий на сцене. Но это все же согласие, и притом самое глубокое и действенное...

Дорогая, нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СXXXIII

Тюрьма в Тури, 19 июня 1932 года

Дорогая мама,

получил письма от 15-го числа от Грациэтты и Меи и спешу поздравить Франко и Мею с блестящим успехом, одержанным на экзаменах. С большим нетерпением жду письма от Франко; надеюсь, он расскажет мне, нравится ли ему учиться — теперь, когда он перешел уже во второй класс. Первый экзамен — это ведь очень важное событие в жизни; отныне можно считать, что Франко стал членом общества, гражданином, ибо он сумел показать другим, чего он стоит в свои годы, и люди вынесли свое суждение и дали ему положительную оценку. По-моему, это имеет

¹ *Malin* — хитрый (франц.).

куда большее значение, чем первое причастие. Надеюсь, что и Мея тоже сообщит мне разные подробности. Так и не знаю, послал ли ей Карло коробочку с пастелью; если нет — попроси его, чтоб он сделал это поскорее. Благодарю Грациэтту за вести, которые она мне прислала: она уже писала мне как-то о смерти Эмилио и Патрицио Карта, но о том, что Анджелико умер, я не знал. Мне больше всего жаль их мать — я ее хорошо помню, и помню как очень славную женщину.

...У меня все попрежнему.

Крепко тебя обнимаю.

Антонио.

СXXXIV

Тюрьма в Тури, 27 июня 1932 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 20-го и заказное письмо с письмами Юлии и Делио. Письма Делио интересны, не правда ли? Но что означают стихи о вешних водах, которыми он заканчивает свое письмо ко мне, то есть с какой целью он их переписал и почему ему хотелось, чтобы я их прочел? Как ты считаешь, стоит ли послать ему итальянское иллюстрированное издание «Пиноккио»¹? Существует издание с иллюстрациями художника Аттилио Мусино (издано во Флоренции Бемпорадом), но, насколько мне помнится, иллюстрации не очень удачны — мне, во всяком случае, они не понравились. Я с детства создал себе свой образ Пиноккио, и когда я сталкивался с каким-либо иным его воплощением, отличным от того, которое было порождено моей фантазией, это раздражало и возмущало меня. Поэтому мне думается, что во Флоренции правильно поступили, не разрешив поставить памятник Пиноккио. Для флорентийских ребят это означало бы навязывание извне трафаретного образа, который мешал бы свободному полету их фантазии. А не в этом ли свободном полете фантазии заключается самое большое удовольствие, которое испытывают дети при чтении книг, подобных «Пиноккио»?

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

---

¹ Пиноккио — главный герой одноименной повести для детей итальянского писателя Карло Лоренцини (Коллоди) (1826—1890). Она послужила Алексею Толстому сюжетной основой для написания сказки «Золотой ключик». — *Прим. ред.*

Тюрьма в Тури, 27 июня 1932 года

Дорогая Юлька,

получил твои листочки, помеченные разными числами и разными месяцами. Читая эти письма, я вспомнил коротенькую новеллу одного малоизвестного французского писателя, Люсьена Жана, если не ошибаюсь, занимавшего должность мелкого служащего в каком-то городском управлении Парижа. Новелла эта озаглавлена «Человек в яме». Постараюсь вспомнить ее.

Один горожанин как-то весьма весело провел вечер; то ли он чрезмерно выпил, то ли вид обольстительных женщин несколько помутил его рассудок, факт тот, что, выйдя из кабачка и сделав несколько шагов зигзагом по шоссе, он свалился в яму. Было очень темно, и он так и остался лежать, застряв среди камней и кустарника; он изрядно испугался и боялся пошевелиться, чтобы не провалиться еще глубже. Кусты закрыли его, слизняки, ползая по нему, «посеребрили» его (возможно, что и жаба забралась к нему на грудь, чтобы послушать биение его сердца, поскольку она считала его еще живым). Прошло несколько часов; стало светать, и с первыми проблесками зари появились люди. Человек стал звать на помощь. Подошел какой-то господин в очках: это был ученый, возвращавшийся домой после работы в своей лаборатории. «В чем дело?» — спросил он. «Я хочу выбраться из ямы», — ответил человек. «Ага! Ты хочешь выбраться из ямы! А что ты знаешь о воле, о свободе воли, о воле зависимой? Ты хочешь, ты хочешь! Узнаю тебя, о невежество! Знать ты должен только одно: что ты стоял на ногах, согласно законам статики, и что ты свалился, согласно законам кинематики. Какое невежество, какое невежество!» И он пошел дальше, качая головой и преисполненный негодования.

Опять послышались шаги. Человек снова стал звать на помощь. Приблизился крестьянин с трубкой в зубах, таща на привязи свинью на базар. «Ага! Ты упал в яму, а? Видно, ты напился и весело провел время, а потом свалился в яму. Ну а почему же ты не пошел спать, как это сделал я?» И он удалился, мерно шагая под хрюканье свиньи. Потом подошел художник, который горестно застонал, узнав, что человек хочет выбраться из ямы, — ведь он был

так прекрасен, весь посеребрённый слизняками, с нимбом из трав и лесных цветов вокруг чела, так трогателен! Затем подошел священник и стал громко взывать к небу, клеймя развращенность горожан, которые веселились и спали в то время, как брат их свалился в яму. И в неистовстве он побежал в церковь, чтобы разразиться грозной проповедью. А человек оставался в яме до тех пор, пока, оглядевшись вокруг, не увидел, куда он свалился; тогда он стал высвобождаться из пут, напряг силы, уперся руками и ногами, встал на ноги и вылез из ямы сам, без посторонней помощи.

Не знаю, понравилась ли тебе эта новелла и очень ли она уместна. В какой-то мере, мне думается, что да: ты ведь сама пишешь, что не согласна ни с одним из тех двух врачей, к которым ты недавно обращалась, и что если до сих пор ты предоставляла решать за себя другим, то теперь ты хочешь проявить больше воли. Я не думаю, чтобы в этом стремлении была какая-то нотка отчаяния; по-моему, оно очень разумно. Надо сжечь все прошлое и построить совсем новую жизнь: нельзя допускать, чтобы это прошлое давило, угнетало тебя; надо сохранить из прожитой жизни лишь то конструктивное и прекрасное, что в ней было. Надо выбраться из ямы и сбросить с сердца жабу.

Дорогая Юлька, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СХХХVI

Тюрьма в Тури, 12 июля 1932 года

Дорогая Таня,

на этой неделе мне не довелось прочесть ни одного твоего письма. Меж тем одно заказное письмо пришло; мне это достоверно известно, ибо оно было распечатано в моем присутствии с целью проверки — не вложены ли туда какие-нибудь ценности; однако мне его до сих пор не вручили. Дорогая, я неоднократно писал тебе, что ты часто не отдаешь себе отчета в том, в каких условиях я нахожусь, и забываешь, что это значит — быть заключенным. Писал я тебе и о том, что слишком большое усердие приносит не пользу, а вред. Мне надо было, пожалуй, немного решительнее дать тебе это понять, но, когда я видел,

что ты никак не можешь внять моим настойчивым увещаниям, у меня порой просто руки опускались. Поэтому считаю нужным еще раз убедительно просить тебя:

1) не писать мне ни о чем другом, кроме семейных дел, и писать как можно более ясно и понятно, причем учти, что ясно и понятно должно быть, разумеется, не только тебе, но и всякому, кто может прочесть письмо, не будучи в курсе тех событий, о которых ты пишешь; ясно — это как раз и значит, что не должно быть ничего, что могло бы показаться неясным;

2) не посылать мне ничего, кроме белья. Это отнюдь не значит, что я хотел бы получить белье. Я говорю это просто в порядке уведомления: я не имею права ничего получать извне — ни продуктов, ни табака и папиросной бумаги, ни медикаментов или каких-либо иных вещей.

Дорогая, у меня страшно болит голова и мне трудно писать. На будущей неделе, когда я прочту твое письмо и письмо Юлии, я напишу тебе подробнее и отвечу Юлии. А тебя я прошу: как только ты получишь это письмо, пошли мне открытку, просто с приветом. Помни о том, что я сказал тебе выше, и, когда будешь писать мне, старайся писать попроще и поскупее — во избежание каких бы то ни было недоразумений и задержек.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СXXXVII

Тюрьма в Тури, 18 июля 1932 года

Дорогая Юлька,

получил два твоих письма, от 24 июня и от 3 июля. Я себя неважно чувствовал все это время (в течение последнего года такое самочувствие бывает у меня несколько чаще, чем раньше) и потому не в состоянии сейчас писать тебе много. Но мне хочется сказать тебе, что последние твои письма очень порадовали меня; у меня создалось впечатление, что ты определенно стала крепче и куда увереннее в своих силах. Радует меня и то, что ты не настаиваешь больше на лечении психоанализом; насколько я могу судить при моих ограниченных познаниях в этой области, мне кажется, что этот метод лечения в изрядной мере отдает шарлатанством и может привести (в том случае, если

лечащему врачу не удастся сломить сопротивления больного и силой своего воздействия вывести его из состояния депрессии) не к выздоровлению, а к обострению нервного заболевания, ибо у больного могут появиться новые основания для тревоги и его психическое расстройство только усугубится. Я думаю, дорогая, что мама, ратуя за то, чтобы ты превратилась, как она выражается, в «слона», показала себя самым надежным и заслуживающим наибольшего доверия врачом.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СХХХVIII

Тюрьма в Тури, 1 августа 1932 года

Дорогая Таня,

Получил твои письма от 26 и 28 июля вместе с письмом Юлии и фотографиями. Несмотря на отмеченные тобой недостатки, фотографии мне сами по себе понравились. Хотя Юлия, как видно, перенесла не мало, мне все же кажется, что она может поправиться, и довольно быстро, если только она будет следить за собой. Я с большим интересом прочел письмо мамы; оно, по-моему, подтверждает распространенное мнение, что бабушки умеют лучше писать о детях, чем их мамы.

За последние дни я немного пришел в себя. Во всяком случае, недомогания, которым я подвержен, носят теперь другой характер, и мне стало легче. Впрочем, не в данный момент, когда я пишу тебе. Здесь также наступила сильная жара; при малейшем усилии я обливаюсь потом, что крайне неприятно и очень ослабляет меня. Диета, которой я вынужден был придерживаться, состояла не из «жидкой» пищи, как тебе показалось, а была, так сказать, «водяной» диетой, то есть я абсолютно ничего не ел и в течение трех дней пил только немного лимонада по два раза в день. Молока я почти совсем не могу пить, а не то что 3 литра! Если в течение дня я выпиваю более одного литра молока, я чувствую себя очень плохо и организм не воспринимает его. Впрочем, пищеварение в общем улучшилось. Но есть я могу очень мало, так как у меня сейчас же появляются сильные боли в кишечнике, что очень ослабляет меня; этому содействует и жара, а также отсутствие отдыха, так как я лишен возможности

спать. Это — ужасное сплетение обстоятельств, и, видимо, у меня был очень большой запас терпения и сопротивляемости, если я мог до сих пор переносить все это.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

СХХХІХ

Тюрьма в Тури, 1 августа 1932 года

Дорогая Юлька,

...то, что ты пишешь о Делио и Джулиано и об их наклонностях, напомнило мне, как несколько лет тому назад ты думала, что у Делио явная склонность к инженерно-конструкторскому делу, теперь такая же склонность наблюдается как будто у Джулиано, а Делио увлекается литературой и... поэтическим творчеством. Скажу тебе правду: я не верю в эти столь ранние и весьма общие наклонности и не очень доверяю твоей способности выявлять пристрастие детей к какой-либо специальной области. Я думаю, что у них, как и у всех ребят, имеются самые разнообразные наклонности — и пристрастие к прикладным занятиям, и тяга к отвлеченному мышлению или к фантазированию; более того, мне кажется, что следует способствовать их развитию в этом направлении — в направлении гармонического сочетания всех их способностей — интеллектуальных и практических, а тяга к определенной профессии выявится у них в свое время, на основе уже устойчиво сформировавшейся и более или менее полно определившейся личности. Современный человек должен представлять собой синтез тех типизированных образов, в которых воплощены характерные национальные черты различных народов: американский инженер, немецкий философ, французский политик, — воссоздавая, так сказать, итальянского человека времен Возрождения. Это должен быть современный Леонардо да Винчи, то есть человек, вобравший в себя черты массы или коллектива и сохранивший в то же время свою яркую самобытную индивидуальность. Как видишь, совсем пустяковое дело! Ты хотела назвать Делио Лео; как же мы не подумали назвать его Леонардо? Как ты считаешь, может ли воспитательная система Дальтона создать новых Леонардо, хотя бы как коллективный синтез?

Обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 9 августа 1932 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 4 августа вместе с письмами Юлии. Мне кажется, что теперь можно с полным основанием утверждать, что Юлия «спаслась из моря и достигла берега»¹ и что для нее начинается новая жизнь. Я не жду от тебя никаких диагнозов моих заболеваний, диагнозов, которые ты можешь ставить лишь заочно, на основе данных, почерпнутых из нашей переписки. В письмах к тебе я отвожу немного душу, вот и все; пусть тебя не тревожат мои «горькие жалобы». Напротив, меня огорчает, когда ты считаешь возможным давать мне советы, которые практически нельзя осуществить, но которые кажутся тебе целесообразными и осуществимыми. Это всегда заставляет меня думать, что ты так и не уяснила себе, что такое тюремная жизнь и каковы ее отличительные особенности, а после пяти с половиной лет — это отнюдь не веселая жизнь. Так, например, твой неоднократно повторяемый совет питаться легкими супами может показаться смешным или же вызвать обратную реакцию в зависимости от темперамента. Ты ведь знаешь, что это излюбленная тема для карикатур на врачей. Сколько уже мы видели карикатур, на которых изображаются врачи, прописывающие беднякам пройти курс лечения в горах, пить хорошие вина, есть курятину и т. д. Остроты на эту тему всегда вызывают смех. Однако пациентам отнюдь не всегда бывает смешно. Что же касается лечения лимонадом, то оно вполне доступно, целебно, обходится недорого, не вызывает никаких осложнений и, надо сказать, действительно полезно. К тому же существует оно издавна... Ты помнишь новеллу Боккаччо о методе лечения, который применил разбойник Гино дель Такко, чтобы вылечить аббата Ключни, освободив его от необходимости лечиться водами? Так вот: значит, еще во времена Гино дель Такко этот способ лечения был хорошо известен, и, как видно, в каждом человеке, даже в том, который доведен до крайнего истощения, кроется аббат Ключни.

Обнимаю тебя.

Антонио.

¹ Слова из первой песни «Ада» «Божественной комедии» Данте. — *Прим. ред.*

Тюрьма в Тури, 15 августа 1932 года

Дорогая Юлька,

я уже писал тебе, что не могу быть полезным тебе в той работе, которой ты собираешься заняться в ближайшем будущем. Твое письмо от 2 августа убеждает меня в том, что я был совершенно прав. Как могу я указать, какие итальянские книги, вышедшие за последнее время и отражающие дух времени, тебе следовало бы прочесть? Я совершенно отрезан от живой современной жизни, а «современная жизнь» — это и есть те без малого 6 лет, что я нахожусь в тюрьме. За последние годы (то есть за последние четыре года, во всяком случае) я не прочел ни одной книги стихов итальянских (и не итальянских) авторов; последние художественные произведения, с которыми я ознакомился более четырех лет тому назад, — это два романа: один — Сибиллы Алерамо «Люблю, значит существую» (S. Aleramo «Amo, dunque sono») и второй — Рикардо Баккелли «Дьявол в Понтелунго» (R. Bacchelli «Il diavolo a Pontelungo»). Мой багаж, как видишь, очень невесом и скуден. Я приблизительно в таком же положении, что и ты, если не в худшем. Возможности мои по части чтения очень ограничены; как правило, я могу читать лишь одни и те же книги. Читаю и кое-какие журналы, в которых печатаются рассказы и повести, а порой и какой-нибудь роман, но в Италии журналы не следят с должным вниманием за развитием творческой мысли в стране и совершенно не освещают непрерывно меняющуюся картину жизни, как и отдельные ее аспекты. Они почти всегда носят скорее «археологический» характер, и притом не только тогда, когда занимаются вопросами литературы. Так, например, публикуются статьи о Джакомо Пуччини, о Энрико Панцакки, о Савонароле, о Маккиавелли, о Вергилии и т. д. Впрочем, некоторые журналы сетуют на оторванность искусства от жизни, на то, что литература не отражает злободневных проблем национальной жизни, на то, что молодежь расточает свои силы на формалистические искания и ухищрения в области стиля, метрики, языка. Все эти сетования, которые сами по себе могут представлять интерес, свидетельствуют о создавшемся в этой области безотрадном положении.

Из твоего письма, так же как и из предыдущих, видно, что у тебя создалось (быть может, в результате неправильной информации) слишком идиллическое и ложное представление о моей жизни, которая лишена — и до какого же страшного, невыносимого предела! — какого бы то ни было интересного содержания, каких бы то ни было духовных стимулов, всякого удовлетворения, то есть всего того, что делает жизнь достойной быть прожитой. Я живу, и то плохо, лишь животной, растительной жизнью. Я не хочу огорчать тебя, но не хочу также, чтобы у тебя было приукрашенное, превратное представление о том, как протекает моя жизнь. Впрочем, я к ней привык. И переношу все терпеливо, но, разумеется, без смирения. Однако мысль о том, что другие представляют себе окружающую меня действительность совершенно иной, чем она есть на самом деле, и воображают, будто я занимаюсь какой-то интересной и полезной деятельностью, меня в высшей степени раздражает и даже немного возмущает. Я еще острее чувствую, насколько я изолирован и оторван от жизни.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

СХLII

Тюрьма в Тури, 22 августа 1932 года

Дорогая мама,

давно уже никто мне не пишет, и, следовательно, я не имею никаких сведений о тебе. Несколько недель тому назад Татьяна переслала мне фотографии детей Терезины; они мне очень понравились. Мими действительно очень похожа на Эмму, когда та была маленькой. Прямо поразительно, в какой степени эти дети унаследовали семейные черты (у Делио и у Джулиано они тоже ярко выражены); кажется, будто видишь хорошо знакомые лица, и в памяти воскресают воспоминания далеких лет. Дидди, по-моему, очень похожа на Терезину, какой та была, когда мы жили еще в Соргоно и ходила с ней в приют, к монашкам, но она не такая кудрявая и белокурая, какой была Терезина. Когда я рассматривал последнюю полученную мною фотографию Делио, мне казалось, что я снова вижу Марио, каким он был в восемь лет. А личико Джулиано напоминает мне Наннаро и особенно

дядю Альфредо, который, по правде сказать, никогда не был мне очень симпатичен, хотя он и был очень похож на наших домашних (в отличие от дяди Чезаре, который, казалось, вышел из другой семьи). Но возможно, что это лишь поверхностные впечатления, вызванные скорее всего самовнушением. Однако почему же вы не оставили на снимке в группе детей того, кто был вместе с ними сфотографирован? Вероятно, это был Паоло. Жду вестей. Пусть Терезина и Грациэтта напишут мне.

Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

СХLIII

Тюрьма в Тури, 29 августа 1932 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 24-го с письмом от Юлии. Я много думал над твоим предложением о том, чтобы меня тщательно осмотрел хороший врач. Ты высказываешь, по-моему, в основном правильные соображения, и предложение твое заслуживает внимания. Вот что я по этому поводу думаю: я дошел до такого состояния, когда силы вот-вот окончательно изменят мне. Все эти дни я чувствую себя так плохо, как никогда: уже восемь дней я сплю не более 45 минут в сутки, а иногда не смыкаю глаз всю ночь напролет. Несомненно одно: если вынужденная бессонница и не вызывает сама по себе определенных заболеваний, то она обостряет имеющиеся недуги, а это связано с такими страданиями, что существование становится просто невыносимым. Все же, прежде чем принять твое предложение, я хочу еще раз попытаться обратиться к начальнику тюрьмы и, если понадобится, к представителю судебного надзора и выяснить, нет ли возможности изменить те условия, которые предопределяют нынешнее положение вещей. Это отнюдь не невозможно, и я предпочел бы такое решение вопроса, дабы избежать больших денежных затрат, связанных с посещением хорошего врача. Впрочем, и этот врач неизбежно пришел бы к заключению, что катастрофическое состояние моего здоровья в изрядной мере вызвано недосыпанием; вопрос встал бы именно в такой плоскости, и в этой плоскости его и надо было бы решать, по крайней мере на первых порах. В худшем случае надо будет отложить осуществление твоего плана на сентябрь. Таким образом, предложение

твое следует иметь в виду; ты можешь пока как следует все продумать, уточнить всякие детали и, быть может, даже предпринять необходимые шаги, чтобы выяснить, сколько это может стоить и на каком враче следует остановить свой выбор, ибо я полагаю, что в заявлении относительно разрешения на вызов врача надо будет указать его фамилию и прочие данные.

Дорогая, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CXLIV

Тюрьма в Тури, 29 августа 1932 года

Дорогая Юлька,

получил твое письмо от 14-го. Сегодня я не в силах писать много. Твои письма читаю всегда с большим интересом, они позволяют мне хоть на пару часов обрести немного радости и душевного покоя. Полагаю, что в день рождения Делио и в день рождения Джулиано ты многое им сказала и пожелала и от моего имени. Ты ведь можешь это сделать куда лучше, чем я сам, ибо, разговаривая с ними, можешь исходить из того образа, который они создали себе обо мне.

Дорогая, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CXLV

Тюрьма в Тури, 5 сентября 1932 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 26 августа, но это, в сущности говоря, переписанное тобою письмо Юлии к тебе. Ты ничего не написала мне ни о своей болезни ни о лечении, которое ты должна была проделать. Я снова стал принимать «седоброл» и надеюсь, что это поможет мне избавиться от того состояния нервного возбуждения, в котором я находился последнее время. Состояние это приняло настолько острую форму, что любая мелочь стала вызывать во мне крайне болезненную реакцию, выражающуюся в резких, судорожных подергиваниях. Письмо Юлии к тебе мне очень понравилось; думаю, что теперь мы можем быть спокойны за состояние ее здоровья. Мне хотелось бы знать, собираешься ли ты послать ей книги, так как я мог бы указать кое-какие названия, исходя из тех критериев, которые я высказал в моем сегодняшнем

письме к ней. Так, например, ей следовало бы, по-моему, иметь несколько специальных словарей. Обязательно — словарь Резаско; называется он примерно так: «Словарь итальянских историко-административных терминов». Он совершенно необходим при чтении итальянской историко-политической литературы для расшифровки встречающихся в этой литературе юридических, политических, административных, военных и прочих терминов. Но весь тираж этого словаря распродан, найти его можно только в букинистических магазинах и стоит он, наверно, довольно дорого. Ты можешь порасспросить какого-нибудь римского букиниста, но не очень-то полагайся на те цены, которые тебе назовут: цены у букинистов весьма «эластичны», и, прежде чем покупать книгу, надо прицениться к ней в нескольких магазинах. Лучше всего было бы обратиться к какому-нибудь специалисту по этому вопросу, который внушает доверие и который мог бы просмотреть каталоги крупнейших издательств. Можешь также послать ей, если хочешь, «Историю итальянской литературы» Франческо Де Санктиса (F. De Sanctis, «Storia della Letteratura Italiana»); это фактически история итальянской культуры (существует дешевое издание Тревеса, в двух томах, которое должно стоить восемь лир). Однако «История Де Санктиса» представляет собой совершенно особый труд — учебником она служить не может; таким учебником является «История итальянской литературы» Витторио Росси — V. Rossi, «Storia della Letteratura Italiana» (в трех томах, издатель Валларди), которая составлена с большой тщательностью и представляет собой большую ценность.

Я очень мало читаю и тут же забываю прочитанное. Как странно: в то время, как я помню давние события и множество связанных с ними подробностей, я не помню того, что произошло накануне или даже несколько часов тому назад. Все же я с большим интересом прочту «Беседы с Муссолини» Людвига (E. Ludwig, «Colloqui con Mussolini») и книгу префекта Мори о мафии. С большим интересом я прочел бы книгу профессора Адольфо Пагани (из «Оссерваторе ди экономика аграриа», выходящем в Эмилии) под заглавием «Батраки долины По» — A. Pagani «I braccianti della valle Padana» (она издана Национальным институтом аграрной экономики), а также ежегодник Коммерческого банка, в нем освещаются вопросы

экономического развития Италии, я аккуратно получал его в прошлые годы.

Дорогая Таня, напиши мне о своем здоровье. Обнимаю тебя.

Антонио.

CXLVI

Тюрьма в Тури, 5 сентября 1932 года

Дорогая Юлька,

возвращаюсь к твоему письму от 14 августа. То, что ты пишешь о Леонардо да Винчи, представляется мне неверным и неточным; тебе, повидимому, довелось видеть очень небольшое из того, что создано Леонардо-художником, и еще менее он известен тебе как писатель и как ученый. Абсолютно неверно суждение, которое ты мне приписываешь, будто «любить писателя или какого-либо другого художника — это не то же самое, что уважать его». Я никак не мог написать подобной... банальности; меня удержало бы от этого, не говоря уже о многом другом, хотя бы воспоминание о некоторых театральных произведениях, порожденных филистерским духом, в которых эти темы «любви без уважения» и «уважения без любви» были в целом ряде случаев разработаны применительно к супружеской жизни. Быть может, в своем письме я имел в виду, что следует отличать эстетическое наслаждение и позитивную оценку художественных достоинств и красоты произведения — то есть восхищение перед произведением искусства как таковым — от восхищения нравственного порядка, которое предполагает духовное, идейное родство с художником. Это разграничение мне кажется правильным и даже необходимым. Я могу эстетически восхищаться «Войной и миром» Толстого и не разделять идеологической сущности этого произведения; если бы оба эти момента совпадали, Толстой был бы моим «vade mesum», моим «livre de chevet»¹. То же самое можно сказать и в отношении Шекспира, Гёте и Данте. В отношении же Леопарди² — это было бы неверно, не-

¹ Vade mesum — путеводитель (лат.); livre de chevet — настольная книга (франц.).

² Леопарди, Джакомо (1798—1837) — итальянский поэт. Для творчества Леопарди характерны патриотические мотивы. Начиная с 1820 года в его произведениях появились пессимистические настроения, порожденные усилением реакции в Италии.— Прим. ред.

смотря на присущий ему пессимизм. В творчестве Леопарди в крайне драматической форме отразился кризис перехода к мировоззрению современного человека, критический отход от старых трансцендентальных концепций, в то время, когда еще не найден новый нравственный и духовный *ubi consistam*¹, способный дать ту уверенность, какую давало прежнее кредо.

...Дорогая Юлька, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CXLVII

Тюрьма в Тури, 12 сентября 1932 года

Дорогая Таня,

получил от тебя две открытки и два письма — от 8-го и 10-го. Должен сказать тебе откровенно, что последнее письмо меня особенно рассердило. Когда встает вопрос о врачах и лекарствах, ты начинаешь без удержу фантазировать и строить всевозможные проекты, тогда как я много раз просил тебя быть сдержаннее и не проявлять излишнего усердия. Когда я ходил в гимназию (маленькую сельскую гимназию в Санту Луссурджу, в которой три так называемых преподавателя без всякого зазрения совести обучали учеников всем наукам во всех пяти классах), я жил в доме одной крестьянки (я платил 5 лир в месяц за квартиру, постельное белье и за приготовление очень скромной пищи), у которой была немного придурковатая, но отнюдь не сумасшедшая старая мать. Она то и готовила, и ухаживала за мной, но каждое утро, завидя меня, она спрашивала, кто я такой и как это случилось, что я ночевал у них в доме, и т. д. Но это уже другая история. Я же собирался рассказать тебе о том, что эта дочь хотела избавиться от матери, хотела, чтобы муниципалитет отправил ее за свой счет в местную психиатрическую лечебницу; с этой целью она обращалась с ней предельно жестоко и изувержки, надеясь вызвать какой-нибудь эксцесс, который позволил бы объявить ее опасной. А старушка неизменно повторяла дочери, которая была с ней по обычаю на «вы»: «Говори мне «ты», но обращайся со мной хорошо». Не знаю, право, может ли эта история относиться и к тебе, но, во всяком

¹ *Ubi consistam* — зд. база, основание, точка опоры (лат.).

случае, я принужден просить тебя быть менее предупредительной со мной; это было бы самым лучшим доказательством твоей привязанности, которой я очень дорожу. Одним словом, ты должна делать только то, что я прошу тебя, не больше; не надо «приправлять» мои просьбы никаким «соусом» собственного изобретения, из-за которого иной раз кусок может застрять поперек горла, не надо фантазировать и строить нелепые гипотезы и т. д. К тому же я чувствую себя немного лучше и надеюсь, что и дальше здоровье мое будет улучшаться, а ведь это самое существенное, не правда ли?

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

CXLVIII

Тюрьма в Тури, 12 сентября 1932 года

Дорогая мама,

получил письмо Грациэтты от 24 августа, в котором она сообщает мне об урожае и о том, как выглядит новый дом, куда переехала Терезина. Я очень хорошо помню двор, где я играл вместе с Лучиано, и бассейн, где проводил «маневры» моего мощного флота, созданного из бумаги, тростника, прутьев и пробки; этот флот я уничтожал затем выстрелами из schizzaloru¹. Помнишь, как искусно я копировал модели больших парусных судов и как назубок знал все морские термины? Я без конца говорил о бригантинах, о шебеках, о трехмачтовиках, о schooners², о флагах расцветивания, о вымпелах; знал все перипетии морских сражений Красного Корсара и Тигрят Момпрасема и т. д. Мне только очень не нравилось, помню, что у Лучиано был простой и довольно тяжелый кораблик из жести, который в два счета опрокидывал и пускал ко дну мои галионы, столь тщательно и с таким усердием изготовленные мною и оснащенные сложной системой палуб и парусов. Все же я очень гордился своим умением.

Дорогая мама, я все забываю спросить тебя о Джакомино — сыне землемера Порчелли; в детстве он был очень привязан ко мне и к моему соколу и хотел все время быть со мной. Существует некий Джакомо Порчел-

¹ Schizzaloru — игрушечное ружье (*кард.*).

² Schooner — шхуна (*англ.*).

ли — весьма воинственно настроенный католик, который пишет книги и статьи о французской литературе; не он ли это? Его родственники, конечно, должны это знать. Ну а кто остался в живых из семейства Карриас?

Скажи, чтоб мне писали почаще. Почему от Терезины до сих пор нет письма, которое она мне столько раз обещала?

Сердечно обнимаю тебя и всех родных!

Антонио.

CXLIX

Тюрьма в Тури, 3 октября 1932 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 29 сентября. Она нисколько не удовлетворила меня. Ты ни в коем случае не должна больше интересоваться моей тюремной жизнью и, памятуя об этом, должна коренным образом изменить содержание твоих писем, если только ты не хочешь, чтоб наша переписка вообще прекратилась. Прошу тебя не спорить со мной по этому поводу, ибо я буду вынужден в таком случае отсылать обратно твои письма и открытки. Я давно привык действовать самостоятельно, и самостоятельным был даже в детстве. Я начал работать, когда мне было одиннадцать лет, и зарабатывал целых девять лир в месяц (на эту сумму, впрочем, можно было купить лишь килограмм хлеба в день), работая по десять часов в сутки, включая и утро воскресных дней. Мне приходилось разносить конторские книги, которые весили больше, чем я сам, и я часто украдкой плакал по ночам от боли во всем теле. Я почти всегда видел жизнь лишь с самой жестокой ее стороны и всегда — плохо ли, хорошо ли — сам находил выход из трудного положения. Даже мать не знала всего о моей жизни и о тех невзгодах, которые я пережил; иногда я напоминаю ей лишь те немногие моменты моей жизни, которые сейчас, на расстоянии, кажутся беззаботно-радужными. Все эти воспоминания как-то скрашивают ее старость, ибо помогают ей забыть куда более тяжкие невзгоды и куда более глубокие огорчения, которые ей довелось пережить в те же годы. Если бы она знала, что я испытал и переживал и что все пережитое оставило свой след, похожий на рубцы, это отравило бы ей жизнь, то есть именно

те годы жизни, когда ей пора забыть обо всем тягостном и пора, глядя на окружающих ее беззаботных внучат, «сместить перспективы» и действительно считать, что оба периода ее жизни — это один и тот же период.

Дорогая Татьяна, сердечно тебя обнимаю.

Антонио.

CL

Тюрьма в Тури, 10 октября 1932 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 7-го вместе с копией твоего прошения, адресованного главе правительства. У меня нет никаких замечаний по поводу этого прошения. Если на прошение последует положительный ответ и профессор Арканджели сможет осмотреть меня, я объясню ему подробно, как обстоит дело. Ты уже получила, наверное, мое письмо, посланное тебе в прошлый понедельник. Хотя мой гнев успел за это время остыть, я все же прошу тебя учесть, что письмо это написано всерьез, хотя и с чувством большой горечи и боли. Мне все это неприятно еще и потому, что отныне я буду вынужден до такой степени контролировать каждое свое слово, что просто не буду знать, о чем же писать тебе.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

CLI

Тюрьма в Тури, 10 октября 1932 года

Дорогой Делио,

я узнал, что ты был у моря и видел там много чудесных вещей. Мне хотелось бы, чтобы ты описал в письме все эти чудеса. Увидел ли ты какие-нибудь неизвестные тебе дотолые живые существа? Около моря их всегда тьма-тьмушая: тут и креветки, и медузы, и морские звезды и т. д. Как-то давно я обещал тебе написать про зверушек, которые повстречались мне в детстве, но мне все не удавалось выполнить своего обещания. Сейчас постараюсь это сделать:

1. Вот, например, история про лису и жеребенка. Говорят, что лиса всегда знает, когда должен родиться жеребенок, и караулит его появление на свет. Вот почему,

как только родится жеребенок, мать начинает бегать вокруг малыша, чтобы защитить его, ибо сам он не в состоянии двигаться и не может спастись бегством, если какой-нибудь дикий зверь нападет на него. И все же на дорогах Сардинии можно иногда встретить лошадей без хвоста и без ушей. Почему? Да потому, что, когда они только родились, лисе удалось всякими хитростями приблизиться к ним и отгрызть у них хвост и ушки, которые были тогда совсем еще мягенькие. Когда я был маленьким, такая вот лошадь, помню, была у одного старого торговца, который продавал оливковое масло, свечи и керосин, разъезжая со своим товаром по окрестным деревням (тогда не было еще ни кооперативов, ни каких-либо других способов доставки и продажи товаров); ну, а по воскресеньям, чтобы не подвергаться насмешкам уличных мальчишек, этот торговец прикреплял своей лошади искусственный хвост и искусственные уши.

2. А теперь я расскажу тебе, как я впервые в жизни увидел лису. Однажды я отправился со своими маленькими братьями на участок в поле, принадлежавший нашей тетушке, где росли два огромных дуба и несколько фруктовых деревьев; мы должны были набрать там желудей, чтобы накормить ими поросенка. Хотя участок этот и находился недалеко от села, все же местность была пустынная, а для того чтобы попасть туда, надо было спуститься в долину. Только мы добрались до цели, вдруг видим: под деревом преспокойно сидит большущая лиса с великолепным пушистым хвостом, поднятым кверху как знамя. Она ничуть не испугалась нас, а наоборот, оскалила зубы; казалось, однако, что она не угрожает нам, а смеется. Мы страшно рассердились на лису за то, что она нас не боится, а она и в самом деле нас ничуть не боялась. Мы начали бросать в нее камни, но она только отодвигалась чуть в сторону и продолжала смотреть на нас насмешливо и совершенно спокойно. Тогда мы стали прикладывать палки к плечу, будто это ружья, и в один голос кричали: «Бум!» Но лиса только скалила зубы и не выказывала особого беспокойства. Вдруг где-то поблизости раздался настоящий выстрел. Только тогда лиса сделала прыжок в сторону и пустилась бежать. Я как сейчас вижу ее — яркоружую, молнией промелькнувшую по каменной ограде, — вижу, как она бежит дальше все еще с поднятым кверху хвостом и исчезает затем в лесной чаще.

Дорогой Делио, а теперь напиши мне, как ты путешествовал и что ты видел нового и интересного. Целую тебя, а также Джулиано и маму Юльку.

Антонио.

СЛИ

Тюрьма в Тури, 24 октября 1932 года

Дорогая Таня,

буду очень признателен тебе, если ты напишешь моей сестре Грациэтте, что я получил ее письмо от 19-го числа, в котором она успокаивает меня относительно здоровья мамы. 7-го она написала мне, что мама при смерти, что она отдала уже последние распоряжения и никакой надежды нет. Теперь она пишет, что мама поправилась и врач сказал, что она может прожить еще долгие годы, принимая во внимание ее на редкость могучий организм; ест она с аппетитом. Бедняжка Грациэтта очень огорчена, что так встревожила меня. Но и сама она, конечно, тоже очень измучилась и устала от всего, что ей пришлось пережить за последнее время.

Я просил бы, если только это не затруднит тебя, уведомить книжный магазин, что я не получил сентябрьского номера журнала «Проблемы труда», как не получил и «Бесед с Муссолини» Людвиг и ежегодника Коммерческого банка. Я получил зато книгу префекта Мори о мафии и книгу о «Батраках долины По».

Обнимаю тебя.

Антонио.

СЛИИ

Тюрьма в Тури, 24 октября 1932 года

Дорогая Юлька,

получил твои письма от 5 и от 12 октября с письмецом Юлика и с тремя фотографиями, которые мне очень понравились. Хотя технически они оставляют желать лучшего, я все же впервые получил возможность составить себе представление о внешнем облике Джулиано. Помоему, да и объективно, он красивый ребенок; это особенно заметно на групповой фотографии, где он снят рядом с тобой; ты же, наоборот, получилась плохо. Я очень рад, что ему захотелось написать мне; не знаю

только, что ответить ему относительно моей фотографии. Быть может, у тебя имеется какая-нибудь моя карточка? Я, правда, изрядно изменился с той поры, а давать ребенку фотографию десятилетней давности — это ведь в какой-то мере обманывать его. Сейчас у меня много седых волос и черты лица из-за отсутствия зубов, наверно, очень изменились (я не могу судить об этом сам, ибо вот уже четыре с половиной года, как я не видел себя в зеркале, а изменился я, видимо, именно за эти годы). Я с интересом прочел то, что ты пишешь о Делио-шильнике, о его серьезности, не мешающей ему, однако, любить веселье, игры и развлечения. Мне очень горько сознавать, что я лишен возможности принимать участие в духовном развитии и в каждодневной жизни наших детей; а ведь мне удавалось всегда быстро сдружиться с детьми и завладеть их вниманием. Я не могу забыть маленькую внучку хозяйки, у которой я снимал комнату в Риме; ей было четыре годика и у нее было очень замысловатое имя, почему-то турецкого происхождения. Она никак, помню, не могла открыть дверь в мою комнату; она подходила к ней на цыпочках — бабушка предупредила ее, что меня нельзя беспокоить, так как я все время пишу, — тихонько, робко стучала, а когда я спрашивал: «Кто там?» — отвечала: «Ты пишешь? Хочешь играть?» После чего она входила, подставляла щечку для поцелуя и просила, чтоб я делал ей птичек или рисовал какие-нибудь забавные картинки, которые получались из чернильных клякс.

Дорогая, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLIV

Дорогой Юлик,
получил твое письмо и открытку с котятками. Меня удивляет, что вы с Делькой до сих пор еще не додумались смастерить абажур для электрической лампочки. При помощи 50 сантиметров медной или тонкой железной проволоки и куска цветной материи или же промасленной бумаги можно сделать очень удобный абажур, при котором свет не будет резать и утомлять глаза. Можно полностью закрыть лампочку абажуром — тогда во все стороны будет падать мягкий свет, но можно и частично при-

крыть ее, передвигая абажур так, чтоб свет падал только туда, куда нужно. Я получил несколько твоих фотографий, и мне хотелось бы узнать, какие упражнения ты умеешь делать на шведской стенке (так, по крайней мере, она называется по-итальянски), на которую ты вскарабкался вместе с твоими друзьями. Целую тебя, твой папа.

CLV

Тюрьма в Тури, 31 октября 1932 года

Дорогая Грациэтта,
получил твое письмо от 19-го с более обнадеживающими вестями о мамином здоровье. Я понимаю, в каком ты была состоянии, когда писала мне предыдущее письмо; и поэтому незачем извиняться. Твое первое сообщение, конечно, потрясло меня, тем более, что я плохо себя чувствовал и был склонен воспринимать все в самом мрачном свете. Зато теперь мне особенно отраднo получить хорошие, успокоительные вести. Ты тоже должна беречь свое здоровье, ибо тебе ведь предстоит много работы; учитывая все это, прошу тебя полечиться и следить за собой. Правда, мы являемся ветвью Корриасов и, следовательно, довольно *corriazzos*¹; однако мне кажется, что мы немного выродились; к тому же наше поколение — в особенности мы — пережило ведь очень тяжелые времена. Разве мы были бы способны сделать то, что сделала мама тридцать пять лет тому назад, когда она, бедняжка, одна противостояла такой страшной буре и спасла семерых детей? Ее жизнь — образец для всех нас; она показала, что значит упорство в борьбе с трудностями, которые даже мужчинам крепкой закалки казались неодолимыми. Братски обнимаю тебя и всех родных, особенно маму.

Антонио.

CLVI

Тюрьма в Тури, 31 октября 1932 года

Дорогая Таня,
все эти дни тут ходят слухи, порой самые нелепые, с предстоящих правительственных мероприятий, касаю-

¹ *Corriazzos* — двужилые (*сard.*).

щихся амнистии и сокращения сроков заключения. Кое-кто даже утверждает, что заключенные, осужденные за деяния, совершенные до создания Особого Трибунала, будут полностью амнистированы, так что может случиться, что через каких-нибудь несколько недель я вдруг окажусь на свободе (или, что вернее, в ссылке). Но, по правде говоря, все эти слухи настраивают меня скорее на скептический и индифферентный лад. Можно было бы написать весьма интересное исследование о том, как искажаются в тюрьме вести извне, преломляясь сквозь призму личных чаяний того или иного заключенного. На сей раз, я думаю, тут есть все же доля правды, то есть декрет об амнистии имеет, несомненно, политическое основание и выгоден правительству; однако примет ли амнистия широкие масштабы — в этом я сомневаюсь. Впрочем, когда ты получишь это письмо, вопрос уже будет, наверное, решен и декрет опубликован; хочу предупредить тебя, однако, чтобы ты не очень-то предавалась иллюзиям на этот счет: я заметил, что не кто иной, как близкие, больше всего будоражат заключенных, заверяя их в том, что источники информации у них ультрадостоверные и на все сто процентов точные; тебе же я благодарен за то, что ты никогда не предавалась подобным безрассудствам.

Обнимаю тебя.

Антонио.

CLVII

Тюрьма в Турн, 21 ноября 1932 года

Дорогая Грациэтта,

получил твое письмо от 12-го, в котором ты высказываешь свои соображения по поводу распространившихся слухов о предстоящей амнистии. Мне трудно судить о том, сколь необходимо было заверять маму, что я буду освобожден, и выдумывать в связи с этим мои поездки куда-то и т. д. Напиши мне подробно, что именно вы ей сказали, чтобы я знал, как мне вести себя в дальнейшем. Должен сказать тебе, что мне претит такого рода обман даже по отношению к больным, ибо я считаю, что это рано или поздно приводит или может привести к еще худшим бедам, чем те, которых стремишься избежать поначалу. Прошу тебя все же написать мне обо всем как

можно яснее и подробнее. Я не могу сказать тебе точно, какие последствия декрет об амнистии может иметь для меня; возможно, что срок моего заключения будет сокращен до пяти лет и двух месяцев. Но даже если это и будет так, больших изменений я не предвижу; что тринадцать, что пять лет — для меня это одно и то же, ибо и в том и другом случае речь идет о таком отрезке времени, в отношении которого трудно строить какие-либо предположения.

Обнимаю тебя и всех домашних, в особенности маму.

Антонио.

CLVIII

Тюрьма в Тури, 28 ноября 1932 года

Дорогая Юлька,

получил твои письма от 22 октября и от 15 ноября. С интересом прочел то, что ты пишешь о зеркале и о том, как Юлик любит смотреться в него, но интерес мой был вызван, в основном, тем обстоятельством, что рассуждаешь ты с чисто «женской» наивностью и простодушием. Вот она — квинтэссенция женственности: ибо видеть в зеркале лишь средство для самолюбования на манер Нарцисса свойственно одним только женщинам. У меня, например, всегда было зеркало, иначе как бы я мог бриться? Твои рассуждения от начала до конца ошибочны и свидетельствуют об отсталом, анахроничном и... страшно опасном образе мышления. При таком душевном состоянии, как у тебя, когда человек подвержен отклонениям психического порядка, рабочий может сломать машину, служащий — запутать дела и т. д. Я не вижу ничего плохого (даже наоборот) в том, что Юлик не хочет носить дырявых чулочков. Зачем, спрашивается, надо оставлять дыры в чулках, когда их можно заштопать? Мне кажется, что ты путаешь средства с целью, что ты не умеешь сообразовать средства с целью, то есть не знаешь, каковы твои конкретные задачи на данный момент и в какой последовательности надо переходить от выполнения одной задачи к другой, от одного звена цепи к другому. На тебе все еще сказывается «женевское» влияние, и этим в значительной мере объясняется твой душевный недуг, а следовательно, и твое физическое недомогание. Есть какое-то противоречие в твоём внутрен-

нем «я», какой-то разрыв между теорией и практикой, между сознанием и инстинктом, который ты никак не можешь преодолеть. Тебе не кажется? Впрочем, разрыв этот не так уж страшен, к тому же все это и делает тебя именно... Юлькой, а не Машей или Варей. В сущности говоря, не кто иной, как я, должен был помочь тебе лучше узнать самую себя и преодолеть эти противоречия. Но увы! Я часто думаю обо всем этом, то есть о том, что я мог и должен был сделать и чего я не сделал. Быть может, я в самом деле был слишком большим «эгоистом» и жил больше эстетическими ощущениями, нежели сознанием своих моральных обязанностей. Пожалуй, я был чересчур «итальянцем» в интеллектуальном смысле этого слова и потому испытывал такие большие симпатии... к Леонардо и к Возрождению. Теперь, мне думается, я... «реформировался»; — я нарочно употребляю эти два термина, ибо они, по-моему, как бы символизируют суть любого большого движения в истории цивилизации. Но что за чепуху я тебе пишу! Мне понравилось то, что ты сообщила мне о Юлике и Делио. Как они не похожи друг на друга! Все же я думаю, что, поскольку они растут и развиваются вместе и взаимно воспитывают друг друга... под твоим руководством, они в конце концов будут дополнять один другого. Но направляешь ли ты их соответствующим образом? И как ты участвуешь в формировании их личности? Многое, очень многое хотелось бы мне знать, но сколько вещей я, пожалуй, так никогда и не узнаю! Обнимаю тебя.

Антонио.

CLIX

Тюрьма в Тури, 12 декабря 1932 года

Дорогая Таня,

я могу строить лишь весьма неопределенные и сугубо произвольные гипотезы диаметрально противоположного порядка:

1) декрет может вовсе не коснуться меня, то есть, возможно, что мое положение в правовом отношении останется без изменения (это — наиболее пессимистическая гипотеза); 2) возможно, что в силу декрета срок моего заключения будет сокращен до пяти лет (наиболее оптимистическая гипотеза); это может привести к определен-

ному общему изменению самого правового положения, в зависимости от того, что новый кодекс предусматривает в отношении условного освобождения. Между этими двумя крайностями возможны и промежуточные гипотезы. Лично я, как видишь, блуждаю в потемках. Обычно бывает так: спустя некоторое время после выхода декрета об амнистии заключенному официально сообщают о тех изменениях, которые произойдут в связи с этим в его положении. Сообщение это может иной раз запоздать месяца на четыре или на пять. Однако само по себе отсутствие официального сообщения отнюдь не означает, что амнистия не будет законным образом осуществлена; тут речь может идти скорее о каком-то упущении, о халатности и т. д. Вот почему заинтересованное лицо должно иногда само подавать заявление с требованием применения к нему декрета. Как видишь, вопрос сложный. Что касается меня, то мне, возможно, предстоит еще несколько месяцев пребывать в полной неизвестности относительно того, что меня ожидает. Вот почему я и написал тебе недели две тому назад, что было бы хорошо, если бы ты, не очень с этим торопясь, обратилась в Канцелярию Особого Трибунала за разъяснениями. В такого рода делах адвокат, разумеется, мало чем может быть полезен. Может случиться так, что в самой канцелярии ничего не будут знать о деле того или иного заключенного, ибо ясно, что трибунал пересматривает дела в порядке их срочности, оставляя напоследок дела тех осужденных, которым остается еще — даже если они и подпадают под декрет — отбывать длительный срок наказания. Однако в канцелярии должны, по всей вероятности, знать, будет ли применен декрет в такого рода случаях или нет, ибо к заключенным той же самой категории, но осужденным на меньшие сроки, амнистия, быть может, уже применена и они выпущены на свободу. Думаю, что я ясно изложил все; если не удастся получить более точных сведений, нужно узнать хотя бы, имею ли я право на амнистию или нет. А уж во что конкретно это может вылиться, то с выяснением этого вопроса пока что можно подождать. Не располагая этими предварительными сведениями, я не могу даже в должной форме составить прошение о распространении на меня амнистии. Не подумай только, будто я хочу, чтобы ты поскорее вышла на улицу и извела бы себя, раздобывая эти справки. Я уже писал тебе, что ни-

какой срочности в этом нет. Какая-нибудь неделя или даже месяцы в таких случаях роли не играют (по крайней мере для меня, увы!). Самое главное — это точность и достоверность сведений. Сообщения, сопровождающиеся оговорками «говорят», «как будто бы» и т. д., не имеют никакого значения, а если и имеют, то только отрицательное, ибо оказывают на заключенного пагубное, расслабляющее действие. Мне хотелось бы, чтоб ты как следует осознала необходимость придерживаться следующего правила поведения: не действовать поспешно, импульсивно; прежде чем принять какое-либо решение, следует взвесить все положительные факторы, могущие обеспечить успех, и учесть все отрицательные факторы, могущие привести к неудаче. При известных обстоятельствах фактор времени, стремление выиграть время и т. д. может оказаться причиной неудачи, ибо поспешность мешает ясно видеть и трезво оценивать основные определяющие моменты. Ведь на основе житейского опыта и сложилась народная пословица: «У торопливой кошки рождаются слепые котята».

Нас известили, что к рождеству нам разрешается получить «одну» посылку от родных. Ты, наверное, уже подумывала о том, что бы такое послать мне. По-моему, вместо того, чтобы посылать мне посылку, лучше было бы отложить деньги на другие нужды. Если же ты хочешь, чтоб я обязательно получил что-нибудь от тебя на рождество, поскольку уж есть на то разрешение, то прошу тебя только не трать лишнего. Если ты так настаиваешь, то пришли мне какую-нибудь мелочь, что-нибудь самое что ни на есть простое. А если ты хочешь знать, что именно мне хотелось бы, то изволь: немного панеттоне¹ и, если можно, несколько бутылочек того экстракта овощного бульона, который ты как-то уже посылала мне. Не думай, пожалуйста, что я скромничаю: я просто не могу ни прожевывать, ни переваривать почти никакой пищи. Пожалуйста, можешь послать мне еще маленький пузырек каких-нибудь желудочных капель, не знаю даже каких именно: может быть, «Ферро-Кина» или что-нибудь в этом роде. Однако уверяю тебя, что если ты мне даже ничего не пришлешь, а будет лишь привет от тебя, — все равно я буду этому рад в такой же мере, если не больше.

---

¹ Панеттоне — сладкий хлеб, который в Италии едят обычно в рождественские праздники. — *Прим. ред.*

Буду признателен тебе, если ты дашь знать в книжный магазин, что я не получил октябрьские номера журналов «Леонардо» и «Ла нуова Италия».

Дорогая, как часто я, отослав письмо тебе или Юлии, начинаю раздумывать над тем, что я вам написал и как, в каком тоне это написано, и прихожу к выводу, что вам должно быть, изрядно надоел мой менторский тон. Как видишь, даже я сам его замечаю. Но иначе я писать не могу. Каждое письмо, поверь мне, является результатом сложного комплекса усилий воли и попыток самоконтроля; все это неизбежно выливается в такую форму, которая мне самому кажется смешной. Я очень часто страшно досаую на себя за то, что я написал, и за то, как я написал. Я должен быть терпеливым. Имей терпение и ты и все же люби меня. Сердечно обнимаю тебя.

Антонио.

CLX

Тюрьма в Тури, 19 декабря 1932 года

Дорогая Юлька,

получил твое письмо от 2-го. Ты же, судя по тому, что мне пишет Таня, некоторых моих писем не получила (моего письма к Делио, например). По правде говоря, меня вовсе не огорчает то обстоятельство, что письма мои иной раз теряются, только происходит это, к сожалению, случайно, а отнюдь не преднамеренно. Этим я хочу сказать, что, написав какое-нибудь письмо, я порой сам на себя потом досаую, ибо ясно вижу, что написано оно сухим менторским языком, который должен казаться тебе зачастую смешным. Происходит же это вследствие целого ряда причин, связанных с условиями моей жизни, с отдельными событиями прошлых лет, а также с тем обстоятельством, что в твоих письмах редко когда затрагиваются вопросы, требующие ответа. Твои письма слишком абстрактны и общи, меж тем как мне хотелось, чтоб они были как можно более конкретны. Я в изрядной мере утратил дар воображения, потерял связь с живой, повседневной жизнью; и хотя воспоминания мои не стерлись в памяти, они все же шестилетней давности, а чего только не произошло за эти шесть лет! Таким образом, я во всех отношениях отстал и неизбежно стал «анахроничен»; и

вот, как всегда бывает в таких случаях, я нахожу спасение в том, что занимаюсь наставлениями и поучаю тебя, ибо мне ведь хочется все же что-то сказать и думать, что я помогаю тебе, в то время как в действительности я не имею возможности помочь тебе преодолеть нынешнюю трудную полосу в твоей жизни: ты напоминаешь мне выздоравливающего, который строит тысячи планов на будущее и не знает с чего ему начать. Это наводит меня на мысль, что и в тебе есть что-то «анакроничное», что и с тобой — пусть, правда, по-другому, чем со мной, — случилось так, что в течение нескольких лет ты была в стороне от жизни и теперь не знаешь, как снова включиться в нее (или же тебе кажется, что ты не знаешь, в то время, как ты, быть может, просто не заметила, что уже давно снова в строю). Как-то, помню, я посоветовал тебе вновь заняться музыкой, точно так же, как я вновь занялся бы филологией. Поскольку занятия музыкой положили начало твоей сознательной деятельности, я полагал, что, вернувшись к ним, ты тем самым как бы заново «пережила» свое прошлое и, критически пересмотрев его, вновь прошла бы через все этапы своей жизни, не для того, конечно, чтобы механически повторить пройденное, а для того, чтобы интенсивно продумать и прочувствовать все пережитое и восстановить сломавшееся звено в цепи (если только оно действительно сломалось). Не знаю, так ли ты поняла мой совет, или же ты восприняла его лишь как увещание заняться любым делом, лишь бы только выйти из того, как ты говоришь, инертного состояния, в котором ты уже довольно давно пребываешь. Зачастую бывает так, что когда мысленно возвращаешься к прошлому, к пережитому, накопив за истекшие годы немалый жизненный опыт, то неожиданно делаешь интересные открытия: обнаруживаешь, что ты слегка отклонился от того пути, следуя по которому ты мог бы полнее раскрыть свои потенциальные возможности и, следовательно, в большей степени способствовать развитию тех сил, что творят историю; но вот, после первого легкого отклонения с пути, ты стал отходить все дальше и дальше, и это сковало тебя, твою личность; для того чтобы снова стать самим собой, надо вернуться на прежний путь, но теперь уже все пойдет естественнее, и ты сможешь достичь более плодотворных, более ценных результатов. Как видишь, все это — абстрактные рассуждения,нося-

шие, естественно, весьма общий характер. Сообщи мне все же поподробнее о новом методе лечения, который ты сейчас применяешь. Я очень рад, что дети не болели этой осенью обычными для этого времени года болезнями. Порадовало меня и то, что ты пишешь моей ручкой. (Только смотри: надо наполнять ее специальными чернилами для вечного пера, а не простыми чернилами — от них остается осадок и засоряются каналы.)

Обнимаю тебя, дорогая, а вместе с тобой и наших детей.

Антонио.

CLXI

Тюрьма в Тури, 9 января 1933 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 2-го и перевод от 3-го. От всего сердца благодарю тебя. Надеюсь, что в этом месяце расходы на лекарства уменьшатся, так как чувствую я себя немного лучше. В декабре я израсходовал в общей сложности 122,05 лиры, из них: на лекарства 60,70 лиры — почти половину всей суммы; на почтовые расходы — 8,80, на различные товары — 52,55, из них: 15,08 на табак, 1 лиру на спички и 0,88 лиры на папиросную бумагу. На продукты питания я истратил ровным счетом 37,47 лиры. Как видишь, мне удалось изрядно сократить потребление табака. Если взять количество табака, которое я употребляю сейчас, то это составляет лишь $\frac{1}{15}$ того количества, которое я употреблял, будучи на воле, а если взять расходы, то я трачу теперь $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{11}$ того, что тратил тогда. И это еще слишком много, по-моему, но поверь, что окончательно изжить такую застарелую, укоренившуюся привычку очень трудно. Состояние моего здоровья немного улучшилось, хотя мне кажется, что я опять несколько сбавил в весе. Вздутие живота уменьшилось. и в связи с этим несколько улучшилось пищеварение, но есть я могу очень мало, и недомогания все же бывают. Ночью сплю теперь по несколько часов, но не более трех с половиной, и то лишь потому, что принимаю таблетки «Седармит Рош». Поэтому я никогда не чувствую себя отдохнувшим, и часто мне кажется, что я как бы вишу в воздухе и потерял равновесие; такое ощущение испытываешь при головокружении или в состоянии опьянения.

Все же чувствую я себя лучше, и у меня гораздо меньше болит голова. Зато больше, чем раньше, я страдаю от холода и успел уже отморозить уши, чего раньше со мной никогда не бывало, даже в детстве, тогда как у моих братьев — я очень хорошо это помню — отмороженные места на руках и на ногах иной раз даже кровоточили. Вот и полный отчет о моем здоровье.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

CLXII

Тюрьма в Тури, 16 января 1933 года

Дорогая Юлька,

давно уже не имел от тебя писем (последнее было помечено 2 декабря). Позавчера у меня было свидание с Таней, приехавшей навестить меня: мы не виделись два с половиной года. Тебе не трудно представить себя, как эта встреча порадовала меня, нарушив страшную монотонность моей жизни.

На днях мне довелось случайно прочесть некоторые выдержки из юношеского дневника *Чезаре Ломброзо*, и я нашел там кое-что общее с тем, что ты подметила у *Джулиано*, когда он смотрелся в зеркало. *Ломброзо* пишет: «Прекрасно помню тот момент, когда я увидел себя в зеркале и обнаружил свое присутствие, — это возбудило во мне величайшее любопытство. Мне было тогда года четыре или пять». Таким образом, в своей ранней юности *Ломброзо* отличает момент, когда он обнаружил свое физическое существование, от того момента, когда он обнаружил свою духовную личность (в 16 лет); такое разграничение, по-моему, правильно и имеет свой смысл. Не кажется ли тебе, что и с *Джулиано* происходит нечто подобное? То есть, что он начал конкретнее думать о своем существовании, о своей личности и что это побуждает его поглядывать время от времени на себя в зеркало, как бы для того, чтобы удостовериться, что он — все тот же, или же для того, чтобы узнать, не изменился ли он в какой-то мере? Замечала ли ты, что взрослые забывают обычно, какими они были в детстве, и поэтому с трудом понимают образ мышления и психологическую реакцию детей, с которыми они имеют дело? Вот почему им не всегда удается уяснить себе смысл тех или иных действий и поведения

малышей. Возможно, что это еще более осложняется различием пола, то есть: мать не так хорошо понимает психологию мальчиков, а отец — психологию девочек. Напиши мне что-нибудь по этому поводу, меня это очень интересует.

Дорогая Юлька, крепко-крепко тебя обнимаю.

Антонио.

CLXIII

Тюрьма в Тури, 16 января 1933 года

Дорогие Делио и Джулиано, вы давно-давно не писали мне. Почему? Я совсем ничего не знаю о питомцах Делио — о его зяблике и рыбках. Ну, а получил ли Делио книгу о Пиноккио? Нравятся ли ему иллюстрации? Соответствуют ли они тому представлению, которое он составил себе о Буратино? А нравится ли Джулиано история Пиноккио?

Что больше всего интересует вас сейчас в школе и дома? Пишите мне обо всем.

Обнимаю вас и горячо прижимаю к сердцу.

Антонио.

CLXIV

Тюрьма в Тури, 30 января 1933 года

Дорогая Таня,

получил твои открытки из Бари и Неаполя. Надеюсь, что ты уже успела отдохнуть от путешествия и что жизнь твоя снова потекла нормально. Меня очень позабавил твой совет, изложенный в открытке от 24-го: «Не терять хорошего расположения духа», и это ты предлагаешь в качестве средства от энтерколита. Впрочем, ты права. Все дело в том, что надо сравнивать свою жизнь с жизнью еще более тяжелой и утешать себя относительностью человеческих невзгод. Когда мне было лет восемь или девять, на меня произвел сильное впечатление один случай, который вдруг отчетливо всплыл в памяти при чтении твоего письма.

Я был знаком с одним семейством, проживавшим в соседней деревне, — отец, мать и маленькие детишки. Это были мелкие хозяева, имевшие молочную лавку. Люди энергичные, особенно женщина. Мне было известно (я это

слышал от других), что, помимо тех детей, которых все знали, у этой женщины был еще один сын, который никогда нигде не показывался и о котором говорили со вздохами, как о большом несчастье для матери,— какой-то идиот, чудовище или что-то в этом роде. Помню, моя мать часто говорила об этой женщине как о мученице, которая приносит столько жертв ради этого сына и терпит из-за него столько горя. Как-то в воскресенье, часов около десяти утра, меня послали к этой женщине: я должен был отнести ей кое-какие вязаные вещи и получить за них деньги. Я застал ее в тот момент, когда она запирала на замок входную дверь; одета она была по-праздничному, так как собиралась в церковь слушать воскресную мессу. В руках у нее была кошелка. Увидев меня, она на секунду заколебалась, но потом решилась: она предложила мне сопровождать ее и сказала, что по возвращении примет работу и расплатится за нее. Она привела меня за деревню на маленький пустырь, заваленный всяким хламом и мусором; немного в стороне я заметил какое-то строение, вроде свинарника, высотой в 1 метр 20 сантиметров, без окон, без форточек, одна только крепко сколоченная дверь.

Женщина открыла дверь, и тотчас же оттуда послышалось какое-то звериное рычание: там находился ее сын, восемнадцатилетний, могучего сложения парень. Он не мог стоять и потому всегда сидел; когда кто-нибудь приближался, он, опираясь на руки, подскакивал к двери, насколько это позволяла ему цепь, которая опоясывала его и была прикреплена к ввинченному в стену кольцу. Парень был весь в грязи, только глаза у него горели, как у ночного зверя. Мать высыпала ему в каменную миску содержимое кошелки — смесь всяких объедков, наполнила другую миску водой, потом заперла дверь, и мы ушли. Я не рассказал моей матери о том, что видел, настолько я был потрясен и настолько убежден в том, что никто мне все равно не поверит. И даже когда при мне заговаривали о горе этой бедной матери, я не вступал в разговор, не пытался внести ясность и рассказать о несчастном, заброшенном человеческом существе, у которого такая мать. Впрочем, что же могла сделать эта женщина? Как видишь, можно приводить конкретные сравнения и утешаться на манер Кандида.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

Тюрьма в Тури, 30 января 1933 года

Дорогая Юлька,

получил твое довольно длинное письмо. То, что Джулиано предложил тебе послать мне свой первый выпавший молочный зубик, меня очень порадовало: эта черточка, по моему, явно свидетельствует о том, что он чувствует подлинную связь между мною и им. Пожалуй, было бы хорошо, если бы ты в самом деле послала мне его зубик, чтобы ощущение этой связи еще больше окрепло в его душе. То, что ты пишешь о детях, очень меня интересует. Не знаю только, всегда ли уместны те замечания, которые я делаю. Возможно, что и нет, ибо суждения мои все же не могут не быть односторонними. Таня переписала мне одно из твоих писем, адресованное ей. Мне кажется, что, когда ты пишешь мне, ты многое утаиваешь, возможно, из опасения огорчить меня, учитывая условия моей тюремной жизни. Меж тем ты должна убедить себя в том, что можешь быть абсолютно откровенной и ничего не скрывать; разве между нами не должно быть предельного доверия во всем? И разве, по-твоему, не хуже чего-то не знать, подозревать, что от тебя что-то скрывают, и, следовательно, никогда не быть уверенным в том, правильно ли ты себя ведешь. Дорогая Юлька, ты обязательно должна писать мне о себе и о состоянии своего здоровья как можно подробнее, и пусть тебя не останавливает опасение, что ты можешь огорчить меня. Единственное, что могло бы огорчить меня, это сознание, что ты не борешься за улучшение своего здоровья, за восстановление своих сил, — а этому я не верю. Хотя будущее еще туманно, но опускать руки из-за этого не следует. Я пережил много очень тяжелых моментов в жизни, не раз чувствовал себя физически слабым, почти выбившимся из сил, но я никогда не поддавался физической слабости и, насколько возможно предсказывать в этих вопросах, не думаю, чтоб я и впредь когда-нибудь поддался ей. А ведь я мало чем могу помочь себе. Но чем больше я отдаю себе отчет в том, что мне предстоит пройти через тяжелые испытания, что я слаб, что трудности возрастают, тем больше напрягаю я всю свою силу воли. Когда я подвожу порой итог истекшим годам и думаю о прошлом, мне кажется, что если бы шесть лет тому назад я мог предвидеть, что

мне доведется пережить, я не поверил бы, что это возможно, и решил бы, что не выдержу. Ровно шесть лет тому назад я проезжал — угадай где? — через Ревизондоли, в Абрुццах, — места, которые ты иногда вспоминала, ибо провела там как-то лето... Я проезжал, запертый в металлическом вагоне, на который всю ночь падал снег, а у меня не было ни пальто, ни шерстяной фуфайки, и я не мог даже встать и размяться, так как из-за тесноты в вагоне приходилось все время сидеть. Я дрожал как в лихорадке, зубы стучали, и мне казалось, что я не доживу до конца пути, так как мое сердце заледенеет. И вот с тех пор прошло шесть лет, и мне удалось сбросить с себя этот ледяной холод, и если порой у меня вновь появляется такой озноб, как тогда (какой-то след все же это оставило в моих костях), я начинаю смеяться, вспоминая, о чем я тогда думал, и сейчас мне это кажется просто ребячеством. Короче говоря, твое письмо к Тане показалось мне слишком грустным и мрачным. Думаю, что ты гораздо сильнее, чем сама полагаешь, а потому ты должна еще крепче взять себя в руки и напрячь все свои силы, чтобы окончательно побороть тот душевный кризис, который ты переживала. Дорогая, я хотел бы помочь тебе, но часто я думаю о том, что в прошлом, не имея ясного представления о твоём состоянии, я мог невольно способствовать ухудшению твоего самочувствия. Пиши мне чаще; сделай над собой усилие и пиши мне чаще. Пусть Делио и Джулиано тоже напишут мне. Я прочел письмо Жени к Тане, в котором она пишет о Делио, и, признаюсь, оно мне не понравилось. После того, как я прочел это письмо, мне показалось малоубедительным то, что ты пишешь об учительнице Делио и о тех ошибочных, на твой взгляд, оценках, которые она дает ему. Мне кажется, что Делио живет в несколько изнеженной и искусственной духовной атмосфере, которая отнюдь не способствует развитию его воли и энергии, а скорее нервничает и расслабляет его. Мне хочется рассказать Делио еще какую-нибудь историю из жизни зверушек, но я боюсь, как бы это не оказалось повторением уже написанного однажды, ибо теперь я очень быстро все забываю.

Крепко-крепко обнимаю тебя, дорогая.

Антонио.

CLXVI

Тюрьма в Тури, 14 марта 1933 года

Дорогая Таня,

пишу тебе всего несколько строчек. В прошлый вторник рано утром, когда я подымался с постели, я упал и уже не смог сам подняться. Все эти дни я пролежал в постели и чувствовал большую слабость. В первый день у меня было что-то вроде галлюцинации, и я никак не мог связать одну мысль с другой и мысли с соответствующими словами. Я все еще слаб, но в меньшей мере, чем в тот день. Прошу тебя приехать на свидание, как только это будет разрешено тебе на основании данного письма.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXVII

Тюрьма в Тури, 3 апреля 1933 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 27 марта и открытку от 30-го. Я очень рад, что поездка тебя не утомила. Самочувствие мое все такое же — то лучше, то хуже. Я попрежнему очень слаб. Единственные объективные данные которые я могу сообщить тебе, — это о температуре. Прошлой ночью я почувствовал себя немного хуже, чем обычно, и решил понаблюдать за собой. Около 2 часов утра я почувствовал некоторое ослабление сердечной деятельности, тяжесть в груди (не сердцебиение и не острую боль, а точно чья-то рука сжимала сердце) и холодный озноб. Температура была 35,6°. Около шести утра температура была 36,3°. Поднялся я только около половины двенадцатого, так как чувствовал большую слабость и дрожь в руках и ногах. Через полчаса после того, как я встал, температура поднялась до 37,2°. Как я уже писал тебе, такие же симптомы были у меня в 1922 году, но тогда я болел летом и поэтому, как только у меня повышалась температура, я буквально исходил потом, отчего еще больше слабел; теперь же этого нет. Правда, тогда я был моложе на десять лет, и у меня был изрядный запас нервной энергии, который с тех пор истощился или почти истощился; у меня бывали тогда просто страшные нервные вспышки, и я отнюдь не преувеличиваю, ибо помню, как очень славные люди, при-

ходившие помочь мне и посидеть со мной, говорили мне впоследствии, что они боялись (зная, что я — сардинец), как бы я еще не зарезал кого-нибудь!!! Сегодня же мне кажется, что я превратился в какое-то желе.

Получил письмо от Карло. Буду тебе благодарен, если ты напишешь ему открытку и сообщишь, что записку его я получил и что приезжать в Тури ему, конечно, не следует. У меня не создалось впечатления, что в своем письме Юлька имела в виду мои письма; не понимаю, почему ты сделала такой вывод.

Сердечно тебя обнимаю.

Антонио.

Прошу тебя написать в книжный магазин и попросить, чтобы мне выслали недавно вышедшую книжку проф. Микеле Барби: «Данте. Жизнь, творчество, судьба» (M. Barbi, «Dante—Vita, opere, fortune»), издание Дж. К. Сансони, Флоренция, 1933 года. Не могу не поддаться искушению иметь эту книгу, даже если я и не буду в состоянии основательно ознакомиться с ней в течение ближайших нескольких месяцев.

CLXVIII

Тюрьма в Тури, 3 апреля 1933 года

Дорогая Терезина,

получил твое письмо от 26 марта. Пока я не забыл, прошу тебя поздравить маму от моего имени по случаю пасхи. В этом году я совсем забыл поздравить ее в день именин, и мне это крайне неприятно. Не думай, что я хоть на иоту потерял, как ты пишешь, свое душевное спокойствие. Отнюдь нет: когда я чувствую физическую слабость, я теряю лишь охоту заниматься чем-либо иным, кроме своей драгоценной персоны, — не больше; так бывает, знаешь, когда надлежит сделать большое усилие, чтобы поднять какую-то тяжесть: стискиваешь зубы и молчишь, концентрируя свою волю на этом усилии. Каждому человеку в той или иной мере, в течение более или менее длительного срока, приходилось или придется оказаться в таком положении. Тебе следовало бы, по-моему, втолковать эту истину Мее, чтоб она осознала это и не отчаивалась, а продолжала бы при всех случаях учиться; она может, на худой конец, потерять год-другой в том смысле, что ее занятия в школе будут прерваны на какое-то время, но эти

годы никогда не будут полностью потеряны, если она каждодневно будет повышать свой культурный, общеобразовательный уровень, если она будет расширять круг своих знаний и духовных интересов. Я, по правде говоря, так и не представляю себе ясно, чему она сейчас обучается, ибо давно уже никто ничего не писал мне об этом.

Обнимаю тебя и всех родных. Крепко обнимаю маму.

Антонио.

Я получил записочку от Карло.

CLXIX

Тюрьма в Тури, 10 апреля 1933 года

Дорогая Таня,

получил твоё письмо от 4-го с письмецом от Делио и с видовой открыткой. Ты, пожалуй, правильно сделала, написав, что самочувствие мое улучшилось. Я вовсе не писал тебе в письме, посланном две недели тому назад, что состояние моего здоровья ухудшилось; во всяком случае, я не хотел этого написать. Я хотел сказать, что чувствовал себя тогда (да и сейчас тоже) по-разному—то лучше, то хуже, то есть, что не исключена, по-моему, возможность рецидива, но такового пока что не последовало. И какой смысл могли иметь слова: «Состояние здоровья ухудшилось»? Ухудшилось по сравнению с каким моментом? Не с тем, конечно, когда произошло обострение (7 марта), ибо не знаю, что уж означало бы в данном случае «ухудшение». Галлюцинации сейчас совсем прошли, реже стало сводить судорогой конечности—особенно голени и ступни. Руки же все еще болят, и я ничего не могу делать ими, не могу поднять даже самой незначительной тяжести. Стоит мне только для пробы сделать малейшее усилие, как я вновь теряю контроль над своими движениями: кисть и вся остальная часть руки сами собой, импульсивно и очень резко сокращаются, пальцы начинают хрустеть и скрючиваются от болезненного сокращения сухожилий. Думаю, что такое состояние продлится еще довольно долго.

Ты права, письмецо Делио свидетельствует о четкости почерка и четкости изложения—оно простое и последовательное. По-моему, там только одна ошибка—он пропустил букву «и» в слове «примула». Я говорю тебе это

потому, что в 1916 году, помню, я был репетитором по итальянскому языку у одного мальчика, учившегося в третьем классе гимназии, и мне никак не удавалось научить его писать просто такие небольшие «сочинения» в несколько строк, как то, что написал Делио. Почему ты вдруг вспомнила о том, что Юлии нужно послать книгу о Гегеле? Я просил тебя сделать это, если не ошибаюсь, в 1930 году, когда развернулась дискуссия о диалектике, а какой в этом смысл сейчас? Юлии это покажется странным.

Сердечно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXX

Тюрьма в Тури, 10 апреля 1933 года

Дорогой Делио,
получил твое письмо от 28 марта, в котором ты рассказываешь о рыбках, о розе, о примуле, медведях и львах. Каких же львов тебе довелось увидеть — африканских или туркестанских? Есть ли у них грива или шерсть на шее гладкая? А медведи? Похожи они на тех, что ты видел в Риме?

Ты так и не написал мне, получил ли ты книгу о Пинноккио и понравились ли Джулиано приключения знаменитого Буратино. Я с удовольствием прочел бы — и тебе, вероятно, она тоже понравилась бы — сказку про белого тюленя, про мангусту Рикки-Тикки-Тави и про мальчика Маугли, вскормленного волками. В 1922 году Государственное издательство готовило к выпуску прекрасное издание этих рассказов с оригинальными рисунками, которые мне довелось увидеть, когда литографские рабочие переносили их на камень. Спроси у мамы и у Жени, можно ли еще достать это издание; если нет, то я тебе пришлю эту книгу на итальянском или на французском языке.

Целую тебя и Джулиано.

Антонио.

CLXXI

Тюрьма в Тури, 10 апреля 1933 года

Дорогая Юлька,
Таня пишет, что она послала тебе от моего имени книгу одного современного итальянского философа, в которой он выступает с критикой философии Гегеля, и ей хотелось

бы знать, получила ли ты ее. Я просил Таню послать тебе эту книгу (у меня она имелась в двух экземплярах) несколько лет тому назад, то есть в тот момент, когда в печати развернулась философская дискуссия вокруг вопроса о значении и сущности диалектики. Мне казалось тогда, что тебе было бы любопытно познакомиться с тем, как ставит и рассматривает эту проблему итальянский философ, особенно с его трактовкой понятия «различий» в противопоставлении понятию «противоположностей». Не знаю, насколько это может заинтересовать тебя сейчас, не знаю также, получила ли ты эту книгу: Таня послала ее тебе как будто недавно.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

CLXXII

Тюрьма в Турин, 17 июля 1933 года

Дорогая Таня,

после твоей открытки от 11-го больше ничего от тебя не имею. Надеюсь, что поездка не очень тебя утомила; в последний раз, когда я тебя видел, мне казалось, что выглядела ты хуже, чем в день нашего предпоследнего свидания. Не знаю, что и написать тебе. Еще дня два тому назад мне казалось, что я чувствую некоторое облегчение от «Эластина» и оттого, что в какой-то степени улеглось нервное возбуждение, которое я раньше испытывал по ночам, хотя я попрежнему не сплю.

Но как все неустойчиво: вчера и сегодня у меня такое ощущение, будто мне булавками колют руки, и когда я пытаюсь писать, я должен осторожно выводить каждую букву, ибо у меня то и дело появляются произвольные судорожные подергивания. Однако мне кажется, что скоро я буду чувствовать себя лучше. Получил письмецо Джулиано, но в нем только обращение его, остальное написано Юлией.

Дорогая, сердечно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXXIII

Тюрьма в Турин, 24 июля 1933 года

Дорогая Таня,

получил твое письмо от 20-го с. м. с вложенным в него Юлиным письмом. Могу, пожалуй, сообщить тебе (хотя

я уже убедился, насколько неустойчивы констатации такого рода), что чувствую я себя немного лучше. То обстоятельство, что меня перевели в другую камеру и, таким образом, изменились некоторые внешние условия моего существования, пошло мне на пользу в том смысле, что теперь я по крайней мере могу спать, вернее, теперь нет уже тех помех, которые прерывали мой сон даже тогда, когда мне удавалось заснуть, и из-за которых я внезапно просыпался с сильным сердцебиением и долго оставался в крайне возбужденном состоянии. Нормального сна еще нет, но теперь его можно было бы наладить. Во всяком случае, если даже я не сплю, я уже не испытываю такого сильного нервного возбуждения. Полагаю, что следует удовлетвориться и этим, учитывая, что расшатанный организм не может сразу приспособиться к нормальным условиям, а кроме того, появившееся у меня теперь высокое артериальное давление тоже в известной мере должно вызывать бессонницу. Для укрепления организма на днях начну делать инъекции препарата, в который входят стрихнин и фосфор. Новый врач, который меня осмотрел, заверяет, что это принесет мне большую пользу. Он сказал, что мое болезненное состояние вызвано не органическим заболеванием, а истощением нервной системы. Необходимо, как будто, также полечить и мои нервы. Все это, насколько я могу судить, соответствует действительности. Не знаю, считается ли артеросклероз заболеванием функциональным или органическим. Руки у меня болят непрерывно, и я не могу ни поднять какой-либо тяжести, ни мало-мальски крепко сжать их. Что же касается моего душевного состояния, то я не могу сказать ничего определенного на этот счет: в течение многих месяцев я жил без всякой надежды на выздоровление, ибо не получал медицинской помощи и не видел никакой возможности воспрепятствовать процессу разрушения организма. Не могу сказать, чтобы я окончательно избавился от этих мыслей и настроений, то есть я не могу утверждать, будто убедился в том, что состояние моего здоровья вне всякой опасности; однако я могу, пожалуй, отметить, что мысль эта не так преследует меня, как раньше. Теперь, когда мне стало лучше, те, кто был со мной в самый тяжелый, переломный момент болезни, рассказывают, что в минуты бреда у меня бывали и проблески сознания (бессвязные разглагольствования перемежались с длинными тирадами на сар-

динском диалекте). Ясность сознания выражалась в следующем: я был уверен, что умираю, и старался доказать всю бесполезность и бессмысленность религии и волновался, как бы священник, воспользовавшись моей физической слабостью, не заставил меня проделать или сам не совершил надо мной обряда, который вызывал во мне отвращение и от которого я не знал, как оградить себя. Рассказывают, что в течение целой ночи я говорил о бессмертии души в реалистическом и историческом смысле этих слов, то есть о бессмертии полезных и нужных дел человека, которые, естественно, переживут его самого, воплотившись в окружающем нас мире. Слушая все это, один находившийся около меня рабочий из Гроссето, который не смыкал глаз и буквально падал от усталости, решил, вероятно, что я сошел с ума. Это совпадало также и с мнением дежурившей в ту ночь тюремной охраны. Все же из моих пространных разглагольствований он запомнил главное — то, что я настойчиво повторял. Дорогая, как видишь, тот факт, что я написал тебе обо всем этом, сам по себе свидетельствует о том, что чувствую я себя немного лучше.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXXIV

Тюрьма в Тури, 1 августа 1933 года

Дорогая Юлька,

мне предстоит ответить тебе на три твоих письма. Получил также три фотографии Джулиано. Я не в состоянии сейчас написать тебе длинное и связное письмо. В своих письмах ты касаешься нескольких вопросов, которые были затронуты тобой очень давно и которые я лишь смутно помню. У меня очень ослабла память. Пишу тебе всего несколько строк, чтобы возобновить нашу переписку; мне хотелось бы, чтобы она была более слаженной.

Я очень, очень рад, что Делио поехал в лагерь со своими школьными товарищами: думаю, что он обретет там духовную независимость, окрепнет и избавится от многих «женских» (в отрицательном смысле слова) наклонностей. С интересом прочел также то, что ты пишешь о Джулиано, о том, как он по-своему передает впечатление, которое произвели на него полевые цветы. Но не кажется ли тебе, что из этих маленьких фактов ты несколько поспеш-

но делаешь окончательные выводы о его склонностях? Можно ли говорить об умственных наклонностях ребенка с первых же шагов его развития? Мне думается, что в такой точке зрения много схоластического механицизма и много — как бы это сказать? — псевдонауки и педантизма. Однако очень хорошо, что учительница подмечает эти факты и связывает их между собой; все дело только в том, чтобы не ограничиваться единичными и разрозненными фактами, ибо это может привести к неверной установке на применение малопродуманных и недостаточно обоснованных методов воспитания.

Дорогая, нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXXV

Тюрьма в Тури, 8 августа 1933 года

Дорогая Юлька,

мне следовало бы написать Делию, поскольку я еще не ответил на его письмецо, полученное уже довольно давно. Но ты сама ему передай, что скоро ему будут посланы две книги: рассказы о джунглях, куда входят рассказы о Белом Тюлене и о Рикки-Тикки-Тави, и «Хижина дяди Тома». Мне было бы интересно знать, как Делию пришла в голову мысль прочесть эту книгу и разъяснит ли ему кто-нибудь, когда он ее получит, суть этого произведения с исторической точки зрения, показывая обусловленность тех чувств и той религиозности, которыми оно пропитано, определенной эпохой и местом действия. Мне представляется весьма трудным делом разъяснить все это ребенку — разъяснить, разумеется, серьезно, не отделяваясь избитыми фразами и общими местами.

Это тем более трудно, если учесть, что сама ты, как мне кажется, не очень подходишь для этой задачи: в этом убеждает меня то, что ты пишешь о «Войне и мире» Толстого и о «Тайной вечери» Леонардо. Сейчас я не в состоянии связно и последовательно изложить тебе то, что я по этому поводу думаю. Вообще же мне кажется, что ты ставишь себя (и не только в этом вопросе) в положение подчиненного, а не руководителя, то есть в положение человека, который не в состоянии подойти исторически к оценке различных идеологий, овладеть ими, раскрыть и объяснить их историческую закономер-

ность; ты находишься в положении человека, который, соприкоснувшись с определенным миром чувств и мыслей, ощущает, что этот мир либо притягивает, либо отталкивает его, но при этом он никогда не выходит из сферы чувств и повинуетя лишь непосредственному влечению. Вот почему, быть может, ты больше не испытываешь быстрого влечения к музыке. Мне думается, что в нас должен происходить процесс «катарсиса», как говорили греки, при котором чувства вновь переживаются в «художественном» плане, как красота, а не как разделенная и еще живая страсть. Все это следовало бы, пожалуй, разъяснить более основательно, но ты и из этих нескольких строк, я думаю, поймешь то, что я хотел сказать.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXXVI

Тюрьма в Тури, 23 августа 1933 года

Дорогая Таня,

получил твою открытку от 19-го, посланную из Бари. Надеюсь, что поездка в Рим не очень тебя утомила. Хочу напомнить тебе вот о чем: 1) чтобы ты попросила книжный магазин выслать мне «Экономические перспективы на 1933 год» проф. Джорджо Мортара (G. Mortara, «Prospettive economiche per il 1933») и том Коммерческого банка «Экономическое движение в Италии» («Movimento economico italiano»), который должен был уже выйти в свет; 2) хорошо, если бы удалось получить отчетный доклад, с которым выступил несколько месяцев тому назад Адзолини, управляющий Банка д'Италия,— в этом году он представляет собой особый интерес; 3) я хотел бы получить книжку Сантино Карамелла «Здравый смысл, теория и практика» (S. Caramella, «Il senso comune, Teoria e pratica»), издание Латерца, Бари.

Нежно тебя обнимаю.

Антонио.

CLXXVII

8 апреля 1935 года

Дорогой Делио,

получил твое письмо и узнал о твоих школьных делах. Понравились ли тебе рассказы о Маугли? Моя жизнь

протекает немного однообразно, но в отношении здоровья дело обстоит более или менее благополучно.

Мне очень жаль, что я не могу быть рядом с моими дорогими мальчиками и не могу помогать им в их школьных занятиях и прочих делах.

Я прочел в газетах о результатах шахматного чемпионата, но играть в шахматы я не умею, я научился играть только в шашки.

Целую тебя.

Граммши.

CLXXVIII

25 ноября 1935 года

Дорогая,

получил оба твоих письма. Я чувствую себя спокойнее с тех пор, как снова стал писать тебе, хотя водить пером стоит мне огромных усилий и хотя после каждого письма я в течение нескольких часов (или дней) пребываю в состоянии весьма мало приятного нервного возбуждения. Таня рассказала мне кое-что из того, что написала ей ты и что написали ей другие. Ее очень позабавило, что Делио пришла в голову мысль смазать вазелином слона: он, видимо, провел по его коже рукой и почувствовал, насколько она жестка. Мне же не кажется странным то, что ребенку приходит в голову мысль смазать вазелином слона, хотя у меня в детстве подобные мысли вряд ли могли появиться. Написала она мне также и о том, что Юлик хочет знать все, что касается меня: это, вероятно, связано с тем, что он видел мой портрет в Парке культуры и отдыха¹. Дорогая, когда я думаю обо всем этом и о том, что ваша жизнь в течение стольких лет (почти четверть моего существования и более четверти твоего) так оторвана от моей жизни, становится не очень весело на душе. И все же надо держать себя в руках, надо выстоять и надо стараться быть сильным. Впрочем, то, что случилось, не было непредвиденным. Ты, запомнившая так много из прошлого, — помнишь ли ты, как я говорил тебе, что «иду на войну»? Быть может, это говорилось не очень серьезно,

---

¹ Большой портрет Граммши был выставлен в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве вместе с портретами других антифашистов, заключенных в тюрьмах в разных странах.

но по существу это было очень серьезно, я чувствовал, что это именно так. И я тебя очень, очень любил. Будь сильной и сделай все, чтобы поправиться.

Нежно обнимаю тебя и наших детей. *Антонио.*

CLXXIX

25 января 1936 года

Дорогая Юлька,

твое письмо ставит меня в страшно затруднительное положение. Я еще не решил, должен ли я писать тебе или нет. Мне кажется, что уже тем, что я пишу тебе, я как бы насилую твою волю; с одной стороны, мне глубоко претит мысль, что я могу совершать какое-то насилие над тобой, даже в столь косвенной и невинной форме, но, с другой стороны, рассуждая трезво, я задаю себе вопрос, не является ли иногда насилие,— в частности и в такого рода случаях, необходимой мерой воздействия и нет ли в этом какого-то положительного момента. По правде говоря, в таком положении я нахожусь уже много лет, — пожалуй, с 1926 года, с момента ареста,— с того самого момента, когда жизнь моя была самым грубым образом втиснута в рамки, установленные внешней силой, причем моя свобода была ограничена лишь внутренней жизнью, моя воля стала лишь волей к сопротивлению. Но я не хочу слишком отклоняться от вопроса, который в настоящий момент интересует нас обоих,—тебя в частности, хотя ты его и не касаешься в своем письме,— то есть вопроса о твоей поездке, точнее, о твоей поездке в Италию. Ты сама должна решить, как долго ты здесь пробудешь. Пусть эта поездка не накладывает на тебя никаких обязательств и пусть главной ее целью будет окончательное восстановление твоего здоровья, дабы ты могла вернуться к нормальной трудовой жизни. По-моему, ты должна понять, что эта поездка необходима для тебя, для детей (поскольку при настоящем положении вещей их будущее в значительной мере связано с тобой, с твоей работоспособностью), а также необходима в силу целого ряда других соображений. Но понять это ты сможешь только в том случае, если подойдешь к вопросу разумно, если согласишься на эту поездку как на дело конкретное, сугубо практическое, свободное от какого-либо болезненно-сентиментального налета. Она освободит тебя — быть может, на-

всегда — от целого вороха дум, забот, затаенных чувств и, кто знает, от какого еще тяжкого груза... Я прежде всего твой друг, и после десятилетней разлуки мне поистине необходимо поговорить с тобой как с другом, со всей откровенностью, без обиняков.

Вот уже десять лет как я отрезан от мира. (Какое сильное волнение охватило меня в поезде¹, когда после шести лет, в течение которых я видел только одни и те же крыши, одни и те же каменные стены, одни и те же мрачные лица, я вдруг обнаружил, что все это время необъятный мир — луга, леса, обыкновенные люди, дети, деревья, огороды — все продолжало существовать попрежнему. И я был еще более потрясен, когда после столь долгих лет увидел себя в зеркале. Я сразу же вернулся к карабинерам...) Не думай, что я хочу тебя разжалобить: я хочу лишь сказать, что после стольких лет разлуки, после стольких событий — подлинное значение которых мне, быть может, в большинстве случаев не удалось уловить, — после всех этих лет жалкого, гнетущего существования, окутанного мглой и полного мелких невзгод, мне было бы так необходимо дружески поговорить с тобой. Не думай только, что на тебя тем самым ложится какое-то новое бремя ответственности; я имею в виду простые беседы, такие, какие ведут между собой друзья. Словом, я убежден, что твой приезд будет иметь для нас обоих превосходные результаты со всех точек зрения. Я очень изменился, — по крайней мере мне так кажется, — но и ты не могла остаться прежней. Пусть тебя не беспокоит практическая сторона дела: я думаю, что все это можно будет уладить. Я уверен, что поездка имеет больше положительных, чем отрицательных сторон, и сейчас сам удивляюсь, почему мне это раньше не пришло в голову (я был все это время, как улитка в раковине, да и теперь мне не удастся быть достаточно активным). Итак, мне хочется, чтобы ты подошла к делу спокойно, трезво, практично, без излишней сентиментальности; и главное, чтобы решение приняла ты сама, не поддаваясь влиянию кого бы то ни было, в том числе и моему. Неужели ты думаешь, что дети были бы недовольны, узнав, что ты собираешься навестить меня? Ведь они же знают, что я, по не зависящим от меня обстоятельствам, не могу свободно передвигаться.

---

¹ Во время переезда из тюрьмы в Тури в клинику в Форми.

Твое письмецо начинается фразой, написанной в стиле Д'Аннунцио; это мне не очень нравится. К тому же некоторые слова недописаны. Должно быть, ты была очень взволнована. Не знаю, могла ли бы тебя успокоить моя ласка.

Обнимаю тебя.

Антонио.

CLXXX

25 января 1936 года

Дорогой Юлик,

шлю тебе самые лучшие поздравления и желаю тебе успеха в новом учебном году. Мне очень хочется, чтобы ты написал мне, в чем заключаются трудности, которые ты испытываешь в учебе. Я думаю, что если ты сам признаешь наличие каких-то трудностей, то они, видимо, не так уже велики и ты сможешь преодолеть их, если будешь прилежно заниматься. Не так ли? Может быть, ты не очень дисциплинирован, отвлекаешься от уроков, или у тебя плохая память или же ты не умеешь заставить ее работать? Хорошо ли ты спишь? Когда ты играешь, думаешь ли ты о том, что до этого учил, а когда занимаешься, думаешь ли ты об играх? Ты теперь уже большой мальчик и можешь точно ответить на мои вопросы. В твои годы я был очень недисциплинированным мальчуганом, много времени уделял играм, носился по полям, но учился я очень хорошо, у меня была хорошая, быстро все схватывающая память. Ничто из того, что было важно для занятий, не ускользало от меня. Должен добавить, однако, что я, по правде говоря, был с хитрецей и умел выходить из затруднительных положений, даже если занимался мало. Но система образования в те годы была очень отсталой. Кроме того, почти все мои школьные товарищи говорили по-итальянски плохо, с трудом, и это ставило меня по сравнению с ними в положение некоего превосходства: ведь учитель должен был считаться со средним уровнем знаний учеников, а то обстоятельство, что я умел бегло говорить по-итальянски, облегчало многое (школа была сельской, и значительное большинство учеников было детьми крестьян). Дорогой мой, я надеюсь, что ты будешь писать мне без длительных перерывов и будешь держать меня в курсе своих дел. Обнимаю тебя.

6 мая 1936 года

Дорогая Юлька,
я много раз перечитывал твое письмо. У меня такое ощущение, будто уже много лет я не читал твоих писем и лишь теперь снова начал получать их. Я внимательно изучил фотографию Юлика. Мне очень нравится поза нашего мальчика, но он, кажется, очень отличается от того образа, который я себе создал. Буду ждать обещанную тобой фотографию. Прочитав твое письмо, не знаю, право, что и писать тебе. То ли совсем ни о чем писать не надо, то ли, напротив, о слишком многом, — но все это растворяется, расплывается в хаосе чувств и воспоминаний.

Нежно обнимаю тебя.

Антонио.

Июль 1936 года

Дорогой Делио,
я очень рад, что ни одно из моих писем не причинило тебе огорчения (я узнал, что в те дни тебе нездоровилось, из-за чего ты болел, я так и не знаю). Ты прав, считая, что нельзя обижаться, когда нам делают справедливые замечания и делают их соответствующим тоном. Сейчас я, кажется, понял, почему я ничего не писал тебе о твоих разногласиях с учительницей по поводу чеховской эпохи: произошло это, вероятно, потому, что в своей постановке вопроса ты основывался на одной из тех никчемных, схоластических догм, которыми, по выражению Энгельса, некоторые люди набивают себе карманы, полагая, что это избавляет их от необходимости конкретного изучения истории. Но тебе всего лишь двенадцать лет, и вряд ли твои карманы набиты схоластическими догмами; впрочем, у тебя хватит времени опорожнить карманы и наполнить знаниями голову. Но мне не хочется сейчас спорить с тобой, так как у меня страшная головная боль; я думаю только о том, что тебе двенадцать лет и что, хотя я давно не видел твоих фотографий, ты, как я себе представляю, очень вырос и у тебя очень серьезное выражение лица (когда ты стоишь перед фотографом). Я послал тебе часы. Ты доволен? Твои воспоминания не очень точны, но это неважно. Целлулоидовый шар с лебедем внутри найти будет трудно, я привез его тогда из... Милана.

Крепко целую тебя.

CLXXXIII

16 июля 1936 года

Дорогой Делио,

твои письма становятся все короче и все однообразнее. Меж тем у тебя, мне думается, достаточно свободного времени, чтобы писать побольше и посодержательнее. Нет никакой надобности писать в последний момент, в спешке, перед тем, как идти гулять. Не правда ли? Не думаю также, что тебе будет приятно, если твой папа решит, судя по твоим записочкам, что ты дурачок, который интересуется только судьбой своего попугайчика и лишь вскользь сообщает, что читает какую-то книгу. Думаю, что одна из самых трудных задач в твоём возрасте — это уметь сидеть за письменным столом, приучая себя приводить в порядок свои мысли (или просто думать) и хорошо и умно их излагать. Эта «выучка» иногда труднее, чем та, которую проходит рабочий, желающий приобрести специальность, и начинаться она должна именно в твоём возрасте.

Крепко обнимаю тебя.

CLXXXIV

Лето 1936 года

Дорогая Юлия,

мне становится все труднее писать тебе, но Татьяна настаивает на том, чтобы я послал тебе хотя бы несколько строк и попросил тебя объяснить причины, по которым пришлось направить Юлика в специальную школу. Вот я это и сделал. Правда, я написал было довольно длинное письмо, но так и не кончил его, потому что сам себе стал противен. Не знаю, отошлю ли я письма Юлику и Делио. Сегодня палило солнце и было очень жарко, быть может, именно это и гнетет меня. Напиши мне, в самом деле, о Юлике и не удивляйся моим странностям.

Обнимаю тебя.

Антонио.

CLXXXV

Август 1936 года

Дорогой Делио,

сердечно поздравляю тебя с выздоровлением. Ты так и не написал мне, понравились ли тебе часы. Надеюсь, что

теперь ты будешь писать мне чаще и будешь делиться со мной всем, что тебя интересует.

Целую тебя.

*Твой папа*¹.

CLXXXVI

Ноябрь 1936 года

Дорогой Делио,

ты можешь написать мне о Пушкине, когда тебе угодно, пожалуй, будет даже лучше, если ты как следует все продумаешь, а затем продемонстрируешь мне свое умение думать, рассуждать и критиковать (то есть отличать истинное от ложного, достоверное от возможного и правдоподобного). Только ты не должен волноваться: я знаю, сколько тебе лет, какая у тебя подготовка, и я сумею, следовательно, судить объективно (даже при том, что я тебя очень люблю, а в таких случаях быть объективным ведь довольно трудно).

Тут нелегко найти книги о Пушкине и о Гоголе, да и зачем они тебе? Они давно уже устарели, в то время как сейчас имеется ряд новых работ о творчестве этих двух писателей: это критические исследования, созданные на основе материалов, обнаруженных в архивах и предоставленных в распоряжение молодой и сильной советской филологии.

Я страшно рад, что ты себя хорошо чувствуешь и что учеба не утомляет тебя.

Дорогой, обнимаю тебя и поручаю тебе крепко-крепко обнять за меня маму.

Папа.

CLXXXVII

24 ноября 1936 года

Дорогая Юлька,

мне хочется немного посмешить тебя, и с этой целью я надумал написать сугубо «профессорское» письмо, насквозь педантичное, не знаю только, получится ли это у меня. Сухим педантом я бываю, как правило, не по своей воле; под давлением всякого рода обстоятельств, обусловленных десятью годами цензуры, мне пришлось выработать соответствующий стиль. А сейчас расскажу тебе один «малень-

---

¹ Слово «папа» написано по-русски, так же как и во всех последующих письмах, за исключением письма ССІ.

кий» эпизод, чтобы ты, читая его, посмеялась и чтобы тебе стало понятно мое душевное состояние. Однажды, когда Делио был маленьким, ты написала мне очень милое письмо, в котором стремилась передать, как малыш знакомится с... географией и как он начинает ориентироваться в пространстве. Ты описала мне, как он, лежа в кровати головой к северу, рассказывал, что там, за его головой, живут народы, которые запрягают в сани собак, слева от него находится Китай, справа — Австрия, в том направлении, где ноги, — Крым и т. д. Для того чтобы получить это письмо, мне пришлось больше часа спорить с начальником тюрьмы, который заподозрил, что за всем этим скрыты бог весть какие зашифрованные сообщения. Я разговаривал с ним, еще не зная, разумеется, содержания письма и стараясь по вопросам, которые он мне задавал, угадать, что ты написала и что ты хотела сказать. «Что это за Китай¹ и при чем тут Австрия?», «Что это за люди, которые запрягают в сани собак?» Надо было приложить немало усилий, чтобы найти какое-то правдоподобное объяснение (ведь я еще не читал письма), и я, право, не знаю, справился ли бы я с этой задачей, если бы не спросил его: «Но разве вы не женаты? И разве вы не понимаете, что может писать мать, когда ей хочется рассказать о сыне, находящемся вдалеке от отца?» Сразу же после этого он вручил мне письмо; у него, оказывается, была жена, но не было детей. Случай этот как будто незначительный, но он имеет все же определенное значение. Я знал, что он и мои письма будет читать с такой же придирчивой и подозрительной педантичностью, и это «побуждало» меня писать «тюремным» языком, от которого, я не знаю, удастся ли мне когда-нибудь избавиться, учитывая, что я столько лет был под гнетом. Я мог бы рассказать тебе и другие эпизоды и другие случаи, но боюсь, что, желая посмешить тебя, я, напротив, могу тебя расстроить всеми этими горестными воспоминаниями. Твое письмо порадовало меня: давно уже ты не писала с такой непринужденностью и с таким... полным отсутствием ошибок. Дорогая, не ленись и пиши мне подробнее о детях, не задумываясь об «объективности». Кстати, твой сентенциозный афоризм: «Делать доклад(?) о жизни детей — это значит извращать их жизни!» — представляется мне

---

¹ В тексте — русское слово «Китай» вместо итальянского Cina.

сушей чепухой, да еще какой гигантской чепухой! Побольше Гималаев! И так, никаких докладов (я ведь не бригадир) — только твои «субъективные» впечатления. Дорогая, я настолько изолирован от внешнего мира, что письма твои для меня — как хлеб для голодающего (это уже не сухой педантизм!); почему же ты так скупо отмеряешь порции?

Дорогая Юлька, нежно тебя целую. *Антонио.*

CLXXXVIII

24 ноября 1936 года

Дорогой Юлик,
я с удовольствием отметил, читая твое письмо, что ты лучше стал писать и почерк у тебя уже совсем как у большого мальчика. Что именно понравилось тебе в фильме «Дети капитана Гранта»? Ты должен писать мне побольше и поподробнее; опиши мне, как ты живешь, о чем думаешь, какие книги тебе нравятся и т. д.

Я очень рад, что часы тебе понравились; не бойся носить их, даже на улице; когда они как следует прикреплены и хорошо держатся на руке, их потерять нельзя, разве только если ты вздумаешь заниматься на улице боксом или чем-либо в этом роде. Какие игры ты больше всего любишь?

Дорогой Юлик, целую тебя. *Папа.*

CLXXXIX

Декабрь 1936 года

Дорогая Юлька,
твои письма всегда глубоко волнуют меня, но... (эти проклятые «но»...) оставляют меня в некотором замешательстве и раздумье. Ты знаешь, что у меня мания конкретности, что я восхищаюсь «докладами»¹, когда они хорошо составлены, и отчетами, даже такими, как отчеты distinguished отцов иезуитов о Китае, поскольку они представляют собой известную познавательную ценность даже спустя несколько веков.

Дорогая, я, конечно, ужасающий педант, пиши, как хочешь, потому что ты пишешь всегда хорошо, с большой непосредственностью и вкладывая всю себя в свои письма.

---

¹ В тексте — русское слово «доклад» написано латинскими буквами.

Я очень доволен детьми и их последними двумя письмами. Язык Юлика лаконичен и точен. Ни одного прилагательного, ни одного вводного слова, стиль почти телеграфный. Делио совсем иной. Ну, а ты, дорогая, какая ты? Я никак не могу теперь ясно представить себе, какая ты, хотя я и думаю постоянно о прошлом. Посылай мне почаще свои фотографии. Это не так уж много, но все же помогает. Когда я был в ссылке на Устике, один бедуин, который тоже был туда сослан, очень привязался ко мне. Он разыскивал меня, садился рядом, пил кофе, рассказывал о пустыне, а потом молча сидел часами и смотрел, как я читаю или пишу. Он завидовал тому, что у меня были фотографии, и говорил, что его жена настолько глупа, что ей никогда не придет в голову послать ему фотографию сына (он даже не знал, что мусульманам запрещено воспроизводить человеческие черты, а он был неглуп). Надеюсь, что ты не превратишься в «жену бедуина»?

Дорогая, обнимаю тебя с большой нежностью.

Антонио.

СХС

Декабрь 1936 года

Дорогой Делио,

жду, когда ты не спеша ответишь на вопрос о Пушкине. Ты должен хорошенько подготовиться и ответить как можно лучше. Как дела в школе у тебя и у Юлика? Сейчас, когда вам ставят отметки каждый месяц, будет легче следить за тем, как вы занимаетесь. Благодарю тебя за то, что ты крепко-крепко обнял за меня маму; полагаю, что ты должен делать это каждый день, каждое утро. Я все время думаю о вас, а теперь каждое утро я буду мысленно представлять себе — вот сейчас мои сыновья и Юлия думают обо мне. Ты — старший брат, и ты должен внушить это и Юлику. Так каждый день у вас будет «пять папиных минут». Что ты на это скажешь?

Целую тебя.

СХСИ

5 января 1937 года

Дорогая Юлька,

у меня тоже не очень хорошая память (в том смысле, что я забываю недавние события, в то время как помню до

мельчайших подробностей то, что было десять, пятнадцать лет тому назад); все же я достоверно знаю, что твои ответы расходятся с тем, что я тебе пишу. Но это не столь важно. Важно другое: чтобы все, что тебе приходит в голову, ты писала... непринужденно, то есть без всяких усилий, легко. Твои письма я перечитываю много раз: сначала так, как читаются письма самых дорогих нам людей, так сказать, без определенной цели, то есть лишь с чувством нежности к тебе; затем я их перечитываю «критически», стараясь угадать, как ты себя чувствовала в тот день, когда ты писала мне, и т. д.; я обращаю внимание также и на почерк, на то, насколько уверенно водила пером рука, и т. д. Словом, я стараюсь извлечь из твоих писем все возможные сведения и уловить все, что в них может быть заключено. Тебе кажется, что это от педантизма? Не думаю, это скорее от «тюремщины», а не от старого традиционного педантизма. Я, кстати говоря, склонен теперь решительно противопоставить его той беспечности и легковесности, той *bohème*¹, которая уже принесла, приносит и еще принесет столько вреда. Сегодня мне куда больше нравится «Устав капрала», чем «Отщепенцы» Валлеса². Но я, кажется, отклонился в сторону.

Ты прекрасно пишешь о детях, и мои постоянные жалобы объясняются тем, что никакие впечатления, даже твои — Юльки, которую я ощущаю как часть меня самого, — не могут заменить непосредственных, живых впечатлений; если бы я имел возможность видеть детей воочию, возле себя, я, несомненно, нашел бы в них что-то новое, другое. Да и сами мальчики были бы, наверное, другими. Ты не находишь? Совершенно «объективно».

Дорогая, я хочу, чтобы ты обняла за меня маму и передала ей вместе с моими добрыми к ней чувствами наилучшие пожелания по случаю дня ее рождения. Мне думается, что ты всегда знала, насколько мне трудно (а мне это очень трудно) выказывать свои чувства, этим ведь и объясняются многие тяжкие недоразумения. В итальянской литературе писали, что если Сардиния — остров, то каждый сардинец — остров на этом острове; мне вспоминается в связи с этим очень забавная статья, напечатан-

---

¹ *Bohème* — богема (франц.).

² Валлес, Жюль (1832—1885) — французский писатель и политический деятель, автор социальных романов, участник I Интернационала и Парижской коммуны. — *Прим. ред.*

ная в «Джорнале д'Италия», автор которой пытался в 1920 году именно этим обстоятельством объяснить мои духовные склонности и политические взгляды. Хотя, быть может, тут и есть доля правды,—ровно столько, чтобы поставить ударение (а поставить ударение, право, уже кое-что да значит, однако я не хочу вдаваться в анализ этого; скажу просто «грамматическое ударение», а ты можешь от души посмеяться и отдать дань моей скромности).

Дорогая, обнимаю тебя со всей нежностью.

Антонио.

СХСII

23 января 1937 года

Дорогая Юлька,

ты ведь знаешь, что я никогда не мог привыкнуть к поздравлениям: ни к тому, чтобы получать их, ни к тому, чтобы посылать их другим. Откровенно говоря, мне это кажется (или, во всяком случае, казалось) сущей условностью; для детей же, да и для тебя, дорогая, это, по всей видимости, не условность. Насколько я понял, вы собирались «отпраздновать» мой день рождения 12-го, в то время как я родился 22-го (я, кажется, догадываюсь, чем объясняется эта ошибка). Так вот: я хочу, чтобы «событие» это отмечалось так, как мне нравится; на сей раз я во что бы то ни стало *хочу* получить хорошую фотографию как детей, так и твою. Только чтобы это была действительно хорошая, как следует выполненная фотография, сделанная настоящим фотографом, а не какая-нибудь любительская стряпня.

Я никак не могу понять, почему нельзя чаще присылать ваши фотографии? Потому что это связано с расходами? Вряд ли. Тогда по какой же причине? Прошло десять с лишним лет как мы не виделись; так почему бы нам не видеть друг друга почаще хотя бы в такой форме? В отношении меня, как ты понимаешь, дело обстоит гораздо сложнее: чтобы сняться, мне пришлось бы прежде всего пройти соответствующую процедуру в полиции, и уже одно это обстоятельство является для меня решающим.

Дорогая Юлька, нет, право, пришли мне хорошие фотографии — всех вас вместе и каждого в отдельности.

Дорогая, обнимаю тебя.

Антонио.

Дорогой Юлик,

рисуи так, как тебе хочется: чтоб посмеяться и позабавиться, а не «серьезно», как будто ты выполняешь задание, которое тебе не по душе. Мне хотелось бы взглянуть и на какие-нибудь твои школьные рисунки. Как ты к ним относишься? Серьезно или так же, как к тем, что ты рисуешь забавы ради?

В школе у тебя как будто все обстоит довольно хорошо. Ну, а здоровье как? Ты бегаешь, играешь? Или же забавляешься только тем, что малюешь на бумаге разные причудливые фигурки? Благодарю тебя за поздравления. Сегодня у меня сильно болит голова и мне трудно много писать.

Целую тебя.

Папа.

С кем ты занимаешься на скрипке?

СХСІV¹

Ну, а почему мой негодный сынок Юлик ничего мне не пишет? Ты ведь обещал писать мне каждый выходной день и вовремя отсылать написанное! Как это так, чтобы мальчик, которому уже десять лет, не выполнял своих обещаний? Дорогой Юлик, я хотел бы от тебя самого узнать, как ты себя чувствуешь и нравится ли тебе твой новый образ жизни.

Нежно тебя обнимаю.

СХСV

Дорогой Юлик,

итак, ты расстаешься с коллективом и отправляешься в лагерь. Вернешься ли ты в школу? Почему надо было писать в самый последний момент, в ожидании машины? Обнимаю тебя крепко-крепко по случаю дня твоего рождения и посылаю тебе часики в надежде, что они заставят тебя думать о времени и, следовательно... писать не в последний момент.

Целую тебя.

¹ Это письмо и все последующие письма, адресованные сыновьям, были, по всей видимости, приложены к другим письмам и потому не датированы.

СХСVI

Дорогой Юлик,

из писем мамы и бабушки я узнал, как ты живешь. Но почему ты сам не напишешь мне несколько слов? Я бываю очень рад, когда получаю от тебя письма. Сколько интересного ты мог бы рассказать мне сейчас о школе, о твоих товарищах, о преподавателях, о деревьях, которые ты видишь, о своих играх и т. д. Ну, а кроме того... ты ведь обещал писать мне каждый выходной день. Обещания надо всегда выполнять, даже если это стоит каких-то усилий, а написать мне несколько строк — это, по-моему, не требует таких уж больших усилий. Ты обещал посылать мне письма в те дни, когда мама будет приходить к тебе в школу...

Дорогой, обнимаю тебя.

СХСVII

Да здравствует Юлик! Я получил твою фотографию и был страшно рад увидеть твою маленькую особу. По сравнению с той фотографией, которую мне прислали некоторое время тому назад, ты, видимо, очень вырос — вырос и изменился. Ты уже совсем юноша теперь. Почему ты перестал мне писать? Жду от тебя длинного письма.

Обнимаю тебя.

СХСVIII

Дорогой Юлик,

наконец-то ты написал мне несколько строчек. Сердечно поздравляю тебя с днем рождения: ты уже совсем большой стал — без пяти минут солдат. Тебе понравились часы? Напиши мне, как у тебя начался новый учебный год. Я чувствую себя немного уставшим и потому написал так мало и Делио и тебе.

Обнимаю тебя.

СХСIX

Дорогой Юлик,

с большой радостью получил твои новые рисунки: по ним видно, что настроение у тебя веселое, из чего я заключаю

также, что и со здоровьем у тебя все обстоит благополучно. Только скажи мне вот что: умеешь ли ты рисовать что-нибудь другое, а не так, забавы ради? То есть умеешь ли ты рисовать как следует, чтоб и забавные рисунки делать по-серьезному? Ты не написал мне, учат ли тебя в школе рисованию и нравится ли тебе рисовать «по-серьезному». Когда я был мальчиком, я очень много рисовал, но мои рисунки были скорее плодом терпения и усидчивости, чем умения; рисовать никто меня не учил. Я копировал, увеличивая их, разные картинки и изображения из какого-нибудь детского журнала. Я старался также передать основные цвета, пользуясь для этого собственным способом окраски — не сложным, но требовавшим большого терпения. До сих пор помню одну картину, над которой я проработал месяца три, не меньше: на ней был изображен молодой крестьянский паренек, который в праздничной одежде упал в чан с виноградом, заготовленным для выжимания, и молоденькая крестьянка — кругленькая и пухленькая, которая смотрела на него полуисступанно-полунасмешливо. Картинка эта была одной из иллюстраций к серии приключений, главным героем которых был страшный козел Барбабукко; козел этот славился тем, что неожиданно из-за угла нападал на своих врагов или на дразнивших его мальчишек и, нещадно бодаясь, подбрасывал их в воздух. Концовка была всегда веселой, — так же, как и на моей картинке. Как мне нравилось, помню, увеличивать маленькие рисунки; я вымерял все линейкой и циркулем, потом намечал карандашом рисунок, стирал, принимался снова и т. д. Братья и сестры мои смотрели, что я делаю, смеялись, но так как сами они предпочитали побегать и пошуметь, то оставляли меня заниматься моим делом.

Дорогой Юлик, целую тебя.

СС

Дорогой Юлик,
итак, ты впервые увидел море. Напиши мне что-нибудь о своих впечатлениях. Много ли ты наглотался соленой воды, когда купался? Научился ли ты плавать? Удалось ли тебе поймать живых рыбок или крабов? Я видел, как мальчики ловили рыбок в море при помощи пустотелого кирпича — они наловили их целое ведро.

Обнимаю тебя.

Антонио.

Дорогой Юлик,

рисунки твои мне очень понравились; понравились потому, что они сделаны тобой. К тому же они очень оригинальны, и мне думается, что природа никогда еще не создавала ничего подобного. На четвертом рисунке изображено какое-то невиданное животное: это не жук, ибо для жука оно слишком велико и у него только четыре длинные лапки — как у четвероногих; однако это и не лошадь, ибо не видно ушей (кстати, и у первого животного, которого ты нарисовал, тоже не видно ушей, как их нет и у одного из твоих человечков). Быть может, это лев — прирученный и... прозрачный — ведь у всадника видны обе ноги. Мне нравится и то, что твои человечки могут ходить на носках по самым трудным местам — по верхушке дерева или по головам животных (не потому ли животное и лишилось своих ушей?)... Дорогой Юлик, тебе неприятно, что я подшучиваю над твоими рисунками? Они мне в самом деле нравятся такими, как есть, но ты все же должен прислать мне не только наспех сделанные рисунки, но и те, что ты делаешь для школы.

Целую тебя.

Папа.

Как идут дела в школе? Сумел ли ты так наладить занятия, чтобы хорошо учиться и не переутомляться, не нервничать? А тебе нравится учиться?

Дорогой Юлик,

получил твою фотографию и письмецо, но одно с другим что-то не вяжется. В своем письме ты жалуешься и чуть ли не хнычешь, как пятилетний ребенок, меж тем как на фотографии ты выглядишь большим и крепким мальчуганом и, следовательно, должен уметь противостоять всяким невзгодам мужественно, не теряя самообладания. Ты сам как-то писал мне, что школу, где ты сейчас учишься, ты посещаешь для того, чтобы не потерять год; и этого, по-твоему, мало? Ну, а затем надо еще проверить, не по заслугам ли ты получил порицание. Как бы там ни было, если надо что-либо сделать, то делать это следует, не жалуясь и не скуля, как маленький щеночек, а так, чтобы извлечь из сделанного максимум пользы. Мне очень не

нравится, когда такой мальчик, как ты, жалуется, меж тем как на фотографии ты выглядишь волевым, спокойным и преисполненным решимости достичь поставленной перед собой цели; таким ты мне очень нравишься. Желая тебе всего наилучшего. Обнимаю тебя.

Я пишу по настоянию Тани. Чувствую я себя неважно и потому пишу плохо; поставь мне кол.

ССIII

Дорогой Джулиано,

ты прочел только половину рассказа Уэллса и уже собираешься судить о всем творчестве этого писателя, написавшего несколько десятков романов, множество рассказов, ряд исторических очерков и т. д.? По-моему, ты тут немного «перехватил». Да и какой рассказ ты прочел? Самый лучший или самый худший из его рассказов? Или же такой, который представляет собой «среднее» творческих возможностей автора? Величайшим поэтом древней Греции был Гомер, а латинский писатель Гораций говорил, что и Гомер иногда «дремлет». Разумеется, Уэллс по сравнению с Гомером «дремлет» по меньшей мере триста шестьдесят дней в году, однако вполне возможно, что в остающиеся пять или шесть дней (шесть — когда год високосный) он бодрствует и пишет нечто увлекательное и выдерживающее критику. Ты тоже зачастую не очень аккуратен: твое письмо написано наспех, многие слова оборваны на половине, между тем я считаю, что ты можешь писать куда лучше — более аккуратно и более внимательно. Потому-то я и не буду выносить окончательного суждения о тебе на основании только этого письма и не скажу: «Ну что за осленок у меня сынок!» Дорогой Юлик, не обижайся на меня, пиши мне и постарайся подкрепить свои суждения. Как жаль, что я не могу побеседовать с тобой. Не думай, что я сухой педант, я с удовольствием посмеялся бы и пошутил с тобой и с Делио, с удовольствием поговорил бы о многих вещах, которые и меня очень интересовали в детстве. Нежно тебя обнимаю.

ССIV

Дорогой Юлик,

на сей раз я ничего не получил от тебя. Меня это огорчает. Правда, я не ответил на твое последнее письмо, но

я тогда плохо себя чувствовал. Я был бы рад, если бы ты писал мне почаще. Ты ведь обещал мне (если не ошибаюсь) писать каждый выходной день и отсылать затем то, что ты напишешь, вместе с письмами Делио, мамы, Жени. Ты, повидимому, не очень аккуратен и забываешь те обязанности, которые берешь на себя. Ты можешь писать мне обо всем, и я буду отвечать тебе по-серьезному. Ты уже довольно большой мальчик; теперь и у тебя должно быть определенное чувство ответственности. Как ты считаешь? Пиши мне о том, что ты делаешь в школе, легко ли тебе дается учение, что тебя интересует. Ну, а если какой-нибудь предмет не вызывает у тебя интереса, а ты все же должен его изучать, как ты поступаешь в таком случае? Какие игры ты любишь больше всего? Дорогой Юлик, помни: все, что имеет отношение к твоей жизни, интересует меня.

Обнимаю тебя.

ССV

Дорогой Джулиано,

ты хочешь, чтобы я писал тебе о серьезных вещах. Очень хорошо. Но что это за «серьезные вещи», про которые ты хотел бы узнать из моих писем? Ты еще мальчик, а для мальчика все то, что касается детей и предназначается им, — это ведь тоже очень «серьезные вещи», ибо они соответствуют его возрасту, его опыту, той способности восприятия, которую его маленький жизненный опыт и размышления об этом опыте выработали в нем. Ты обещаешь писать мне раз в пять дней; я буду очень рад, если ты выполнишь свое обещание и таким образом докажешь мне, что у тебя большая сила воли. Я буду отвечать тебе непременно (если только смогу) и очень по-серьезному. Дорогой, я знаю тебя только по твоим письмам и по тому, что мне рассказывают о тебе в своих письмах взрослые. Так, я знаю, что ты славный мальчик, но почему же ты ничего не написал мне о своей поездке к морю? Ты думаешь, что это событие нельзя причислить к «серьезным вещам»? Все то, что касается тебя, для меня очень важно и очень меня интересует,— все, вплоть до твоих игр.

Обнимаю тебя.

Антонио.

Дорогой Юлик,

как твоя головка, над чем она трудится? Твое письмо мне очень понравилось. Ты стал излагать свои мысли более уверенно, чем раньше, а это свидетельствует о том, что ты повзрослел и скоро станешь уже совсем большим. Ты спрашиваешь, что меня «больше всего интересует». Могу ответить тебе, что нет такой вещи, которая «интересовала бы меня больше всего», то есть я хочу сказать, что меня интересует одновременно очень много вещей. Я заинтересован, например, в том, чтобы ты хорошо учился и делал успехи, а также, чтобы ты рос сильным, был физически хорошо развитым, обладал душевной стойкостью и решимостью; я заинтересован, естественно, в том, чтобы ты как следует отдыхал, ел с аппетитом и т. д. Ведь все это тесно взаимосвязано и взаимообусловлено, и если недостает или отсутствует один из элементов целого, то и целое начинает распадаться. Вот почему меня и огорчило то, что ты написал мне, а именно: что ты не можешь ответить на вопрос, есть ли в тебе решимость достичь той цели, которая стоит сейчас перед тобой, то есть: хорошо учиться, быть сильным и т. д. Почему, спрашивается, ты не можешь ответить на этот вопрос, если только от тебя зависит быть дисциплинированным, противостоять нехорошим побуждениям и т. д.? Я говорю с тобой серьезно, ибо вижу, что ты уже не маленький мальчик, да и ты сам как-то написал мне, что тебе хотелось бы, чтоб к тебе относились серьезно. Я считаю, что в тебе еще много нераскрытых сил и возможностей. Тот факт, что ты не можешь, как ты говоришь, ответить на мой вопрос, свидетельствует о том, что ты умеешь думать и чувствуешь ответственность за то, что делаешь и пишешь. Да и по той фотографии, которую я получил, видно, как много в тебе энергии. Да здравствует Юлик! Я тебя очень люблю.

Дорогой Юлик,

как ты себя чувствуешь в новой школе? Что тебе больше нравится — жить около моря или же вблизи от леса, среди высоких деревьев? Если хочешь доставить мне удовольствие, опиши мне, как ты проводишь день, начиная с того момента, когда ты встаешь, и кончая моментом,

когда ты ложишься спать. Так я смогу яснее представить себе, как ты живешь, смогу мысленно увидеть все, что ты делаешь.

Опиши мне также обстановку, которая тебя окружает: твоих товарищей, учителей, зверушек,— все решительно. Пиши понемногу, тогда это не будет для тебя утомительно, и затем пиши так, как будто ты хочешь меня рассмешить,— ты и сам заодно посмеешься.

Дорогой, обнимаю тебя.

ССVIII

Дорогой Делио,
на сей раз слоны, о которых ты мне рассказываешь, уже не являются носителями некой цивилизации. На сей раз они из мыла и как таковые могут, разумеется, нести цивилизацию (или же какие-то ее элементы)... в ванную; бедные слоны! Ты, правда, рассказываешь мне и о многом другом, и мне следовало бы, конечно, завязать с тобой дискуссию по целому ряду вопросов. Но я сейчас не в силах, ибо у меня болит голова и я не могу сосредоточиться даже на самом малозначащем предмете. Я полагаю, что и мама, и Женя, и все домашние, наверное, без конца обсуждают с тобой множество вопросов, связанных с тем, что можно познать и осуществить. Ну и прекрасно! Однако что же тебя больше всего интересует? Как-то ты написал мне, что тебя интересует история; но вслед за тем ты не сумел развить эту тему и переключился на слонов; теперь же, если не ошибаюсь, ты стал интересоваться обезьянами как предками человека. Но и тут, мне кажется, можно сказать, что больше, чем история, тебя привлекает возможность пофантазировать на эту тему; меж тем уместнее было бы изучать доподлинную историю — ту, которая пишется на основе точных и достоверных данных. Заниматься фантастическими домыслами вокруг научных гипотез,— это могли делать люди, жившие пятьдесят лет тому назад, в условиях очень трудной идеологической борьбы. Ныне же многие вопросы отпали, ибо жизнь взяла верх и над одной и над другой из споривших сторон и создала строителя. К сожалению, от всего отжившего очень трудно избавиться, но ты хорошим пинком отбрось прочь все это и изучай только конкретные вещи.

Папа.

Дорогой Делио,

надеюсь, что к тому времени, когда ты получишь это письмо, ты уже совсем поправишься и прибавишь по меньшей мере... пять кило. Я желаю тебе всего наилучшего и советую тебе как можно больше есть. Жду твоего письма с хорошими-прехорошими вестями о тебе, о маме Юльке, о бабуле¹ и о мамине.

Обнимаю тебя.

Папа.

Дорогой Делио,

я, право, не знаю, может ли (или мог ли) слон эволюционировать до такой степени, чтобы превратиться в существо, способное, наподобие человека, подчинить себе силы природы и использовать их в своих целях. Это в плане абстрактном. Конкретно же слон не прошел того пути развития, который прошел человек, и, несомненно, никогда его не пройдет, ибо человек может использовать слона в своих нуждах, а слон не может использовать человека, не может даже съесть его. Ты полагаешь, как ты пишешь, что слон мог бы приспособить свои ноги для полезной работы, меж тем это не соответствует действительности. У слона имеется в качестве «технического орудия» хобот, и со «слоновой точки зрения» он великолепно служит ему для выкорчевывания деревьев, для самозащиты, когда в этом бывает необходимость, и т. д.

Ты написал мне, что тебе нравится история, и так мы дошли с тобой... до хобота слона. Я считаю, что при изучении истории вовсе нет надобности излишне фантазировать по поводу того, что произошло бы, «если бы»... (если бы, к примеру, слон встал на задние ноги, дабы способствовать тем самым развитию мозга, если бы... если... а что если бы слон родился с колесами? Тогда это был бы самый настоящий трамвай! Ну, а если бы у него были крылья? Представь себе только, что было бы, если бы слоны налетели, как саранча!). Историю доподлинную и так очень трудно изучать, ибо длительный период ее не зафиксирован в документах; так зачем же, спрашивается, терять время на то, чтобы строить еще гипотезы, не имеющие под собой никаких оснований? К тому же в твоих ги-

---

¹ В тексте русское слово «бабуля» написано латинскими буквами.

потезах слишком много антропоморфизма. Почему, например, слон должен был развиваться так, как развивался человек? Кто знает, быть может, какой-нибудь мудрый старый слон или какой-нибудь молоденький с причудами слоненок также строит, со своей точки зрения, всякие предположения насчет того, почему человек не стал обладателем хобота. Жду от тебя длинного письма на эту тему. У нас не было сильных холодов, да и вообще в этом году, в отличие от прошлых лет, я не страдаю от холода. Тут все время распускаются цветы. У меня теперь нет птичек, но я постоянно вижу во дворе две парочки дроздов и вижу кошек, которые крадутся, выжидая момент, чтобы поймать их; однако дрозды не очень-то этим обеспокоены — они всегда весело настроены, и их движения удивительно изящны.

Обнимаю тебя.

Папа.

ССХI

Дорогой Делио,

ты написал мне четыре строчки, которые выглядят так, будто они извлечены из грамматики для иностранцев: «Попугай чувствует себя хорошо!» (передай ему мой горячий привет и наилучшие пожелания!). А что ты думаешь о Пикквике? Как идет подготовка к экзаменам? Немного трусишь или же ты уверен в себе? Последнее время ты стал писать мне совсем мало и о малоинтересных вещах. Почему? Пиши больше.

Целую тебя.

Папа.

ССХII

Дорогой Делио,

я вижу, что ты очень интересуешься обезьянами. Фотография, которую ты прислал мне, получилась очень удачной: тут мы имеем дело, повидимому, с обезьяной-мыслительницей. Она, наверное, думает о сладких рожках и других вкусных вещах, которые получит на обед от дирекции зоологического сада. Ну, а как попугай? Я говорил о салате, но я имел в виду воробушка. Что ест твоя птичка? Такие нежные растения, как салат или сухие фрукты и овощи, как-то: бобы, орехи, горох, миндаль?

В детстве, помню, у нас дома был маленький попугай, которого привезли из Абиссинии. Он целыми днями грыз

бобы и горох (миндаль и орехи ели мы) и вызывал у нас антипатию, потому что ничего другого делать не умел, к тому же он был очень некрасив: голова у него была такой же величины, как и тело,— а цвета он был серовато-желтоватого. Надеюсь, что твоя птичка гораздо красивее и симпатичнее.

Напиши мне о книгах, которые ты читаешь.

Поздравляю тебя с успехами в ученье и со значком, который ты получил.

Крепко обнимаю тебя.

Твой папа.

ССХІІІ

Дорогой Делио,

от мамы Юльки я узнал, что мое последнее письмо (а быть может, и другие?) немного огорчило тебя. Почему же ты ничего не написал мне об этом? Если ты находишь в моих письмах что-либо неприятное для себя, ты должен сказать мне об этом и объяснить, почему это тебе неприятно. Ты очень дорог мне, и я не хочу причинять тебе никаких огорчений: я нахожусь так далеко от тебя и не могу ни приласкать тебя, как мне этого хотелось бы, ни помочь тебе разрешить те вопросы, которые рождаются у тебя в голове. Повтори мне тот вопрос относительно Чехова, который ты однажды задал мне и на который я не ответил: я совсем не помню его. Если ты утверждал, что Чехов — писатель, творчество которого имеет общественное значение, то ты был прав, однако из этого не следует, что ты должен возгордиться этим «открытием», ибо еще Аристотель сказал, что все люди являются общественными животными. Полагаю, что ты хотел сказать нечто большее, а именно: что Чехов отражал в своем творчестве определенную социальную обстановку, отражал известные стороны общественной жизни своего времени и выражал их так, что его, естественно, можно считать «прогрессивным» писателем. Так думаю я. Чехов по-своему, в той форме, которая была присуща его таланту и культуре, способствовал развенчанию представления о средних классах, интеллигенции, мелкой буржуазии как о вершителях судеб русской истории и будущего России. Они считали себя творцами бог весть каких чудодейственных преобразований, а Чехов показал их такими, какими они были в действительности: мелкими, пошлыми, напоминаю-

щими надутые зловонным газом пузыри, достойными осмеяния. А как ты это понимал? Напиши мне. Само собой разумеется, что о Чехове нельзя сказать всего в нескольких словах.

Ты пишешь, что пионерская газета уделяла в прошлом много места Толстому и мало — или же почти совсем не уделяла места — Горькому. Сейчас, когда Горького уже нет в живых и когда остра боль от его утраты, это может показаться несправедливым. Однако ко всему и в любой момент надо подходить с объективно-критических позиций, и тут не следует забывать, что Толстой является писателем мирового масштаба, одним из тех немногих писателей, которые достигли наивысшего совершенства в искусстве: его произведения (даже в очень плохом переводе) оказывали и оказывают огромное эмоциональное воздействие на людей во всех странах мира, даже на тех мужчин и женщин, которые, казалось бы, совсем отупели от изнурительного труда и культурный уровень которых довольно низок. Толстой был поистине носителем культуры и красоты, и в наше время все еще некого сравнить с ним: чтобы найти ему равных, приходится вспоминать Гомера, Эсхила, Данте, Шекспира, Гёте, Сервантеса и других — очень и очень немногих.

Меня порадовало твое письмо, а еще больше порадовало то, что ты чувствуешь себя лучше, что ты уже собираешься на заборы поглядеть на затмение солнца, что ты собираешься купаться, совершать прогулки по лесу и изучать итальянский язык. Набираться сил — это тоже значит что-то делать.

Дорогой, крепко тебя обнимаю.

Папа.

ССХIV

Дорогой Делио,

почему ты ничего не пишешь мне о своем попугайчике? Он еще жив? Быть может, ты перестал писать о нем потому, что я как-то заметил, что ты упоминаешь о нем в каждом письме? Выше голову, Делио; Татьянашка настаивает, чтоб я рассказал тебе о том, как в детстве (мне было тогда столько же лет, сколько тебе сейчас) у меня был маленький песик и как я буквально с ума сходил от радости, что он у меня есть. Вот видишь! Конечно, собака, даже если она совсем-совсем маленькая, доставляет куда

больше радости, чем попугай (впрочем, ты, может быть, иного мнения), потому что она может играть со своим хозяином, привязывается к нему... Мой песик, повидимому, так и остался «младенцем», ибо когда он хотел выказать мне свой предельный восторг, он ложился на спину и делал на себя пипи. Сколько же мне приходилось потом мылить и отмывать его! Он был настолько мал, что очень долго не мог взбираться на ступеньки лестницы, шерсть у него была черная и длинная, и похож он был на крохотного пуделя. Я подстриг его под льва, однако красотой он не отличался — скорее он был уродлив, и даже весьма, насколько я теперь припоминаю. Но как хорошо с ним было играть и как я любил его! Моя излюбленная игра заключалась в следующем: когда мы отправлялись с ним гулять в поле, я ставил его на какую-нибудь высокую каменную глыбу и удалялся, в то время как он, повизгивая, смотрел мне вслед, не решаясь прыгнуть. Я удалялся зигзагами, затем прятался в яме или в канаве. Песик сначала пронзительно визжал, затем умудрялся каким-то образом слезть на землю и пускался на розыски. Меня это страшно забавляло, я наблюдал за тем, как он, бедняжка — он был тогда еще очень молоденьким, — заглядывал, громко лая, за все камни, склонялся над маленькими ямами (для него они были большими) и с ума сходил от нетерпения. Зато какая была радость, когда он наконец находил меня! И какой фонтан пипи!

Дорогой, а теперь ты напишешь мне о своем попугайчике?

Обнимаю тебя.

Папа.

ССХV

Дорогой Делио,

я получил перышко попугая и цветочки — они мне очень понравились, но мне никак не удается представить себе, как выглядит твоя птица и почему она выщипывает у себя такие большие перья: может быть, на ее кожу вредно действует искусственное тепло, а может быть, у нее и нет ничего серьезного и с наступлением весны зуд и раздражение кожи пройдут. Пожалуй, следовало бы кормить ее чем-нибудь очень свежим, что заменило бы ту пищу, которую попугаи этой породы имеют у себя на родине. Я читал, что птицы, которых держат дома и кормят не тем,

чем нужно, страдают авитаминозом, теряют перья и болеют чем-то вроде чесотки (незаразной). Я сам видел, как больной воробушек, который был в очень тяжком состоянии, потому что он питался одним лишь мякишем хлеба плохого качества, выздоровел, когда к его «меню» прибавили немного свежего салата...

Не помню, в каком смысле я говорил тебе о «фантазии», быть может, это относилось к склонности фантазировать впустую и строить, как говорится, небоскребы на булавочной головке.

Дорогой, обнимаю тебя крепко-крепко. *Pana.*

ССХVI

Дорогой Делио,

на сей раз я не получил от тебя никакого письма. На фотографии Юлика виден уголок твоей комнаты с клеткой попугая. Жаль, что нельзя разглядеть и птичку. Надеюсь, что с помощью свежего салата (он должен быть мелко-мелко нарезан) и просяной каши она быстро поправится и у нее снова вырастут длинные блестящие перья.

Целую тебя. *Pana.*

ССХVII

Дорогой Делио,

Уэллсом я никогда не зачитывался, так как книги его мне не очень нравятся. Полагаю, что, если и ты не будешь его читать, большого ущерба твоему умственному и духовному развитию это не причинит. Его книга по всеобщей истории мне тоже не очень понравилась, хотя он и пытается (и в этом книга его представляет собой в известной мере нечто новое, по крайней мере в исторической литературе Западной Европы) раздвинуть традиционные исторические рамки, доказывая, что не только греки, египтяне, римляне и другие сыграли значительную роль в истории, но и монголы, китайцы, индийцы и т. д. Как писатель фантастического жанра он кажется мне слишком механистичным и сухим, как историку ему недостает дисциплины ума, метода и последовательности в мышлении.

Ответь мне, интересуется ли тебя то, о чем я тебе пишу, и все ли тебе понятно?

Я не ответил тебе на предыдущее письмо. Меж тем мне не понравилась твоя мысль — видеть мир населенным слонами, вставшими на задние ноги, с сильно развитым мозгом: разумеется, для того, чтобы их могло существовать множество на поверхности земного шара, им пришлось бы соорудить бог знает какие огромные небоскребы! Но к чему, спрашивается, мозг без рук? Вот страусы, например: голова их высоко и свободно покоится на длинной-длинной шее и стоят они только на двух ногах, однако мозг их от этого отнюдь не стал более развитым. Что же касается человека, то его эволюции, как мы видим, способствовало много благоприятных условий, которые помогли ему стать тем, чем он был еще до того, как в нем развились четко выраженная целеустремленность и достаточно зрелый ум, чтоб изготовлять средства, необходимые для достижения нужной цели. Итак, судя по всему, количество переходит в качество только у человека, а не у других живых существ.

Пиши мне подробнее. Обнимаю тебя.

Папа.

ССХVIII

Дорогой Делио,

чувствую себя немного уставшим и потому не в состоянии писать тебе много. А ты пиши мне попрежнему обо всем, что тебя интересует в школе. Я полагаю, что и ты любишь историю, как любил ее я в твои годы: ведь история повествует о живых людях, а все то, что касается людей,— возможно большего числа людей, всех людей мира, которые объединяются между собой в общество и трудятся, и борются, и совершенствуются,— не может не интересоваться тебя превыше всего остального. Но так ли это?

Обнимаю тебя.

Антонио.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин 109, 138, 139
 Адзолини, Винченцо 279
 Алерамо, Сибилла 244
 Альфиери, Витторио 35
 Анджелони 18
 Арборла д', Элеонора 149
 Ариас, Джино 209
 Ариис 74
 Аристотель 83, 302
 Арканджели 253
 Астор, леди 162
- Баки, Р.** 187
 Баккелли, Рикардо 110, 244
 Бакунин, М. А. 110
 Балле 183
 Барбагалло, Коррадо 104, 222
 Барби, Микеле 173, 211, 272
 Бартоли, Маттео 30
 Бернольфо, Джакомо 216
 Бернштейн, Эдуард 221
 Берти, Джузеппе 47, 48, 50, 58, 59, 61
 Бертони, Джулио 171
 Бианко, Винченцо 21
 Бодреро, Эмилио 143
 Боккаччо, Джованни 109, 243
 Бонапарт, Жозеф 40
 Брешиани, Антонио 110
 Бриан, Аристид 62
 Брокки, Вирджилио 35, 111
 Бруно, Джордано 71, 72
 Брюнетьер, Фердинанд 57
 Будда 66
 Бэкон, Френсис 83
- Валентино, герцог** 166
 Валлес, Жюль 290
 Вентура 47
 Вико, Джамбаттиста 183, 234
- Вильгельм II 179
 Вергилий 144, 178, 244
 Вольпе, Джоаккино 225
 Вольпи 17
- Галилей, Галилео** 222
 Ганди, Мохандас 51, 112, 178
 Гарибальди, Джузеппе 52, 60, 197, 235
 Гарнак, Адольф 35
 Гарофало, Рафаэле 71
 Гартман, Л. М. 175
 Гаспарри, Пьетро 112
 Гверрацци, Франческо Доменико 110
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 48, 83, 84, 103, 112, 138, 232, 234, 274
 Гейне, Генрих 167
 Гёте, Иоганн Вольфганг 45, 49, 151, 175, 249, 303
 Гоголь, Н. В. 286
 Гомер 127, 143, 296, 303
 Гомперс, Сэмюэл 164
 Гораций Флакк, Квинт 296
 Горький, А. М. 303
 Готта, Сальваторе 35
 Граф, Артур 138
 Гриеко, Руджеро 147
 Гримм, братья 45
 Гроэюзен, Бернард 51, 86
 Гюго, Виктор 86
- Д'Аннуцио, Габриэле** 283
 Данте, Алигьери 98, 138, 139, 151, 159, 167, 170—173, 202, 211, 243, 249, 303
 Де Вити, Марко де 157
 Декарт, Рене 83
 Дель Веккио, Джорджо 198

Дель Лунго, Исидоро 202
Дерозас 148, 149
Де Руджеро, Гвидо 83, 182,
183
Де Санктис, Франческо 138,
170, 173, 248
Джеймс, Уильям 83
Джентиле, Джованни 137, 234,
235
Джероза, Пьетро 138, 159
Джолитти, Джованни 220
Дзанарделли, Джузеппе 117
Дзури 148, 149
Додз, Леон 62, 111, 112
Доминик 109
Достоевский, Ф. М. 207

Елизавета, английская короле-
ва 55

Жан, Люсьен 238
Жанна д'Арк 51
Жиль, Поль 27

Иван Грозный 55
Иоанн IV Орлеанский 112

Каваллотти, Феличе 82
Кавальканте, Гвидо 170—172,
202
Кавальканте, Кавальканти
170—172
Калоссо, Умберто 202
Камо, Сиело-Дель 142
Кант, Иммануил 83, 233
Канту, Чезаре 138
Каппа, Инноченцо 82
Карамелла, Сантино 279
Кардуччи, Джозуэ 35
Карл Альберт 103
Карнера, Примо 195
Карониа, Джузеппе 39
Кастельно де 62
Катганео, Карло 166
Каутский, Карл 104
Кемаль-паша, Гази Мустафа
146
Киплинг, Редьярд 12, 20
Колер, Иосиф 45
Коллетта, Пьетро 35
Комб, Эмиль 62

Компаньи, Дино 203
Конан-Дойль, А. 120
Кянка 18
Кэппола, Франческо 185, 235
Космо, Умберто 137—140, 158,
159, 164, 166, 174, 210, 211
Коста, Андреа 111
Криспи, Франческо 82, 183
Криспольти, Филиппо 51
Кромайер, Иоганн 175
Кромвель, Оливер 235
Кроче, Бенедетто 30, 83, 84, 98,
104, 127, 128, 137, 159, 165,
170—174, 182, 202, 219—223,
225—229, 233—236
Кулишева, Анна 11
Купер, Фенимор 61
Кювье, Жорж 101

Лангеншейд 45
Лао-цзы 93
Лафайет, Мари Жозеф Поль 197
Леви, Артур 35
Леви-Чивита, Тулио 198
Леонардо да Винчи 166, 242, 249,
260, 278
Леопарди, Джакомо 249, 250
Лессинг, Готхольд Эфраим 172
Ливи, Ливио 187
Ломброзо, Джина 35
Ломброзо, Чезаре 147, 266
Лонг 144
Лондон, Джек 146
Лоренцини, Карло 237
Лория, Акилле 43, 44, 214
Лотиан, лорд 162
Луначарский, А. В. 127, 128
Луцио, Алессандро 52
Лушчатти, Луиджи 109, 174
Людвиг, Эмиль 248, 455
Людовик XI 55
Лютер, Мартин 127, 128

Мадариага де, Сальвадор 182,
183
Мадзини, Джузеппе 52, 60, 235
Майер, Теодор 199
Макдональд, Джеймс Рамсей
164
Маккиавелли, Никколо ди Бер-
нардо 55, 124, 139, 166, 209,
224, 225, 244

Мандзони, Алессандро 110, 124,
145, 172, 222
Марий, Гай 63
Маринетти, Ф. Т. 97
Маритэн, Жак 62
Маркс, Карл 104, 151, 179
Мартелло, Туллио 52
Мартире, Эджильберто 51
Массис, Анри 51
Маффи, Фабрицио 17, 18
Марнани, Марио 27
Михельс, Роберт 63, 70
Моллиелли 17, 21
Мольер, Жан Батист 35
Моммзен, Теодор 104
Монтпен, Ксавьер де 86
Морелло, Винченцо 97, 98
Мори, П. 248, 255
Моррас, Чарлз 55, 62, 111, 112
Мортара, Джорджо 137, 279
Муссино, Аттилио 237
Мюрат, Иоахим 40

Наполеон I 51, 235
Никодими, Дарио 86
Николаи 106

Онэ, Жорж 11

П., см. Сраффа
Павлов, И. П. 208
Пагани, Адольф 248
Панцакки, Энрико 244
Паскарелла, Чезаре 38
Пасколи, Джованни 29
Петти, Уильям 224
Пиранделло, Луиджи 30, 31
Пичелли, Гвидо 17
Полян, Фредерик 51
Полледро, Альфредо 33
Порчелли, Джакомо 251—252
Преццолини, Джузеппе 164
Пуанкаре, Раймон 62
Пуччини, Джакомо 244
Пушкин, А. С. 33, 36, 151, 286,
289

Ренци, Серафино 31
Рикардо, Давид 165, 232, 233
Розмини, Антонио 138
Рокко, Альфредо 235

Росселли, Нелло 52
Росси, Витторио 248
Ростовцев, М. 104
Руссо, Жан Жак 84, 95
Руссо, Луиджи 127, 173

Савонарола, Джероламо 244
Саландра, Антонио 81
Салимбене 109
Сальвиоли, Джузеппе 104, 105
Сбаральини 18
Сервантес, Мигель 303
Соловьев, В. С. 111.
Сорель, Жорж 221
Спавента, Бертрандо 102
Спавента, Сильвио 102, 103
Спери, Тито 52
Сраффа, Пьеро 117, 137, 139,
147, 165, 197, 198, 232
Стендаль 54
Сю, Эжен 86

Тагор, Рабиндранат 51
Тарамелли 215
Тацит, Публий Корнелий 97
Теплиц 174
Террачини, Умберто 106, 185,
187
Тильгер, Адриано 31
Тола, Паскуале 148, 149
Толстой, А. Н. 237
Толстой, Л. Н. 65, 169, 230, 249,
278, 303
Тольятти, Пальмиро 106
Тоэска, Пьетро 171, 172

Умберти, Фарината дельи 98,
170—172, 202
Уголино делла Герардеска 172
Уэллс, Герберт 175, 176, 296,
305

Фарината Дельи Уберти, см.
Уберти, Фарината дельи
Фариначчи, Роберто 184
Фердинанд Католик 55
Феррари 17
Феррари, Джузеппе 209
Ферреро, Гульельмо 104
Финк 55
Фиорентино, Франческо 84
Фихте, Иоган Готлиб 233

Фома Аквинский 223
Формиджини, А. Ф. 96
Фосколо, Уго 209
Франц-Иосиф 52
Франциск Ассизский 108, 109,
139
Фрейд, З. 147
Фюлоп-Миллер, Рене 226

Хёпли, Ульрих 136, 173

Цезарь, Юлий 44
Цеткин, Клара 150

Чарлантини, Франко 164
Честертон, Гильберт Кейт 120,
121
Чехов, А. П. 302, 303

Чивинини, Гвельфо 194
Чиринчоне, Джузеппе 39
Чистернино 158, 163

Шекспир, Вильям 249, 303
Шеллинг, Фридрих Вильгельм
Иосиф 233
Шопенгауэр, Артур 27
Шоу, Бернард 162, 173

Эйнауди, Луиджи 165
Эккерман, Иоган Петер 45
Энгельс, Фридрих 284
Эразм Роттердамский 128
Эрбиньи д' 111
Эрколе, Франческо 104, 105
Эррио, Эдуард 112
Эсхил 303

Антонио Грамши
ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ

Редактор *Н. А. Ковальский*
Консультант *Э. Я. Егерман*
Художник *В. И. Смирнов*
Технический редактор
А. Н. Никифорова
Корректор *Н. А. Булгаков*

Сдано в производство 4.VII.1956 г.
Подписано к печати 1.II.1957 г.
Т-01261. Бумага 84×108/32=4,9 бум. л.
16 печ. л. Уч.-изд. л. 15,9.
Изд. № 6/2929. Зак. 1499.
Цена 11 р. 55 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Типография «Известий Советов де-
путатов трудящихся СССР» имени
Н. И. Скворцова-Степанова, Москва,
Пушкинская пл., 5.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
51	11 сверху	(300 стр., 8°)	(300 стр., в 1/8)
84	2—3 сверху	преодолена	преодолена
86	9 сверху	третьесортные	третьесортные
92	7 сверху	веселенной	вселенной
142	18 снизу	украшает	укрощает
149	2 снизу	Дерозас Элеонора д'Арборла	Дерозас, Элеонора д'Арборла
205	6 снизу	цикломена	цикламена
206	1 сверху	цикломенов	цикламенов
248	20 снизу	„История Де Санктиса	„История“ Де Санктиса

Антонио Грамши. Зак. 1499.

(2)

АНТОНИО ГРАМШИ

